

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

Карэн А.
Силонян

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга посвящена великому армянскому революционеру-демократу, писателю, публицисту Микаэлу Налбандяну. Он прожил замечательную жизнь, которая была отдана борьбе за счастье и освобождение родного народа.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Карэн А. Симонян](#)
    -
    -
    -
    - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
    - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
      - [КОРНИ](#)
      - [ДНИ ДЕТСТВА](#)
      - [В ШКОЛЕ ПАТКАНЯНА](#)
      - [ПЕРВЫЕ УРОКИ БУНТАРСТВА](#)
      - [РАСПРАВА](#)
    - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
      - [В ЛАЗАРЕВСКОМ ИНСТИТУТЕ](#)
      - [ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ](#)
      - [В ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОМ](#)
      - [«ЮСИСАПАЙЛ»](#)
      - [ПЕРВЫЙ АРМЯНСКИЙ ГРАЖДАНИН](#)
      - [ПО СТРАНИЦАМ «ЗАПИСОК»](#)
      - [НЕРАВНАЯ БОРЬБА](#)
    - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
      - [СТРАННИК](#)

- [illegible]

[illegible]

-
-
-
-
-

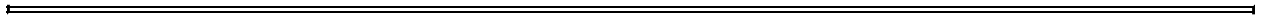
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)

- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

- [32](#)
- [33](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 9

---

(649)

Карэн А. Симонян

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Перевод с армянского *НЕЛЬСОНА АЛЕКСАНИЯНА*

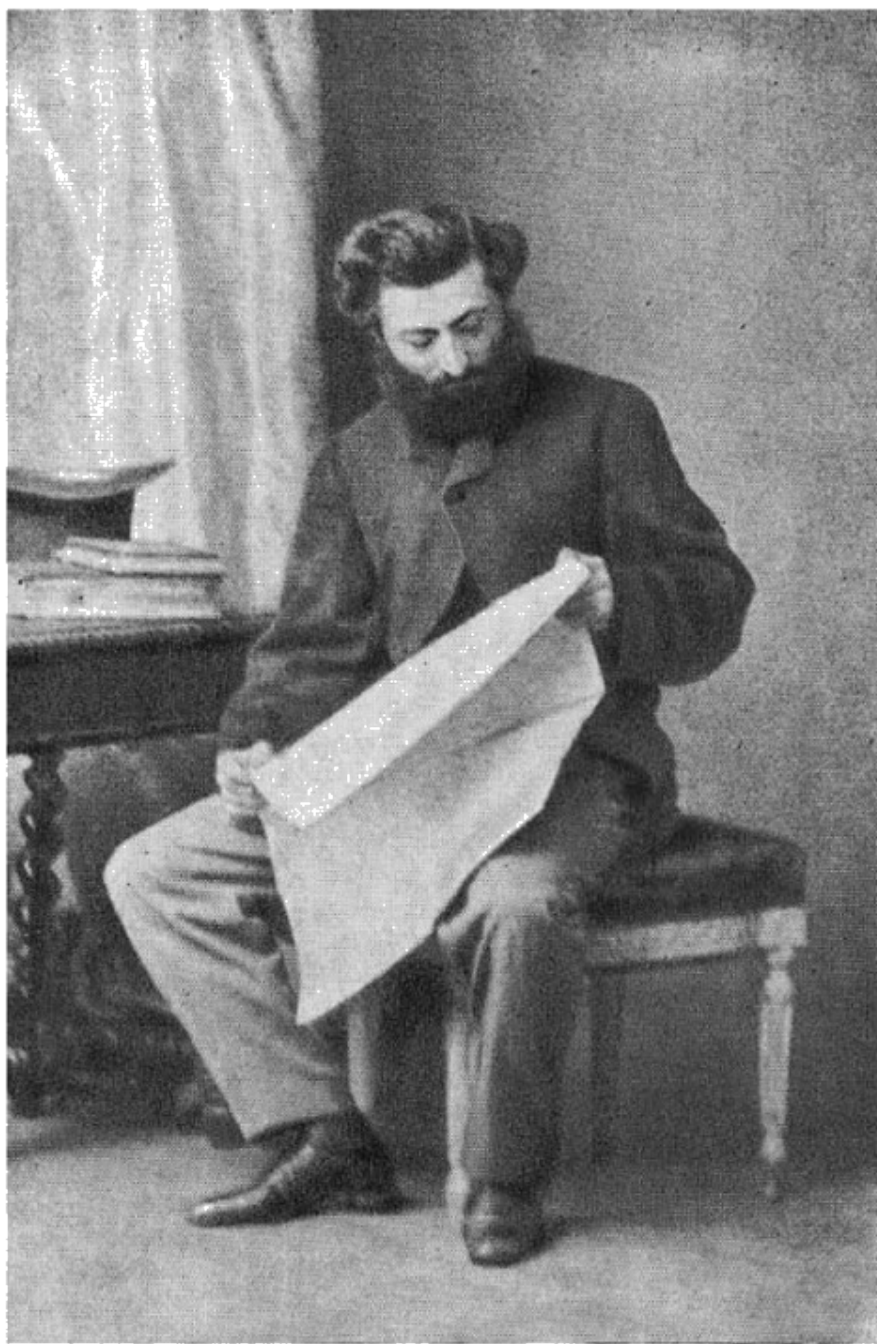
Рецензенты:

доктор филологических наук, член СП СССР *К. А. ДАНИЭЛЯН*,

кандидат филологических наук, член СП СССР,
старший научный сотрудник Института мировой литературы
имени А. М. Горького АН СССР *Л. Н. АРУТЮНОВ*

© Издательство «Молодая гвардия», 1984 г.

Hugh R. Henshaw, Esq.

*Посвящаю жене — Анат Казарян-Симонян — с
любовью и признательностью*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ ЖИВ ТОТ, КТО БОРЕТСЯ

Начнем с конца...

Эдгар По

Пятнадцатого июня 1866 года штаб-офицер жандармского корпуса подполковник Янов направил рапорт «господину шефу жандармов».

«В марте настоящего года умер в г. Камышине Саратовской губернии находившийся там под надзором полиции житель города Нахичевани Михаил Налбандян. С разрешения начальства тело его перевезено железной дорогой на Дон и доставлено в г. Нахичеван на пароходе «Козак». В Нахичевани гроб встречен был с необыкновенным триумфом и почетом при стечении почти всего населения города».

Подполковник не преувеличивал.

...Был один из тех чудесных весенних дней, когда по берегам Дона уже распустились почки на деревьях, когда степь до самого горизонта покрылась нежным зеленым ковром, а в небе носились ошалевшие от любви птицы... Но в городе царила странная, непонятная тишина. Тишина, еще более подчеркиваемая скорбным звоном колоколов.

У пристани и на берегу реки толпился народ. Вскоре из-за излучины появился пароход «Козак», медленно подошел к пристани и остановился.

Городской голова Карапет Айрапетян и почтенные отцы города, организовавшие столь торжественную встречу гроба с телом Налбандяна, подошли к трапу.

От пристани до самой церкви Лусаворича на главной городской площади были расстелены красные суконные дорожки, по которым и пронесли гроб.

Церемония погребения состоялась на следующий день.

«В знак особой чести» нахичеванцы решили, что прах Налбандяна должен быть погребен в монастыре Сурб Хач, расположенном верстах в семи от города.

Под скорбный перезвон колоколов траурная процессия двинулась к монастырю. И весь этот путь люди несли гроб на плечах.

«Архимандрит монастыря в надгробном слове именовал покойника невинным страдальцем, — сообщал далее подполковник Янов. — Бывший голова г. Нахичевани старик Халибов, с которым я заводил разговор о Налбандяне, признает почести, оказанные праху его, манифестацией против правительства».

Кроме этого краткого, официально-сдержанного рапорта, по самым разным адресам были отправлены также многочисленные доносы, сочинители которых решили попросту уничтожить всех друзей своего давнего и непримиримого противника, причем намеревались сделать это руками тайной полиции.

Но кто были авторы этих доносов? Расхитители церковных средств, мастера незаконных поборов, грязные дельцы, нанимающие наемных убийц для устранения нежелательных свидетелей, — все те любители напыщенных «патриотических» речей, истинное лицо которых так часто обнажал Микаэл Налбандян.

Однако в каких грехах могли они обвинить друзей и соратников Налбандяна? Ведь все эти доносчики — сами грабители, вымогатели и даже убийцы — прекрасно знали, что власти вряд ли обратят внимание на их обвинения, ибо всемогущая взятка издавна уже приучила их смотреть сквозь пальцы на делишки, творимые «сильными града сего». Следовательно, против друзей и соратников Налбандяна нужно было придумать качественно иное обвинение, от которого никто не посмел бы отмахнуться.

И на городского голову Карапета Айрапетяна, и на его сторонников был возведен поклеп в... антирусских настроениях.

Ну а жандармского подполковника нетрудно было убедить в том, что деятельность Карапета Айрапетяна представляет опасность для государства. Подполковник, в свою очередь, в пространный рапорт предложил, чтобы люди, «стоящие во главе управления, вредно влияющие на массу и внушающие ей ненависть ко всему русскому, были удалены из города».

Все эти усилия не остались без последствий. И тайная полиция всерьез занялась делом об «антирусских настроениях».

Начались допросы, были затребованы объяснительные записки. Карапета Айрапетяна посадили под домашний арест, а председателя магистрата Даниэла Гарагаша, чиновника Сагатела Кайаляна, присяжного Бахчисарайцева и юриста Хлтычяна отрешили от занимаемых ими должностей до завершения полицейского расследования о торжественном погребении Налбандяна.

Царские власти затеяли всю эту историю, чтобы отменить привилегии и автономию, некогда дарованные Армянскому округу. Их явно раздражало то, что Нахичеван-на-Дону являлся как бы государством в государстве. А вот то, что благодарные и преданные России армяне могут обидеться, возмутиться, могут, наконец, взбунтоваться, вовсе не интересовало власти, тем более что доносчики и клеветники были из тех же армян.

Однако нашелся вдруг простой и логичный ответ, «невинно» опровергший все домыслы о том, что всенародные похороны Налбандяна стали якобы манифестацией против правительства.

**Степанов Назарян — Салтикяну,
3 октября 1866 г.**

«На запрос властей о том, по какой причине нахичеванские армяне столь торжественно встретили и погребли Налбандяна, я думаю, нахичеванцы могут, в соответствии с истиной, легко ответить, что именно трудами и мучениями Налбандяна была получена и доставлена из Калькутты крупная сумма серебром, завещанная городу Нахичевану, который, считая себя обязанным Налбандяну, оказал ему последние почести».

К счастью, такое объяснение умерило пыл тайной полиции, все еще не ведавшей, что смерть Налбандяна оплакивает не один лишь «обязанный Налбандяну» город Нахичеван, но и вся Армения.

Армянские газеты и журналы перепечатывали скорбную весть о его смерти и в своих некрологах пытались дать оценку его жизни и делу;

«Почти всей армянской общественности был знаком энергичный и неутомимый Микаэл Налбандянц... Всеобщую любовь, симпатию и уважение завоевал он своими писаниями».

«Одним человеком меньше стало на земле Армянской... Но мы всегда будем помнить, что прекрасной памятью о нем остаются нам его честный и благородный писательский труд и неустанная деятельность».

«Не часто встречаются на земле люди, которые своим талантом, трудом и духовными качествами служили бы пользе своего общества».

«Но Налбандян не умрет для армян: журнал «Юсисапайл», на страницах которого он часто выступал, обессмертит его, его труды будут помниться и сохранят его имя в истории нашей нации наряду с именами ее

светлых деятелей».

А среди широких народных масс родилась и очень быстро распространилась молва о том, что Налбандян не умер, что он еще придет, восстановит армянское царство и, как Великий повелитель, своим указом раздаст крестьянам землю.

Услышав о смерти Налбандяна, его противники наконец-то вздохнули свободно. Они, годами безуспешно воевавшие с ним, сейчас почему-то были уверены, что смерть его — это уже и его поражение. Пытаясь казаться беспристрастными, они теперь вскользь признавали, что да, дескать, он был «талантливым и образованным человеком», но тут же язвительно замечали: «Заблудшего постигло наказание».

Мсер Мсерян, преподаватель Лазаревского института (у нас еще будет повод встретиться с ним), записал в своем дневнике: «В Саратовской губернии, куда он был сослан за преступления против государства, умер Микаэл Налбандян, дерзкий и мятежный юноша».

Газета «Аршалуйс Араратян» — «Заря Араратская» — в те дни писала, что Налбандян «вверг в смуту и раздоры российских армян не только при жизни своей, но и после смерти».

Палтазарян — Мсеряну.

«Умоляю вкратце ознакомить меня, какого вы мнения о покойном Микаэле Налбандянце, ибо если некоторые до небес превозносят его патриотизм, то другие ввергают его в геенну как дерзкого молодого возмутителя, безбожного и самодовольного. Прислали мне из Тифлиса описание деяний его, где жестоко его осуждают».

Мсерян — Палтазаряну.

«Вы бы тоже сурово осуждали его, если б знали хотя бы одно или два из тех богомерзких деяний его, которые совершал он тайно или явно во вред многим, или те его махинации, в которых он был искуснее даже, чем учитель его Ротен».

После смерти Налбандяна некоторые попытались даже

распространить слух, что в последний период своей жизни он советовал «действовать исключительно законным путем и держаться подальше от русских революционных деятелей...». Подобные слухи преследовали, несомненно, лишь одну цель — выхолостить и перечеркнуть всю его деятельность этим якобы отречением Налбандяна.

Сейчас, когда мы сквозь пелену более чем столетия пытаемся понять и оценить все сделанное им, нам понятнее становится он сам — Микаэл Налбандян, личность исключительного характера.

И оказывается, что всю свою жизнь он прожил без той обыденной дипломатии, по которой люди, чтобы не обострять отношений с окружающими, оставляют за собой «открытые двери». И поэтому безоглядно любили его друзья и люто ненавидели противники.

Люди с таким характером усложняют жизнь прежде всего самим себе. Трудно и тяжело приобретают они друзей и легко — заклятых врагов, лагерь которых зачастую пополнялся прежними друзьями.

Многие, очень многие были уверены, что Микаэл Налбандян хитрый и тонкий дипломат. А он был человеком простым и ясным, любил шутки и всегда становился душой дружеских вечеринок. Но в то же время он никогда не изменял своим принципам, был исключительно беспристрастным и честным. Эти черты его натуры казались трудносопоставимыми, зачастую непонятными людям, привыкшим к обыденным взаимоотношениям, поэтому неудивительно, что о Налбандяне составлялись диаметрально противоположные мнения.

В числе его противников находились и те «патриоты»-армянофилы, которые считали все армянское истинным и совершенным и начисто отрицали любую критику, высказываемую в адрес армян. Налбандян знал цену таким «патриотам», прекрасно понимал, что они и пальцем не шевельнут ради интересов нации, если не будут иметь от этого прямой выгоды. Поэтому он часто повторял, что, «осуждая недостатки нации, не только не порочишь нацию, не только не становишься ее врагом, а, напротив, проявляешь себя ее истинным другом, поскольку хочешь видеть ее свободной от всяческих недостатков».

Именно эту исключительную сложность его натуры при всей ее кажущейся простоте имел в виду один из соратников Налбандяна, когда писал: «Кто из армян может сегодня оценить этого человека?.. Кто опишет его жизнь, дело и смерть, кто поднимет ту завесу, за которой скрыты, несомненно, страдания последних лет жизни Налбандяна, кто потребует выяснения всех обстоятельств его осуждения, кто прольет свет на приговор, по которому он был сослан?!»

Тем не менее современники сумели оценить роль Налбандяна в жизни нации и общества, хотя завесу, скрывающую его революционную и общественную деятельность, не удалось поднять до конца даже сейчас, спустя многие десятилетия.

...Не прошло и года со дня смерти Налбандяна, а его стихи и статьи уже переходили из рук в руки, хотя из осторожности имя их автора не указывалось.

И даже в 1874 году начальник жандармского управления Эриваньской губернии пережил несколько беспокойных дней: у молодежи вдруг появились фотографии Налбандяна с надписью: «Спаситель отечества».

А еще через несколько лет было начато очередное следствие по делу о распространении портретов «политического преступника Налбандяна, который содержался в крепости в Петербурге за сношения с Герценом» (шифрованная телеграмма полковника Орловского).

Обвинялся воспитанник армянской духовной семинарии в Тифлисе Тигран Навасардян.

Полицейское расследование показало, что «в одну из литографий г. Тифлиса явился молодой человек, армянин, и, предъявив фотографическую карточку, изображавшую, по словам его, учителя Маркозова, заказал отлитографировать 500 экземпляров его портрета для его учеников, желавших иметь его изображение».

Через несколько дней он получил свой заказ. Но один из работников литографической мастерской догадался, что изображен на фотографии вовсе не учитель Маркозов, и, «патриотично исполнив свой долг, сообщил куда следует».

Следствие доказало, что действительно «портреты представляют политического преступника Налбандянца, который в 1865 году был прикосновенен к делу по обвинению в сношениях с лондонскими пропагандистами».

Однако, учитывая, что Навасардяну было всего восемнадцать лет и то, что размножение портрета революционного деятеля не привело к опасным последствиям, наместник кавказский милостиво «изволил полагать: не давая этому делу хода в судебном порядке, подвергнуть Навасардяна заключению в крепости на шесть месяцев, с отдачей затем под надзор полиции на три года».

А фотографии Налбандяна вместе с его стихотворением «Свобода» размножались и распространялись в народе даже в начале XX века.

«Почти нет армянина, владеющего армянским языком, который не знал бы это стихотворение наизусть, — писала Мариэтта Шагинян. — Но я

встречала многих армян моего поколения, родившихся и выросших в Москве и не знавших родного языка, а между тем с волнением, словно материнский завет, цитировавших, переживая каждый звук, величавый первый стих этого замечательного стихотворения: «Азатн аствац айн ориц...»

«Нет, не просто одним армянином меньше стало на земле Армянской, не просто лист опал с древа нашего, и не заблудшего постигло наказание, а погасла на скорбном армянском небосводе яркая звезда!»

«...Налбандянц пал жертвою за веру, правду и свободу».

«Как при жизни, так и после смерти своей будет жить он в памяти народа, ибо меч и цепи не могут сковать и убить светлые идеалы!»

И воистину, этот Бунтарь, этот Рыцарь Свободы и Великий Патриот жив не только в памяти, но и в деяниях грядущих потомков.

И поэтому — продолжал бороться.

Потому что «vivere... militate est»^[1].

Пусть даже после смерти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОРНИ

Люблю я старину... У каждого есть своя слабость, а моя слабость — это изыскания в области старины, в особенности если они представляют какую-нибудь историческую ценность.

Микаэл Налбандян

Чтобы яснее понять все революционное значение будущей деятельности Налбандяна, нужно хотя бы бегло представить себе жизнь армянской колонии в те годы.

Мариэтта Шагинян

Караван армян-переселенцев из Крыма достиг России глубокой осенью и продолжил свой путь к Днепровской равнине, где с разрешения императрицы Екатерины Второй они должны были основать новую армянскую колонию.

Победив в русско-турецкой войне 1762–1774 годов, Россия по условиям Кучук-Кайнарджийского мира не только расширила свои границы, но и смогла объявить независимым государством Крымское ханство.

Новые завоевания породили новые заботы.

Прежде всего предстояло заселить и освоить эти новые территории. И в то же время нельзя было забывать, что Крымское ханство тяготело к Турции, а Турция, в свою очередь, не могла примириться с потерями.

И императрица решила поселить на отвоеванных землях крымских армян, которые в годы войны оказали русской армии исключительные услуги. Многие армяне, как, к примеру, «прекрасные ликом и статные ростом Ованес Абраамян, Мануэл Шагинян, Манук Дерджанян и другие, вступили в русскую армию и своей верной службой удостоились звания офицеров», — сообщает Очевидец.

Верность армян к русским имеет древние корни. И симпатии и преданность армянского народа выражались не методичными восточными

словоизлияниями, а прочными деловыми и культурными связями, выдержавшими проверку временем. Поэтому южные границы империи должны были заселять верные, настоящие друзья. Кроме того, уход армян из Крыма ослаблял экономическую мощь ханства, ибо промышленность, садоводство, земледелие и, наконец, торговля были сосредоточены в основном в руках энергичных и трудолюбивых армян.

Забываясь о нуждах армян-переселенцев, императрица повелела, чтобы их по прибытии в русские пределы обеспечили продовольствием, казенным пособием и землей.

Но караван переселенцев подстерегало множество больших и малых неожиданностей.

Вместо шести тысяч телег, выделенных для переселенцев, оказалось готово всего... две тысячи. А впереди их поджидали холодные ветра, осенние дожди... Не будучи знакомы с климатом России, армяне двинулись из Крыма в одних лишь летних одеждах. Чтобы хоть как-то выправить положение, попытались было за казенный счет раздать теплую одежду и шубы, но разве оденешь такую массу людей?..

Но люди преодолевали все невзгоды. Они знали, что пути переселенцев никогда не были легкими. Кроме того, они с оптимизмом глядели в будущее, уверенные, что все их страдания будут вознаграждены.

Однако, добравшись до места, армяне увидели, что земли, отведенные для них, уже заселены выходцами из разных краев России.

И вновь начались скитания по необъятным русским просторам.

Не было еды, не было пристанища, да и разбойники нередко нападали на беззащитный караван. Люди, особенно старики и дети, не выдерживали холода и голода. За караваном оставались свежие холмики могил, а смертям все не видно конца...

Переселенцы обращались ко всем местным властям с просьбами, жалобами и требованиями, пытались напомнить, что, кроме прочих четырнадцати условий договора о переселении, им обещали и новые дома вместо оставленных в Крыму, обещали предоставить для поселений те места, которые выберут сами армяне, обещали пособия и провиант, которые они должны были получать в пути...

Что было делать? Переселенцы выбрали несколько человек, которым поручили найти наконец удобное место для пристанища. Эта группа дошла до Таганрога и, поднявшись по правому берегу Дона, остановилась у крепости Святого Дмитрия Ростовского. И решили, что лучше этих мест они вряд ли еще найдут.

Получив эту весть, переселенцы избрали делегатов и послали их в

столицу, чтобы привезти наконец высочайший указ.

Посланцы вряд ли бы добились своей цели, если бы не помощь Овсепя Долгорукого-Аргутяна, архиепископа Российской епархии армянской церкви, а также пользовавшегося большим влиянием среди русских государственных деятелей Ованеса Лазаряна.

Указ был подписан 14 ноября 1779 года.

Посланцы, на несколько месяцев застрявшие в столице, заспешили обратно, чтобы часом раньше сообщить своим долгожданную весть.

Приходил конец скитаниям и мытарствам армян, которым предоставлялась «особенная от прочих селений округа крепости Святого Дмитрея Ростовского... до реки Темерника...».

Тут, на берегу Дона, и зачитали переселенцам составленный на русском и армянском языках всемилостивейший указ, скрепленный круглой государственной печатью, привешенной к пергаменту в особой металлической коробочке.

«Мы, рассмотревъ посланное къ Намъ отъ васъ... общее и на доброй волѣ основанное прошеніе о избавленіи и всѣхъ васъ отъ угрожаемаго ига и бѣдствія, принятіемъ въ вѣчное подданство... соизволяемъ. Мы не токмо принять всѣхъ васъ подъ Всемиловѣйшій Нашъ покровъ... но и соизволяемъ пользоваться вамъ въ Государствѣ Нашемъ не токмо всѣми тѣми правами и преимуществами, каковыми все подданные Наши от Нас и Предковъ нашихъ издревль наслаждаются, но и...»

Кроме этих общих для всех прав и преимуществ, армяне получили и некоторые привилегии. На десять лет они были освобождены от государственных податей, а неимущие в первый год получали из казны не только пропитание, но и семена и скот...

Армяне освобождались также от рекрутского набора, причем на вечные времена, хотя им, конечно, не запрещалось поступать на воинскую службу. Впоследствии многие армяне посвятили себя воинскому делу.

Указов даровалась армянам и полная автономия:

«...Повелѣваемъ учредить Магистратъ и въ немъ производить судъ и расправу по вашимъ правамъ и

обыкновениямъ выбираемыми изъ васъ же по жребію начальниками».

Всемерно поощрялись и разного рода полезные и необходимые занятия и промыслы. Разрешалось сажать сады и виноградники, а вино продавать как в армянских колониях, так и в других городах России, Разрешалось даже строить и спускать на воду торговые суда.

«Словом: всякаго званія промыслы распространять по собственной воль и достатку каждаго и всѣмъ тѣмъ подѣ Самодержавнымъ Нашимъ Скипетромъ и защитою законовъ наслаждаться.

Все сіи преимущества жалую Мы торжественно и потомственно сему обществу на вѣчные времена, для вѣщей силы своеручно подписали и Государственною Нашею печатью укрѣпить повѣлели. Дана в Престольномъ Нашемъ градѣ Санктпетербургѣ лѣта отъ Рождества Христова 1779 Ноября 14 дня, Государствования Нашего осьмага надесять года.

Екатерина».

По прочтении указа грянули над степью крики радости и ликования, а военный оркестр, по столь торжественному случаю приглашенный из крепости Святого Дмитрия Ростовского, заиграл бравурный марш.

...Пройдут годы, и Микаэл Налбандян в своих «Записках» снова представит нахичеванцам оригинал и новый перевод указа, особо отметив, что многие «нахичеванские армяне лишь понаслышке знают об этом указе, и я полагаю, они пожелали бы прочесть как точную копию этого указа, так и точный перевод его на родной язык». Дело в том, что за прошедшие десятилетия армяне Нахичевана и окрестных сел постепенно забывали о своих привилегиях, чему немало способствовали все усиливавшиеся в Нахичеване богачи. Неведение молодого поколения и забывчивость стариков создавали наилучшие условия для покушений на эти права, для наглого беззакония и дикого самодурства власть имущих.

Словно вековое проклятие тяготеет над армянами... Кажется, стоит только почувствовать себя в безопасности и укрепиться немного, как

богатство и достаток тут же ослепляют, заставляют забыть о национальном единстве и хвастовство заменяет патриотизм. А в таких условиях не могут не стать объектами купли и продажи духовные и культурные ценности.

...Строительством города и окрестных сел руководил архиепископ Овсеп Долгорукий-Аргутян. Его стараниями планы и чертежи нового города были составлены и утверждены в Петербурге.

И хотя будущее представлялось пока не совсем ясным, однако чувствовалось во всем этом что-то новое, свежее.

Поэтому вовсе не удивительно, что переселенцы, бросив в Крыму все свое имущество и дома, многое потеряв по дороге, как зеницу ока сохранили, сберегли и привезли с собой древние рукописи, церковную утварь, полотна своих художников и даже хачкары^[2] и резные деревянные двери своих церквей.

И, возводя свой новый город, они начинали жизнь сначала, забыв на время о различиях и противоречиях между отдельными слоями. Да, честно говоря, тут и различий-то почти не осталось — дороги скитаний и страдания уравнивали всех. И должны были пройти годы, чтобы среди жителей нового города вновь возникли все прежние слои и классы, началась беспощадная борьба, одним из руководителей которых станет Микаэл Налбандян — защитник истины и справедливости.

А сейчас, когда жизнь вошла в свое нормальное русло, переселенцы, единство и сплоченность которых выдержали все испытания, вспомнили вдруг, что в Крыму они жили в разных городах и селениях. Крестьянам было проще: понастроили села подальше друг от друга и стали жить как раньше, славя бога и императрицу. А вот горожане... Здесь, на берегу Дона, они заложили город, названный именем одного из знаменитых городов исторической Армении — не менее исторического Нахичевана. Выходцы из разных городов Крыма, они привезли с собой свои особые у каждого привычки и обряды, обычаи и одежду, свою кухню и даже свой диалект, а еще... удивительную способность поглядывать на всех свысока.

Да, город будет построен по великолепному плану. Да, с большими потерями пришли и утвердились армяне в этих местах. Но в глубине души осталась у каждого из них извечная спутница каждого армянина — тоска, которая связывала и роднила их всех. Да, они еще должны были привыкать к сухому зною степи, должны были свыкнуться со своими далекими и близкими соседями, должны были вместе, общими усилиями обжить и благоустроить эти пустынные пространства.

Но все это будет потом.

А пока город следовало заложить официально. Для этого в 1781 году

на главной городской площади на скорую руку возвели деревянную церквушку, и 21 апреля в этой маленькой непритязательной церквушке архиепископ Овсеп Долгорукий-Аргутян совершил торжественный обряд основания города и закладки краеугольных камней.

Могучие корни пустила эта молодая армянская колония. И видно было, что крепка она, что не забудет ее парод своих жизненных истоков, хотя и далек сейчас от родины, ибо, как впоследствии писал Налбандян, нахичеванские армяне находились «на земле великой матери — России, как в собственном доме, свободные от всяческого насилия».

ДНИ ДЕТСТВА

*Дни детства, вы прошли как сон,
Как сон, растаяли вдали.*

Микаэл Налбандян

Среди армян-переселенцев был и кузнец Григор.

Рассказывали, что его предки с давних пор были зрителями табунов крымского хана и по наследству передавали тайны кузнечного ремесла и должность старшего над кузнецами. Должность эта считалась довольно почетной и высокой и, понятно, обеспечивала безбедное существование. Казар, сын кузнеца Григора, был одним из первых родившихся в новом городе детей. Рос Казар в кузне отца, у горна с пляшущими голубыми огоньками. А когда у него достало силенок поднять самый легкий молоток, он встал напротив отца, по другую сторону наковальни. И с тех пор уже два молотка — отца и сына — высекали из горячего железа снопы искр.

Уходили годы, и вместе с годами ушел из жизни старый варпет^[3] Григор, оставив сыну в наследство дедовское ремесло и кузницу. Кузнец Казар, или, как он себя называл, Казар Демирчян^[4], слыл одним из тех мастеровых, о которых народ говорит: «Может, и не богаты они серебром и золотом, но зато сияет на их руке золотой браслет ремесла!»

Ремесла в Нахичеване считались весьма почитаемыми, а мастера пользовались доброй и заслуженной славой. Были они честны, добросовестны и трудолюбивы, как пчелы. И не случайно герб Нахичевана представлял собой разделенный по горизонтали щит, на одном серебряном поле которого изображены золотые пчелы, а на другом — серебряный улей.

Путешественники-чужеземцы, побывавшие в этих краях, с восторгом описывали город и его жителей:

«И вдруг перед тобой появляется Нахичеван — белый город армян, один из лучших городов этого края».

«Жители его занимаются всеми видами промыслов... Не бывает во всей Южной России ярмарки, чтобы нахичеванец не

выставил на продажу своих товаров. Изготовление нарядов и конского снаряжения для жителей Кавказа является одним из главных занятий армян».

В 1814 году молодой кузнец Казар посватался к Тируи, дочери мастера Петроса Гюмушяна.

В урочный срок родился у них сын, которого в честь деда называли Григором. Женитьба и рождение сына были большими событиями в жизни Казара. В дом его вошло простое человеческое счастье, хотя и забот тоже прибавилось.

Но счастье это длилось недолго. Умерла Тируи, жена мастера Казара, и он, оставшись с трехлетним сынишкой на руках, не нашел иного выхода, как снова жениться. В 1818 году он обвенчался с Гехецик, дочерью Арутюна Чевелекяна. От нее родились сыновья Лусеген и Акоп. Но и это супружество длилось недолго. Всего два года...

И мастер Казар, теперь уже с тремя детьми, женлся в третий раз. Женой его стала Анна, вдова Мисеряна. Анна была доброй женщиной и могла бы стать прекрасной матерью сиротам Казара. Но и на этот раз трагически коротким оказалось супружеское счастье кузнеца. Всего лишь десять месяцев... Анна умерла от родов, и Казар остался с четырьмя сиротами. Четвертой была дочь Гаянэ, первая девочка Казара.

Этим четверем сиротам, родившимся от трех разных матерей, нужна была материнская ласка и забота. Четвертая женитьба казалась неизбежной...

На этот раз Казар остановил свой выбор на Марианэ, дочери Овакима Черченяна. После смерти мужа она осталась такой же одинокой и беспомощной, как и Казар Демирчян, поэтому с радостью согласилась стать матерью четверем детям Казара.

Казар, в свою очередь, с готовностью изъявил согласие стать... отцом четырех детей Марианэ!

Но священник отказался венчать Казара и Марианэ: четвертый брак — это уж слишком! Кроме того, и в народе считалось, что четвертая, да и последующая женитьбы тоже к добру не приведут.

Казар обратился к епархиальному начальству, прося разрешения на четвертый, считавшийся незаконным брак. И, войдя в положение многодетного отца и радея о сиротах, а также учитывая, что «по обыкновению рано женившись, он еще очень молод», мастеру Казару дали разрешение на брак.

В этом новом браке у Казара и Марианэ родились еще четверо детей. Увы, двое из них, Габриэл и Шахзаде, умерли в младенчестве.

Микаэл, десятый ребенок в семье и шестой для Казара и Марианэ, родился 2 ноября 1829 года в одноэтажном деревянном домике, числившемся под номером 39 на 31-й линии города Нахичевана.

Нетрудно понять, сколько требовалось мудрости, терпения и справедливости, чтобы в семье, где росли десять детей от разных отцов и матерей, царили мир и дружба. Добрым взаимоотношениям между родителями и детьми, а также между самими детьми в немалой степени способствовал и открытый характер Казара Демирчяна — черта... доставшаяся в наследство и Микаэлу Налбандяну. Именно эта открытость характера придавала особое обаяние Налбандяну, за это любили и ценили его люди, общавшиеся с ним. Но не будем забывать, что именно этот прямой и открытый характер Налбандяна увеличивал и число его врагов.

А отцу столь большого семейства становилось все труднее сводить концы с концами. Времена незаметно и безвозвратно менялись.

Обосновавшись в удобном месте, откуда можно было наладить выгодную торговлю не только с русскими городами, но и с другими странами, нахичеванцы, естественно, торговлей и занялись. А там, где весь упор делается на одной лишь торговле, ремесла, понятное дело, приходят в упадок.

И даже мастер с «золотым браслетом ремесла» стал подумывать о том, чтобы оставить свое ремесло. А Микаэла он с самого начала решил держать подальше от горна и наковальни, тем более что мальчик рос щупленьким и слабым.

О каком будущем мог мечтать для своего сына нахичеванец, кроме торговли?! А для этого, ясное дело, надо знать грамоту, арифметику да еще географию.

И мастер Казар отдал своего сына в школу дьячка Огсента Егише, которую, впрочем, трудно было назвать школой даже для того времени. Наберет какой-нибудь священник или дьячок учеников и учит у себя дома. Вот и вся школа.

Как и другие «учителя», Огсент Егише заставлял учеников зубрить непонятные им Псалтырь, Часослов или Нарек^[5].

Ленивых и нерадивых наказывали. Их или секли розгами, или заставляли стоять голыми коленками на мелких острых камешках. Этих наказаний, впрочем, не избегал никто, ибо «учителя» с удовольствием пороли даже способных и любознательных детишек. Не зря родители стращали своих детей, что пошлют их учиться к священнику!..

Поэтому даже исключительные способности и хорошая учеба отнюдь не спасали юного Микаэла от наказаний, тем более что он любил задавать вопросы.

Огсент Егише с особым удовольствием наказывал своего умного и прилежного ученика. Как и другие учителя, он мстил загодя. А загодя потому, что в его сердце закралось сатанинское сомнение, что этот мальчишка когда-нибудь будет учительствовать вместо него, хотя Огсент Егише и знал, что кузнец Казар намерен отдать сына в ученики купцу.

Этим «сатанинским сомнением» страдали все учителя, которым попадались способные ученики, поэтому и пытались они отбить у них охоту к учению и тем самым хоть немного обезопасить себя на будущее.

Но Огсенту Египте не удалось вытравить из Микаэла любознательность. И семилетний мальчик за один месяц осилил азбуку, чтение по слогам, Псалтырь и читал наравне с мальчиками, проучившимися уже года два.

«И мастер Казар, — пишет Очевидец, — увидев способности сына, прилежание его и любовь к учению, а с другой стороны — невежество учителя, забрал сына у дьячка и отдал его в превосходную армянскую школу Тер^[6]-Габриэла Патканяна, который в те годы учительствовал в Нахичеване».

Отдал и, как было принято в те времена, сказал учителю: «В твои руки предаю я тело сына, а ты вдохни в это тело душу!»

В ШКОЛЕ ПАТКАНЯНА

Истинное, самым богом положенное воспитание состоит в том, чтобы каждый родитель воспитывал своего сына в своей национальной школе, ибо каждый цветок должен произрастать на своей почве...

Микаэл Налбандян

Габриэл Патканян был сыном учителя Серовбе, еще в начале XIX века приглашенного в Нахичеван.

Получив образование в отцовской школе, он любил и умел учить и воспитывать детей, был широко образован и владел несколькими иностранными языками. В своей преподавательской деятельности он многое перенял у отца, учителя Серовбе, который в свое время изучал в Венеции и Триесте новейшие европейские приемы и методы обучения. Кстати, многие его ученики впоследствии продолжили свое образование в знаменитом Лазаревском институте^[7] в Москве, иные же, вернувшись в Нахичеван, целиком посвятили себя делу просвещения и воспитания. Увы, слишком мало их было, этих энтузиастов, всего несколько человек. Нахичеванцев не особенно воодушевляла идея ради каких-то школ бросать деньги на ветер.

Конечно, встречались и армяне-богачи, стремившиеся дать своим детям приличное образование. Габриэл Патканян с горечью думал о тех разбогатевших армянах, которые начали, «подобно обезьянам, подражать обычаям англичан, французов, немцев, хотя ничего в этом и не смысля».

И вот в условиях этого почти сплошного духовного убожества появились «учителя», которые стали обучать юношей и девушек из богатых нахичеванских семей европейским манерам, танцам и «науке» этикета. «Образование» и «воспитание» такого рода не могли повлечь нежелательных последствий. Никакие подозрительные идеи из тех, что столь широко распространились в Европе и стали проникать в Россию, не мутили юные умы.

Поэтому наиболее влиятельные люди города, такие, как Мкыр-ага Попов, бывший городской голова Вардгес Аладжян, Казарос-ага Лазарян и другие, содействовали и покровительствовали подобным учителям.

И нетрудно представить, сколько препятствий пришлось преодолеть, чтобы открыть в Нахичеване более или менее приличную школу. Но Габриэл Патканян был человеком упорным и сильным, обладавшим удивительной способностью доводить до конца начатое дело. Нужда вечно одолевала его: семья росла, а доходы, что приносила ему должность священника, все уменьшались, так как из-за своей непримиримости к несправедливости и злу Патканян навлекал на себя ненависть и гнев богачей. Чтобы получить свидетельство с правом на открытие школы в Нахичеване, Патканян уехал в Ростов и сдал там экзамены в губернском училище.

В короткое время слава о школе Патканяна разнеслась по всему городу, и число учеников быстро возросло почти до трехсот.

Габриэл Патканян учил детей у себя дома, где, естественно, не было ни классов, ни парт. Но зато в достатке — письменные принадлежности и наглядные пособия. Так, например, у него был даже глобус. Медный ободок экватора он заказал у кузнеца, а моря и континенты выгравировали ювелиры, дети которых учились в школе. Мастерили пособия, и сами ученики, тем самым не только лучше усваивая предмет, но и приобретая практические навыки и умение.

Патканяну удалось убедить некоторых горожан в том, что городу необходимо построить свою школу.

Но достаточно было раздаться робким голосам о строительстве национальной школы, чтобы Мкыр-ага Попов, попечитель церковных средств, немедленно выступил против этого предложения.

Мкыр-ага Попов приобрел в Нахичеване-на-Дону известность как сторонник «европейского образа жизни». Чтобы еще более доказать свою верность царю-батюшке и преданность новому отечеству, он даже перевел на русский свою родовую фамилию Тертерян. Это весьма характерное для мещанского сословия армян «перелицевание» не сделало, конечно, Попова русским, однако помогло ему окончательно потерять свое национальное лицо, оторваться от своих корней. Зато этого оказалось вполне достаточно, чтобы жить легко, без угрызений совести и чувства ответственности к соотечественникам. «Я не из ваших, я чужой вам и не несу перед вами никаких моральных обязательств», — каждым своим действием утверждал Мкыр-ага Попов.

Мкыр-ага Попов всячески хотел доказать, что Патканян старается напрасно. «Выйди за пределы Нахичевана, пройди село Чалтыр — и все, никто уже не знает армянского!» — глубокомысленно замечал сей «хранитель» общественных средств. Слова его убеждали многих.

Действительно, не заставишь же другие народы говорить по-армянски! Поэтому разве не лучше ли будет, чтобы сам нахичеванец отказался от родного языка, причинявшего одни трудности и неудобства?

Габриэл Патканян понял всю глубину опасности, исходящей от Мкыр-ага Попова. Угроза нависла не только над проектом армянской национальной школы, но и над «домашней школой» Патканяна. Необходимо было самому перейти в наступление... Но как? Что могло заставить отступить Мкыр-ага Попова и его могущественных сторонников?.. Находчивый и упорный священник после долгих размышлений решил прибегнуть к единственному средству — потребовать у Мкыр-ага Попова отчета о церковных средствах.

Расчет учителя оказался верным: вопрос о церковных средствах сразу же отвлек Мкыр-ага Попова от намерения начать травлю Патканяна, и школа отца Габриэла продолжала действовать. Популярность ее даже возросла.

Среди учеников Патканяна своими разумными суждениями и остроумием особенно выделялся Микаэл.

Патканян даже отказался от платы за учебу Микаэла, чему мастер Казар был очень рад, так как едва сводил концы с концами и не всегда мог уплатить даже государственные подати.

Габриэл Патканян всегда старался внушить своим ученикам ту истину, что лучше совсем не учиться, чем быть недоучкой, ибо, объяснял он, «не знающий учения не притязает на ученость, посему он прост и покорен своему положению, а недоучка обманывает и себя и других».

Прививал он детям и трудолюбие, так как родители, послав детей в школу и заплатив за учение, считали свое дело законченным и, как грустно замечает Очевидец, «за выгоном скотины на пастбище смотрели лучше, нежели за аккуратным посещением школы детьми...».

И учились у Патканяна с удовольствием, потому что учитель умел заинтересовать учеников, не заставлял их зубрить и вообще поощрял у учеников стремление мыслить, стараясь, чтобы дети «почувствовали сладость знаний», не довольствовались лишь тем, что дает им учитель, и занимались также самообразованием. Ведь и Габриэл Патканян все свои знания приобрел сам, своими силами и стараниями.

Микаэл с удовольствием готовил домашние задания. Сохранилось несколько его домашних упражнений. Учитель велел им переписать в тетрадь болоргиром^[8] армянский алфавит. Десятилетний Микаэл уже уверенно обращался с циркулем и линейкой. Карандашом он провел в тетради едва заметные линии, чтобы буквы были ровными и одинаковыми,

и на двух строчках переписал все буквы алфавита. Затем, как велел учитель, тем же болоргиром вывел одно из наиболее понравившихся ему изречений:

*Никто не рождается без недостатков,
Но тот блажен, в ком их меньше всего!*

А под этими строчками нарисовал (Микаэл любил рисовать) вазу, полную цветов, и раскрасил их цветными карандашами.

Обо всех новейших достижениях науки, да и об истории науки тоже, Микаэл впервые услышал от Габриэла Патканяна. В школе Патканяна Микаэл изучал географию, физику, химию, математику, языки и литературу. И тот огромный круг интересов Налбандяна сформировался именно в годы его учебы в школе отца Габриэла.

«Я никогда не встречал другого такого учителя-ритора, который смог бы завладеть вниманием стольких слушателей без всяких артистических фокусов», — вспоминал о Патканяне один из его бывших питомцев. Если учитель Габриэл рассказывал, скажем, о Троянской войне, то ученики будто переносились в эти «стародавние, легендарные времена...». «Мы словно находились в том древнем мире, — продолжает вспоминать бывший ученик, — на берегах Средиземного моря, среди эллинских племен... Жили их жизнью, грустили или радовались, смотря по тому, о чем рассказывал наш искусный учитель».

Микаэл проводил много времени с Габриэлом Патканяном и после уроков. Обладая отличным слухом и голосом, он помогал священнику в богослужениях и пел шараканы^[9]... А учитель не упускал возможности снова и снова беседовать с ним. И каждое его слово животворным семенем падало в душу ученика, и семена эти вскоре дали удивительно сильные ростки.

Жадно слушал Микаэл и беседы учителя об армянской истории.

«Самих себя мы называем Гай, по имени нашего прародителя патриарха Гайка, — рассказывал Габриэл Патканян. — А другие называют нас Армен... Некогда наш народ знал свою историю только из передаваемых из поколения в поколение песен, сказаний и стихов... И так до тех пор, пока Месроп Маштоц не создал армянские письмена, а отец нашей истории Мовсес Хоренаци^[10] не записал историю армян, начиная с того времени, когда Гайк вступил в смертный бой с Бэлом».

Месроп Маштоц и Мовсес Хоренаци... Для Микаэла они стали

примерами самоотверженного духовного подвига, примерами истинных патриотов и мыслителей. Но как овладеть этим богатством прошлых веков, записанным на грабаре — древнеармянском языке? И Микаэл с исключительным упорством взялся за грабар и изучил его...

Рассказывая о битве Гайка с Бэлом, учитель непременно подчеркивал одно очень важное обстоятельство: «Войны большей частью происходят из тщеславия или желания покорить народы и страны мира. Не Гайк начал эту войну. Но когда чужеземный властитель Бэл захотел поработить армян, Гайк выступил против него, чтобы защитить свою свободу, свой народ, свою страну! — И заканчивал следующими словами: — Я говорю это не для того, чтобы возвеличить Гайка...»

Эти беседы были не только уроками истории, но и уроками нравственной ориентации. И они учили Микаэла не только патриотизму и беззаветной преданности национальным интересам, но и внушали ему идеи братства всех народов.

Мастер Казар радовался, видя успехи сына, тем более что перед Микаэлом, как ему казалось, открывалась намного более перспективная будущность — не торговца даже, а священнослужителя. А в один прекрасный день Микаэл попросил отца достать ему «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци. Он был поражен.

Сначала мастеру Казару показалось, что достать эту книгу вообще невозможно. Но потом он вспомнил, что однажды, много лет назад, когда он выковыывал для балкона Петроса-аги Папасиняна балясины с розами и листьями, то видел у него дома большой шкаф с книгами. Говорили, что Папасинян вывез эти огромные книги в кожаных переплетах еще из Крыма.

И, взяв сына за руку, мастер Казар направился к дому Петроса-аги Папасиняна.

Внук Петроса-аги, мальчик лет семи-восьми, играл во дворе.

— Где твой дед, малыш? — спросил его мастер Казар.

— Там, на балконе сидит, — ответил мальчик, не сводя глаз с Микаэла.

Крепче сжав руку сына, мастер Казар поднялся на балкон. Внук Петроса-аги, перестав играть, последовал за ними. Несколько десятилетий спустя напишет он свои воспоминания, и из них мы узнаем подробности об этой встрече.

— Здравствуй, Петрос-ага! — поклонился мастер Казар.

Папасинян был уже очень дряхл, и глаза его видели плохо.

— Это ты, Казар? — По голосу узнал он кузнеца и удивился: много лет уже, как не бывал у него мастер Казар. — Здравствуй, да будет добрым твой приход... Садись. Дело какое или нужда у тебя в чем?..

— Сына я к тебе привел, чтобы руку тебе поцеловал, — ответил мастер Казар по обычаю и подтолкнул Микаэла вперед. — У тебя много армянских книг, ага... Сын мой, как узнал про это, стал меня умолять, чтобы я привел его к тебе... Вот мы и пришли, чтобы он взглянул на твои книги в шкафу...

— Хорошо, — кивнул Петрос-ага Папасинян и сказал Микаэлу: — Пойди в комнату, сынок, там они... Только будь осторожен, посмотри и обратно положи...

Микаэл вошел в комнату, открыл шкаф и долго разглядывал книги. Потом выбрал одну и вернулся на балкон.

Увидев, какую книгу выбрал Микаэл, Петрос-ага Папасинян сказал мастеру Казару:

— Очень трудную книгу выбрал твой сын... Поймет ли? На грабаре книга... Э, пусть берет! — вздохнул он и обратился к Микаэлу: — Ты смотри, сынок, не порви, не потеряй ее. Эта книга — история наша, армян... Цены нет этой книге... Живи долго, сынок, прочти и пойми ее.

...После Хоренаци Микаэл прочел Корюна, Егише, Павстоса, Парпеци^[11]... Учитель радовался этому, поощрял его, но одновременно и старался расширить круг его чтения. Почему бы, например, не прочитать ему «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, чудесную книгу, в 1836 году переведенную на армянский язык и изданную в Венеции?..

Но не только на книги обращал внимание Микаэла учитель Габриэл. Он ставил перед мальчиком и задачи морально-этического характера, правильное решение которых помогло бы Микаэлу избрать в жизни истинный и верный путь.

Вот хотя бы понятие верности. Есть ли разница между человеческой верностью и покорностью? Ведь верным может быть и раб, а младший должен быть послушен и покорен старшему...

«Подобострастный и покорный всегда исполняет волю повелителя, хотя бы она была противна разуму. А верный способен выбирать: правилен ли приказ, оправдан ли он?.. Ведь отдающий приказ, как бы велик он ни был, всего лишь человек и может ошибаться».

Какая же разница между верностью и покорностью?

И учитель пытался сформулировать эту разницу:

«На лице верного не увидишь той бесстыдной ухмылки, той наглой и подобострастной готовности, которая столь обычна у покорного чужой воле... Верность — это такая добродетель, корни которой всегда остаются живыми, даже если обрубить ветки или весь ствол».

Годы спустя, когда Микаэл, уже как глашатай национально-

освободительной борьбы и революционный деятель, будет поднимать армянский народ, эти уроки нравственности станут для него надежной путеводной нитью.

...Микаэла волновали вопросы истины и справедливости, волновал вопрос извечной борьбы Добра со Злом. Он был уже достаточно взрослым, чтобы понять и отличить то, что читал в книгах, от того, что видел в действительности. А в действительности этой Добро и Справедливость, как правило, всегда попирались.

И учитель его, сам будучи «дерзким и непримиримым», всегда руководился совестью и готов был помочь несчастным и слабым. Не думая о себе, боролся он против всяческой несправедливости и лжи, а своим ученикам внушал веру в Добро и уверенность в себе, когда дело касалось утверждения Истины.

«Если увидите, что правда уступает кривде, то не думайте, что так бывает всегда... Нет! Пусть даже правда и потерпит поражение, но в следующий же миг ее лучезарный лик засияет еще ярче! — говорил Габриэл Патканян. — Неувядаем лавр правды! Но есть тут одно обстоятельство... Иным правда является раньше, другим позже, а некоторым, бывает, лишь после смерти... Но не бывало еще, чтобы правда сгнула, ни на земле, ни в аду нет такой силы, которая смогла бы уничтожить правду! Как нет и правды, которая не имеет множества врагов... Но, что бы ни случилось, в конце концов всегда побеждает правда!»

Казалось, отец Габриэл нашел единственный верный путь — он решил в своей школе задачу, которая вставала перед армянами с незапамятных времен их истории. Каждый раз, попадая под власть очередной могучей державы, армяне вновь и вновь вынуждены были решать все ту же альтернативу: либо остаться армянами, либо стать ассирийцами, персами, византийцами или еще кем-нибудь...

А Габриэл Патканян в своей школе совершил самое главное открытие, которое имело жизненное значение для сохранения и дальнейшего прогресса народа и которое, как и все великие открытия, оказалось простым и ясным.

Зачем презирать родной язык? Зачем отрекаться от собственного прошлого, отступать от принципов своей нравственности и морали, почему бы вместе с родным языком не изучать русский, почему, наконец, не выучить еще какой-нибудь третий или даже четвертый язык?! Кто сказал, что это излишне? Неужели для образованного и просвещенного человека могут быть лишними еще один язык или область знания?

Армяне никогда не ощущали необходимости доказывать свою дружбу с каким-нибудь народом ценой отречения от собственного, родного тем более, если дружба эта утверждалась не на словах, но потом и кровью. Разжиревшие и пресыщенные богачи, потерявшие свое человеческое лицо, могут, конечно, потерять и национальное лицо, могут отречься и от могил предков, и от национальной истории, и от языка, ибо думают, что только отречением они сохранят свои богатства и власть. Но сколько бы ни выступали такие от имени народа, разве они составляют народ?!..

И Габриэл Патканян не только учил своих учеников в совершенстве владеть древним и новым армянским, но с той же заботливостью обучал их русскому, приобщая своих питомцев к русской литературе и культуре.

Микаэл подобен был мягкому воску в руках опытного и мудрого учителя. Пройдет время, и под непосредственным впечатлением школьных лет Налбандян в своем «Слове об армянской письменности» напишет: «Произведениями поэзии русских авторов, таких, как Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь и другие, восхищаемся и радуемся, вкусив сладость языка более благородного, чем обычный разговорный», тем самым оценив не только русскую литературу, но и русский язык.

Знакомя учеников с произведениями передовой русской литературы, Патканян прививал детям любовь и благодарность к России, которая сыграла решающую роль в судьбе армянского народа, обеспечив его существование и дальнейший прогресс. Он рассказывал ученикам о том, как «армянский народ, вкусив от милостей царства Российского, получил долгожданное успокоение...обрел потерянное свое просвещение».

ПЕРВЫЕ УРОКИ БУНТАРСТВА

Loomings^[12]

Herman Melville

Тот, кто не подвержен случайностям и трудностям, не может также притязать на честь и радость, вознаграждающие за смелый поступок.

Мишель Монтень

Встреча в Нахичеване-на-Дону с Габриэлом Патканяном имела для Микаэла Налбандяна поистине огромное значение.

В школе Патканяна Микаэл учился не только языкам и наукам. За время своей почти семилетней учебы Микаэл усвоил и многое другое, что осталось непонятным многим другим ученикам. Даже Рафаэл, талантливый сын Габриэла Патканяна и сверстник Микаэла, до поступления в Лазаревский институт учившийся в школе отца, не смог осмыслить и усвоить того, что очень скоро стало для Налбандяна смыслом жизни и целью борьбы.

Кстати, именно с тех дней и выросла между Рафаэлем и Микаэлом та стена, которая впоследствии разделила их, так и не позволив, чтобы эти два бойца оказались вместе, плечом к плечу на позициях если не революционной, то хотя бы национально-освободительной борьбы. И даже больше: причины существующих между ними противоречий Рафаэл годы спустя объяснил так: «Налбандян был из простой плебейской семьи, а наша семья была из интеллигентных семей Нахичевана: мой дед был учителем, а отец — и учителем, и священником».

...Еще десятилетним мальчиком Микаэл стал непосредственным участником довольно серьезных событий. Конечно, он еще не понимал, почему и против кого выступает плечом к плечу с учителем. И все же десятилетний мальчишка, живой, бойкий, умный, к тому же обладающий исключительной способностью организовывать, сплачивать и вести за собой товарищей, стал надежным помощником Габриэла Патканяна в той

борьбе, которую тот вот уже сколько лет вел сначала против Мкыр-ага Попова, а затем и против Арутюна Халибяна и его многочисленных сторонников.

В отличие от остальных учеников Микаэл черпал от учителя силы и энергию для борьбы против невежества и несправедливости. Но самое главное — уже с десяти лет он с помощью Габриэла Патканяна узнал того грозного и беспощадного врага, который рано или поздно должен был стать роковым спутником всей его жизни и борьбы.

Поэтому давайте и мы познакомимся о Арутюном Халибяном, о котором в городе говорили лишь опасливым шепотком.

Микаэл хоть и смутно, но уже догадывался кое о чем. А если возникали какие-либо вопросы, то он всегда мог спросить Габриэла Патканяна, который относился к Микаэлу почти как равный к равному.

...Рассказывали, что уже через несколько дней после похорон своего юного сына Халибян начал преследовать домогательствами горничных своей жены Катаринэ, а добившись своего, насильно выдавал их замуж за слуг в поместье. Каждый такой случай становился предметом обсуждения в городе, и только. Обсуждали шепотом, шепотом выражали свою ярость и шепотом же в конце концов смирялись со своей жалкой участью.

Случалось иногда в городе, что явный преступник каким-то чудом избегал суда и наказания, и все знали, что избавителем этим был Халибян. Да и кто не ведал, что в случае необходимости он не моргнув глазом купит и судей и суд?.. А то глядишь, кто-то исчезает. И никто не сомневался, что его убрали по распоряжению Халибяна, ни для кого не было секретом, в чем именно он провинился перед этим беспощадным дельцом, и, таким образом, стал лишним.

Даже если Халибян протягивал кому-нибудь руку помощи или предлагал свое покровительство, можно было с уверенностью сказать, что скоро, очень скоро совершится в Армянском округе очередное злодеяние.

Когда в городе появился молодой мужчина по имени Сережка и почти сразу же стал пользоваться великодушной благосклонностью Арутюна Халибяна, нахичеванцы быстро поняли, что причиной этого явилась красавица жена Сережки. Конечно, Сережка мог и сам сообразить, что заботливость эта проистекает не от великой любви Халибяна к ближнему. И все-таки молодость и неопытность дали себя знать. Хотя бы уже в том, что Сережка вовремя не понял: если тебе покровительствует могущественный тиран, то ты многого не должен замечать, тем более, если и жена у тебя красавица... Взыграло ли в нем мужское самолюбие, или он решил бежать, об этом нахичеванцы ничего не смогли узнать, так как через несколько

дней Сережка исчез. Да так, словно никогда и не существовало такого человека...

Про это и про многое другое говаривали люди на базаре или в цирюльне Ованеса, куда обычно собирались мужчины побриться, поставить пиявок или пустить кровь.

И это уже кое-что значило. Не забывать означает постоянную готовность выступить против очередной несправедливости. Однако многое ли могло дать это «не забывать» в условиях столь характерной для бедных и несчастных нахичеванцев покорной безнадежности?

Габриэл Патканян ненавидел именно эту молчаливую безнадежность, пользуясь которой богатеи Армянского округа и сами творили беззакония, и содействовали тому, что власти игнорировали права и привилегии, некогда дарованные армянам.

Взять хотя бы историю с подушной податью.

Несколько лет назад правительство разработало новую налоговую систему, автоматически распространенную и на армян. Сначала в столицу были посланы жалобы, которые, разумеется, остались без ответа. Отцы города тем не менее решили собрать налоги и хранить их в городской казне до тех пор, пока из столицы не придет какой-нибудь ответ.

В виде благодеяния богатые горожане уплатили подати за неимущих... Ведь в Армянском округе не забылся еще обычай в трудную минуту приходить друг другу на помощь. Да и что тут такого?.. Подумаешь, отработает должник в течение года какое-то время в загородных поместьях своих добродетелей, вот и выразит таким образом свою признательность... Слава богу, в конце концов, не на чужих же будут вкалывать — одна община, те же армяне! Однако год от году «какое-то время» бесплатной работы все увеличивалось, так как год от году все увеличивалась и сумма уплаченных богатыми за бедных податей.

Шли годы, а ответа на жалобы из столицы все не было. Это, однако, не мешало отцам города аккуратным образом взимать подать, к чему нахичеванцы стали уже привыкать. К своему новому положению постепенно привыкли и бедняки.

И понятно поэтому, что накопившиеся в казне огромные суммы лишали сна даже самых богатых. Сколько можно ждать ответа из столицы? И вообще, зачем ждать, если в общине все уже привыкли к подушной подати?

А когда распространились слухи, что граф Михаил Воронцов^[13] выехал для объезда и осмотра находившихся в его ведении городов Новой России, нахичеванская денежная знать решила воспользоваться удобным

моментом. Они решили подобострастно и всеподданнейше просить графа, дабы тот, приняв подати из городской казны, доставил их в государственную.

Габриэл Патканян, этот нестигаемый борец за справедливость, угадал этот план и решил, в свою очередь, воспользоваться приездом графа.

На отсутствие авторитета этот «умный и красноречивый священник» никогда не жаловался. Благодаря своему авторитету и доверию, которое питал к нему народ, Патканяну удалось организовать горожан для осуществления своего смелого плана. Верными помощниками отца Габриэла стали также его питомцы.

Граф Михаил Воронцов был уже в Ростове-на-Дону. А когда стал известен день его приезда в Нахичевап, события начали развиваться в двух противоположных направлениях.

...Площадь перед церковью Сурб Лусаворич была забита народом. Когда в дальнем конце улицы показалась свита графа, Габриэл Патканян в ризах и с крестом в руках выступил во главе небольшой группы духовенства ему навстречу.

Арутюн Халибян предпринял последнюю отчаянную попытку. Степан, его верный слуга, руками которого были совершены многочисленные злодеяния, кинулся к карете графа. Схватив коней под уздцы, он попытался повернуть их в сторону дома городского головы. Эта попытка могла бы увенчаться успехом, если б нахичеванцы, якобы приветствуя графа, тоже не кинулись вперед и не помешали подручному Халибяна.

Взволнованный такой восторженной всенародной встречей, граф даже не заметил этого инцидента, и его карета продолжала ехать прямо к церкви.

Увидев разряженное духовенство и идущего ему навстречу священника, граф согласно обычаю вышел из кареты, поцеловал крест и вошел в церковь.

Не теряя времени, Габриэл Патканян зачитал заранее составленное прошение об отмене подушной подати, передал его лично в руки графу и опустился на колени. Примеру отца Габриэла последовал собравшийся в церкви народ.

«Граф Михаил Воронцов, — пишет Очевидец, — нагнулся, обеими руками поднял за плечи священника Габриэла, а затем пообещал отправиться отсюда прямо в Петербург и не возвращаться до тех пор, пока не добьется отмены подушной подати и не восстановит данных армянам привилегий».

...Так проходили юные годы Микаэла — в водовороте малых и

больших городских интриг. Интриг «сильных мира сего» Нахичевана, среди которых ему приходилось отличать правого от виновного еще вслепую. Придет время, и очень скоро он научится это делать, неизбежно придет к социальным и политическим оценкам и проблемам.

Но и сейчас годы не проходили бесследно, каждый из них был для него не временем беззаботного и безоблачного детства, а порой испытаний и возмужания.

Мастер Казар тоже смирился с тем, что сын его по примеру учителя избрал себе духовное поприще. Остальные его родные и неродные дети в той или иной степени делали уже свои первые шаги в области торговли. Из Микаэла же — прямого, честного и доброго Микаэла — никогда не выйдет купеческого приказчика. В этом мастер Казар уже не сомневался.

...Но кому могло прийти в голову, что шестнадцатилетнему Микаэлу выпадут на долю столь тяжкие испытания? Кто бы мог подумать, что в то время, как остальные его сверстники наслаждаются и еще долго будут наслаждаться беззаботным отрочеством, любовью и опекой родителей, Микаэл вынужден будет в одиночку встать на борьбу за свою правду, свои нравственные воззрения, а также за интересы своих невежественных и темных сограждан?..

И уж тем более вряд ли кто мог предугадать, что зрела во времени и пространстве роковая встреча между юным Микаэлом и убежденным седи́нами католикосом Нерсесом Аштаракеци.

В 1843 году архиепископ Нерсес был избран католикосом и по приглашению Николая Первого отбыл в столицу.

В начале ноября 1845 года ожидали его прибытия в Нахичеван-на-Дону.

Отцы города с пышной процессией вышли навстречу новому католикосу и встретили его на постоялом дворе между Таганрогом и Мариуполем, где Нерсес Аштаракеци должен был сменить лошадей.

Именно на этом постоялом дворе состоялась тайная встреча католикоса и Арутюна Халибяна. Содержание ее так и осталось бы в тайне, если б через несколько дней Нерсес Аштаракеци неожиданно не начал решительные действия.

По стародавнему обычаю католикос остановился в доме Зенгин Карапета. Здесь выносил он решения относительно вопросов управления городскими и церковными делами, совещаясь, конечно, с так называемой знатью, которую представляли крупные купцы и помещики.

Одной из неотложных задач стал вопрос о Габриэле Патканяне.

...Именно в доме Зенгин Карапета католикос осудил Габриэла

Патканяна и, чтобы избавить город от этого беспокойного и мятежного человека, распорядился закрыть его школу и велел Патканяну «идти с семьей своей в град Тифлис, где удастся ему, быть может, обрести успокоение души своей».

Но кто должен заменить образованного и многоопытного священника? В те самые дни, когда осужденный Патканян собирался в ссылку, католикос Нерсес Аштаракеци сделал ужасно неприятное открытие.

Случилось так, что некий проситель передал католикосу список приданого, составленный одним из городских священников. Ничего не сумев разобрать в его списке, католикос вызвал этого священника, дабы тот вслух прочел все писание.

То, что затем произошло, буквально потрясло архипастыря, показалось ему просто невероятным.

Священник не смог прочесть своей же рукой составленного списка!

Все прежние дела сразу же отошли на задний план. Католикос решил провести своеобразный экзамен. Вызвав всех приходских священников и дьячков, он уяснил следующую горькую для себя истину: кроме Габриэла Патканяна, все остальные были абсолютно неграмотны и не знали даже элементарных правил грамматики.

Казалось, что после случившегося Патканяну будет даровано прощение и наконец-то решится вопрос о строительстве городской школы. Может быть, эта история и имела бы подобный романтический конец, если б существовала хоть какая-нибудь программа национального и общественного прогресса, стоявшая выше мелких страстей или жажды мщения.

И поскольку кандидатура Патканяна исключалась, выбор католикоса (хотя и выбора-то не было) пал на учителя Мкртича Екеняна, за несколько лет до этого приехавшего в Нахичеван-на-Дону из Крыма. Он учился в школе мхитаристов^[14] в Венеции, разумеется, прекрасно знал грамматику и открыл частную школу. Этот учитель-католик слыл также умелым мастером-каллиграфом, красиво переписывал древние рукописные книги и составлял для учеников прекрасные образцы для чистописания.

Не прошло и месяца после всей этой истории, как в январе 1846 года Габриэл Патканян с семьей выехал из Нахичевана-на-Дону и двинулся в Тифлис.

Провожали его всего три человека: двое — близкие родственники, а третий — Микаэл.

Доехав до постоялого двора, где они должны были сменить лошадей, провожатые распростились с Патканяном и вернулись в город.

А ссыльный учитель направился к Ставрополю, с огромными трудностями и лишениями перевалил Кавказский хребет и только в феврале прибыл в Тифлис.

Юный Микаэл остался один.

Можно представить себе то страшное чувство одиночества, которое охватило его. У него будет еще немало поводов пережить это чувство, доставлявшее ему бесконечную боль и ввергавшее в отчаяние. Однако в будущем у него появится хотя бы жизненный опыт прошлых дней.

А сейчас Микаэл впервые в жизни — вдумайтесь, впервые в жизни! — почувствовал себя совершенно одиноким, хотя рядом была вся их огромная семья: мать, полная беспредельной нежности к сыну и не скрывавшая этого; отец, который не только любил сына, всем, даже слабым здоровьем, отличавшегося от остальных детей, но и относился к нему с подчеркнутым уважением; друзья, которые ни на минуту не покидали своего отважного, изобретательного и удивительно волевого вожака...

И тем не менее он был одинок, один перед свершившейся на его глазах величайшей несправедливостью в мире.

Но что мог сделать Микаэл?

Он мог молча бунтовать, дни и ночи страдать про себя, пока не смирился бы с происшедшим, как это обычно и бывало в Армянском округе. Мог также говорить, убеждать, протестовать... Но если даже у него и появятся последователи, то все равно одними протестами не добиться справедливости. За годы, проведенные с учителем, он неоднократно имел повод убедиться в этом.

Замкнувшись в себе, он в эти дни аккуратно посещал школу учителя Екеняна. Единственное, что утешало его в этом одиночестве, была учеба, чтение, накопление новых знаний. Конечно, шестнадцатилетний юноша чувствовал все это пока лишь подсознательно, но не пройдет и двух десятилетий, и в одиночной камере Петропавловской крепости свое одиночество он вновь будет изгонять учебой и чтением...

Однако Микаэл после первых же посещений школы Екеняна понял, что ему нечему учиться у учителя-католика. И тогда же пришло решение. Не молчать и смиряться, не говорить и протестовать — действовать!

— То, чему вы учите, я давно уже знаю, причем более подробно, чем преподаете вы, — в присутствии всех заявил Микаэл учителю Екеняну. — Если вы можете научить меня чему-нибудь новому, то учите, я буду счастлив. А если нет, то прошу отпустить меня.

О такой дерзости юноши Мкртич Екенян тут же сообщил католико-

который еще находился в Нахичеване. Нерсес Аштаракеци распорядился, чтобы Микаэл написал какое-либо сочинение, уверенный, что дьячок будет публично посрамлен.

Это написанное Микаэлом сочинение дошло до нас. В нем он пишет о том, как праотец Ной после всемирного потопа вышел из ковчега и назвал долину у подножия горы Арарат, где он остановился, — Нахичеван, то есть «место пристанища»... Потом он написал о том, что Ной похоронил взятые с собой череп и кости Адама на холме, который впоследствии был назван Голгофа — «место черепа». На этом холме евреи стали потом распинать или обезглавливать приговоренных к смерти... Словом, этим сочинением Микаэл выказал не только блестящее знание языка, не только талант повествователя, но и свои познания.

...Микаэл стал писать с ранней юности. Гаянэ, его сестра, рассказывала: «Что он писал, мы не знали, но он писал много и часто, иногда даже просыпался ночью, требовал, чтобы зажгли свечу, и записывал пришедшие ему в голову мысли».

Сочинение подняло авторитет Микаэла перед остальными дьячками, зубрившими в школе Екеняна грамматику и занимавшимися чистописанием, хотя большинство из них годились Микаэлу в отцы или даже в деды. И естественно поэтому, что они стали уважать юного дьячка. И не только уважать — они полюбили его.

Однако прекрасное сочинение не избавило Микаэла от необходимости посещать школу Екеняна.

Это не особенно огорчило юношу. Наоборот, ведь он не собирался ограничиваться только тем, что бросил Екеняну открытый вызов. Ибо в противном случае начатое, но незавершенное дело превращалось в пустое заявление, которое забудут очень скоро.

У него уже была программа и была цель. Он должен возбудить общественное мнение против Мкртича Екеняна, заменившего его учителя, должен настоять, чтобы Габриэла Патканяна вернули из ссылки. На первый взгляд кажется, что это просто непосильные и несбыточные юношеские мечтания. Но не будем забывать, что все его действия определялись таким могучим и придающим силы чувством, как верность. Верность близкому и родному человеку, учителю и другу, ибо Габриэл Патканян был Микаэлу настоящим другом.

Микаэл Налбандян — дьячку Саргису.

«Ныне отец Габриэл по приказу святейшего католикоса

выехал в Тифлис, и без друга я остался совершенным сиротой.

...Как описать исключительную глупость наших горожан, которые, сами будучи глупыми, и детей своих отдают в учение какому-то коротышке-латинянину Мкртичу, называя его учителем. О, глупость народа Армянского!

Нерсес, католикос всех армян, поставил сего латинянина учителем нашего духовенства... Подчинились мы Патриарху нашему, согласились принять учителя его, хотя и вынужденно, ибо увидели и убедились, что дерево это с высохшими корнями и не даст никаких плодов.

Но, как бы там ни было, ходят теперь к нему все наши священнослужители, и лишь я не приемлю его, ибо, как я, ученик отца Габриэла, могу стерпеть такое?»

Появившихся в Нахичеване в последнее время католических миссионеров, постепенно пускавших корни в Армянском округе, нахичеванцы восприняли без особой религиозной нетерпимости. Единственной разницей между ними было то, что пришельцы очень любили рыбу. Поэтому, прозвав их «рыбоедами», нахичеванцы сочли все вопросы решенными.

И напрасно.

Чтобы расширить сферу своего влияния, католическая церковь послала в армянские колонии «ловцов душ» из числа армян-католиков. Католичество же грозило армянскому народу, давно уже потерявшему государственность, а фактически и национальное единство, окончательным отрывом от корней, ассимиляцией, то есть фактически национальным самоубийством.

Микаэл вряд ли представлял всю глубину этой безжалостной реальности со всеми ее последствиями. Вся острота его борьбы с Екенияном определялась пока лишь тем, что тот был католиком. И такое отношение Микаэла к паписту являлось, без сомнения, следствием уроков Патканяна.

Микаэлу предстояло еще убедиться, что очень скоро встанут рядом с ним единомышленники, пришедшие на помощь. И исчезнет давящее чувство одиночества, он станет уверенней в своих силах, решительней и целеустремленней. И будет знать, что рано или поздно, но дело его увенчается победой!

Отцы города забеспокоились всерьез: все это пахло уже откровенным бунтом. И дабы публично унизить Микаэла, они решили

провести состязание.

В качестве свидетелей были приглашены врач Саркис Тигранян, выпускник Лазаревского института Давид Одабашян, Теодорос Хадамян и Арутюн Авагян, а судьями назначены священники Мартирос и Аствацатур.

Предложив учителю Мкртичу Екеняну и дерзкому дьячку Микаэлу одну и ту же тему, судьи потребовали, чтобы они изложили их на доске своими словами. «Пока Екенян успел написать две строки, — вспоминает Очевидец, — Налбандян закончил целое стихотворение».

Какое именно стихотворение он написал? К сожалению, Очевидец этого не уточняет. Кто знает, может, то были строки, которые родились в одну из тех ночей, когда он просил родных зажечь свечу, чтобы «записать пришедшие ему в голову мысли»...

Что же касается состязания, то победа Микаэла показала и его друзьям, и врагам, что этот дерзкий, прямой, ироничный юноша чрезвычайно далек от пустого бахвальства. Они убедились, что если он выступает с каким-нибудь вопросом или требованием, то всегда может без труда доказать свою правоту, пусть даже в ущерб себе. Они убедились также, что между словами и делами юноши существует поразительная гармония. Гармония эта казалась удивительной для душной и лицемерной атмосферы нахичеванских мещан.

И именно это качество — совершенная гармония его слов и дела — стала постоянным спутником всей прожитой Налбандяном жизни, тайной силой его морали и той великой веры, что питали к Микаэлу окружавшие его люди, идущие за ним его соратники и связывавший с ним свои светлые надежды целый народ.

Сознавал ли Микаэл, что этот прямой, честный и открытый способ борьбы отныне поставит его в неравные условия с врагом? Сознавал ли, что противник, всегда осведомленный о его планах, сам, однако, будет действовать тайно, с льстивой улыбкой на лице, исподтишка, и исподтишка же нанесет в удобном случае удар в спину? Понимал ли он, что именно в эти свои юношеские годы завоевывает себе не только почетную славу честного и искреннего человека, по отношению к которому даже слово «колючий» имеет доброжелательный оттенок, но и репутацию человека, которого даже симпатизирующие ему люди будут называть «нечестивцем», «мятежником», «недальновидным драчуном» и «смутьяном»?..

Вряд ли....

...После своего поражения Мкртич Екенян продолжал утверждать, что сочинения Налбандяна попросту списаны, что нельзя ему верить, даже если он и пишет при свидетелях, ибо он заранее зубрит все наизусть... С

самого начала угадав, что безграничная ненависть к нему Микаэла рождена прежде всего утратой любимого учителя и близкого друга, Мкртич Екенян старался постоянно поддерживать накаленную атмосферу и возбуждать против Налбандяна ярость Арутюна Халибьяна.

Микаэл чувствовал, что ему готовится новая западня. Пока у него не было никаких доказательств, но он был уверен, что предчувствие, пусть даже неопределенное, его не обманывает. Но что он мог поделать?.. Ждать? Ждать, чтобы окончательно запутаться в хитро расставленных силках, когда каждое его движение, каждое действие будут фактически все больше приближать его к неизбежному концу и поражению?.. И он снова избрал пусть сложную и трудную, но открытую и решительную борьбу.

Борьба, которую со всей серьезностью и последовательностью вел Микаэл, не имела никаких перспектив. Однако все значение и смысл ее заключались в приобретении жизненного опыта, в познании людей и, наконец, в том, что Налбандян сделал одно важнейшее заключение: «Там, где нет просвещения и воспитания, не может быть социальной жизни; а где нет социальной жизни, там царствует разделяющий и отдаляющий людей эгоистический принцип, на фундаменте которого не только нельзя ничего построить, но разрушается даже и то, что было некогда построено».

Жизненный опыт есть жизненный опыт, и всю ценность его Микаэл поймет лишь впоследствии, однако в эти недели и месяцы он уже начинал осознавать, что в армянской общине вообще царит удручающее положение. Духовная и гражданская власть и богатство в Нахичеване-на-Дону оказались сосредоточены в руках невежественных, самоуверенных и чрезвычайно довольных собой людей. Они уже нашли удобную форму и выступали от имени нации и народа, выступали как его «благодетели и отцы», меценатствовали нескольким льстецам и прихлебателям. А эти «избранные», в свою очередь, трубили об их благодеяниях. Поэтому можно себе представить состояние семнадцатилетнего Микаэла, уже понявшего, как могущественные отцы города пытаются подкупить народ...

Он видел, как несправедливо поступил католикос по отношению к его учителю. А вскоре всю силу несправедливости испытал и на самом себе, когда католикос счел, что Микаэл, будучи ребенком от четвертого брака, не только не имеет права быть служителем церкви, но и подписываться «дьячок».

Он, несомненно, был одинок... Но этого юношу бунтаря ждало еще одно испытание...

...Вардуи была почти одних с ним лет. Отец ее скоропостижно скончался, оставив двух беззащитных существ — жену и дочь.

Они жили «на жалкой улочке, на окраине города, — через несколько лет вспомнит Микаэл, — домишко деревянный, с тремя оконцами, выходящими на грязную улицу... Обстановка в доме была очень простой и бедной».

Каждый благовидный предлог встретиться с Вардуи наполнял Микаэла радостью, ибо по нахичеванским нравам «считалось неприличным, когда девушка разговаривала с молодыми людьми». Тайные встречи исключались начисто, так как «в таком городе, как Нахичеван, если даже ночью на чей-нибудь дом опустится летучая мышь, то наутро это становилось известно всему городу».

Жители не особенно охотно общались между собой. Только родственники иногда навещали друг друга. Девушек же можно было встретить лишь один раз в году, да и то в церкви. Весь год парни ждали этого единственного дня, 23 апреля, чтобы хоть приглядеть себе невест. Но и после выбора невесты не все было просто и ясно. Чтобы сбылось заветное желание и они могли жениться на своей избраннице, парни давали обет совершить паломничество в далекий Муш, к могиле святого Карапета. Такое паломничество из Нахичевана-на-Дону до Западной Армении длилось два-три месяца.

Влюбленный Микаэл мог вообразить себе, как Вардуи, презрев всяческие условности, предрассудки и, наконец, ложный стыд, спешит на свидание с ним сквозь тьму и туман, «когда на улице слышен лишь голос ночного сторожа, который сонно кричит время от времени, механически стуча колотушкой»...

Но все эти грезы исчезали и испарялись в той действительности, где Микаэл должен был удовлетворяться лишь тем, что мог на несколько минут видеть Вардуи и перекинуться с ней парой слов. А сколько всего было у него сказать девушке, которая, как знать, может предпочесть более богатого жениха, отказавшись от любимого, но, увы, бедного дьячка...

...Воистину: испытания, выпавшие на долю Микаэла, были тяжелыми. С одной стороны — несправедливость, фальшь, грубая сила, с другой — жалкие и несчастные люди во всей их беспомощности. А еще страшное чувство одиночества. И наряду со всем этим первые порывы любви, не принесшие с собой никакой радости.

РАСПРАВА

...И все у меня будет вот так — с боем.

Микаал Налбандян

*Я нигде не вижу свободных людей, и я кричу: стой!
— начнем с того, чтобы освободить самих себя...*

Александр Герцен

Весной прошел слух, что начальником епархии Нахичевана-на-Дону и Бессарабии назначен архиепископ Маттеос Веапетян, который, насколько знал Микаэл, был в хороших отношениях с Габриэлом Патканяном. Хотя угроза католикоса насчет «незаконнорожденности» Микаэла оставалась еще свежа в памяти городского духовенства, Налбандян все же питал надежду, что новое начальство поможет, вероятно, ему получить духовный сан.

Он поспешил подать в общественное собрание заявление о том, чтобы его исключили из лиц гражданского сословия. Учитывая тяжелое материальное положение Микаэла Налбандяна, общественное собрание выдало ему надлежащее свидетельство, постановив одновременно до новой переписи выплачивать за него все государственные подати.

Именно в эти дни должен был прибыть в Нахичеван архиепископ Веапетян. Написать и прочесть ему приветственное послание поручили Микаэлу.

И когда 2 апреля 1848 года во время торжественной встречи архиепископа Микаэл читал свое умное краткое приветствие, написанное на прекрасном грабаре, он вряд ли мог представить, какой решительный поворот должен произойти в его жизни.

Маттеос Веапетян заинтересовался красноречивым и умным дьячком, не только послание, но и личность которого оказали на него благоприятное впечатление. Архиепископ даже припомнил мальчика, которого не в столь уж далеком прошлом Патканян представил ему как своего самого лучшего и верного ученика.

Гаянэ, сестра Микаэла, рассказывает:

«Отца пригласили к епархиальному начальнику. Преосвященный расспросил его о нашей материальной обеспеченности и вообще о семейном положении. Потом, уже в конце разговора, он получил согласие отца взять моего брата, дьячка Микаэля, секретарем епархиальной консистории».

Однако Микаэл, еще не успев приступить к своим новым обязанностям, заразился холерой. Уже в третий раз прокатывалась по России эта страшная эпидемия, на этот раз она продлилась целых четырнадцать долгих, нескончаемых лет и унесла в могилу около полутора миллионов жизней. Налбандян выжил чудом, и первое, что он сделал после выздоровления, это известил Веапетяна не столько о своем исцелении, сколько об отказе от духовного звания.

Микаэл Налбандян — Маттеосу Веапетяну.

9 августа 1848 г.

«Смертоносная холера захватила меня в когти свои, из коих я хоть и вырвался от смерти милостью божьей, однако след когтей лютой болезни моей в виде обмороков и даже ослабления сердца остался во мне и к сему времени после многих трат моих на врачей и лекарства окончательно утвердился во мне, оставшись неизлеченными, посему и не могу я вовсе оставаться в звании духовном, почему и желаю вновь вступить в число податного сословия императорского... Посему обращаюсь с надеждой к Вашему высокому преосвященству и нижайше прошу предложить Просветительскому Армянскому Синоду Эчмиадзина отныне освободить меня от духовного звания, если пожелает, а если не распорядится, то уничтожить первое мое дело и отослать обратно грамоту об освобождении».

Маттеос Веапетян серьезно занялся вопросом о здоровье Микаэла. Он приглашал известных врачей, а когда возникла надобность в более тщательном обследовании, послал Микаэла к лучшим врачам Кишинева и Одессы.

А что касается отказа от духовного звания, то Микаэлу в ближайшие годы предстояло еще немало испытать, прежде чем католикос Нерсес Аштаракеци вместе с кучей других бумаг не подписал и его прошение.

...Должность секретаря-письмоводителя дала Микаэлу возможность еще ближе познакомиться с жизнью, бытом, тревогами и горестями простого народа в пределах уже не одного Нахичевана.

Юный секретарь отличался деловитостью, удивительно четкой логикой и умением схватывать явление во всей его глубине, благодаря чему он блестяще справлялся со своими обязанностями.

Прошло совсем немного времени, а слава о нем распространилась уже по всем армянским поселениям Крыма и Бессарабии, а в Армянском округе он считался уже авторитетом. «О, этот секретарь Налбандян... — говорили про него. — Он может сделать все!»

Благородное чувство признательности и верности было для Микаэла величайшей духовной ценностью. Кроме стремления восстановить погрязшие права своего учителя, он по мере своих возможностей старался хоть чем-нибудь быть полезным Габриэлу Патканяну, хоть как-то облегчить его участь. И хотя Рафаэл, сын Патканяна, никогда не был и никогда не станет Микаэлу «братом родным», секретарь епархиальной консистории не избегал в случае необходимости издали оказывать помощь даже ему.

Микаэл Налбандян — первоприсутствующему духовного управления архимандриту Епрему Алтунянцу.

15 сентября 1851 г.

«Ученик Лазаревского института Рафаэл Патканян находится у вас с целью поступить в академию. Я как брат его родной, а также сын его родителя, моего благодетеля, сим искренним письмом обращаюсь к вашей высокой чести с просьбой не пожалеть вашего участия в исполнении намерения Патканяна, чем вы меня безмерно обяжете».

Исключительно и его внимание к семье. Подспудно существующие в семье мастера Казара оттенки отчужденности, которые обязательно всплывут в не столь уж далеком будущем и даже в самые тяжелые моменты жизни не пощадят Микаэла, никогда не имели значения для «незаконнорожденного» Налбандяна.

Разъезжая по делам, Микаэл всегда с готовностью выполнял

поручения родных. Например, просьбы Серовбэ, своего брата, который имел аптеку и каждый год ездил в Харьков — покупать товары на ярмарке. Расходы на эти поездки могли бы значительно сократиться, имей Серовбэ точные сведения о рынке, имей он там на месте надежного человека...

Микаэл никогда не отлынивал от поручений и всегда старался быть полезным своим братьям в их торговых делах.

**Микаэл Налбандян — братьям Григору и Казаресу.
Одесса, 1849 г.**

«Еще белее обрадовался, что Сероб не поехал в Харьков. Ныне в Харькове хайрах дорог. Раньше чем через месяц подешевеет хайрах, орчик, ромашка — дифтик, мехлем, английская соль, сапр и хокна^[15]. Торговцы здешние каждый день ходят на пристань и глядят в сторону Стамбула: когда, мол, придут корабли? А когда придут они, я с первой же почтой сообщу Серову и сам схожу в коммерческий суд, подряжу подходящее судно, чтобы не перехватил случайный человек...

Брат Казарос из спрошенного тобой много здесь есть хорошего, и много отборного я купил и отвезу в Кишинев, а оттуда отправлю почтой, так как тут не порто-франко и если на посылке не будет печати таможни, то почта не принимает... Я здесь сам все куплю, отвезу в Кишинев, а оттуда отправлю».

Читая это сугубо деловое письмо, можно подумать даже, что торговые занятия Микаэлу весьма по душе: с такими подробностями «и деловитостью опытного агента пишет он... Однако в совершенно ином свете предстает нам Микаэл, когда мы читаем его приписку на полях: «Читайте скрытно. Стыдно. При чужих не читайте». Нет, ни ожидаемые из Стамбула товары, ни торговля, ни этот самый коммерческий суд и «порто-франко» его не прельщали. Наоборот, это занятие он считает постыдным для себя, ниже своего достоинства... Но все же делает, ибо не может не быть полезным своим братьям и семье. И этот крест он будет нести всю свою жизнь.

Всегда с готовностью помогая родным, близким и даже просто незнакомым людям, Микаэл никогда не удостоится такого же внимания с их стороны. А если удостоится, то прежде всего от чужих людей.

Окружающие уже привыкали считать, что Микаэл всемогущ, что он

обязан помогать всем и что именно он должен сражаться за справедливость... И никому даже в голову не приходило чем-нибудь помочь ему, облегчить то огромное бремя, которое он нес за всех... Никто из его родных и близких и подумать не мог, что и Микаэлу нужна помощь, что у него тоже есть свои нерешенные вопросы, ходатайствовать о которых ему не позволяет не только чувство собственного достоинства, но и самолюбие общественного деятеля. И в этом смысле он до конца дней своих был для окружающих идеально удобным товарищем и другом.

Именно в эти годы Микаэл Налбандян незаметно даже для самого себя стал влиятельным общественным деятелем.

...С первых же дней работы в консистории он обстоятельно ознакомился с вопросом о выделенных принахичеванским селам общественных участках, которые под разными удобными предлогами прибрали к рукам несколько нахичеванских богачей.

Микаэл знал, что крестьяне протестовали и требовали вернуть захваченные участки. Но безрезультатно. По указке Халибяна суд рассмотрел это требование и наказал тюрьмой... самих жалобщиков. А нескольких, которые явились зачинщиками протеста, сослали в Сибирь. Несмотря на столь жестокую расправу, волнения против совершенной несправедливости не затихали. Халибян попросил таганрогского градоначальника послать в села Армянского округа карательные отряды, чтобы приструнить бунтовщиков. И хоть с тех пор прошло уже порядочно времени, крестьяне не забыли, как беспощадно секли их солдаты...

Об этих незаконных деяниях Микаэл от имени жителей Чалтыр, Топти, Сала и Султан-Сала составил письмо к Нерсесу Аштаракеци, в котором подробно изложил все события и попросил католикоса ходатайствовать перед наместником Михаилом Воронцовым.

...На каждом шагу Микаэл видел и почти осязаемо чувствовал бедственное и беспомощное состояние простого народа. Пользуясь отсталостью и невежеством людей, богатеи беспрепятственно держали их под своей пятой, игнорируя даже те права, которые для виду были дарованы народу властями. Кому, скольким мог помочь секретарь епархиальной консистории?.. Ведь он был один, а молящих о помощи — целый народ, даже не ведавший о своих пусть и куцых, но все же правах.

Поэтому первым делом следовало помочь армянам осознать себя. Веками живя бок о бок с татарами, армяне усвоили чужой быт, обычаи, одежду и почти совсем отказались от родного языка. Даже основав Нахичеван-на-Дону и обустроив Армянский округ, они вовсе не собирались заново обрести свой национальный облик. Если они одно время

изъяснялись на смеси турецкого и татарского языков, то теперь использовали русские глаголы с турецкими окончаниями или же татарские слова с армянскими окончаниями. Казалось бы, что тут страшного, ведь главное, в конце концов, объясниться, передать мысль. А на одном ли языке или смеси языков, не имеет существенного значения. Но возможно ли на таком вот тарабарском языке передать какую-нибудь возвышенную мысль, выразить высокое чувство? Нет и тысячу раз нет! Но радеющие лишь о своем богатстве «отцы и благодетели» Армянского округа отнюдь не задавались такими мыслями, которые, по сути, могли бы открыть глаза широких народных масс и стать причиной всяческих новых забот. Необходимость нравственных ценностей и духовных богатств для народа считалась непозволительной роскошью, а мысль, что «именно язык главным образом сохраняет нацию», была попросту крамольной, ибо от национального самосознания до понимания необходимости освобождения остается лишь один небольшой шаг.

С последствиями этого почти поголовного невежества Микаэлу придется встретиться еще не раз.

И на фоне такой безликости, опасливости и беспомощности Микаэл уяснил для себя ту истину, что не нужно бояться действительности, не следует отчаиваться и тем более не надо приходить в ярость. Будучи уверенным в собственной правоте, необходимо воспитывать в себе такую силу духа, чтобы принять действительность такой, какая она есть. Только в этом случае твои благородные порывы и истинные идеи пробьют себе путь к людям.

Маттеос Веапетян все больше убеждался в том, как правильно он поступил, взяв на должность секретаря епархиальной консистории Микаэла Налбандяна. И с каждым решенным вопросом все более крепили вера и доверие епархиального начальника к своему секретарю.

Маттеос Веапетян доверил Микаэлу даже свои обязанности... цензора. Дело в том, что публикующиеся в Москве работы иногда посылались Веапетяну на цензуру. Налбандян с охотой стал исполнять и эту работу и с интересом читал новые книги, но с наибольшим удовольствием — книги преподавателя Лазаревского института Степаноса Назаряна. Впервые это имя Микаэл прочитал на титульном листе труда, озаглавленного «Опыт психологии», и после первых же строчек не смог оторваться от книги.

Свои четкие определения в книге нашли такие вопросы, которые давно уже не давали Микаэлу покоя. Родину надо любить не бесплодными и суетными словесами, писал автор, а «...рассмотрением пытливейшей мыслью

нужд нации своей и с энергичной твердостью предложением ей бальзама». Автор был озабочен тем, что на армянском языке нет учебников по различным наукам, а учебники на чужих языках уже с детства отчуждают учеников от своего родного народа, ибо «на языке нации своей говорит и думает каждый, и именно язык отделяет народ от народа, а также именно он связывает людей меж собой, объединяет их в народ».

Непростительной и преступной ошибкой считал Степанос Назарян небрежение к собственному языку и литературе, так как, «когда исчезает речь и письмо, то и нация, само существование которой тесно и нераздельно связано с ними, не может быть прочной, а катится неудержимо в пропасть гибели».

Но самым неожиданным было то, что в своем труде, изложенном на классическом армянском — грабаре, — этот удивительный человек призывал отказаться от древнего и уже непонятного народу языка и распространять свет знаний и создавать литературу на разговорном языке. Призывал к тому, что уже много лет назад делал в своей школе Габриэл Патканян... Язык и литература создаются для тысяч, а грабар непонятен этим тысячам, поэтому делу сохранения и просвещения нации классический армянский служить уже не может, ибо «легче мертвого воскресить и поднять из могилы, чем весь народ армянский вспять повернуть к древности». Умный и высокообразованный автор терпеливо доказывал, что закон человеческого развития един для всех народов, следовательно, армяне тоже не составляют исключения из общего правила, а как полноправные члены единого человеческого рода обязаны идти по тому же пути, по которому идут остальные.

...Есть ли более совершенный способ утвердиться в собственных силах, собственном разуме и своих верные умозаключениях, чем тот, когда самостоятельно сделанные тобой открытия подтверждаются другим человеком, о котором ты до сих пор не имел даже понятия?

Прочитав беспощадные строки Степаноса Назаряна о богачах и купцах, которые, погрязнув, с одной стороны, в полнейшем невежестве, а с другой стороны, «по-обезьяньи подражая всему европейскому», считали, что одним тем, что дома говорили со своими детьми по-армянски, они уже исполнили свой национальный долг, Микаэл Налбандян пережил сложное и противоречивое чувство потери и сожаления, однако вместе с тем получил и новую уверенность в правоте своей мысли. «Пока армяне не в состоянии думать, читать и писать на своем исконном языке, не может быть не только армянской науки и просвещения, но даже и самого армянства, — твердо и решительно звучали слова Назаряна. — Так и армянство наше без

чтения и письма на родном языке есть в наших глазах варварство, ибо язык и нация едины: нет языка без народа, как и народ без языка — полнейшая нелепость».

Микаэлу вдруг стало ясно, что все приобретенные им до сих пор знания — всего лишь основа для настоящего, глубокого и многостороннего развития, то есть того, что начисто исключалось в Нахичеване-на-Дону. Для поступления же в Лазаревский институт он должен был быть как минимум лет на десять моложе... Его время поступать в институт прошло.

А университеты Москвы или Петербурга?

Да, пожалуй...

Но для этого необходимо подготовиться к вступительным экзаменам и быть хоть минимально обеспеченным материально.

О подготовке к вступительным экзаменам не могло быть и речи, ибо, кроме всех своих забот, обязанностей и дел, Микаэл по-прежнему жил в бесконечной борьбе. И, как показали дальнейшие события, на этот раз действительно началась борьба не на жизнь, а на смерть...

Повод, конечно, оставался прежний.

Габриэл Патканян.

Ссылный учитель, вести о котором, доходившие из Тифлиса, всерьез беспокоили его редких друзей и прежде всего, конечно, его верного ученика.

Чтобы раздавить, растоптать и окончательно подчинить себе непримиримого и воинственного священника, Нерсес Аштаракеци непрестанно преследовал его, грозя окончательно ввергнуть в голод и нужду.

В Тифлисе Патканян пытался открыть пансионат, но ага затея не удалась. Попытался стать учителем в школе Нерсеса, но и это его желание не исполнилось.

Наконец, неутомимый священник добился права выпускать в Тифлисе еженедельную газету. Газета называлась «Арарат» и выходила на ашхарабаре — языке народа. Патканян печатал в ней нравоучительные беседы и рассказы, сообщал интересные сведения о научных открытиях, помещал отрывки из национальной истории, способствующие делу образования и народного просвещения.

Интересное совпадение: именно в газете «Арарат» Микаэл Налбандян и «встретился» во второй раз со Степаносом Назаряном, о котором Патканян писал:

«Много лет назад Степанос Назарян, увидев, что армяне, живущие в России, не желают слышать и не хотят понять необходимости упорядочения ашхарабара, дабы сделать его общественным языком, подал добрый совет взять пример с Европы. Этим он восстал против энергичных усилий некоторых сторонников грабара, утверждающих, что если ашхарабар получит свои правила, очистится и утвердится, то грабару от этого будет большой вред».

«Арарат», 1851, № 18

Кстати, именно в газете «Арарат» были опубликованы первые стихи Микаэла, которые он подписал так: «Микаэл Налбандянц, ученик св. отца Габриэла Патканяна, Нахичеван-на-Дону». Он продолжал, хоть и на расстоянии, обсуждать со своим бывшим учителем почти все свои дела, заботы и тревоги.

Еженедельник Габриэла Патканяна имел очень короткую жизнь, однако он привлек внимание русской интеллигенции. Вот что написал о нем впоследствии «Современник»:

«В 1845 году российские армяне стали выпускать свою первую газету «Кавказ», которая говорила на грабаре, не для всех армян понятном, поэтому она не смогла найти прочной опоры и вскоре прекратила свое существование. В 1851 году стала издаваться вторая газета российских армян — «Арарат», и уже на ашхарабаре. Это обстоятельство, кажется, являлось залогом устойчивости газеты, однако в виду непредусмотренного отъезда редактора печатание ее прекратилось».

Отъезд из Тифлиса явился для Габриэла Патканяна полнейшей неожиданностью. Тем более что он получил разрешение выехать в... Нахичеван-на-Дону. Конечно, он знал о развернутой Микаэлом бурной деятельности, однако и представить себе не мог, что тот сможет одержать такую победу. Да, Габриэл Патканян был глубоко убежден, что это являлось настоящей победой.

Однако, как уже говорилось, в Нахичеване-на-Дону действительно

началась яростная борьба, и право на возвращение Патканяна в Нахичеван явилось в этой борьбе всего лишь эпизодом.

Дело в том, что вскоре после поступления на работу секретарем Микаэл попытался обратить внимание Маттеоса Веапетяна на церковные средства, в свое время переданные Нерсесом Аштаракеци на попечение Арутюна Халибяна.

Это был действенный тактический прием, перенятый Микаэлом у своего учителя. Чтобы ослабить городскую денежную знать, Габриэл Патканян уже несколько раз поднимал вопрос отчетности по церковным средствам. И Микаэл решил последовать его примеру. Кстати, и впоследствии он в случае необходимости прибегал к этому испытанному приему, хотя и прекрасно знал, что вопрос об отчетности и тем более употреблении этих средств на действительно нужные цели никогда не будет разрешен.

Шум, поднятый вокруг церковных средств, являлся для Налбандяна средством добиться успеха в очень важной для него сфере. Перед ним стояла лишь одна задача — вызволить из ссылки своего учителя.

Случилось так, что дело об общественных суммах, опять как косвенное средство борьбы, заинтересовало тац-же и Маттеоса Веапетяна, отношения которого с Нерсесом Аштаракеци были натянутыми. Следовательно, потребовать отчета у протеже католикоса означало в какой-то степени ослабить противника.

Отношения Нерсеса Аштаракеци и Маттеоса Веапетяна разладились относительно недавно. Причиной этого явилась история с богачами Лазарянами, прочно утвердившимися в столицах и близкими к правительственным кругам.

У Хачатура Лазаряна не было наследника мужского пола. Поэтому двух своих дочерей он решил выдать замуж за своих племянников — Симона Абамеликяна и Ованеса Деланяна. Этот последний впоследствии стал графом Иваном Делеановым и министром просвещения. «Нерсес, который в то время был епархиальным начальником, — пишет Очевидец, — обратился к Хачатуру Лазаряну с большим назидательным письмом, дабы тот отказался от этого своего намерения. Во-первых, по той причине, что в смысле близости по крови женитьба на двоюродных братьях противоречила канонам армянской церкви, а еще потому, что подобное исключение могло породить нежелательный соблазн и послужить нехорошим примером». Но Хачатур Лазарян не видел иного выхода для спасения родовых богатств, поэтому обратился с этой же просьбой к Маттеосу Веапетяну, который не отказал ему и выдал разрешение на такой

брак.

И все это вопреки воле Нерсеса, уже католикоса всех армян.

Об этих разногласиях знали все, поэтому среди тех, кому покровительствовал или с кем близок был Нерсес Аштаракеци, Маттеос Веапетян имел множество врагов.

И именно для того, чтобы причинить им очередное небольшое «утеснение», Маттеос Веапетян, не обращая внимания на отговоры, потребовал у Арутюна Халибяна подробного отчета.

И Арутюн Халибян встал на дыбы точно так же, как несколько лет назад Мкыр-ага Попов. Сославшись на полученное от католикоса право, он категорически отказался представить какой бы то ни было отчет.

Маттеос Веапетян также не намерен был уступать. И обратился за помощью к правительству.

Халибян почувствовал, что положение его становится угрожающим. Опасался он не Веапетяна, который по натуре был человеком мягким и добросердечным. И не секретаря Налбандяна, который стал доверенным советником архиепископа и, как подозревали, толкал епархиального начальника на решительные действия. Халибян был достаточно опытен и понимал, что они могут Причинить ему лишь небольшие «утеснения». А страшила его та вполне реальная гроза, которая некогда разразилась над головой Мкыр-аги Попова. Арутюн Халибян не забыл, конечно, что в прежней стычке по поводу церковных денег выиграл вовсе не бедняга Габриэл Патканян, а он сам — могучий Халибян. Переломив хребет Мкыр-аге Попову, он фактически за бесценок приобрел его поместья... Опасения Халибяна были довольно обоснованны, ибо в городе выросло уже новое поколение молодых купцов, которые отнюдь не прочь были прибрать к рукам не только богатства Халибяна и его сторонников, но и власть в Армянском округе.

Вскоре выяснилось, что к Налбандяну действительно присоединилась группа богатых купцов, которые, верно угадав момент, рвались в бой. Командиром они выбрали себе двадцатичетырехлетнего купца Карапета Айрапетяна, а идейным вождем — двадцатилетнего Микаэла Налбандяна.

Карапет Айрапетян был наиболее умным, авторитетным и сильным представителем нового поколения нахичеванских купцов.

Очевидец пишет: «Они ездили в Сибирь за маслом, которого было там много, отборного качества и дешевого. Закупленным маслом они заполняли огромное количество бочек и бросали их в быструю реку Каму. Вода несла с собой эти бочки до самой Волги. Потом товар плыл по Волге до самого Царицына. Здесь бочки вылавливали из воды, сушей переправляли до

Калача и здесь вновь сплавляли по Дону до Нахичевана... А в Нахичеване товар через причалы Айрапетяна продолжал свой путь в Константинополь, Западную Европу, вплоть до Англии... Конечно, из России вывозилось не только масло. Нахичеванские купцы снабжали европейские страны также шерстью, кожей и драгоценной пушниной».

Расположение и доверие молодых негоциантов Налбандян завоевал не только своей принципиальностью. Дело в том, что и родные, и сводные его братья находились в среде тех же купцов, да и сестры его были замужем за купцами... Словом, они хоть и были обладателями скромного состояния, но зато «своими», посему «своим» был и Микаэл Налбандян. Кстати, Серовбэ, тот самый брат Микаэла, что владел аптекой, все-таки ухитрился разбогатеть и стал Серафимом Кузнецовым.

В те годы в Нахичеване-на-Дону уже существовал антагонизм между «старыми» и «новыми», однако, еще не имея достаточно явного повода, чтобы выявиться во всей своей силе, он казался пока следствием обычной конкуренции.

Поэтому, когда Маттеос Веапетян для тщательной проверки состояния церковных средств создал комиссию под руководством Карапета Айрапетяна, Нахичеван-на-Дону тут же разделился на два лагеря.

Микаэл использовал каждый случай, чтобы напомнить горожанам о школе Габриэла Патканяна, всегда напоминал, что первым вопрос о церковных средствах, являющихся общественной собственностью, поднял Патканян, за что и был сослан. И будет весьма справедливо, внушал Микаэл, если нахичеванцы потребуют возвратить из Тифлиса своего любимого учителя, а на отобранные у Халибяна церковные средства построят настоящую школу.

Его старания не пропали даром. Те же самые люди, которые пикнуть не смели, когда несколько лет назад в доме Зенгин Карапета вершилась расправа над Патканяном, теперь составили ходатайство и представили его в магистрат.

Городской голова принадлежал к лагерю Халибяна, поэтому какой-либо ход этой бумаге мог дать лишь сам Халибян.

Агрессивность и последовательность молодого Айрапетяна и его сторонников оказались неожиданностью для вступившего в седьмой десяток Халибяна. Он чувствовал необходимость передышки, поэтому по тактическим соображениям он пообещал удовлетворить ходатайство о возвращении Патканяна.

Вот почему отъезд Патканяна из Тифлиса «Современник» счел «непредвиденным».

Вернувшись в Нахичеван-на-Дону, Габриэл Патканян не только сразу же открыл школу, где стал учить детей армянскому, русскому, истории и арифметике, но и начал переговоры с епархиальным начальником об открытии в Нахичеване типографии. Мысль об издании в Нахичеване еженедельной газеты не оставляла Патканяна.

Столь быстрый приезд Габриэла Патканяна насторожил Арутюна Халибяна, но когда до него дошли слухи, что тот решил не вмешиваться ни в чьи дела, а заниматься только учительством, да еще, если получится, типографией и основанием газеты, Халибян несколько успокоился.

Патканян и на самом деле «образумился». Он и впрямь не желал больше вмешиваться в чужие дела, тем более что в противном случае он так или иначе должен был столкнуться либо с Халибяном, либо с католиком. Он слишком много страдал и теперь хотел хоть немного пожить спокойно.

Он был уверен в себе и убежден, что именно так все и будет.

Для Арутюна Халибяна главным сейчас было обезвредить Микаэла Налбандяна.

Но тому покровительствовал своей властью, своим авторитетом и обширными связями сам Маттеос Веапетян. Причем благодаря своему надежному и умному секретарю значительно усилился и архиепископ.

Следовательно, прежде всего нужно было разъединить их. Или же создать такое положение, когда молодой секретарь вынужден будет заниматься только своими делами.

А в руках Халибяна был уже способ заставить Налбандяна поступить именно так.

...Еще до всех этих событий Нерсес Аштаракеци особым посланием уведомил Халибяна, что в его руки попали письма Микаэла Налбандяна к дьячку Саркису. Послав их копии, католикос потребовал, чтобы за «бесстыдные писания» по адресу почтенных и уважаемых граждан магистрат призвал Налбандяна к ответу.

Сделать это пока еще не удавалось, так как Маттеос Веапетян всячески затягивал рассмотрение дела.

Налбандян же, в свою очередь, прикидывался простачком, ссылаясь на то, что письма подписаны «Устаян», в то же время, как сам он Налбандян. Конечно, такой явный отказ ущемлял его самолюбие, ведь Микаэл всегда говорил правду в глаза...

Искусственная волокита с письмом и фамилиями длилась довольно долго. Арутюн Халибян решил покончить с этой комедией и подробно

написал католикосу о том сложном и напряженном положении, что сложилось в городе.

Из Эчмиадаина пришло распоряжение, чтобы Микаэл Назаров Устаян, он же Налбандян, срочно прибыл к католикосу, дабы держать ответ за свои «непорядочные и нечестивые действия».

Положение еще более усложнилось, хотя Маттеос Веапетян и старался всячески защитить своего секретаря. Сообщив в Эчмиадзин, что он не может пока приехать за неимением средств на дорожные расходы, Микаэл на время почувствовал себя в безопасности.

Микаэл Налбандян — Григору Налбандяну.

14 марта 1852 г.

«Твое письмо получил, вот пишу ответ, чтобы за меня не боялись и из-за всяких глупых слухов не беспокоились. Хотя и вызывали, но у меня не было времени, о чем и сообщил им надлежащим образом».

Однако так или иначе он был в положении беглеца. А сколько можно оставаться беглецом? До тех пор, пожалуй, пока Маттеос Веапетян в состоянии защищать Микаэла.

Следовательно, пришло уже время указать епархиальному начальнику его место.

И по распоряжению католикоса епископ Саркис Джалалян начал в епархиальном совете расследование. Одновременно с этим католикос попросил графа Михаила Воронцова арестовать и препроводить в Эчмиадзин Микаэла Налбандяна.

Михаил Воронцов — Нерсесу Аштаракеци.

«Содержание почтеннейшего отношения вашего святейшества о высылке из Нахичевана в Эчмиадзин дьяка Михаила Налбандяна я сообщил г. Екатеринославскому гражданскому губернатору, для надлежащего распоряжения».

Кольцо вокруг Микаэла сжималось все туже и туже. Однако судьба, казалось, покровительствовала ему. Когда Нахичеванский магистрат во

исполнение распоряжения наместника отправил полиции Кишинева, где в это время находился Налбандян, письмо с распоряжением арестовать его, было уже поздно — Микаэл успел выехать в Нахичеван.

Поздно вечером 5 июня 1853 года он въехал в Нахичеван. Однако весть о его прибытии с быстротой молнии разнеслась среди его друзей и соратников. «Священники в ризах явились к нему, дабы принести ему дань своего уважения», — пишет Очевидец.

А Габриэл Патканян послал известить Микаэла, что хочет срочно видеть его.

«Они вместе вышли из города на прогулку, — продолжает Очевидец. — Габриэл поинтересовался, видел ли его кто-нибудь, когда он въезжал в город? Микаэл вспомнил, что встретил лишь какого-то водоноса. Но и этого было достаточно, чтобы отец Габриэл серьезно обеспокоился. Он был уверен, что водонос обязательно сообщит об этом в магистрат. Все в городе знали, с каким нетерпением ждут Микаэла Арутюн Халиблян, Саргис Джалалян и Мкртич Екенян... Поэтому, срочно вернувшись домой, Габриэл приказал запрячь свою пролетку, вывел черным ходом Микаэла и еще долго стоял, прислушиваясь, как постепенно стихает в ночи стук копыт... Такая поспешность оказалась очень кстати, ибо вскоре явились полицейские, перед которыми, однако, Габриэл ловко разыграл простачка.

...На другой день в доме мастера Казара был траур, так как прошлым вечером Микаэл, появившись на короткое время, внезапно исчез. Никто не знал, куда он ушел. А может, он утонул в Доне или убит?

Ничто в Нахичеване нельзя было удержать в секрете. Через несколько дней по городу стали расползаться слухи, что Габриэл, мол, неведомыми путями узнав, что Микаэлу грозит арест, помог ему сбежать из города.

Арутюн Халиблян счел свою программу хоть и частично, но выполненной. В одном, он был уверен твердо: спасаясь от ареста, Микаэл какое-то время должен будет молчать. Кроме того, Халиблян было известно, что другой его соперник — Маттеос Веапетян — в ближайшем будущем также будет нейтрализован. Католикос не мог простить ему ни покровительства дерзкому Налбандяну, ни разрешения на запрещенный брак детей Лазарянов, ни обращения к светским властям по поводу церковных средств. За все эти «прегрешения» католикос намеревался перевести Маттеоса Веапетяна в Астраханскую епархию.

Оставался лишь Габриэл Патканян, который, несмотря на все клятвы и заверения, тем не менее действовал против Халибяна.

И на этот раз Арутюн Халиблян действовал своими излюбленными

методами. С помощью подкупленных свидетелей Патканян был обвинен в «намерении убить Халибьяна». Поспешно созванное судебное заседание осудило «преступного организатора покушения», и Патканяна тут же отправили в ростовскую тюрьму, где он пробыл долгих семь лет.

...И жизнь в Нахичеване-на-Дону стала вновь входить в свое обычное застойное русло. Национальные проблемы и заботы были забыты. Начавшаяся было борьба за справедливость сменилась бессмысленным соперничеством, столь характерным для быстро разбогатевших мещан с заплывшими от жира мозгами.

Нет, они не отказались от напыщенных речей о своей любви к нации, не отказались от желания «просвещаться» и продвигаться дальше по стезе «прогресса». И они тщились подражать «образу жизни» чужаков, их расточительности и беспутству...

«В Нахичеване стали строить такие дома, заводить такие кареты и лошадей, какие приличествует иметь лишь в столицах... — пишет Очевидец. — И именно эта страсть ко всему новомодному, тщеславие, ухарство и чванство и влекли город к его нравственной гибели».

Осенью в Нахичеване распространился и вскоре дошел и до Вардуи слух о том, что Микаэл не утонул в Доне и не стал жертвой разбойников, а уехал в Ростов, оттуда же — в Москву.

И если до этого девушка молча, про себя, оплакивала Микаэла, то сейчас почувствовала себя оскорбленной до глубины души — Микаэл уехал, даже не простившись с ней...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ЛАЗАРЕВСКОМ ИНСТИТУТЕ

Я армянин... Я сын несчастного народа, имевшего некогда свою государственность, свою землю, закон, меч и знамя.

Микаэл Налбандян

Русские течения не миновали столичную армянскую молодежь, наиболее деятельными представителями которой являлись тогда питомцы Лазаревского института.

Михаил Лемке

Хотя Налбандян с юношеских лет мечтал о Москве, он даже не подозревал, что идея перебраться в Москву может родиться столь неожиданно.

Ускользнув от ареста, он выехал в Ростов, а оттуда в Кишинев, чтобы вместе с Маттеосом Веапетяном обсудить сложившееся положение. Архиепископ знал, что Налбандяна ищет полиция. Кишиневский квартальный надзиратель уже несколько раз являлся в епархиальный совет. Следовательно, Налбандяну на некоторое время было лучше вообще исчезнуть. Тогда и родилась идея уехать в Москву. Католикосу вряд ли удастся простереть свою власть до тех мест, кроме того, молодой секретарь оказался бы в Москве под покровительством Ованеса и Хачатура Лазарянов.

Маттеос Веапетян дал Микаэлу два рекомендательных письма. Нервоз на имя Лазарянов, второе — магистру Мееру Мсеряну, который преподавал в институте и мог подыскать Налбандяну какую-нибудь работу или, что было наиболее желательным, помочь ему получить должность учителя армянского языка.

Попечитель Лазаревского института Ованес Лазарян уважил просьбу архиепископа Маттеоса Веапетяна, тем более что тот представил Налбандяна в качестве своего племянника. Учитывая, что молодой человек «совершеннейшим образом знает армянскую литературу и имеет хорошие

способности», а также, естественно, и то, что нельзя не исполнить просьбу человека, оказавшего большие услуги семейству Лазарянов, Ованес Лазарян предложил правлению института принять Налбандяна на должность преподавателя армянского языка.

В те же дни преследователи, успевшие снова напасть на след беглого секретаря, завязали оживленную переписку, стремясь держать друг друга в курсе всех событий.

**Саргис Джалалян — Мееру Мсеряну.
18 июля 1853 года.**

«Писарь Микаэл Налбандян, отправленный преосвященным в Москву для получения у вас свидетельства об обучении, бежал от суда его святейшества, ибо за свои нечестивые писания к нему был он потребован к наместнику Кавказа... Но пока хотели схватить его и отправить в Тифлис в руки защитников наших, бежал он стараниями Патканяна... к вам, о чем и посылаю дружеское уведомление...»

Но даже при таких покровителях, как Лазаряны, для получения должности учителя необходимо было представить свидетельство об окончании школы. В противном же случае следовало сдать надлежащий экзамен. Микаэл, понятно, не мог представить свидетельства, однако готов был сдать экзамены, которые должен был принять у него не кто иной, как сам магистр Меер Мсерян.

Однако Мсерян был уже предупрежден, с кем имеет дело. Письмо Джалаляна дошло до него вовремя. Под разными предлогами он отказался принять у Микаэла экзамены или выдать ему свидетельство.

У Микаэла оставался только один выход: сдать экзамены на арменоведческом факультете Петербургского университета.

И он отправился в Петербург.

За две недели он блестяще сдал преподавателю армянского языка Петербургского университета Мкртичу Берояну экзамены по армянскому языку, географии и истории Армении, а также по арифметике.

Знал ли Микаэл, предполагал ли он, что его все еще продолжают преследовать, что всюду ему расставляют ловушки?

Михаил Воронцов — Нерсесу Аштаракеци.

31 августа 1853 г.

«Всемилоостивейший святейший пастырь, распорядившись изгнать дьячка Микаэла Устаяна из Кишинева в Эчмиадзин, честь имею о сем вашему святейшеству сообщить».

Граф Воронцов, конечно, порядочно опоздал. Однако это отставание враги Микаэла пытались наверстать своими интригами в Москве.

Пока Микаэл Налбандян собирался возвращаться из Петербурга в Москву со свидетельством учителя армянского языка, Меер Мсерян через инспектора института Мкртича Эмина уже успел сообщить управляющему, что назначение Налбандяна учителем может опозорить институт. Одновременно Мсерян всячески торопил Саргиса Джалаляна с исполнением решения Нахичеванского магистрата — с помощью полиции отправить Микаэла обратно. Джалалян, в свою очередь, постарался настроить директора против Налбандяна.

«Приложите все усилия днем раньше исполнить требование магистрата через местную полицию или военного губернатора, — подстрекал его Мсерян. — Нелишним будет также, чтобы Вы постарались подробно ознакомить инспектора института Мкртича Эмина о делах его, ибо человек он умный и рассудительный и, несомненно, прислушается к Вашему совету».

И только благодаря последовательности Ованеса Лазаряна директор института полковник Зеленой все-таки поручил Налбандяну уроки армянского языка в первом и втором классах. И лишь по настоянию Ованеса Лазаряна молодому учителю предоставили одну из комнат в самом институте — бывшую квартиру профессора русской словесности Зиновьева.

Таким образом, через несколько месяцев после своего возвращения в Москву Микаэл Налбандян уже имел твердое жалованье, пристанище и даже разрешение пользоваться столовой института. Лучшего он не мог и желать. Микаэлу оставалось только постепенно освоиться на новом месте, и подумать об учебе в Московском университете. Да, теперь он мог с полным правом повторить слова Теренция: «In me omnis spes est mihi...»^[16]

Весть о новом учителе тут же распространилась по всему институту. Ученики первого и второго классов с нетерпением ждали учителя, назначение которого — это было уже известно всем — состоялось лишь по

настоянию братьев Лазарян. Это обстоятельство еще более подогревало интерес к нему.

Но когда Микаэл Налбандян, сопровождаемый инспектором Мкртичем Эмином, вошел в класс, ученики были разочарованы, ибо щупленький строгий учитель о бакенбардами и в коротком фраке произвел на них не особо приятное впечатление. Когда официальное представление закончилось и инспектор вышел, Микаэл Налбандян тут же поднялся на кафедру и начал свой первый урок. И словно перевоплотился. «Его и без того блестящие глаза сверкнули огнем, а лицо приняло такое прекрасное и привлекательное выражение, что он сразу же захватил наши сердца и связал их со своим», — вспоминает один из его учеников. Чуть погодя уже весь класс заворуженно слушал Микаэла, который говорил на прекрасном ашхарабаре, говорил ясно, очень непосредственно, возвышенными и прекрасными словами, ибо у него было много чего сказать ученикам, были мысли, которые он должен был передать им, и идеи, которыми он должен был заразить этих юношей.

— Оставьте грабар, юноши, отныне мы будем изучать ашхарабар! — таким кратким заявлением начал он свой первый урок.

И это было так похоже на него! Уверенный в своих убеждениях, он никогда не оглядывался на других, презирал всяческие предрассудки и не принимал в расчет того, что его слова или мнение могут породить целую армию врагов, которые в ближайшем же будущем начнут его травить и причинят немало горя... Ибо он просто не мог иначе. Так он и прожил свою жизнь — всегда верный себе, своей сути, своему характеру и своим принципам.

Он не мог представить, что можно жить иначе, хотя часто встречал и еще не раз встретит людей, которые жили, на каждом шагу изменяя своему «я», меняя маски, умело и ловко сообразуясь с окружающими — со всеми теми, что давно уже приспособились к своей затхлой жизни и были готовы на все, лишь бы не проникла свежая струйка в смрадное, застойное болото их жизни.

Было бы верным и оправданным такое его поведение? Разве не лучше бы было с терпеливой последовательностью, не торопясь, изо дня в день и из месяца в месяц передавать ученикам все то, чем горел он сам? Ведь ни одно его слово и выражение не могло остаться в стенах класса, а неизбежно вышло бы за его пределы и яростным громом прокатилось по всему институту.

Да, конечно, он мог.

Но разве остался бы он тогда самим собой — Микаэлом Налбандяном,

который спешил всю свою жизнь?! Спешил в несколько лет пробудить свой народ, многие века назад утративший свою государственность, внушить ему чувство достоинства, веру в свои силы.

Нереальная задача?

Но таким он был, Микаэл Налбандян!

И в то же время он оставался все тем же влюбленным юношей, который, сидя в своей каморке при свете свечи, часто вспоминал Вардуи. Он не мог простить себе, что в ту злополучную ночь уехал из Нахичевана, не попрощавшись с ней, а потом не нашел способа послать ей хоть какую-нибудь весточку. Мысленно беседовал с девушкой, объясняя, какими ему представляются истинные взаимоотношения мужа и жены... Он готов был принести свое сердце в дар любимой, но взамен требовал того же... Того же... Он клялся остаться верным любимой женщине до самой смерти и требовал той же взаимности...

Пожалуй, именно в эти дни задумал он или же начал уже писать историю своей любви, которую озаглавил так: «Одному — слово, другому — невесту».

И этот влюбленный и мечтательный юноша тоже был он — Микаэл Налбандян.

...«Оставьте грабар... будем изучать ашхарабар!» — для инспектора Мкртича Эмина и магистра Меера Мсеряна прозвучали как дерзкий вызов.

Да, Микаэл Налбандян действительно обладал удивительным даром создавать из ничего повод для беспощадной борьбы...

Противники его, уже располагавшие исчерпывающими сведениями о Налбандяне, были достаточны сильны, причем не только своей властью, но и жизненным опытом.

Еще до своего приезда в Москву Микаэл Налбандян заочно знал как Степаноса Назаряна, так и не менее известного ученого Мкртича Эмина.

Мкртич Эмин был феноменом. И как личность, и как ученый. Это был один из тех осужденных трагической судьбой людей, каких немало среди армян. И трагедия его заключалась в почти атрофированном чувстве национальной принадлежности, хотя эта мысль никогда не приходила ему в голову. На примере этого человека должен был увидеть Микаэл тот страшный результат, к которому может прийти как отдельная личность, так и целый народ, когда он отчуждается сам от себя.

Мкртич Эмин родился в Новой Джуте, откуда в девятилетнем возрасте был отправлен в Калькутту, к бабке по матери, вышедшей замуж за одного из крупнейших армянских негодянтов Индии. Учиться его отдали в

Калькуттскую гуманитарную семинарию, считавшуюся в свое время одной из лучших армянских школ. В 1829 году учителя посоветовали мальчику, обладавшему исключительными способностями, продолжить, пока он молод, учебу в Лазаревском институте в Москве.

Он отправился в Европу на каком-то шведском торговом судне. Путешествие было довольно долгим и опасным. Целых полгода добирался он до Стокгольма, потом прошел еще месяц, прежде чем он через Финляндию попал в Россию.

...Окончив Лазаревский институт, он поступил в Московский университет. В двадцать три года Мкртич Эмин был уже преподавателем армянского языка в Лазаревском институте.

И самым странным было то, что, закончив образование в Московском университете, где обучение велось новейшими методами, и применяя те же самые методы в своих научных изысканиях, преподавание армянского языка в институте Мкртич Эмин вел даже не устаревшими способами, а так, как обучали греческому и латыни — языкам, совершенно неизвестным и чуждым студентам.

Микаэл Налбандян быстро угадал, что дело вовсе не в методах преподавания. И даже не в том, что в Лазаревском институте, где обучались преимущественно армяне, преподавание велось на русском языке.

Тревожная догадка Микаэла подтвердилась, когда он взял в руки составленные Эмином «Воскепорики»^[17] — в последние десятилетия пятнадцать лет основные пособия по языку и литературе для студентов. В этих книгах были помещены на грабаре избранные отрывки из трудов древних армянских историков со словарями и примечаниями — ведь грабар давно уже уступил место живому народному языку, поэтому слишком многое нуждалось в объяснениях. Однако грабар оставался армянским языком. Пусть даже древний, уже не употребляемый народом, но армянский... Поэтому Микаэлу сразу же показалось странным и непонятным то, что словари и примечания сделаны на... русском! Следуя такой логике, следовало и русский язык, и литературу преподавать, скажем, на французском, который был разговорным языком русской знати. Это недоумение молодого учителя относительно «метода» Мкртича Эмина станет тем более понятным, если учесть, что оба языка — как русский, так и армянский — являлись в институте обязательными. Причем установка эта шла вовсе не «сверху», и еще добрых полвека оставалось до того дня, когда князь Николай Голицын^[18] в открытую заявил: «От наших средних и высших училищ мы требуем не науки, а ожидаем русификации».

Можно понять недоумение Налбандяна, если учесть и то, что от немногочисленных в институте воспитанников-неармян знание армянского языка требовалось столь же строго.

Если никто не требовал, чтобы преподавание в институте велось на русском языке, то никто ведь и не запрещал, чтобы хотя бы преподавание армянского языка велось на... армянском.

Разве это не нелепость, когда Мкртич Эмин, пренебрегая простым и всем понятным ашхарабаром, учил грабару с помощью русского языка, требуя, чтобы ученики для лучшего усвоения урока делали переводы с грабара не на ашхарабар, а на русский?.. И была ли какая-нибудь закономерность в принципах этого неумолимого и незаурядного ученого? Почему он, основательно знавший русский, французский, английский и немецкий, владевший греческим и латынью, знакомый с историей развития языков и с данными сравнительной лингвистики своего времени, — почему же он, Мкртич Эмин, способный сразу принять и понять каждое новое явление, относящееся к изучению иностранных языков, — во всем, что касалось армянского языка, опровергал самого себя?

Такое презрительное отношение к родному языку не было, разумеется, новостью для Микаэла. Смущало его лишь то обстоятельство, что этот человек, обладавший огромными научными знаниями, ученый широкого умственного кругозора, был почему-то столь беспощаден и нетерпим к тому передовому, что имело хоть какое-то отношение к его родине.

Об этом, а также об искусственном усложнении процесса обучения Микаэл Налбандян часто беседовал с другим преподавателем Лазаревского института — Степаносом Назаряном. Знакомство Налбандяна в бытность его секретарем консистории с трудами Назаряна помогло им сблизиться после первых же встреч, и Степанос Назарян вновь вернулся к своей лелеемой с давних пор мечте издавать газету на ашхарабаре. Младшему своему коллеге и единомышленнику Назарян должен был, по-видимому, высказать те же свои мысли о просвещении и образовании, которые успел уже выразить год-два назад в одном из писем.

**Степанос Назарян — Григору Султаняну.
13 июля 1850 г.**

«Что, если б и дети наших армян могли получать на своем языке знания так же, как дети немцев, французов и русских? Однако армянские дети рождены для мучений, ибо родители их и вообще народ армянский, ничего не понимая, не сделал ничего

для облегчения учебы. Подтверждение сказанному мной вижу каждый день воочию, однако помочь ничем нельзя, так как богачи наши радуют о своей суетной славе, а не о просвещении нации. Дети наших армян, что приезжают сюда из Тифлиса, Астрахани, Кизляра и Нахичевана, обязаны... учиться на русском, так как обучение всем предметам в Лазаревском институте ведется на русском языке и русскими учителями, и сколько бы ни изучали армянские дети свой древний письменный язык, это бесполезно: язык, который не является проводником учебы, язык, на котором ребенок не будет ни говорить, ни думать, — не может служить просвещению. Наши достопочтенные армяне все исковеркали и запутали; говори сколько хочешь, пиши — все напрасно, бесполезно...»

Общаясь с московскими армянами, Микаэл заметил, что здесь образовался некий круг интеллигенции, состоявший преимущественно из воспитанников института. Они немного читали на классическом армянском, немного знали армянскую литературу, а в случае крайней необходимости могли кое-как поговорить и с еще большим трудом изложить на бумаге свои мысли. Они любили по каждому поводу бить себя в грудь и распинаться в любви к народу и его культуре, хотя в то же время говорить по-армянски дома считали постыдным для себя. Поэтому любовь, которую они якобы питали к своему народу, его литературе, культуре, языку, была чисто платонической.

Эмин был, несомненно, одним из таких «рыцарей» платонической любви. И Микаэл в его лице должен был увидеть очередной неблагоприятный для армян пример того, как видный ученый, по каким-то причинам оторвавшийся от родных корней, может, как крупнейший армяновед, украшать научный небосвод и в то же самое время мешать делу просвещения нации. А ведь проблемы просвещения, национальной жизни, да и самого существования нации стояли так остро, что, по крайней мере, непростительно было лишь украшать собой небосвод...

Однако первые дни и месяцы московской жизни Микаэла полны были не только одними огорчительными открытиями, которые могли, пожалуй, привести в уныние каждого. Перед ним открылся еще и новый и совершенно незнакомый мир, который даже в тяжелые и мрачные годы царствования Николая Первого все-таки смогла создать передовая русская

интеллигенция, охваченная свободолобивыми идеями...

Еще в Нахичеване-на-Дону Микаэл Налбандян слышал от бывшего студента Лазаревского института о Виссарионе Белинском. И сейчас в Москве он словно по мановению волшебной палочки очутился вдруг в атмосфере, созданной Белинским и его единомышленниками.

Налбандян жадно впитывал все то, что рассеивало его сомнения и недоумение, заставляло серьезно задуматься о продолжении своего образования, так как выяснилось, что приобретенные им в школе Патканяна и самообразованием знания весьма скромны и вряд ли смогут помочь ему найти ответы на мучившие его вопросы.

Высказанные Виссарионом Белинским суждения об общественном и национальном самосознании, о языке и литературе почти целиком были верны и для той действительности, в которой жили армяне.

Общественной и социальной жизни, как считал Налбандян, в Армянском округе не существовало по той простой причине, что не было и самого... общества. И закономерно рождалась мысль, что именно это являлось одной из основных причин того, что сохранялся книжный или классический армянский грабар. «Если нет общества, то нет и общественных интересов, для выражения которых ж необходим понятный всем язык». Сомнения Налбандяна относительно европейских влияний также нашли свое разрешение, поскольку и в русской действительности Существовало преклонение перед внешне европейскими манерами, — «европеизм». Восхищение всем европейским только потому, что оно не было азиатским, было, несомненно, опасной тенденцией. Любить и уважать европейское, стремиться к нему оправдано лишь в том случае, когда это европейское человечно. Следовательно, утверждал Виссарион Белинский, все европейское, чуждое человечности, должно быть отвергнуто так же энергично, как отвергается все бесчеловечное азиатское.

«Обезьянничанием», копированием, подражанием лишь чисто внешнему, то есть лишенному национального, нельзя сохранить свое политическое и государственное существование. И даже больше: «без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения... Человек силен и обеспечен только в обществе, но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя непосредственная, органическая связь — *национальность*».

Для Микаэла Налбандяна эти четкие формулировки явились подтверждением его собственных, но еще смутных впечатлений, мыслей и

предположений.

Предпосылка прогресса — национальное. Даже если прогресс одного народа осуществляется путем заимствований у другого. Иначе нет прогресса. Интересна также мысль: «Что человек без личности, то народ без национальности». И это доказывается тем, что нации, игравшие и играющие первые роли в истории человечества, «отличались и отличаются наиболее резкою национальностью».

Благодаря просвещению вражда и неприязнь между народами постепенно исчезают... Француз уже не ненавидит англичанина лишь потому, что тот англичанин, и наоборот. Следовательно, от просвещения зависит очень много такого, что незаметно с первого взгляда. Именно просвещением скрепляется братство народов, и можно быть уверенным, что благодаря ему когда-нибудь исчезнут кровопролития и тирания... По убеждению Виссариона Белинского, благодаря просвещению все более заметными становятся взаимная симпатия и любовь между народами.

Взаимовлияния, которыми обуславливается прогресс человечества и которые являются плодами просвещения, отнюдь не затушевывают национальных особенностей и вовсе не делают народы похожими, как две капли воды, — уточняет Виссарион Белинский. Наоборот: француз, например, желает оставаться французом и хочет, чтобы и немец оставался немцем. Только при этом условии немец может представлять для француза интерес. Все европейские народы находятся в таких отношениях и энергично заимствуют друг у друга, отнюдь не боясь повредить своему национальному. История неоднократно доказывала, что такой страх испытывают только морально бессильные и ничтожные народы.

«Литература есть сознание народа», — считал Белинский. «Литературу могут иметь только те народы, в национальном развитии которых выразилось развитие человечества», — писал он.

Чем глубже вникал Микаэл в проблемы языка, литературы и прежде всего не решенной еще проблемы просвещения, тем яснее становилась для него программа действия.

Прежде всего ему нужно поступить в Московский университет. Но, конечно, без отказа от должности учителя в Лазаревском институте, которая обеспечивала ему квартиру и жалованье.

Это был, конечно, разумный план.

Однако он словно знал, что спокойная жизнь не для него.

Поскольку не удалось помешать Налбандяну в Москве, Меер Мсерян тут же сообщил в Нахичеван-на-Дону о назначении Микаэла учителем,

потребовав от Саргиса Джалаляна, чтобы оттуда были предприняты хоть какие-нибудь практические шаги. Вскоре пришел ответ на его письмо.

**Саргис Джалалян — Мееру Мсеряну,
17 ноября 1853 г.**

«Здесьшний Магистрат потребовал у московской полиции препроводить сюда подлеца Налбандяна, и я удивляюсь, как начальство ваше назначило сего недостойнейшего учителем юных и прелестных детей, ибо он осквернит окончательно нравственность их, а это горше, чем сама смерть!..»

А Налбандян, не ведая еще обо всем этом, продолжал вдохновенно разрушать окостеневшие традиции Лазаревского института. Он не только вел свои уроки на разговорном армянском, но и требовал переводить отрывки, помещенные в «Воскепориках» Мкртича Эмина, не на русский, а на ашхарабар.

«Древний язык ушел безвозвратно, потому что ушли и древние времена», — любил повторять Микаэл. «Ну и что?» — недоуменно поводили плечами защитники классического грабара, которые вообще лишены были чувства времени. И доказывали свою точку зрения тем, что грамматика грабара отточена и отшлифована веками, и, кроме того, грабар попросту... красив! Причем такого же мнения были и сами воспитанники института, для которых странным и неожиданным было все, что говорил новый учитель. А тот терпеливо разъяснял, что новый, живой, разговорный язык развивается со временем, а то, что гармонично времени, не может быть уродливым. И если даже у нового языка нет пока четкой стройности грабара, то тем не менее именно он выражает нужды людей... И самое важное, именно новый язык объединит армян, сплотит их в нацию. Язык является той могучей силой, которая способна защитить и до сих пор защищала народ от губительных вихрей истории. Против языка бессильны оказались мечи и штыки варваров... В мире природы существуют такие могучие силы, как теплота, электричество, однако самой великой силой, созданной природой для мира нравственного, является язык. Следовательно, язык заключает в себя более великие таинства, чем одна лишь «красота». Воистину, только через язык можно открыть перед человеком запертые врата мира познания, язык — главное средство прогресса и просвещения, и, наконец, именно язык является основой всех

нравственных и моральных воззрений.

Начиная во время уроков оживленную беседу с учениками, Налбандян стремился пробудить их любознательность и помочь им не только научиться мыслить, но и мыслить логически, аргументировать.

«Нет ничего такого на свете, что не подчинялось бы законам природы, — говорил он. — Что не так — ложно... А поскольку язык существует и не является ложным, то и он следует законам природы».

...Мкртич Эмин и Меер Мсерян внешне были как будто равнодушны к этим «вредным» мыслям Микаэла. Однако это вовсе не означало, что они молча терпели их: Мсерян, например, распространял порочащие Налбандяна слухи и рассылал письма по самым разным адресам — в Санкт-Петербург и Тифлис, Нахичеван-на-Дону и Эчмиадзин — и самым разным людям: Ованесу Лазаряну, Ованесу Деланяну, архимандриту Алтуняну, Кареняну, священнику Саятняну и католикосу Нерсесу Аштаракеци...

Один из питомцев Лазаревского института, учившийся в те годы у Микаэла Налбандяна, вспоминает:

«Он говорил сам и старался разговорить нас. Исторический учебный материал он дополнял, рассказывал целые главы из армянской истории; часто отвлекаясь от темы, он перескакивал на совсем другое и, связывая все это с армянской жизнью, возбуждал наше любопытство и доставлял нам большое удовольствие. Так проходили дни и педели, и наши занятия становились похожи скорее на приятные и занимательные беседы, чем на обычные уроки. Однажды я спросил его: «Учитель, а когда мы начнем изучать грамматику и стили грабара?»

— Учить стили — бесцельное занятие, а грамматика всего лишь средства, а не цель, — объявил Налбандян. — Мы должны учиться мыслить по-армянски — вот главная цель вашей учебы!

Неудивительно поэтому, что сразу же после урока это безапелляционное заявление Микаэла Налбандяна стало известно всем в институте.

«Тогда мы не поняли смысла сказанного им, — продолжает бывший ученик. — А у него не оказалось времени разъяснить нам, так как вскоре он вынужден был оставить институт».

В самом конце июля 1854 года, то есть через три с половиной месяца после вступления в должность в Лазаревском институте, московская полиция арестовала Микаэла Налбандяна, дабы в принудительном порядке препроводить его в распоряжение магистрата Нахичевана-на-Дону.

Весть об аресте учителя тут же стала известна всем в институте.

Степанос Назарян поспешил к своему старому другу, священнику Мовсесу Алимханяну, и они вдвоем отправились в полицейское управление. Налбандян там уже дал свои объяснения: во-первых, он не может отправиться в Нахичеван-на-Дону, поскольку болен, и, во-вторых, вовсе не обязан являться духовным властям, ибо он не духовное лицо. Степанос Назарян и священник Мовсес Алимханян явились очень кстати, так как они тут же подтвердили соответствующими документами, что Налбандян действительно болен и отнюдь не является священнослужителем. После этого полиция была вынуждена освободить Микаэла под поручительство этих почтенных и достойных людей.

А директор института полковник Зеленой, уведомив попечителей об аресте учителя, тут же поспешил успокоить их, заверив, что это ни в коем случае не компрометирует институт, поскольку Налбандян еще не был официально утвержден учителем. Воспользовавшись случаем, полковник напомнил также, что в свое время он имел честь доложить уважаемым попечителям о тех неблагоприятных слухах об этом учителе, которые дошли до него. Своими познаниями в армянском языке новый учитель мог быть действительно полезен, продолжал полковник, однако по своему характеру и нравственным качествам он не может быть воспитателем. Так что, убеждал полковник, не следует жалеть об исключении из института человека, который своими поступками и подозрительным поведением мог навредить столь почтенному заведению.

Однако попечители даже после этого случая не спешили отказывать Налбандяну в должности. Поняв их настроение, Меер Мсерян поспешил доложить в Нахичеван-на-Дону.

**Меер Мсерян — Саргису Джалаляну.
Февраль.**

«...Назарян, дав поручительство за Налбандяна, взял также ложное свидетельство у врача о болезни его, чем помешал исполнению приказа наместника Кавказа...

Желая непременно оставить сего негодяя учителем в институте, нашел он неведомо каким образом решение Синода об исключении его из духовного сословия...

И хотя то воля Делеанова — вновь назначить Налбандяна учителем в институте, — однако управитель не согласен, говоря: «не могу этого сделать, пока не вижу письменного согласия патриарха на это».

Посему остался сейчас Налбандян без дела и без должности и живет в одной из комнат института, получая ежемесячно жалованье».

Весть об аресте Налбандяна быстро распространилась и среди живущих в Москве армян. И хотя учитель дока-вал свою независимость от католикоса, тем не менее слухи о нем были не особенно благоприятными. Меер Мсерян возбуждал против него общественное мнение, говоря, что если Налбандян окажется безнаказанным и не будет изгнан из Москвы, то это покроет позором как Деланяна с Лазарянами, так и весь институт.

Ованес Лазарян не собирался уступать так легко, и это было вполне понятно. Поскольку Лазаряны оставались в натянутых отношениях с Нерсесом Аштаракеци из-за того брака дочерей Хачатура Лазаряна, то, защищая Налбандяна, они фактически выказывали свое пренебрежение к противной стороне. Однако при всем том следовало сохранять и кое-какие дипломатические отношения. Поэтому Ованес Лазарян решил разобраться в тех причинах, которые побудили католикоса обратиться к светским властям и потребовать, чтобы бывшего секретаря епархиальной консистории доставили к нему на суд. И хотя Ованес Лазарян старался быть по возможности дипломатичным, он все же не удержался от искушения уколоть Нерсеса Аштаракеци.

Ованес Лазарян — Нерсесу Аштаракеци.

12 февраля 1854 г.

«Если Налбандян действительно виноват, то справедливо будет наказать его, если же нет, то, честно говоря, незаконно, милостивейший владыка, гнать его в Тифлис при нынешних

морозах и тем давать повод для сплетен о нашем духовенстве. Напишите, прошу, городскому управлению Тифлиса, чтобы оно передало дело упомянутого Налбандяна в ведение Московского городского управления. Здесь рассмотрят преступления и деяния его, и если действительно подтвердятся обвинения, то тогда он, несомненно, понесет наказание и, может, будет отдан в солдатчину или отправлен в ссылку в Сибирь. Если же нет, святейший владыка, то отправку Налбандяна в Тифлис, согласно распоряжению его сиятельства, сделанному по вашей просьбе, — уверяю вас со всей сыновьей преданностью, — мы считаем противным законам и вышеупомянутому решению Синода, а просьбу о высылке — неподобающей для духовного пастыря народа армянского».

Это письмо Лазаряна глубоко оскорбило Нерсеса Аштаракеци, который в своем ответном послании не скрыл своего намерения обратиться прямо к Николаю Первому.

Оживленная переписка по поводу Налбандяна велась и между остальными его противниками.

Арутюн Халибян — Саргису Джалаляну.

26 мая 1854 г.

«Этот Микаэл Казарян, как говорят очевидцы, находится в городе Москве и разгуливает смело (только освобожден от должности), имея жилище и жалованье из великодуший. Но поскольку писали Вы раньше письма видным армянам в Москве, то, кажется мне, отнюдь не подобает Вам молчать, а надо снова написать им и узнать истинную причину подобной задержки с исполнением решения католикоса и местных властей, а также выяснить, почему наглец этот так уверен и спокоен».

Саргис Джалалян — Арутюну Халибяну.

26 мая 1854 г.

«Получил письмо Ваше... о том, что юноша тот никаких особых трудностей не испытал, о чем я тут же уведомил его

святейшество... Негодяй этот объявил, что католикос за то его преследует, что он явился причиной брака Лазарянов».

«Видным армянам в Москве» все же удалось повлиять на Лазарянов, дав им понять, что не только нехорошо, но и просто опасно вопреки воле католикоса брать под покровительство ничего особенного собой не представляющего и дерзкого юношу. Тем более что он, будучи учителем, пишет насмешливые стишки на уважаемых людей и духовных лиц. Стишки эти распространяются среди воспитанников института и, по мнению полковника Зеленого, могут дать повод к бунту. И Лазаряны решили уступить «видным армянам» и директору института, ибо положение в самом деле осложнилось.

Микаэла Налбандяна освободили от должности, хотя до следующего учебного года он мог получать жалованье, жить в комнате института и питаться в столовой.

Это было, разумеется, меньшим из двух зол, и Микаэлу следовало воспользоваться своим относительно надежным положением. Такого же мнения был и Маттеос Веапетян. И он одобрил решение Микаэла поступить в будущем сентябре в Московский университет.

Однако врагам удалось учредить над Налбандяном полицейский надзор. А это было уже чревато всевозможными осложнениями, тем более что поговаривали уже о том, будто его собираются сослать в Сибирь.

Весьма обеспокоенный, Маттеос Веапетян написал письмо Хачатуру Лазаряну. Слухи о Налбандяне не имеют под собой никакого основания, пытался уверить он, все это измышления врагов. А поскольку на молодого человека постоянно науськивают полицию, то он просит Лазаряна выдать ему свидетельство о том, что Микаэл был учителем в институте. В случае повторного ареста Микаэл с помощью этого свидетельства получил бы возможность защитить себя.

«Господин управитель института, — писал Маттеос Веапетян, — побежден враждебными словами недругов Налбандяна, восстановлен против него и не желает возвращать ему его прежнюю должность в институте... Не желает этого и сам Налбандян. И я со своей стороны уже одобрил решение Налбандяна: он поступает на медицинский факультет Московского университета».

...«Судьба предопределила мне поселиться на севере, — через несколько лет напишет в своих «Записках» Налбандян. — Неприятности

погоды, физическая немощь, непригодное жилище, уныние, прибавим сюда еще и тоскливое одиночество, — и можно увидеть, где и как я живу».

Однако у него не было повода жаловаться на свою судьбу, да, честно говоря, он и не жаловался. Потому что был одним из тех людей, для которых, как говорится, «*melius non incipient, quam desinent*»^[19].

Он не выбирал легких дорог.

Как же тогда останавливаться на полпути?!

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ

Надежда наша, однако, да будет при нас. То есть у всей нации нашей целой...Только в этом путь к спасению.

Микаэл Налбандян

Любите свободу, даже с ее неудобствами.

Александр Герцен

Вступительные экзамены в университет Микаэл Налбандян сдал неудачно.

Следующей неприятностью был приказ в семь дней освободить занимаемую им в институте комнату. Полковник Зеленой заявил, что Микаэл должен быть еще благодарен, что в течение восьми месяцев имел и даровое жалованье, и крышу над головой.

Лазаряны, однако, оказали ему последнюю услугу: по их ходатайству и просьбе университетское начальство разрешило Налбандяну присутствовать на лекциях медицинского факультета в качестве вольнослушателя.

И хотя положение вольнослушателя не совсем то, о чем мечтал Микаэл, однако он все-таки получил возможность жить в Москве и, во всяком случае, продолжать свое образование.

Почти десять лет спустя Микаэл Налбандян, безгранично тоскуя по этим дням, напишет в одном из своих писем другу студенческих лет: «Помнишь прошлое, когда в дружеском студенческом кругу просиживали мы целые ночи? Где теперь наши анатомо-патологические и физиколечебные сборища, книги, тетради, беседы и, как непременный атрибут всего этого, — бутылки и стаканы?.. Верно сказал Шиллер: «Май жизни цветет лишь однажды». Для нас уже невозвратны эти счастливые дни, полные энергии и надежд».

В короткой и исполненной лишений жизни Налбандяна эти несколько лет учебы в университете были его поистине лучшими и в какой-то степени даже беспечными годами. Несмотря даже на то, что средств к жизни он не

имел и уповал на помощь родных, несмотря на физическое нездоровье и изощренные преследования врагов, Микаэл жил так, как хотел, стойко и без жалоб преодолевая все препятствия.

Студенческая пора в жизни человека является как бы вторым детством. И не случайно поэтому на закате лет человек всегда с нежностью вспоминает пору детства, когда он на каждом Шагу совершал открытия, познавал свое «я», а еще вспоминает студенческие годы, когда словно повторяется познание мира, но на сей раз уже общества, сферы общественной жизни и ее закономерностей, на которые некогда обнаруженное и осознанное тобой «я» может — а почему бы и нет? — оказать решительное воздействие.

Сколько уже лет прошло с тех пор, как он вместе со школьными друзьями придумывал всякие развлечения, шутил, или когда он мог уже в своих письмах домой с гордостью сообщать свой адрес: «Его благородию студенту Московского императорского университета Микаэлу Лазаревичу г-ну Налбандову, Столечниковом переулку в Доме г. Лева», — а он продолжал еще в какой-то степени оставаться все тем же ребенком, чьи остроумные, а порой и злые шутки часто переходили дозволенные границы. А если, не дай бог, сталкивался он с врагами, которых, как мы уже убедились, у него не убывало, то он никогда не упускал случая потешиться над ними, веселясь сам и веселя Друзей.

В памяти его московских друзей тех лет запечатлелась та смелая и остроумная шутка, которую Микаэл сыграл над магистром Меером Мсеряном.

Священник Мовсес Ллимханян, который не так давно высвободил Налбандяна из полиции, поручившись за него, жил прямо напротив дома Мсеряна. Выбрав вечер, когда в доме Мсеряна собралось множество гостей, Микаэл со своим другом Ананией Султаншахом, тоже студентом медицинского факультета, вырядились в узкие гимнастические рейтузы, длиннохвостые фраки и безобразные шляпы и постучались к Мсеряну, заявив, что пришли покупать образа.

Обрадованные домашние Мсеряна тихонько провели этих странных покупателей в кабинет хозяина. Однако гости заметили незнакомых людей в узких рейтузах и фраках, один из которых нес на плече объемистый мешок, и расхохотались, поставив хозяина в неудобное положение.

В кабинете Микаэл шлепнул о стол мешок, в котором была медная монета, и попросил хозяина сосчитать деньги. Хозяин, обрадованный и воодушевленный неожиданными покупателями и не обративший внимания на их странный вид, не удержался от искушения, подвинул ближе стул и

стал считать медные монетки.

Пока Мсерян сосредоточенно считал, гости, а затем и жена его догадались, что эти незнакомцы в шутовском наряде явились просто, чтобы высмеять достопочтенного магистра.

Хозяйка не выдержала. Схватив первую попавшуюся под руку палку, она накинулась на «покупателей». Своими нелепыми, смешными прыжками Микаэл и Анания даже свое бегство превратили в веселое и комическое представление.

А когда хозяин с хозяйкой, преследуя их, выскочили на улицу, то из окна священника Мовсеса грянул неудержимый хохот.

Приглашенные Микаэлом и Ананией полюбоваться их проделкой товарищи высовывались из всех окон и катались от смеха.

Конечно, студенческая жизнь — это не только бесконечная цепь развлечений и веселых сборищ, хотя споры и дискуссии часто рождались во время именно таких собраний. Секрет тут в том, что студенты всегда и во всем очень непосредственный и веселый народ.

Таковыми они были даже в «мрачное семилетие», годы запретов и преследований, когда не только студенческое свободомыслие, но и самый невинный интерес к учебному предмету мог иметь очень тяжелые последствия... А в те годы, когда Микаэл посещал лекции на медицинском факультете, строгости настолько ужесточились, что не поощрялось даже стремление студентов к научным поискам или творческий подход к своей специальности.

Сергей Боткин, с которым во время учебы на медицинском факультете Микаэл находился в дружеских отношениях, писал об этих годах: «Большая часть наших профессоров училась в Германии и более или менее талантливо передавала нам приобретенные ими знания. Мы прилежно их слушали и по окончании курса считали себя готовыми врачами, с готовыми ответами на каждый вопрос, представляющийся в практической жизни. Нет сомнения, что при таком направлении оканчивающему курс трудно было ждать будущих исследователей. Будущность наша уничтожалась нашей школой, которая, передавая нам знания в форме катехизисных истин, не возбуждала в нас той пытливости, которая обуславливала дальнейшее развитие».

Однако в университете преподавали и такие широкомыслящие ученые, как Карл Рулье, Федор Иноземцев, Иван Глебов, Павел Пикулин, Алексей Полунин... Именно от них получил Микаэл Налбандян «свою долю лучей из общего света человечества».

Во время учебы в школе Габриэла Патканяна и в университете он углубил свои показания в языках, истории и географии. Теперь он изучал естественные науки, которые удивительным образом расширяли границы его знаний, способствовали общему умственному развитию и, что самое главное, воспитывали в нем определенные навыки мышления.

Алексей Иванович Полунин, например, читал курс патанатомии — науки, которая зародилась всего несколько десятилетий назад и благодаря которой медицина получила много новых фактов, помогающих познать суть и течение многих болезней. Федор Иванович Иноземцев вел кафедру практической хирургии. Кроме чисто профессиональных вопросов, его волновали также морально-этические проблемы. «Честность в науке неразделима с честностью в жизни, — любил повторять он во время своих лекций, — и кто в науке видит одну дойную корову для себя, тот не честный слуга, а промышленник, обращающий светлое имя науки в торговый промысел».

Просвещение и науки вместо служения людям могут превратиться в настоящее зло, они могут уничтожить не только отдельную личность, но и общество, народ, если гуманистические основы и мудрые уроки прошлого будут преданы забвению, ибо истинная сила сильного — в его доброте.

Сравнительную анатомию и физиологию читал Иван Тимофеевич Глебов, который постоянно внушал студентам, что «без физиологии медицина становится шарлатанством».

«Здесь мне многому чему есть поучиться, многое надо прочитать и записать, — писал. Налбандян в письме брату Казару. — Врачевание — вовсе не то, когда цирюльник спешит к больному с посудиною, полной пива».

Карл Рулье преподавал зоологию. Это был разносторонне образованный ученый, который связывал свой предмет с основами геологии и палеонтологии. Рулье являлся сотрудником «Современника» и по своим взглядам был очень близок к революционным демократам. Он руководил недавно основанным в Москве «Обществом по акклиматизации животных и растений». Своих студентов он всячески старался заинтересовать практическими работами по ботанике и зоологии, и старания его по большей части не были бесплодными. Прилежным его учеником был и Микаэл Налбандян. Впоследствии, уже сидя в одиночке Петропавловской крепости, он, узнав, что в Москве открылся зоологический сад, напишет: «Очень рад открытию зоологического сада, тем более что он имеет в основании практическую цель, которая удивительно как приближает науку к публике и наоборот. Прикладная

зоология и прикладная ботаника имеют важную будущность в грядущем. Сельское хозяйство и политическая экономия без них мертвы... Улучшить свой быт не может человек, покуда не покорит природы, то есть не будет знать ее тайн. И всякий раз, когда я что-нибудь слышу по части сказанных акклиматизаций, мне становится грустно, потому что того, кто положил первое основание акклиматизации без всякой почти помощи, скудными средствами, издавал «Вестник естественных наук» и занимался акклиматизацией животных, потом и растений, уже нет. Как бы он восхищался, увидев такой громадный успех своих неутомимых трудов! Мне кажется, что он ночевал бы и дневал в зоологическом саду».

Студенты изучали также научные труды знаменитых специалистов недалекого прошлого — обобщение их богатого жизненного опыта, важных и интересных наблюдений. Павел Лукич Пикулин, который вел на медицинском факультете практические работы, по каждому удобному поводу обращал внимание студентов на советы знаменитого терапевта Матвея Мудрова. «Врачевание состоит не только в лечении болезни, — учил Мудров. — Лекарю нужно прежде всего узнать самого больного, уразуметь причины, приведшие его тело к хвори, постигнуть весь круг болезни... Я скажу вам кратко и ясно: врачевание состоит в лечении самого больного. Вот вам тайна моего искусства, какое оно пи есть».

Исцеление больного, а не утешение боли или излечение больной части тела! Ибо что толку лечить больное место, когда не вскрыты причины болезни, которая может вновь и вновь поднять голову? Впоследствии, вернее, через несколько лет Налбандян, чтобы сделать свою мысль более наглядной, в своих знаменитых «Записках» и множестве публицистических статей станет приводить примеры из медицины. Когда, например, его обвинят в нелюбви к нации за то, что он безжалостно вскрывает ее недостатки, пороки и слабости, Микаэл Налбандян с полнейшим спокойствием и бесстрастностью ответит недругам: «Брань, которая исторгается из армянских сердец и видна в армянской печати, мы сравниваем с тем смрадным гноем, который за многие века скопился в больном армянском организме. Гуманный хирург не должен сердиться, когда при удалении смертельной язвы или опухоли в лицо его ударит кровь или гной. Специальность хирурга — вырезать из организма больного эту нечисть».

Или: «Язвы и болезни нашей нации прекрасно известны нам, однако, сама нация не желает признаваться в своей болезни: она бежит от врача».

И еще: «Почему мы так любим скрывать под темным покрывалом наши раны, которые, ускользая от взора врачей в течение стольких лет,

нуждаются ныне в великих хирургических усилиях?.. Проповедуемая нами истина терзает, может быть, сердце нации, однако этот меч — единственное средство отделить от здоровых частей и удалить от них прогнившую и заразную язву».

Лекции на медицинском факультете, изучение трудов знаменитых специалистов, углубление в выводы Матвея Мудрова неизбежно подводили Налбандяна к проведению аналогий между явлениями медицины и общественной жизни. Если местное лечение не может исцелить больного, то нужно, поняв причины, — «узнать самого больного»! — вылечить прежде всего человека. Но разве нельзя тогда предложить то же самое и для общественной сферы? Микаэл Налбандян слушал лекции или сидел в анатомическом театре, и в его душе уже зарождались догадки об исцелении всего общества? И пусть смутно, но и такая «крамольная» мысль: если излечение отдельных язв исключается как лечение частичное и неполное, то не означает ли это, что общество можно излечить лишь с помощью революции?

Революционные настроения были особенно сильны на факультетах естественных наук и медицинском. «Удивительное время наше время, — говорил позднее Микаэл Налбандян. — Словно начались уже изменения, словно нам было уготовано стать свидетелями начала их, словно чуть меньше стало палящего солнца над этой землей и в несколько более мягком свете виделись ход и течение бурь».

Если Микаэлу Налбандяну так и не удалось заняться медициной, то причиной тому вряд ли было его положение вольнослушателя. Дело в том, что, кроме «учебы и чтения», как объяснял он в письме брату Казаросу, он еще и писал. Студенты медицинского факультета имели Особую склонность к литературе и изящным искусствам. И Микаэл в своей увлеченности не был одинок.

Однокурсником Сергея Боткина был Николай Белоголовый, который дружил с доктором Геворгом Ахвердяном, а через него общался и с армянской молодежью Москвы. После окончания университета Белоголовый целиком отдался медицине и через несколько лет был уже известным и признанным специалистом. Однако в студенческие годы он, сбегаая с лекций или просто в свободное время, часто наведывался в трактир Гробостова почитать литературные журналы.

Трактир Гробостова являлся излюбленным местом встреч студентов. Почти каждый день они, взяв по стакану чая и десятикопеечные пироги, курили тут свои Трубки и вслух читали и обсуждали новые номера «Современника» и «Отечественных записок»... Здесь же они переписывали

и передавали друг другу запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева, Полежаева, письма Чаадаева, послания «лондонских пропагандистов». Образцы этой запретной литературы будили мысли молодежи об иных, казавшихся им далекими и недостижимыми сферами совершенных общественных отношениях. Однако редко, все же очень редко их стремление к свободе простиралось дальше каких-то смутных и неопределенных желаний...

Микаэл Налбандян был из тех немногих, чья мысль шла дальше: свободолюбивые идеалы рождали в нем нерасплывчатые желания, — они требовали определенной формы выражения, диктовали ему необходимость действий. Но как действовать и с чего начинать?.. Нерешенных вопросов было много, а направлений борьбы — множество. Необходимо двигать вперед просвещение, чтобы добиться единства нации и пробуждения национального самосознания. А для просвещения нужно разработать новый, понятный всем язык. Но чтобы внешнее, наносное просвещение не заглушило истинных национальных ценностей, нужны нравственная сила и энергия народа. А для этого требовалось вырезать, удалить из национальной жизни гнойники и губительные язвы... И вот так нескончаемой цепью тянулись все новые и новые вопросы — и все крайне важные, все требующие безотлагательного решения.

Способ борьбы, вернее, ответ на вопрос, с чего следует начать, подсказывал Герцен в одном из своих посланий.

«Отчего мы молчим? Неужели нам нечего сказать?.. — писал Герцен. — Или неужели мы молчим оттого, что мы не смеем говорить?.. Дома нет места свободной русской речи... Открытая, вольная речь — великое дело, без вольной речи — нет вольного человека. Недаром за нее люди дают жизнь, оставляют отечество, бросают достояние. Открытое слово — торжественность признания, переход в действие... Я провел мою жизнь в стране, где превосходно учатся *красноречиво молчать* — и где, конечно, нельзя было научиться свободно говорить».

Свободное слово, а не красноречивое молчание! Эта удивительно простая истина и стала основной движущей силой всей деятельности Микаэла Налбандяна.

Общение Микаэла с друзьями по университету, с русской средой не осталось незамеченным ни со стороны московских армян, ни со стороны приезжавших из Нахичевана-на-Дону земляков Налбандяна. По отношению к кому-нибудь другому они вряд ли стали бы проявлять какой-либо интерес. Однако в случае с Налбандяном дело обстояло иначе. К его

нахичеванскому авторитету прибавилась и московская слава. Всем известны были его начитанность и знания, смелость и правдивость... Поэтому добровольная изоляция Микаэла от армянских кругов казалась несколько странной. Во всяком случае, соотечественники его сделали вполне обоснованное с их точки зрения заключение: Микаэл не питает больше любви к армянам. Родные его, узнав об этом, в свою очередь, встревожились. И приходили в Москву полные упреков письма, которые вместо того, чтоб ободрить и утешить Микаэла, «все новыми язвами и ранами» покрывали его сердце. Микаэл старался не придавать значения этим бесконечным упрекам; огорченный и обиженный, он пытался доказать своим, что если они хоть немного знают его, то не должны верить слухам, будто он «не питает больше любви к армянам».

Он обижался на братьев за то, что те «видят его чужими глазами».

«Брат, — писал Микаэл Казаросу, — что касается любви, то вот я тебе ясно говорю: дай бог каждому человеку иметь столько чистой любви, сколько есть ее в моем сердце не только к моим родителям, братьям, родным, но и к чужим, у которых доброе сердце!»

Кстати — и в этом Микаэлу не раз еще придется убедиться, — он никогда не будет иметь недостатка в учителях патриотизма. Они как грибы вырастали во всех тех случаях, когда враги, не сумев опорочить его, начинали обвинять его в нелюбви к нации и народу по той лишь причине, что он, «говоря правду, обнажает недостатки и позор нации. Если истина связана с обличением нации, — говорили они, — то это не есть истина!..»

Поэтому и воскликнет однажды с отчаянием Микаэл: «О провидение, зачем ты зажгло во мне неугасимый огонь любви к моему народу, зачем так безжалостно наказало меня, распалив во мне это пламя, которое вместо того, чтобы согреть хладные сердца моих единоплеменников, испепелило мне нутро?!»

...Микаэл здесь не только искренен, но и прав. Но тем не менее он переборол свою обиду и постарался объяснить причину своей замкнутости: «Я не могу каждый день встречаться со всеми, у меня полно своих дел и забот: каждый день с утра до двух я в университете, а потом сижу у себя, занимаюсь своими делами». Оправдывался: «Не бывало еще, чтобы я получил от вас письмо и не ответил». Огорчался: «Не знаю даже, чем подал я повод своим родителям к неудовольствию... От чужих ли слышали обо мне они нехорошее, или я чем-то уронил их честь? В чем моя вина перед родителями, скажите же, чтобы и я мог узнать. Может, виноват где-то, так пусть простят».

Незабываема студенческая жизнь еще и тем, что она непостижимым

образом позволяет поспеть всюду и успеть все.

Чаще всего Микаэл посещал Степаноса Назаряна, вел с ним откровенные душевные беседы, делился мыслями о том, как донести до народа свободное слово. Встречался и с Маттеосом Веапетяном, часто бывавшим в Москве проездом. С удовольствием участвовал Микаэл в студенческих диспутах и спорах, а также в сходках, организуемых за городом: «После обеда, в 5 часов, поехали железной дорогой за 17 верст, там был народ, и мы с радостью остались до 11 часов».

И, кроме всего этого, он начал писать уже историю своей первой любви, развязка которой глубоко потрясла Микаэла.

Земляки из Нахичевана-на-Дону рассказали ему, что Вардуи вышла замуж за сына бакалейщика Геворга. Поступок любимой девушки был для Микаэла действительно тяжелым ударом, хотя он и понимал, что другого выхода у Вардуи, пожалуй, не было. Отец ее, Арутюн Срапян, умер несколько лет назад, так и не сумев уплатить Халибьяну долги. В счет долга покойного Халибьян присвоил их дом и участок, великодушно пообещав вдове ежемесячное пособие, а Вардуи — приданое деньгами. И кто знает, не исключено, что Халибьян специально подыскал Вардуи жениха и выдал ее замуж: ведь ни для кого не была секретом любовь Микаэла к ней... И свадьба, и то, что Арутюн Халибьян раскошелился на богатое приданое, преследовало, наверное, вполне определенную цель — сделать так, чтобы горела душа Микаэла.

...В своей повести Микаэл описывал все так, как было в действительности, — правы Нахичевана, людей, их отношения. И только историю своей любви описал не так, как было, а как виделось ему в мечтах... Обманутый в своих надеждах Налбандян живописал любовь, встречи и беседы своих героев — Геворга Шаумянца и Манушак — так, словно все происходило в просвещенной и цивилизованной среде, без нелепых запретов и предрассудков. И эту любовь молодых людей омрачало лишь существование Мкртича, который уже договорился с отцом Манушак жениться на ней за приданое в пять тысяч рублей.

Микаэл посвятил книжку своему другу Григору Салтикяну, нахичеванскому купцу, и стал изыскивать средства, чтобы опубликовать ее.

Микаэл Налбандян — Карапету Айрапетяну.

7 ноября 1857 г.

«Я пишу Вам, не скрывая, как другу, чтобы Вы, узнав мои обстоятельства, откликнулись сразу и были движимы ко мне

чувством патриотизма и сочувствия. Я Вам, в частности, сообщал, что изложил книгу под названием «Одному — слово, другому — невесту», мысль которой, как и мысль европейских сочинений на подобную тему, — нравственное воспитание и просвещение. А поскольку материал ее взят главным образом из жизни нахичеванцев, то и полезной и понятной она будет для нахичеванцев же.

Для публикации книги необходимы расходы в размере примерно 400 рублей; по этой причине и прошу организовать из любви к нации и ко мне сбор денег по подписке среди Ваших друзей и знакомых.

Уверен, что вы не откажетесь оказать мне сию патриотическую помощь, благодаря которой оживет это дело для нашего народа, уверен также, что Вы останетесь довольны моей книгой, ибо трудился я над ней со всей добросовестностью.

Верю, что исполните мою просьбу. Имена подписчиков, если желаете, поставим на титульном листе».

Сбор денег был организован, книгу передали в типографию, однако она так и не увидела свет...

Пройдут годы, и после смерти Налбандяна Степанос Назарян напишет: «Книга покойного Налбандяна «Одному — слово, другому — невесту» до сего дня лежит, отпечатанная и сброшюрованная, в типографии, так как автор не пожелал выпустить ее в свет».

Почему?

Почему с таким трудом отпечатанную книгу, «мыслью» которой было «нравственное воспитание и просвещение», автор решил не выпускать в свет? Предположений тут может быть множество. И такое тоже...

Со всей юношеской непосредственностью и неопытностью представив историю своей любви не как действительность, а как мечту, он почувствовал себя словно обнаженным перед будущими читателями-нахичеванцами, которые, таким образом, узнают обо всех подробностях этой истории.

И единственный способ скрыть свою душевную обнаженность — не выпускать книгу в свет^[20].

Такая же судьба ожидала труд Микаэла Налбандяна «Слово об армянской письменности», который он написал в годы учебы в Московском

университете и которому суждено было увидеть свет лишь через тридцать лет после его смерти.

В этой своей работе Микаэл изложил историю армянской литературы с четвертого века до девятнадцатого, до Степаноса Назаряна. Написал он ее на классическом армянском, однако главным было то, что Микаэл утверждал в ней принципы новой литературы и защищал ашхарабар. В заключение Налбандян обещал, что это его последняя работа на грабаре и что отныне он будет писать только на ашхарабаре. Выступавший в защиту народного языка Степанос Назарян поступал точно так же: писал на грабаре, этим самым давая понять своим оппонентам, что защищает ашхарабар вовсе не потому, что не владеет грабаром.

В «Слове» Налбандян развивал мысль о том, что литература — одно из явлений исторической жизни народа. Не порождение воображения поэта, а выражение народного сознания или духа! Следовательно, литература — один из тех факторов, которые будут двигать вперед национальную жизнь. Но, к сожалению, еще много веков назад армяне потеряли свою «политическую жизнеспособность» и теперь живут разрозненно, разобщенно, не имея национально-политического единства. Словно некий злой дух терзает тело народа, расчленяя его не только по разности быта, обычаев и одежды, но и мышления и, что самое страшное, — языка.

И самым главным, как казалось Налбандяну, самым насущным было воссоединение, объединение нации. Но как?.. Без всякого сомнения, посредством языка, просвещения и литературы!

Классический армянский язык создавал лишь иллюзию единства. В действительности же разобщенные и разбросанные по миру армяне имели свои местные разговорные языки, столь же непонятные остальным, как и грабар. Следовательно, один лишь переход к ашхарабару недостаточен. Следовало решить, какой из ашхарабаров должен стать общенациональным литературным языком — ашхарабар нахичеванцев, эта невероятная смесь армянского, татарского, турецкого и русского, или константинопольцев, зейтунцев или индийских армян, сасунцев или ванцев?.. Который именно, чтобы он был понятен всем без исключения армянам?

Нация без языка не нация, был уверен Налбандян, главным образом именно благодаря языку и сохраняется нация.

Сохраним поэтому нашу нацию, наш язык, наши традиции. Прекрасно, но зачем, с какой целью?.. Этот вопрос также мучил Налбандяна: ведь ничто в природе не является самоцелью. А в сфере нравственной тем более. «Нация необходима и полезна в том случае, когда она ощущается не как прихоть, а как необходимость, как требование на

свой клочок земли на планете, чтобы члены этой нации могли обеспечить свое существование и не стали пленниками и рабами другого» — к такому выводу пришел Налбандян после долгих раздумий.

Однако необходимо было еще выяснить, что такое просвещение, ибо каждый понимал его по-своему и, следовательно, по-своему стремился к нему. «Просвещение не есть только получение и присвоение обнаруженных и добытых другими сведений и знаний. Разве можно просветить человека, который забил свою голову одними лишь фактами?» В таком случае человек становится подобным набитым книгами шкафу, а разве можно сказать о шкафу, что он просвещенный? Следовательно, надо, чтобы человек, усваивая знания, пережил настоящее возрождение. Ни одна нация не достигала высот просвещения силами одних лишь духовных воспитателей — радетелем и попечителем национального просвещения должен стать сам народ, и дело просвещения он должен осуществлять на своем родном языке.

Вот тогда и литература будет не только народной, но создаваться станет с помощью народа. «Писатель без народа и народ без писателя беспомощны, но, соединив воедино душу и волю свои, многие способны сделать во имя просвещения общенационального», — написал в своем «Слове» Микаэл Налбандян.

...А конец «мрачного семилетия» был уже близок.

Русско-турецкая война, в которую вмешались уже англичане и французы, и ожидание неминуемого поражения еще более накалили атмосферу в стране.

И в этой накаленной и напряженной атмосфере страны вдруг громом ударила весть о скоропостижной смерти Николая Первого.

А потом...

А потом пал Севастополь.

«Когда две такие неожиданности, точно два громовых удара, повторились одна за другой, — пишет Очевидец, — Россия точно проснулась от летаргического сна».

В ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОМ

В жизни человека залогом и началом человеческого счастья является деятельность его разума.

Жак Бенин Боссюэ

Кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь.

Лев Толстой

Манифест, опубликованный при коронации Александра Второго, давал надежды на скорые реформы. И вскоре действительно создалось впечатление, что все идет к лучшему. Жизнь в университете оживилась, общественные и политические вопросы обсуждались более свободно. Стали выходить новые газеты и журналы, которые в той или иной степени освещали вопросы, связанные с освобождением крепостных.

Из далекой Сибири возвращались в Москву и Петербург состарившиеся декабристы, однако им запрещалось проживать в столицах. Поэтому Матвей Муравьев-Апостол вынужден был уехать в Тверь, Пущин поселился в поместье своей жены, Оболенский, Батеньков и Свистунов уехали в Калугу... На петрашевцев нарекая амнистия вообще не распространялась, а в Петропавловской крепости сидел Михаил Бакунин, которого скоро должны были сослать в Сибирь...

Николай Огарев в «Полярной звезде» поспешил рассеять иллюзии насчет реформ: «В России нет политических партий, чего же боится русский император дать полную амнистию? Разве боится стать на сторону честных и благонамеренных людей?»

Попавшие под частичную амнистию декабристы успели тем не менее встретиться в Москве. «С удивлением рассматривали они город и людей, — пишет Очевидец, — которые показались им сильно переменившимися за тридцать лет». Состарившимся декабристам было, конечно, трудно и почти невозможно сблизиться и понять «новых», пришедших за эти десятилетия, но они, эти новые, с благоговением и восторгом встречали декабристов, изумлявших их стойкостью духа и ясностью мысли.

Появившись в 1856 году в этом незнакомом и непонятном им мире, декабристы словно одним своим присутствием приподняли краешек завесы тайн, окутывавших многие события русской истории.

За время своего тридцатилетнего царствования Николай Первый «запретил» многие события, имевшие место в далеком и не столь уж далеком прошлом. Официальная история начиная с Петра Первого и до Александра Второго была так отредактирована, что многие важные исторические события вообще даже не упоминались, словно их и не было. Не было, скажем, книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», не было «Записок» Екатерины Второй, не было декабристов с их казнями и ссылками, не было последней дуэли Александра Пушкина (первое сообщение об этом появилось в печати лишь через десять лет после убийства поэта) и, наконец, согласно той же монаршей воле не существовал Александр Герцен.

Скрывая от народа истинную историю, царский двор обеспечивал устойчивость своей власти. Продолжением фальсифицированной истории была такая же фальшивая действительность, в условиях которой была почти невозможна какая-либо светлая мысль. «Роды мысли — самые тяжелые роды, — пишет Очевидец, — и для России они всегда бывали особенно трудными».

Но, несмотря на все это, времена были действительно удивительными. Хотя бы по той причине, что каждый хотел думать, читать и учиться, и каждый, у кого было, что-то в душе, желал непременно высказать это.

То был пятьдесят шестой год.

И никому и в голову не приходило, что начались уже шестидесятые годы.

19 марта 1856 года Степанос Назарян направил министру народного просвещения Абраму Норову прошение с целью разрешить ему издание армянского журнала.

Вот уже десять лет мечтал Степанос Назарян открыть журнал или газету, способные помочь делу просвещения армян, вывести из состояния оцепенелости и приобщить к передовой русской мысли.

Хоть Назарян и не был подробно осведомлен о положении в Западной Армении, однако путем даже отвлеченных сравнений он мог понять, насколько благоприятны условия для российских армян, несмотря даже на то, что самодержавие во всех случаях оставалось самодержавием, а царское правительство желало, разумеется, осуществить свои несбыточные и бесперспективные планы русификации и ассимиляции как покоренных, так

и добровольно присоединившихся к России народов. Но существовал еще свободолюбивый русский дух, великодушие и стойкость русского народа, пример прогрессивной русской интеллигенции... В России армяне имели исключительную возможность идти рука об руку с русским народом, возможность не отставать от общественно-политического прогресса, осуществлявшегося в России ценой больших усилий и тяжелых потерь.

Но для этого нужна была печать.

Однако издание печатного органа на ашхарабаре настораживало высшие государственные сферы, прекрасно осведомленные о планах и идеалах Назаряна.

Эти планы и идеи созрели у Степапоса Назаряна в годы учебы в Дерпте. Вдали от родины Назарян особенно сблизился со своим другом детства Хачатуром Абовяном. Они вместе учились и вместе задумывались о нуждах своего народа. Многие века назад потеряв свою государственность и привыкнув уповать лишь на церковь, они фактически утратили и свою духовную жизнь. Правда, и среди духовенства встречались поэты и большие ученые, однако они бессильны были рассеять окружавшую их тьму.

Там, где царили нищета и обездоленность, положение армян становилось еще более бедственным и жалким. А в больших городах, где, казалось бы, могла развиваться их духовная и политическая жизнь, армяне, прельстившись торговлей, легко отказывались от своих исконных занятий и желали лишь одного — копить, обогащаться... Не проливая собственного пота, не создавая материальных ценностей...

Равнодушие денежной знати, с одной стороны, и преследования церковников — с другой, приводили в отчаяние армянских просветителей. В одном из своих писем Хачатуру Абовяну Степанос Назарян старался успокоить и утешить его, хотя и сам не меньше Абовяна нуждался в этом.

«Мой дорогой Абовян, — писал он, — твое сообщение из Тифлиса о наших соотечественниках очень огорчило меня и подтвердило мое прежнее мнение. Ты говоришь: «Я должен бросить дом и родину и искать другое», и я могу представить, в какой невыносимой среде ты находишься. Но скажи, Абовян, неужели честная душа наших потомков не наложит печать проклятия на бегущих из родины? Конечно, почти невозможно распространять среди армян что-нибудь хорошее, но разве следует из-за этого отчаиваться?.. Поэтому выкажем даже в самых трудных обстоятельствах наше терпение и благоразумие, надеясь, что еще придут лучшие времена, когда око человеческое яснее увидит истину, а сердце глубже постигнет доброе и прекрасное. Я уверен, что наши благодарные

потомки оценят нас и изумленным взором взглянут на нас как на истинных и преданных сынов отчизны».

Степанос Назарян и стал тем самым звеном, которое через время и пространство связало Хачатура Абовяна и Микаэла Налбандяна. Степанос Назарян должен был стать свидетелем трагедии этих двух друзей и соратников. Сходной трагедии.

В одном из своих писем, отправленных другу более чем через двадцать пять лет после гибели Абовяна, Налбандян напишет: «Я сломаю и выкину свое перо: после этого меня всегда будет тошнить при имени армянской нации — вот, брат, какова нынче степень моего положения и отчаяния. Увы мне, что я появился среди армян; ни в какой другой нации я не был бы так несчастлив».

Нет, ни Абовян, ни Налбандян и Назарян, а потом и Степан Воскан и Арутюн Свачьян, с которыми мы еще познакомимся в этом повествовании, не преувеличивали. Да разве только они? Сколько еще великих людей родятся и без остатка посвящают свои жизни и талант народу, взамен получая лишь унижение и гонения, ибо приводящие в отчаяние невежество, провинциализм и безнадежное мещанство не дадут понять и оценить этих благородных людей! А вместо них под барабанный бой и фанфары льстецов будут объявлены национальными деятелями угодливые карлики с ничтожной душонкой, во имя своего мелочного тщеславия или безудержной алчности выступающие от имени всей нации, но держащие эту свою «любимую» нацию в невежестве и отсталости...

Но, даже живя в такие тяжелые времена, когда, казалось, нет иных путей борьбы, кроме двурушничества и фарисейства, когда из-за малейшей обиды сами армяне с готовностью и даже злорадством предавали свой язык и народ, топтали заветы предков и теряли собственное лицо, когда, произнося патриотические речи, свои похуже чужаков выжимали соки из своего народа, — эти настоящие деятели все-таки делали все возможное, чтобы пробудить в народных массах чувство национального достоинства и сознания, распространить идеи гуманизма, воспитать способность оценить свои духовные, и культурные ценности.

Степаносу Назаряну близки были идеи социализма, уже распространившиеся в Европе и постепенно проникавшие в Россию. В 1851 году он опубликовал созданный им на ашхарабаре учебник «Первая духовная пища для армянских детей», в котором не только объяснял преимущества просвещения и образования, но и стремился Привить детям идеи свободы.

Чтобы человек стал самим собою, прежде всего необходимо

просветить его. А чтобы древо просвещения пустило глубокие корни, крепло и плодоносило, просвещение каждого народа должно осуществляться на его родном языке. Народ обязан в совершенстве говорить, чувствовать, понимать и мыслить на родном языке. Однако это ни в коем случае не должно перерасти в слепой Шовинизм, характерная особенность которого, был убежден Назарян, — ставить свою нацию выше всех деталей.

Дети армян со всей старательностью должны изучать также и русский язык. Но русский язык они должны изучать не для обрусения и отчуждения от своего родного языка, объяснял Степанос Назарян, а чтобы воспользоваться теми материальными и духовными благами, которые предоставляет армянам это европейское государство — Россия. Детей необходимо было воспитать так, чтобы пробудить в них также чувство национальной государственности.

Эти планы Назаряна рассчитаны были не на одно-два десятилетия. То были великие и прекрасные планы превращения армян в нацию и обретения ими своей новой государственности.

21 марта, через три дня после того, как Степанос Назарян обратился к министру народного просвещения с прошением об издании армянского периодического органа, Микаэл Налбандян написал подробное письмо своему живущему в Петербурге земляку генералу Симону Султаншаху, с которым познакомился недавно. Благодаря своему положению генерал был дружен со многими влиятельными людьми.

В письме Микаэл рассказал о своих с Назаряном планах относительно журнала, говорил о его задачах, сообщал, что называться он будет «Юспсаин пайлохутюн» — «Северное сияние» — и что препятствием к получению разрешения может послужить то, что в Москве нет цензора, владеющего армянским языком. Объяснив, как можно решить вопрос с цензором, Налбандян просил генерала использовать свои связи и помочь получить разрешение. «Наше единственное желание — хотя бы немного приблизить народ к литературе, дать новые соки и пищу высохшей армянской словесности, а язык, душу и направление самой литературы сделать как можно более народными, освободив их от монашества, в коем они до сих пор пребывают заброшенными» — так заканчивал письмо Налбандян.

Через несколько дней он послал в Нихичеван-на-Дону письмо своему бывшему школьному товарищу, а ныне купцу Григору Салтикяну, детская дружба с которым в годы, когда они вместе под главенством Карапета Айрапетяна выступали против Арутюна Халибяна и его сторонников,

переросла в тесное сотрудничество. Микаэл попросил его подготовить почву для распространения в Нахпчеване будущего издания.

Надежда иметь журнал вносила в планы Микаэла Налбандяна определенные коррективы. Если год назад профессию врача он считал единственно возможной и писал брату, что, «став здесь врачом, я могу во многом помочь своим родителям и близким, а если же приеду и останусь в Нахпчеване, то кто мне даст хлеба и воды?», то теперь он был всерьез обеспокоен событиями и положением в Нахпчеване. До него доходили слухи, что сторонники Карапета Айрапетяна разобщены, а это очень беспокоило Налбандяна, так как необходимо было, чтобы журнал имел в городе сильных союзников. Слово так и останется словом, если некому будет претворять его в жизнь.

Поэтому Микаэл Налбандян, вновь взяв на себя общее идейное руководство, попытался образумить молодых, запальчивых и разобщенных купцов.

«Объединившись, вы многое сможете приобрести, а отделившись друг от друга, ослабеете, — писал он. — Мир держится на единении, если же связи и единство веществ утратятся, то и мир рухнет: это надо знать хорошо, а знание свое применять с умом... Сейчас такое время, когда каждый человек, каждый дом, каждый город и общество должны как следует обдумать свое прошлое, настоящее и будущее». И все это время Микаэл не мог не интересоваться, разумеется, и состоянием своего томившегося в тюрьме учителя — Габриэла Патканяна.

Новые возможности придали Микаэлу Налбандяну и новые силы, и энергию. Почти всегда и во всем ему суждено было выступать не только автором идеи, но и становиться тем тружеником, который будет осуществлять ее. И сейчас, когда национальное объединение стало для него первоочередной задачей, Микаэл со всей глубиной почувствовал опасность католицизма, который усиленно распространяли папские миссионеры среди восточных, но особенно турецких армян. Вспомнив Мкртича Екеняна и некоторых других учителей-католиков, обосновавшихся в Нахичеване и встретивших самый благосклонный прием, Микаэл запоздало ужаснулся тому гибельному равнодушию, с которым армяне относились к этим «ловцам душ». Католицизм грозил окончательно оторвать армян от их собственной истории и национальных корней. Цель католичества была вполне явной и понятной — распространить власть папы дальше на Восток. «Ловцы душ» из Ватикана появились уже в Западной Армении. И были они, конечно, намного сильнее и организованнее, чем Микаэл Налбандян с кучкой своих единомышленников. Это опасное положение и

побудило, наверное, Налбандяна взяться за перевод на армянский романа Эжена Сю «Агасфер».

Микаэл охотно приступил к выполнению задуманного, поскольку переводом этого романа, изображавшего «нехристианские и варварские нравы и поведение ипсусовских аббатов», он бросал очередной свой вызов. И кому — самому папе римскому! Тому самому папе, который проклял и предал анафеме как саму книгу и ее автора, так и читателей. «Значит, и переводчика!» — с гордостью добавил Налбандян.

Кстати, переводя «Агасфер», Микаэл даже не подозревал, что в это же самое время переводит в Париже эту книгу и другой молодой армянин — Степан Воскан. Они не имели друг о друге никакого представления. Но пройдет несколько лет, и Микаэл Налбандян и Степан Воскан встретятся, словно воочию желая доказать, что пути истинных национальных деятелей обязательно пересекутся, и они станут верными соратниками. Выдающиеся личности могут иметь большое влияние на духовный, культурный и политический прогресс своего народа, однако цели они достигнут лишь в том случае, если станут единомышленниками и будут преданы благородному делу служения своему народу.

В том же самом пятьдесят шестом году начал Налбандян следить за ежегодником «лондонских пропагандистов» «Полярная звезда», читать ходившие по рукам их статьи и письма. Несмотря на строжайшие запреты царских властей, голоса Герцена и Огарева все шире и шире раздавались в России.

«Во время заседания Государственного совета, — пишет Очевидец, — граф Строганов оторвал клочок бумаги и написал сидевшему рядом шефу жандармов князю Долгорукову: «Не хотите ли, князь, уступлю Вам «Полярную звезду» за 5 р. серебром, за что сам купил?» Долгоруков так же на клочке отвечал ему: «Лучше скажите мне, откуда достаете Вы так дешево эту книгу?»

Вполне понятна эта едкая ирония по отношению к шефу жандармов, под самым носом которого проникала в Россию запрещенная литература.

Так же ходило по рукам и письмо Александра Герцена, адресованное царю Александру Второму:

«Дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в ценсурных колодках. Дайте нам вольную речь... Смойте с России

позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братьев — эти страшные следы позора к человеку.

Торопитесь! Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить...

...Я стыжусь, как малым мы должны довольствоваться. На первый случай нам и того довольно... Я говорю только то, что у нас *молчат*.

Если эти строки дойдут до Вас, прочтите их беззлобно, одни — и подумайте потом. Вам не часто придется слышать искренний голос свободного русского».

Это письмо было подписано псевдонимом Искандер. С письмом Александра Герцена Налбандян познакомился в Петербурге, куда приехал хлопотать насчет типографских нужд будущего издания.

Письмо Искандера переписал Рафаэл Патканян, который в то время жил в Петербурге. Встретившись с Микаэлом, Рафаэл не смог удержаться от искушения показать Налбандяну это письмо. Доверять малознакомым лицам было рискованно, и все же именно Микаэлу доверил он передать письмо Геворгу Кананяну, своему близкому другу, живущему в Москве. Когда Микаэл уже отбыл из Петербурга, Рафаэл вдруг испугался и запаниковал, как бы Микаэл по своей привычке не показал его и другим, ведь не только переписывание и хранение, но даже чтение этого письма каралось законом.

Рафаэл Патканян — Геворгу Кананяну.

5 марта 1856 г.

«Если получишь переданное Налбандяну письмо, то невероятно удивишься, что я доверился ему... Но прошу как можно быстрее исправить мою ошибку. Я совершенно заблуждался, когда отдал ему письмо Искандера к нынешнему царю, чтобы он передал его вам. Прошу, в ту же минуту, как получишь это мое послание, пойдешь к нему (хоть к черту на рога!) и каким-либо образом заведи у него эту опасную рукопись, иначе в его руках она окажется злым оружием, и немедленно уведоми меня».

Одна ли эта опаска послужила Рафаэлу поводом для письма или была иная, более сильная и веская причина выразить свою ярость к Налбандяну хотя бы таким вот недоверием? Знал ли Рафаэл, с таинственными предосторожностями показывая Микаэлу письмо Искандера, зачем пожаловал в северную столицу бывший ученик его отца?

Рафаэл узнал, конечно, о причине приезда Микаэла в Петербург, узнал, что он хочет купить у Ревилльона матрицы... Ах матрицы? Для чего же? Ясно, для какого-то издания. А разрешение у него есть? Пока нет, но, наверное, будет... Единственная серьезная причина для задержки — отсутствие в Москве цензора, владеющего армянским. Государство считает излишним из-за одного лишь журнала содержать на казенный счет цензора.

Издание журнала на ашхарабаре есть, несомненно, патриотическая и благородная задача, однако ведь и Рафаэл с двумя своими единомышленниками лелеял те же планы. Даже придумано уже имя их тройственного союза — Гамар Катила, составленное из начальных букв имен и фамилий Геворга Кананяна, Мнацакана Тимуряна и Рафаэля Патканяна...

Раздражение Рафаэла было бы, наверное, значительно слабей, если бы делом периодического издания не занялся именно Микаэл. В противном случае он не почувствовал бы себя столь внутренне слабым. Впрочем, Рафаэл и не скрывал своего отношения к Микаэлу. «Было бы лучше, если бы кто-нибудь другой, а не Налбандян взялся за это священное предприятие, — многозначительно писал другу Рафаэл. — Что сказать, остальное сам поймешь».

Прекрасно зная Микаэла как человека принципиального, смелого, открытого и едкого, до безрассудства скорого на действия, словно ищущего приключений на свою голову, но вместе с тем энергичного и деятельного, Рафаэл был убежден, что тягаться с ним он не сможет.

И именно отсюда начинается неблагоразумие (если не сказать больше) Рафаэла Патканяна, поэта национально-освободительной борьбы своего народа.

В армянской действительности было немало случаев, когда отдельные деятели духовной культуры, целиком поддавались идее соперничества, и это чувство закрывало им глаза на все остальное. Разрушительные последствия этого нагляднее всего проявлялись именно в сфере общественной жизни. И это в то время, когда рядом были поучительные примеры русского, а также других народов!.. Неужели понимали: потому сильна и действенна их передовая мысль, что русские деятели презирали все личное во имя общенационального дела, во имя тех идеалов, на защиту

которых встали. И ради этого они отвергали или попросту подавляли свое «я»!

Сейчас можно только сожалеть, что не состоялись дружба и сотрудничество Микаэла и Рафаэла, которые могли бы дать много больше, чем деятельность каждого из них в отдельности. Но тут уж ничего не поделаешь...

Не исключено также, что отношение Рафаэла Патканяна к предприятию Назаряна и Налбандяна было вызвано особенной чертой характера Микаэла: еще не получив разрешения, Налбандян уже в открытую заявлял о духе и направленности будущего журнала и одновременно распространял в среде московских армян насмешливые стишки и всевозможные памфлеты. И людям, попавшим на кончик его пера, не нужно было особого ума, чтобы догадаться, что ожидает их, если в один прекрасный день Налбандян действительно начнет издавать этот злополучный для них журнал....

Магистр Меер Мсерян, которому Налбандян нанес самый сильный из своих первых ударов, обратился к католикосу Нерсесу Аштаракеци с паническим и слезливым письмом, прося под каким-нибудь предлогом удалить Налбандяна из Москвы.

Меер Мсерян — Нерсесу Аштаракеци.

8 октября 1856 г.

«Жалобно молю и прошу Вас, о милостивый Отец мой и повелитель, чтобы Вы избавили меня от невыносимых мук, кои выношу каждодневно от этого исчадия Микаэла Казаряна Налбандянца. Молю удалить его из города каким-либо способом, поскольку, пока он находится здесь, невозможны для меня покой и всякая нормальная жизнь. Многообразные козни его и хитроумие ввергают меня в пучину гнева, возмущения, отчаяния и ненависти, но все же это требует долгого повествования, я же несколькими словами обрисую его Вам полностью — «есть он о головы до ног совершенное злоязычие».

Трудно, конечно, судить, насколько Мсерян был уверен в могуществе католикоса, — однако последним средством спастись от Микаэла он считал свой переезд в Эчмиадзин. Но как раз в эти самые дни Нерсес Аштаракеци скончался, оставив Мсеряна одиноким и беспомощным перед

Налбандяном.

Тут уже Мсерян вынужден был обратиться к Ованесу Лазаряну, прося защитить его от Налбандяна и его «сподручников».

Лазарян велел директору института пригласить Налбандяна и потребовать, чтобы тот не смел больше обижать Мсеряна и «смущать его душу».

«В противном случае, — предупреждал Лазарян, — я вынужден буду обратиться к высшим властям с просьбой изгнать его из города».

Однако для Микаэла, познавшего настоящие преследования, подобные «мелкие уколы» казались пустяками, тем более что душевное состояние его значительно улучшилось: дело с «Юсисапайлом» принимало благоприятный оборот, а борьба вокруг церковных средств в Нахичеване решалась, кажется, не в пользу халибяновцев. Маттеос Веапетян почти все время находился то в Москве, то в Петербурге. Как его верный помощник, Налбандян по-прежнему охотно выполнял при нем обязанности Секретаря, «дни и ночи пропадая у него». Министр уже подписал нужную для епархиального начальника бумагу Относительно церковных средств, и, хотя официальное уведомление еще не было получено, Микаэл через свои многочисленные связи был уже осведомлен об этом и вместе с архимандритом терпеливо ждал соответствующего распоряжения.

«В этом причина того, что преосвященный молчит, — сообщал он своим единомышленникам в Нахичеване. — Ждет, чтобы получить свои решающие права, а затем сделать так, чтобы ничего неожиданного не случилось».

При материальной поддержке нахичеванских друзей вполне реальной становилась и публикация перевода «Агасфера».

Это свое душевное спокойствие он обрел благодаря вере в собственные силы. Микаэл наконец-то нашел поприще для своей деятельности. Он уже вышел из наивного «мальчишеского» возраста и благодаря своему значительно обогатившемуся жизненному опыту и приобретенным знаниям уже воспринимал явления цельности и сознавал всю серьезность начатого им дела.

Однако он оставался все тем же остроумным, энергичным и жизнерадостным человеком, для которого тридцатилетний возраст казался далеким-далеким, почти старостью, хотя от этой «старости» его отделяли всего каких-то два-три года.

Микаэл любил музыку и никогда не упускал возможности послушать приехавших на гастроли певцов, особенно если это были оперные певцы. Любил театр — каждый новый спектакль был для него настоящим

праздником.

И наконец, он просто любил общество актрис и певиц, потому что любил... женщин. Каждая встреча и каждое неизбежное расставание облагораживает, очищает человеческие чувства, освещает душу, по-своему помогая осмыслить жизнь. Неужели можно о таком хранить каменное молчание?! И каким бы сильным ни было опасение опошлить свою любовь, открыто говоря о ней, все-таки трудно было ему в письмах близкому другу не выдать себя коротенькой фразой: «Лебедева окончила учебу, но по-прежнему живет в школе», «Богданова уехала за границу», «Бозио уехала», «Лебедеву увезли в Питер», «Лодди делла Санта тоже уехала»... И все. Коротко. Если чувствовал необходимость, то приписывал: «Остальное устно». Без всяких намеков и комментариев, словно сообщая все это лишь самому себе. Если же хотел вообще рассказать о себе, но так, чтобы это понял лишь адресат, то пользовался придуманным им же шифром. А придумывать шифры он был мастер еще во время учебы в школе Патканяна.

«Здесь ничего нового нет, — писал он другу. — Сам я занимаюсь, и не только на 76, 54, но и на 38 времени нет».

А через несколько лет в холодном каменном мешке Петропавловской крепости его согреют воспоминания о прожитых вместе с актрисой Марией Пановой и уже прошедших днях. «Прошу передать мое неизменное уважение и поздравление по случаю праздника Христова — добрейшей Марии Николаевне Пановой. Я весьма часто думаю об ее настоящем положении... Теперь она также одна на свободе, как я один под арестом...

Жму ей руку и желаю быть здоровой, веселой и счастливой. Вот и все, что я желал бы ей передать, и более... пока ничего. Я надеюсь, что ты все равно передашь больше».

И в другом письме: «От души благодарю за милое воспоминание о друге, который, в свою очередь, ни на одну минуту не забывал ее и не теряет надежды опять увидеться и, забыв все прошедшее горькое, вспоминать старину».

...Пока же эта «старина» была настоящим Микаэла, а «прошедшее горькое» еще ждет его где-то в неведомом будущем...

«ЮСИСАПАЙЛ»

..Нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было, только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствоваться...

Виссарион Белинский

Отныне — свет и истина и освобождение от тьмы Вавилонского плена.

Степанос Назарян

17 марта 1857 года министр народного просвещения Абрам Норов доложил Александру Второму о ходатайстве профессора Лазаревского института восточных языков Степанова Назаряна издавать журнал на армянском языке. На докладной министра Его Императорское Величество соизволил начертать «Согласен»...

И, как это обычно бывает после долгого и вроде бы безнадежного ожидания, положительное решение просьбы принесло Назаряну не облегчение, а множество новых забот.

Достаточно ли лишь желания одного-двух людей, чтобы разорвать цепи «тьмы Вавилонского плена», если сам народ не захочет избавиться от них?

Все дело было в том, что армяне были каждый сам по себе. Не имея общей цели, не имели они и единства.

«Каждый из нашей нации считает свою личность обособленной, — с горечью писал Налбандян. — Нация превратилась в абстракцию, и в этом причина того, что воз национального прогресса остается стоять на дороге, потому что каждый считает себя особенным, не имеет желания подойти и впрячься в этот воз».

И действительно, нет в мире абстрактных наций. Если нация есть, то она должна быть видна в действительности. Если же не видна, то, следовательно, ее не существует.

Но что это такое — нация-абстракт?

Я, ты, он, другой считаем себя обособленными и отдельными. И если что-то случается, то каждый из таких составляющих нации говорит: «Пусть об этом позаботится нация». И, говоря это, каждый отделяет себя от других. Но если все, кто входит в нацию, думают так и отходят, то кто же тогда составляет нацию?

Никто.

«Вот что значит абстрактная нация, и именно мы такая нация. Но поскольку не может быть абстрактной нации, то, следовательно, мы — не нация».

Против столь жестокого заключения Микаэла Налбандяна Степанос Назарян не смог ничего возразить. Но это вовсе не значило, что они собирались сидеть сложа руки и ждать, что армяне когда-нибудь станут едины и обретут общенациональную цель.

Но пока первым делом следовало любой ценой обеспечить рождение давно лелеемого журнала. Журнала, целью которого было превратить абстрактную нацию в нацию действительную и реальную, а вернее, создать эту самую нацию.

У Назаряна и Налбандяна были, конечно, единомышленники, которые могли помочь. Но они, эти единомышленники, не привыкли действовать самостоятельно, без подсказки со стороны. Поэтому летели из Москвы письма с мольбами и увещеваниями провозвестников национального единства.

Степанос Назарян — Григору Салтикяну.

13 мая 1857 г.

«Трудности с разрешением моего журнала «Юсисапайл» закончились. Нам теперь осталось преодолеть еще одно препятствие, то есть наше равнодушие к просвещению. Я убежден, что Вы и господин Айрапетянц приложите весь свой авторитет, честь и усилия, чтобы дать дорогу этому национальному делу среди наших соотечественников в Вашем окружении».

В скором времени появилось объявление «Юсисапайла» о программе журнала и условиях подписки. Но уповать на одно лишь объявление тоже нельзя. Нельзя обращаться и к незнакомому «стороннему человеку». Ибо, был убежден Налбандян, психология армян, к сожалению, такова, что если они

даже не могут или не хотят помочь какому-либо делу, то навредить и разрушить уже сделанное или имеющееся они всегда готовы. И это говорит ни о чем ином, как о нравственной слабости.

Единственный выход — вновь обратиться к знакомым и соратникам.

Микаэл Налбандян — Григору Салтикяну.

1 июня 1857 г.

«Сообщаю, что по получении разрешения на журнал печатаем теперь объявления. Вот посылаю теперь один экземпляр, чтобы ты прочитал, проникся и возликовал... Со следующей почтой пришлю тебе еще несколько экземпляров, чтобы ты распространил их среди своих знакомых и по прирожденной своей патриотичности способствовал увеличению числа участников и чтобы это дело, успешно завершившись, перевернуло все нутро венецианцам... Довольно! — смоем с себя то позорное мнение, что просвещение должно войти в нашу нацию с помощью прогнивших папских аббатов: их свет хуже всякой тьмы, поэтому пусть не стараются. В армянском народе есть сейчас люди, которые могут писать в тысячу раз лучше, проще, чище и правдивее, чем какой-нибудь венецианский аббат!»

В отличие от пылких и полных угроз высказываний своего молодого соратника, которые если даже и подстегивали друзей, то в еще большей степени возбуждали ненависть врагов, Степанос Назарян писал спокойные, тщательно обдуманые письма. Вот одно из них, адресованное тифлисскому книготорговцу.

Степанос Назарян — Аветику Энфиачяну.

7 июня 1857 г.

«Слыша от многих людей о Вашей честности и добродетели, я желал бы иметь с Вами дело к выгоде Вашей и всей нашей нации. Вот мое намерение: у меня есть разрешение издавать на армянском языке журнал, объявление которого получите вместе с этим письмом и в котором разъяснены все обстоятельства моего предприятия. Как книготорговец, Вы должны обрадоваться этому

и постараться распространить, этот журнал в Тифлисе и в окрестностях города».

Издатель считал необходимым напомнить книготорговцу также о том, что в случае распространения журнала он не останется без выгоды:

«В Европе книготорговец и автор всегда связаны друг с другом, помогая друг другу. И один от другого получает пользу и выгоду. И среди нас, если рассуждать и действовать разумно, такое необходимо».

Пока издатель и сотрудник журнала (первый — убеждая спокойствием, а второй — нетерпеливой воинственностью) были заняты обеспечением подписки, против пока еще не существовавшего журнала уже начинали ополчаться недруги.

Враги, уже хорошо знавшие как Назаряна, так и Налбандяна, догадывались, что их сотрудничество не обещает им ничего хорошего. Еще не родившийся «Юсисапайл», чреватый для них массой новых неприятностей, уже сейчас прямо подтверждал опасения всех противников, поэтому и стремились они уничтожить журнал еще в зародыше. Лучшим способом для этого было сорвать подписку.

И это им удавалось.

В Тифлисе, например, у «Юсисапайла» оказалось всего десять сторонников, десять подписчиков...

В эти тяжелые времена попытку поддержать зарождавшийся журнал предприняла группа студентов-армян из Дерптского университета. Их письмо безмерно обрадовало Назаряна, оказавшегося на грани отчаяния, видя, как враги стараются провалить его заветное начинание. Не имея разрешения на журнал, Назарян был, пожалуй, спокоен: что ж поделаешь, коли нет?.. Но вот разрешение получено, а он вместе с молодым своим товарищем очутился перед преградой, название которой равнодушие.

«Как может эгоистичный и себялюбивый армянин нашего времени признать армянина самоотверженного и бескорыстного?.. — с горечью писал Назарян в ответном письме студентам. — Каждый любит таких же, как он сам, подобных

себе... Вы и другие, столь же достойные, я и несколько моих друзей составляем исключение среди нашей жалкой армянской привычки».

На первый взгляд могло показаться случайностью, что в Тифлисе, где враги журнала делали все, чтобы провалить подписку, священник Степан Мандинян готовил к изданию журнал под названием «Мегу Айастани» — «Пчела Армении», который должен был знакомить читателей не только с ценами на товары и сообщать о выгодных сделках, но и печатать всевозможные филологические сведения и критические статьи о разных книгах и трудах. «Дай бог, чтобы тифлисцы были к нему добрее, чем ко мне», — искренне писал Степанов Назарян о будущем конкуренте своего «Юсисапайла».

Чтобы обеспечить хотя бы минимум подписки, Назарян вынужден был обратиться к властям. Весьма знаменательно, что доброжелательные и прогрессивные русские чиновники, оценив значение «Юсисапайла» в деле национального просвещения армян, с готовностью помогли ему.

«Так вот доброжелательный и просвещенный чужак более полезен и радушен, чем свой же, — уведомлял дерптских студентов Назарян. — Вы и многие из нашего народа жаловались на иноплеменников, но если говорить честно, то наиглавнейший кровожадный враг армян — сами армяне».

Для Налбандяна внешне ничего не изменилось. Лишь добавилась новая забота — будущий журнал.

«Не думайте, что мы спим: работаем день и ночь», «Даже в театр не хожу» — а это было уже не только Не» малым самоограничением: Налбандян был страстным театралом, — но и доказательством того, насколько перегружен был работой будущий врач. «Буквально горю, да» же просто выйти времени нету — университетские заботы, хлопоты по «Агасферу», журналу и, наконец, по делам преосвященного настолько замучили меня, что почти каждая моя минута на счету... День и ночь занят этим делами».

В прежние времена Налбандян, чтобы избавиться от такого перенапряжения, охотно предавался бы с друзьями и подругами веселому и беззаботному досугу. Но сейчас, в горячие дни подготовки журнала к изданию, его «градус опустился до 0, вместо того чтобы подняться зимой до 74 или больше, особенно в кафе-ресторанах Петербурга».

Но вместо посещений «кафе-ресторанов» он стал самым активным и деятельным членом Армянского студенческого кружка Московского университета. Кружок этот уделял большое внимание вопросам армянской литературы, культуры и вообще армянской жизни. Студенческий кружок создал особый фонд для неимущих студентов, что во многом способствовало дальнейшему сплочению членов кружка, укреплению их единства.

Армянское студенчество было предано делу просвещения и, без сомнения, обещало стать надежной опорой готовящегося к изданию журнала.

Рамки деятельности Налбандяна расширились, а с изданием журнала должны были расшириться еще больше. Двадцативосьмилетний юноша, после своей очередной болезни «так и не познавший настоящего приличного здоровья», буквально «горел», не жалея себя, ибо осознал уже ту великую миссию, которую взяли на себя он и его старший товарищ и учитель Степанос Назарян.

Словно по какой-то неведомой предопределенности самые великие испытания судьба предуготовляет для истинно великих мужей. И ни Степанос Назарян, ни его молодой и пылкий друг не заметили, что именно в тот период, когда готовилось издание «Юсисапайла», появился тот, которому было суждено подвергнуть их настоящим испытаниям.

Вернее сказать, заметили, но никто не заподозрил в архимандрите Габриэле Айвазовском того, кто должен был сыграть в жизни Налбандяна поистине роковую роль.

У Степаноса Назаряна, обладавшего большим жизненным опытом, чем Микаэл, возникли кое-какие подозрения, однако весьма смутные. В одном из своих писем друзьям, отправленных в этот период, он писал:

«Святой отец Габриэл Айвазовский недавно был здесь, встретился и с нами; поговорили несколько минут. Довольно мягкий и вежливый человек, и среди нашего армянства должен быть довольно любезен. И действительно: отслужил обедню в Москве и прочитал проповедь, до небес вознеся лазаряновские благодеяния. Сейчас Айвазовский в Петербурге и, как ходят слухи, собирается построить в Феодосии училище».

Слухи о том, что Айвазовский собирается основать в Феодосии школу, были, несомненно, верными. Но в Петербург он отправился не только с ходатайством об открытии школы. Во всяком случае, в северной столице

его удостоили аудиенции министры иностранных и внутренних дел. Имел он встречи также с Лазарянами, Делеановым, Абамеликом и другими видными армянами.

Какие пели преследовал бывший католический священник в Росспи? Ради каких вынашиваемых им планов вступал Айвазовский в контакты с представителями армянской знати и правительственными кругами? И наконец, кто был вообще этот Габриэл Айвазовский?..

Если Цели и планы его в то время оставались неведомы, то личность его была достаточно известной, однако не всем!

Ему было уже сорок пять, когда он приехал в Россию. И соответственно своему зрелому возрасту имел он и столь же «богатую» биографию.

В отличие от Мкртича Эмина «вес» этого церковника-рenegата обуславливался не его научными заслугами, а двуличным поведением, угодливостью лакея к власти имущим, лакея, не чурающегося также распускать грязные слухи и писать тайные доносы.

С юного возраста получив католическое воспитание, он свыше трех лет служил в Мхитаристской конгрегации на острове Святого Лазаря. А затем, как сообщает Очевидец, «сатанинством перебрался в Парил?» и стал издавать журнал «Масьяц ахавни» — «Голубь Масиса». Перешагнув за сорок, Габриэл Айвазовский вместе с двумя своими друзьями-католиками, братьями Галфаян, переменял веру и вновь вступил в лоно армянской просветительской церкви. Эта смена веры произошла после его решения перебраться в Россию.

Известно, что в основе вероотступничества лежат два основные движущие причины. Первая — насилие, когда нещадно угнетаемый народ заставляют принять веру Завоевателей, чтобы, ассимилировав, нейтрализовать его. Второй причиной является, наверное, ущемленное самолюбие той или иной личности, неудовлетворенное тщеславие и просто алчность.

Следовательно, отринув католицизм и приняв православие, Габриэл Айвазовский стремился удовлетворить как свое самолюбие, так и алчность и тщеславие (поскольку первая причина тут исключалась). Он метил ни больше ни меньше как на место католика и уповал, разумеется, на авторитет своего прославленного брата — художника Ованеса Айвазовского и его связи во влиятельных сферах... Протекция и связи, конечно, само собой, но для осуществления своих планов требовалась Габриэла Айвазовского и собственная инициатива, более что ему было уже за сорок и он обладал «богатой» биографией.

Габриэл Айвазовский избрал самый короткий и надежный путь.

Вступив в переговоры с русским посольством в Париже, он предложил свои услуги и изъявил готовность обосноваться на юге России и под эгидой правительства взять в свои руки дело просвещения армян. В представленной послу России графу Киселеву памятной записке Габриэл Айвазовский предлагал открыть где-нибудь на юге России школу, которая должна была стать духовно-теологическим центром, и ее воспитанников — а с их помощью и весь армянский народ — превратить в покорных слуг царского правительства, удержав их от истинного просвещения, а следовательно, и от идей национального самосознания и освободительной борьбы, которые, распространившись в Европе, уже начинали волновать и народы империи.

Поэтому прием, оказанный Габриэлу Айвазовскому в Петербурге, выглядит вполне понятным и естественным.

Естественно и то, что разрешение на открытие школы в Феодосии ему было дано охотно и незамедлительно. И совсем уж понятно, что Айвазовскому не только дали возможность перевести из Парижа «Масьяц ахавни» и издавать его за казенный счет, но и поручили ему самому быть цензором своего издания...

Поистине безграничным было доверие к человеку, который, по определению Степана Воскана, будущего друга и соратника Налбандяна, «как литератор — не стоил ничего, а как архимандрит всяческих церквей — не обладал той моральной властью, которая является главным достоянием пастыря. Наоборот, своим двуличным поведением и особенно пакостным своим нравом он потерял всякие симпатии добродетельных людей». Да и можно разве «сегодня ласкать свободу, завтра припадать к ногам тирании, послезавтра лобызать колонны Рима, а на следующий день — восхвалять мысли Лютера»?

Нельзя!

Но Габриэл Айвазовский был лишен внутреннего нравственного стержня, и посему вполне понятно, что власть имущим было весьма выгодно иметь у себя в услужении такого вот человека. Оторванный от своих корней и давно уже лишившийся их как опоры, Габриэл Айвазовский приобрел необходимый для своей устойчивости вес назначением монаршей милостью на должность епархиального начальника епархии Нахичевана-на-Дону и Бессарабии вместо Маттеоса Веапетяна. И произошло это вопреки существующим правилам и даже без ведома Эчмиадзина.

Жаловаться архимандриту-ренегату теперь было не на что.

«Габриэл Айвазовский был большим ученым, — пишет Очевидец, —

но не в положительном, а в отрицательном смысле этого слова. Такой человек, встав во главе народа, уведет его в темные доисторические века. Именно такие превращают людей в обезьян, а вовсе не те, кто говорит, что человек произошел от обезьяны!»

Трудно сказать, триумф ли Габриэла Айвазовского в Петербурге и возможные последствия этого или налаживание дел с подпиской на «Юсисапайл» в родном городе были тому причиной, но Микаэл Налбандян только в середине или конце июля собрался отправиться в Нахичеван-на-Дону.

Однако в последний момент планы неожиданно изменились, и вместо Нахичевана-на-Дону он отправился за границу.

Причиной этого неожиданного путешествия оказались армянские матрицы для «Юсисапайла». Полиграфисту Барфкнехту давно уже была перечислена выделенная для этой цели Карапетом Айрапетяном сумма, но отправка, судя по всему, затягивалась. Поэтому и потребовалось Налбандяну лично отправиться за матрицами и шрифтами.

Все это не ускользало от Рафаэла Патканяна, внимательно следившего за каждым шагом Налбандяна.

Рафаэл Патканян — Серовбэ Патканяну.

22 мая 1857 г.

«Сообщаю тебе две новости: журнал Назарянца «Юсисапайл» будет печататься в 1858-м... Объявление Назарянца сверх меры переполнено гордостью и тщеславием. Налбандян отправился за границу и, как я слышал, должен привезти для журнала прессы, шрифты и клише. Гляди, как продвигается дело шарлатанов, а мы, жизнь положившие ради того же, сразу отстали»^[21].

...Микаэл Налбандян проехал через Мариенбад в Вену, а оттуда в Венецию. В этих городах, где издавна развивалось и процветало армянское печатное дело, можно было достать необходимое печатное оборудование. Деньги на дорожные расходы — около тысячи рублей — предоставили нахичеванские друзья. Далее Микаэл должен был отправиться в Париж и Константинополь. Можно предположить, что в Париже он имел случай познакомиться с одним из наиболее светлых и выдающихся деятелей Мхитаристской конгрегации — Гевондом Алишаном.

Кто они, мхитаристы, как образовалась эта конгрегация и кому опа

теперь служит?..

Микаэл Налбандян не только не обошел эти вопросы, но и посчитал крайне необходимым подробно и беспристрастно ответить на них.

...После падения последней царской династии Армения окончательно утратила свою независимость и во все больше сгущавшейся вокруг беспросветной четырехвековой тьме впала в «смертоподобный сон».

Коренная Армения лишилась того нравственного лона, которое необходимо, чтобы взлелеять семя духовного. Поэтому возрождение познавательного духа армянского народа должно было произойти вне пределов Армении, в чужой стране. Армянская словесность нашла приют в Италии, питаясь ее хлебом, ибо, как писал Налбандян, «сама нация, как и в наши времена, не имела для своих сынов-патриотов ни хлеба, ни чести». Поистине — времена словно и не изменились!.. И в те дни каждый человек думал только о собственной выгоде, не понимая, что без пользы всеобщей невозможна польза личная.

Тем не менее у истории свой ход развития. Даже если это история потерявшего свою государственность, свое политическое значение и даже — что тут спорить? — частично утратившего и свое национальное лицо народа. Налбандян понимал, что в эти беспросветные и безнадежные времена, когда армяне были оттеснены с пути цивилизации и прогресса, где-то в мире Христофор Колумб со своими предложениями «стучался в двери королей и, получив мизерную помощь, углублялся в таинственные моря открывать для человечества новые страны», а где-то в другом месте Гутенберг изобретал книгопечатание, где-то еще люди восставали против слепой веры, пустой обрядности и фанатизма...

После четырех мрачных и нескончаемых столетий родившийся в городе Себастья Малой Армении юноша, по имени Мхитар, взялся пробудить от дремы свой народ. Нетрудно представить все те преграды, которые пришлось преодолеть Мхитару Себасти. Но он «был из тех людей, которые, столкнувшись с сопротивлением, привыкли лишь напрягать все силы своей души и, укрепившись еще больше, добиваться пальмы победы», — не без гордости характеризовал Налбандян этого выдающегося человека, и нетрудно представить, сколь великую духовную связь и гармонию ощущал Микаэл между собой, своим делом и великой Миссией Мхитара.

В Константинополе Мхитару удалось основать братство, состоявшее всего из девяти человек. И все же за несколько лет он сумел издать на армянском языке почти десяток книг. А сколько духовного мужества и воли потребовалось, чтобы осуществить это дело!.. И еще смелости. Ибо

Мхитар вынужден был обратиться за помощью к католическому духовенству, а в фанатичном мусульманском мире это было чревато всевозможными осложнениями и неприятностями, которые, разумеется, отнюдь не заставили себя ждать. И пришлось Мхитару Себасти тайно бежать из пределов Османской империи и после долгих скитаний вместе со своим братством обосноваться в Венеции.

В 1712 году папа Климент XI учредил конгрегацию мхитаристов, а пять лет спустя венецианский Сенат на вечные времена передал ей остров Святого Лазаря.

У Мхитара Себасти была лишь одна цель — восстановить армянскую словесность. Но ни правители Венеции, ни папские власти нисколько не были заинтересованы в этом, что вполне понятно. И Себасти повел дело так, будто, развивая армянский язык и словесность, конгрегация ставит себе целью подготовить среди армян почву для распространения католичества. Но Ватикан не спускал с мхитаристов глаз, и достаточно оказалось малейшего сомнения в верности Мхитара папизму, как его тут же вызвали в Рим для объяснений.

«Мы уверены, что сердце Мхитара было чистым, что он, попав на почву папизма, вынужден был вначале прикидываться папистом. Не его вина, что братство после него... стало крепостным папизма, купленным за серебро рабом, предателем своей нации». Беспристрастно оценивая как Мхитара Себасти, так и его последователей, Налбандян с той же непристрастностью указывал и на причины этого «достойного глубокого сожаления» явления.

А это было крайне необходимо, ибо неумение делать выводы из уроков истории приводит народ к потере своих духовных ценностей и застою. Такое вот «философское заключение события» сделал Налбандян для своего настоящего.

«Не найдя на своей земле и среди народа пристанища и места для жизни, Мхитар и армянское учение вынуждены были как нищие отправиться на чужую землю — в чужой стране, чужим хлебом и милостыней открывать дорогу просвещения для армянской нации». А в результате, с горечью говорил Налбандян, армянин, «трудясь под чужим крылом, вкушая чужой хлеб, вынужден был всегда хвалить чужого, блюсти его выгоду и удаляться, отчуждаться от своего народа и даже становиться вредным ему. Таков закон истории: или под крылом своей нации, или под крылом чужой — со всеми вредными последствиями этого».

Если для Мхитара папизм был всего лишь маской, то мхитаристы, пришедшие после него, рождались уже с готовой личиной, но уже не

католической, а армянской. Папизм — внешнее для Мхитара — становился для них внутренним. А армянское — для Мхитара основное — превращалось всего лишь в личину, и личину эту члены конгрегации использовали против армян, стремясь распространить среди них учение и просвещение лишь для того, чтобы привести их в лоно католицизма.

...Дни Налбандяна в Венеции были насыщены не только деловыми встречами и поисками матриц и клише для будущего журнала.

Микаэл был очень жизнерадостным человеком и не мыслил себе жизни без веселой дружеской компании. Подруги его были служительницами муз — актрисы и танцовщицы. В Венеции он полюбил художницу Н. К сожалению, осталось неизвестным имя этой удивительной молодой женщины, память о короткой встрече с которой и надежду вновь встретиться еще много лет будет лелеять Микаэл.

Художница приехала в Венецию ненадолго, чтобы познакомиться с «городом великолепной архитектуры и шедеврами великих художников». Она сняла себе студию, в которой не только работала, но и жила. В этой самой студии и встречались обычно Микаэл и художница.

Любовь их была исключительной.

Потому что исключительной была и та гармония, которая возникла между ними.

По странной закономерности, но вовсе не волею рока (ибо ни для одного из них эта встреча не стала роковой) пересеклись в Венеции и снова разошлись их пути.

Микаэл рассказывал ей о своих заботах, о неустанных преследованиях могущественных врагов, о родном городе и своих близких.

А у художницы были свои заботы. Предстоящее замужество сестры, необходимость покинуть Венецию, незаконченные картины... И ко всему этому добавилась еще тревога о здоровье Микаэла, не перестававшем волновать эту милую, честную и преданную девушку.

Но, увы, очень быстро промелькнули чудесные венецианские дни, унося с собой и летние вечера, и льющиеся со скользящих по каналам гондол прекрасные песни, и жаркий шепот прильнувших друг к другу влюбленных в маленькой студии под самой крышей, и саму хозяйку этой студии, от которой еще сохранятся как реальность написанные на голубой бумаге письма, чтобы через годы превратиться в память, стать иллюзорной грезой и, наконец, безымянным свидетелем человеческой сущности моего героя...

Одно из многих сохранившихся ее писем к Микаэлу заканчивается

так:

«В тот грустный день прощания, когда мы вышли погулять, ты все время твердил, что вернешься. Но я чувствовала, что перед тобой стоит множество препятствий, и еще в то время была уверена, что мы никогда больше не встретимся.

Ты, несомненно, сочувствуешь мне. Ты, который любил меня, ты, который понял мое стремление художника!

...Как глубоко ты врезался в мое сердце и мысли! И как до осязаемости явственно я вижу тебя!

Всегда твоя

N.

Вернувшись из своей первой заграничной поездки, Налбандян с утроенными силами отдался делам. Он был воодушевлен перспективами скорого издания «Юсисапайла» и еще больше верил в то, что сможет пробудить армян.

«До сих пор армянский народ думал, что только Венеция и Вена способны и могут воспитать нацию, — после возвращения писал Микаэл Карапету Айрапетяну. — Но мы покажем и докажем, насколько ложно это мнение, и что родные сыны нашего народа морально в силах сделать это с тысячекратно более светлыми идеалами, чем юродствующие и погрязшие в предрассудках папские мхитаристы!»

Наряду с подготовкой материалов первой тетрадки «Юсисапайла» Налбандян решил познакомить с задачами и направлением своего издания и русскую интеллигенцию.

5 октября Налбандян опубликовал в еженедельнике «Молва» обращенное к редактору письмо, озаглавленное «О новом армянском журнале».

«Редактор «Юсисапайла» намерен распространять среди российских армян сведения, которые в наше время жизненно необходимы каждому человеку, к какому бы общественному сословию он ни принадлежал, — писал Налбандян. — Он желает создать такой народный язык, который, сохраняя прежние корень и основу, просто и красиво сообщался бы с народом».

И на самом деле: Степанос Назарян и Микаэл Налбандян поставили себе двойную задачу. «Говоря с армянами, просвещать их и, просвещая, учить их говорить, а следовательно, мыслить. Ведь говорить означает

мыслить».

Налбандян, который любил постоянно накалять атмосферу, с присущей ему прямоотой вновь не пощадил в этом письме «тех отдельных армян, которые защищают древность и отжившие свой век формы», не пощадил «этих безоговорочно влюбленных в древний классический язык средневековых людей, которые, будучи в ужасной слепоте, под сенью мертвых форм забыли жизнь и ее содержание, упустив из виду кричащие нужды нашего века и умирающую от умственного голода армянскую молодежь».

Издатель-редактор «Юсисапайла» и его сотрудник были уверены, что «достоинство народа большей частью связано с его национальным языком и этот язык следует развивать с величайшей тщательностью, превратить в хранилище науки и знания».

«Мы с нашей стороны, как поклонники народного языка, — заканчивал свое письмо Налбандян, — будучи уверенными в честности и благих намерениях уважаемого профессора, от всего сердца желаем ему полнейшей удачи».

Год близился к концу.

И пора было подводить итоги.

Национальное сознание, национальное единство и национальное просвещение не могут быть самоцелью. Именно они являются гарантами свободы народа.

...1858 год ознаменовался для Микаэла Налбандяна осознанием этого нового этапа его деятельности: «Среди рабства не может зазеленеть росток просвещения!»

А для армянской действительности 1858 год ознаменовался «Юсисапайлом».

Степанос Назарян — Овсепу Измиряну.

26 марта 1858 г.

«Ваша и моя мечта, победив всевозможные препоны, осуществилась, и «Юсисапайл» сияет на армянском небосводе своими светлыми лучами — одному на радость сердца, другому — неизлечимая рана в сердце, патриотам — гордость, ненавистникам нации — стыд и позор!»

ПЕРВЫЙ АРМЯНСКИЙ ГРАЖДАНИН

*Время зажечь потухший огонь патриотизма в
охладевших сердцах!*

Микаэл Налбандян

*Человек силен и обеспечен только в обществе, но
чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и
обеспечено, ему необходима непосредственная,
органическая связь — национальность.*

Виссарион Белинский

*...Тот, кто хочет правды и справедливости,
должен уметь безбоязненно стоять за них.*

Николай Серно-Соловьевич

Забот с изданием «Юсисапайла» было так много, что Налбандян на некоторое время оторвался от происходящих в Нахичеване-на-Дону событий.

А когда в начале марта первая тетрадка «Юсисапайла» была наконец разослана подписчикам, когда в какой-то степени утряслись дела с наборщиками армянского шрифта и были уже готовы материалы для следующих номеров, Налбандян вспомнил вдруг, что не получил ответа на посланное год назад Карапету Айрапетяну свое письмо, и решил возобновить прервавшуюся с ним переписку.

По каким-то дошедшим до него слухам Микаэл интуитивно чувствовал, что его соратник и друг несколько охладел к нему. Однако причины Микаэлу пока не были известны. Но Налбандян все же считал, что ему, во всяком случае, необходимо похвастаться успехом и заодно выразить свою признательность. Ведь своим существованием и преуспеванием журнал и типография обязаны содействию их сограждан, и в первую очередь Карапету Айрапетяну. «Да будет вам известно, с какой

самоотверженностью днем и ночью, до ломоты в спине и рези в глазах, работаем мы, пишем и правим, печатаем и мучаемся, — сообщал Микаэл Айрапетяну и добавлял: — Все это в наших силах, а что касается материальных средств, то мы их не имеем, и в этом нам должна помочь нация».

Знал ли Микаэл о том, что в Нахичеване-на-Дону происходит новая расстановка сил, слышал ли, какую теплую встречу организовали там новому епархиальному начальнику Габриэлу Айвазовскому? Известно ли ему было, что Айвазовский призвал халибьяновцев и айрапетянцев к миру и согласию?

Казалось бы, что с изданием «Юсисапайла», с одной стороны, и этими событиями, с другой, наметилось новое соотношение сил. Но означало ли это, что грядет жестокая битва?

Можно было не сомневаться, что так оно и будет.

Несмотря даже на то, что их общее дело Микаэл Налбандян представил всего лишь как скромное пожелание: «Суметь хотя бы показать, каким должен быть журнал для воспитания своей нации».

И именно первая попытка послужить примером явилась поводом к тому, чтобы противники, которые до этого находились в беспокойном и нетерпеливом ожидании, с выходом первого номера журнала тут же бросились А на наступление.

Причиной послужила рецензия на книгу Степаноса Назаряна «Журнал новой армянской речи».

Как и во всех тех случаях, когда начиналось какое-либо новое дело, Микаэлу Налбандяну и на этот раз суждено было стать и его основателем, и теоретиком, и практиком.

Прежде всего ему пришлось теоретически обосновать и охарактеризовать самый предмет литературной критики, ибо среди армян бытовало мнение, что эта пресловутая «критика» придумана, чтобы порочить людей, выставлять на всеобщее посмеище ошибки или недостатки авторского труда. Словом, «критика — это сплетня или клевета».

В действительности же, объяснял Налбандян, критика является тем критерием, которым оценивается степень просвещенности той или иной нации. Следовательно, посредством критики можно понять отношение нации к действительности.

Критика — это святой и беспристрастный суд, перед которым равны все, как друзья, так и враги. Налбандян был убежден, что критика обязана

отдавать должное достоинствам противника, и сам был готов объективно рассматривать труды авторов. Именно уровень критики обуславливает уровень национальной литературы, ибо если в литературе проявляется «душа нации, ее взгляд, общественная жизнь», то настоящая критика является «мерой и степенью всего этого».

К несчастью, в качестве критиков до этого подвизались люди малосведущие, едва ли поднявшиеся выше школьного уровня. Мышление этих людей, «кое-как выучившихся вкривь и вкось лепить несколько слов», но считавших себя безоговорочными авторитетами, было на редкость узким и устаревшим.

Уверенный, что его противники обязательно будут возражать ему, Налбандян сразу же предупреждал их, что не приемлет той точки зрения, будто литературой является все написанное, даже то, что не связано с душой народа, «в чем, как в зеркале, не видна жизнь нации, ее самые тонкие штрихи». Но вместо того чтобы начать с Налбандяном дискуссию, «эти армянские критики, чувствующие себя корифеями», избрали иной, странный, если не сказать аморальный способ возражения.

Этот способ заключался в посылаании влиятельным армянам, а затем и официальным властям обвинительных петиций и жалоб. И вполне естественно, что подобный образ действий они считали единственно для себя возможным, чтобы избавиться от нападков «разбойника Налбандяна».

Если б дело отрапичивалось одними жалобами... Но история сохранила также множество доносов и клеветнических писем, преследующих лишь одну цель — уничтожить Микаэла.

...Первое обвинительное письмо было отправлено Хачатуру Лазаряну. «Критик», о котором более чем пр) — вранчо намекнул в своей статье Налбандян, жаловался, что его порочат, «не признают его заслуг» и что этот пресловутый «заблудший армянский схоласт, кое-как выучившийся вкривь и вкось лепить несколько слов», — сам автор статьи Налбандян, и никто другой.

Потом выяснилось, что многим не понравилась оценка Налбандяна книги Степаноса Назаряна «Журнал новой армянской речи». «Под его пером наш народный язык получит права гражданства и приблизится к своей цели — стать совершенным средством для воспитания народа, — убежденно писал Налбандян. — Нация с любовью примет книгу, которую автор посвятил воспитанию сынов своего народа».

Едва успела дойти до Тифлиса первая тетрадка «Юсисапайла», как еженедельник «Мегу Айастани», о котором, если помните, Степанос Назарян сказал: «Дай бог, чтобы тифлисцы были к нему добрее, чем ко

мне», поспешил выступить как против Назаряна, так и против Налбандяна.

Кстати, по характеру своих обвинений и общему уровню клеветы опубликованная на страницах еженедельника статья ничем не уступала отправленному Лазаряну письму.

Мандинян, автор статьи, прежде всего счел необходимым напомнить о том, «сколько укоров, сколько оскорблений, сколько хулы возводил на Армянскую нацию» Степанос Назарян в своих предыдущих трудах. И далее он перешел на тот самый стиль, который характерен, пожалуй, для всех критиков всех времен, считавших, что они и только они являются альфой и омегой филологии.

«До сих пор нация молчала, — заявляет Мандинян, — ожидая, что Назарян, может быть, осознает свои наветы, однако он каждый день добавляет к ним новые и нашел себе в — помощники некоего Налбандяна. И стали они неосторожными словами поносить нацию, причем не только людей невежественных, но и ученых, желая лишь самим быть новыми просветителями народа и распространять новый язык, новое учение».

Сведя таким образом счеты с редактором и сотрудником журнала, следовало, разумеется, опорочить и сам журнал.

«Юсисапайл», — заканчивает свою статью Мандинян, — есть скука уму, огорчение сердцу, слово хулительное нации и амбар самодовольства».

«Такие вот дела!..» — сказал бы, пожалуй, Назарян, прочитав пасквиль тифлисского еженедельника. А Налбандян мог бы подумать, наверное, что все их усилия напрасны. Критика у армян считалась поношением и должна была оставаться таковой, пока существовали ложный патриотизм и провинциализм, ничего еще не сделавший для народа, но уже пораженный манией исключительности и непогрешимости безудержный эгоизм. Тот же «Мегу Айастани» через несколько месяцев опубликовал очередное разгромное письмо, подписанное «Ваган Арамян», однако нетрудно было догадаться, что под этим псевдонимом скрывались Мсеряны.

Затем в нескольких следующих номерах печаталась статья под названием «Господин Степанос Назарян и его литературные заслуги». Не в состоянии ответить по существу или хотя бы просто возразить против на шумевшей статьи Налбандяна, подобно брошенному камню всколыхнувшей их затхлое болото, «народолюбивые» его противники пытались построить свою позицию на душещипательных и сентиментально-чувственных аргументах, надеясь, что возбудят этим жалость наивного читателя, а следовательно, приобретут и его симпатии.

«Армянин лишен политической жизни, лишен и

возможности политического подвига. Неужели ничего не видит глаз г. Назарянца, когда Армянин, ненавидимый, преследуемый, ограбленный своими могучими врагами, сумел сохранить тень своей национальности, обломки своего языка, память о своей былой славе?.. В своих скитаниях он ни на минуту не переставал скорбеть о своей желанной овдовевшей Армении, своем Эчмиадзине, своем загадочном Арарате. Разве это не доказательство, что Армяне не чужды благородных чувств?»

На все эти нападки Налбандян ответил в четвертом номере «Юсисапайла».

В своем ответе он не только продолжил открытый бой, но и вообще преподал урок острой, но вполне корректной полемики.

Налбандян выражал сожаление, что редактор тифлисского еженедельника оказался «слепым орудием в руках чуждых людей и отверстыми устами коварного скрытого общества». И, оставаясь верным своему принципу называть вещи своими именами, он заклеил это коварное и враждебное им общество как «союз мракобесов».

«Уста мои всегда готовы ответить противникам истины. Но найдется во мне и столько нравственного величия, что я могу без всяких колебаний признать свои ошибки».

Но, несмотря на эту его готовность, никто из противников так и не осмелился проанализировать или опровергнуть ни одно из его суждений о критиках и критике. Однако это было слабым утешением. Не осмелившись вступить в открытый бой с Микаэлом Налбандяном, непримиримым ко всякой лжи и поэтому постоянно навлекающим на себя всевозможные напасти, кучка «патриотов», собравшаяся под крылышком Габриэла Айвазовского, взяла на вооружение все тот же подлый способ борьбы: сочинение слухов и поклепов. В слепой своей ненависти они слали и слали в министерство внутренних дел и Третье отделение доносы и клеветнические измышления.

И самым страшным во всем этом было то, что подобный способ борьбы представлялся им не больше и не меньше, как защитой национальных ценностей.

Какая ирония!..

Но неужели не задумывались они над тем, что им рано или поздно придется держать ответ перед судом истории?

Нет! Они были уверены, что никто не раскопает в завалах истории эти документы. А пока что авторы их вкушали славу отцов народа.

...Для Налбандяна было уже ясно, что началось великое противоборство и что оно будет длиться до тех пор, пока существует «Юсисапайл». Но само существование его находилось уже в опасности. Значит, нужно наилучшим образом использовать каждую его страницу, каждую возможность. И в те самые дни, когда Налбандян писал свой ответ пасквилянтам, в голову ему пришла блестящая идея.

Открытые письма не удовлетворяли его, они не позволяли высказать все, что он думал, что должен был сказать. Ведь каждый раз он вынужден был бы ждать очередного выступления врагов, а они могли запоздать, могли и вообще не выступить. Конечно, вовсе не по той причине, что противники промолчат, согласятся с Налбандяном, а потому, что они постараются уничтожить «Юсисапайл» и его подвижников втихомолку, тайком.

Значит...

Умерить жар разгоравшейся схватки? Ослабить накал битвы?

Микаэл не мог ждать.

Он, как всегда, спешил.

Степанос Назарян тоже одобрил идею своего молодого сотрудника — идею, которую необходимо было осуществить в четвертой же тетрадке журнала, тем более что она только еще набиралась.

Итак, в апрельском номере «Юсисапайла» появились «Записки» графа Эммануэля, с помощью которых Налбандян взял полностью под свой контроль ход борьбы. Форма записок позволяла ему представить все то, что еще не успели, но могли сказать враги, и тут же ответить им устами разных вымышленных героев. А параллельно этой непрерывной дискуссии поднимать также общественные, политические и нравственные вопросы.

«Записки» открывались беседой графа Эммануэля и некоего господина Х. о раздраженной статье, вышедшей в еженедельнике Мандиняна.

Оппонент укорял графа: «Ты забываешь, что, говоря истину, обнажаешь недостатки и позор нации. Если какая-нибудь истина связана с бичеванием позора нации, то не может быть такой истины! Тогда лучше ложь, скрывающая недостатки нации. Тоже мне выдумали — истина да правда!... Какая польза от той истины, которая терзает сердце нации?»

«Проповедуемые нами истины и терзают, может быть, сердце нации, — отвечал ему граф Эммануэль, — но этот меч — единственный способ и отсечь и удалить зараженную и гниющую язву от здоровых

частей».

А в своем письме другу Налбандян добавлял: «Ради нации и народа моя жизнь в моих глазах ничего не стоит, и я каждую минуту готов пожертвовать ею, и с того дня, как я взял в руки перо, до самой могилы буду я воевать против лжи и тьмы».

В лице этого литературного образа — графа Эммануэля — в армянской действительности родился, несомненно, настоящий гражданин, истинным воплощением которого и был сам Микаэл Налбандян.

Но должны были пройти годы и десятилетия, чтобы в сознании современников и потомков выкристаллизовалось это самое, пожалуй, верное, точное и емкое определение личности Налбандяна —

Первый армянский Гражданин.

ПО СТРАНИЦАМ «ЗАПИСОК»

*Отчего мы молчим?
Неужели нам нечего сказать?
Пли неужели мы молчим оттого, что нам нечего
сказать?*

Александр Герцен

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.*

Михаил Лермонтов

Чтобы лучше понять и узнать Налбандяна, через даль годов и десятилетий войти с ним в духовный контакт, лучше всего заново перелистать страницы «Записок» графа Эммануэля.

...Да, уже в первых строчках своих «Записок» граф заявляет о необходимости вырезать и удалить язвы нации. А чтобы успешно провести эту операцию, прежде всего надо было знать эти язвы. Но знание это, как мы еще убедимся, чревато тяжелыми последствиями. Хотя бы потому, что для того, чтобы увидеть и показать эти язвы нации, нужны беспристрастный глаз и голая беспощадная правда.

Но не было в мире такого уголка и с древнейших времен не было такого времени, чтобы правда не подвергалась преследованиям. Сама преследуемая, правда прокладывала своему рыцарю дорогу на эшафот или к потрескивающему костру.

Положение рыцаря правды в армянской действительности оказалось еще более плачевным, хотя армянам и не доводилось видеть скатывающиеся в корзины отрубленные головы или вдыхать волнами расходящийся от городской площади запах горящего человеческого мяса...

Но даже после казней и сожжений оставалось хотя бы слово правды, оставалась надежда, что она станет достоянием многих и, кто знает, может быть, даже победит... Но что касается армян, здесь граф в отчаянии

разводит руками.

Нравственность и просвещение не могут, разумеется, существовать отдельно друг от друга. Ибо просвещение должно принести с собой новые идеи, новые сферы понятий, новые нравы, до этого незнакомые и непонятные армянам. «Чужое, извне взятое содержание никогда не может заменить ни в литературе, ни в жизни отсутствие своего собственного, национального содержания». Это мнение Виссариона Белинского было точным и неопровержимым.

Но в то же время «извне взятое содержание может переродиться в него со временем, как пища, извне принимаемая человеком, перерождается в его плоть и кровь и придает ему силу, здоровье и жизнь».

Графу была близка та мысль русского деятеля, что «даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается чрез заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их силою собственной национальности в собственную же сущность, — тогда он гибнет политически».

Однако нравственно армянский народ был, к сожалению, достаточно беспомощен...

Посему... Посему частично правы были противники просвещения и образования. Народ с такой нравственностью легко мог потерять свое национальное лицо и под влиянием привнесенных просвещением извне новых нравов *и идей* исчезнуть политически.

И вновь все замыкалось на настоятельной необходимости во всеуслышанье говорить об имеющихся недостатках, язвах и пороках.

Воистину не было иного другого выхода, хотя «союз мракобесов» и не мог примириться с открытым и правдивым словом. Меер Мсерян, например, все твердил, что хотя «нация наша имела, да и сейчас имеет некоторые недостатки, однако гражданин-патриот не должен выставлять их на всеобщее обозрение». Истинный патриот, заявлял «союз мракобесов», должен всегда любить и восхвалять свой народ, который обладал и поныне обладает поистине многими добродетелями, за которые даже чужаки хвалили армян не только в прошлые времена, но и сейчас.

Граф Эммануэль, явившийся вступить с ними в открытый и честный бой, называл их лжепатриотами, преследующими лишь одну цель: «Все, что касается нации, объявить похвальным и достойным внимания и этим путем добиться благорасположения народа». То есть они занимались фактически куплей-продажей. И этот обман нравился людям, потому что он навевал на них сладкое бездумье, потому что все было хорошо (даже

чужаки так говорят!), потому что ни у кого не было повода ощутить уколы совести за свои деяния, потому что жить так — без совести, без чувства ответственности, без исканий в глубинах своего «я» — намного проще и выгоднее.

Лжепатриоты существовали издавна и должны были существовать еще долго, чтобы, собирая *кр. охи чужих похвал, держать наивных соплеменников в постоянном дурмане. Это помогало им обдѣлывать собственные делишки, копить и приумножать богатства и, несмотря на всю свою аморальность и безнравственность, пользоваться «благорасположением народа».

Итак, с одной стороны — обскурантизм, а с другой — нравственная слепота и немощь. Какое же будущее, какие перспективы может иметь блуждающий в интеллектуальной и нравственной слепоте народ? Какова будет его историческая судьба?.. До какой грани довели народ те наивные личности, которые думали, что полученного от предков наследства достаточно уже, чтобы нация смогла сохранить свое лицо в настоящем, да еще и питать кое-какие надежды на будущее?

А в действительности это наследие предков превратилось уже в тяжкую ношу, превратилось в почти непреодолимую преграду, превратилось, наконец, в силу, тянущую народ назад, потому что прогрессивные явления настоящего отнюдь не рассматривались как ценности, равные завещанным предками сокровищам, которые, в свою очередь, перейдут к потомкам.

Граф Эммануэль стал более нетерпеливым, непримиримым, даже более резким, чем был когда-то Микаэл Налбандян, который сейчас заявлял устами графа: «Мой путь совершенно иной!»

Желание идти совершенно иным путем, да еще повести за собой массы народа уже само по себе было шагом довольно смелым и решительным, но и опасным. Ведь человек, решившийся на такое, легко может быть растоптан этими же самыми массами. Первый армянский Гражданин прекрасно понимал всю серьезность своего положения, по, несмотря на это, Микаэл, верный своему характеру, брал на себя тяжелейший труд — *«говорить правду и стоять стойко»*.

Эта двойная ноша делала жизнь Микаэла Налбандяна неизмеримо тяжелее.

Но у него не было другого выхода.

Он спешил.

Спешил, ибо видел всю глубину той пропасти, что отделяла европейские народы от армянского.

Он спешил днем раньше увидеть у своих разрозненных соплеменников гармоничное единство национального самосознания и национального единства. Спешил увидеть свой народ нацией, познавшей суть и смысл национального достоинства.

И вполне естественно, что были моменты, когда он грустил, тревожился, волновался, а иногда даже приходил в отчаяние. Но... «Не подумайте, что грусть моя возникла из-за частной или личной боли или причины. Упаси господь! — предупреждал Налбандян. — Я был бы никчемным человеком, если б из-за чего-то, касающегося только меня одного, беспокоил... кого-то другого. Источник моей грусти — плачевное состояние нашего народа».

По убеждению Микаэла, армянский народ находился в исключительной опасности: колесо его истории застыло в мертвой точке, и неизвестно было, качнется оно в сторону спасения или же вечной гибели. И в этот роковой момент, когда «провидение определяет меру и вес нации, на головы армян одно за другим обрушиваются несчастья, которые есть следствие розни и предательства».

Как эхо своих тревог услышит граф издевки, смех, но и жалостливое сочувствие читателей своих «Записок»: «Бедняга! О чем он? Что он проповедует? Разве он не знает, что уши наши слышат только звон серебра и золота?.. Не знает, что нам все равно, есть школа или нет ее?.. Разве не знает, что для нас истинный патриот лишь тот, кто прославляет нас, нашу нацию, наши прадедовские обычаи?»

И тогда он воскликнет во всеуслышанье: «О провидение, если действительно так скажет армянин, читающий мои «Записки», то зачем ты зажгло во мне неугасимый огонь любви к моему народу, зачем так безжалостно наказало меня, распалив во мне это пламя, которое вместо того, чтобы согреть хладные сердца моих единоплеменников, испепелило мне нутро?! Провидение, сохрани мой любимый народ, провидение!..»

Можно было подумать, что тревоги графа преувеличены. Ведь были же, есть и среди армян светлые личности, подвижники науки, учителя... Но чтобы сосчитать этих светлых личностей и учителей, вполне хватило бы пальцев одной руки. А от подвижников науки пока тоже мало пользы... Вместо того чтобы нести свет знаний своему народу, они замыкались в собственной скорлупе, не видя ничего, кроме собственной пользы, в лучшем случае пользы науки. Чем же тогда они отличались от торгашей? Если Армения хочет иметь преданных сынов-ученых, говорил граф Эммануэль, то она прежде всего «должна подготовить родильный дом, где

могли бы они родиться, должна была изготовить молоко, чтобы вскормить их, должна была иметь хлеб, чтобы не знали они нужды».

В юные свои годы Микаэл, еще учась в школе Габриэла Паткапяпа, по раз видел, как его учитель униженно обращался к самым видным и богатым людям города, прося их помощи и заступничества, чтобы сохранить свою школу. Но прекрасно помнил он и готовность Паткапяпа к бою — следствие его отчаяния, — что в конечном счете и стало причиной его осуждения.

Богачи, прославляемые как «благодетели» и «патриоты», не жалели денег, чтобы показать свою силу, потешить самолюбие и в обманчивом порыве самоутверждения добиться суетной славы. Ничего странного в этом не было. Так было и так должно было быть до тех пор, пока духовные и нравственные ценности находились в резкой дисгармонии с количеством материальных благ.

Главная задача родителя заключается вовсе не в том, чтобы оставить своим детям большие богатства или блестящие титулы. Суть человеческого достоинства не в богатстве и титулах, которые суть преходящи. Наоборот, унаследованные богатства и титулы могут быстро довести до бесславного конца наследника, даром получившего все это, если только сызмала не утверждены в нем главнейшие нравственные ориентиры. Ну а нравственность невозможно утвердить без просвещения, без образования. Следовательно, истинное наследство, которое может оставить родитель детям, — это воспитание.

Но если родитель отдает своего сына в чужую школу, то это не может считаться верным. Потому что в чуждом окружении ребенок легко изменит свою натуру и свойства, как меняют их животные и растения, перенесенные в новые для них и непривычные условия. Это предупреждение графа было вовсе не риторическим и беспочвенным. Лишь немногие из тех, кто получил образование и воспитание в чужих школах, уподобились пчелам, и собрали, и принесли в родной улей не яд, но мед. Ибо «мы, как люди, обязаны быть полезными человечеству, — писал граф. — А поскольку мы входим в общее человечество своей армянской человечностью, поскольку именно армянская человечность близка нам, постольку считаем своим долгом не быть небрежными к армянской нации и просвещению».

А «идея просветить нацию может осуществиться лишь тогда, когда, будучи основаны, также и сохранены будут истинно национальные школы, в которых будет слышна армянская речь и где ученикам на армянском будут прививаться светлые идеалы, — утверждал граф и, не обращая внимания

на возможные ответные удары, добавлял: — Мы не считаем национальной ту школу, где приказано говорить по-русски, по-французски и *лишь изредка по-армянски*». А если школа будет отчуждать ребенка от своего армянского, то пусть лучше «дети остаются армянами-неучами, нежели неармянами-недоучками».

Говоря о нации и национальном, граф всегда имел в виду простой народ, а вовсе не ту «кучку, которая всплыла на поверхность нации на сундуке с серебром». По убеждению графа Эммануэля, только совокупность простого народа и образует машину нации, которую могли и обязаны были пустить в ход, направлять и вести только и только светлые личности.

Но машина нашей нации неисправна, заявлял граф.

Исправить ее, то есть весь простой народ, можно, только привив ей чувство сознания — национального и общественного. Но и тут дело оказывалось во все том же заколдованном кругу, ибо национальное самосознание также зависело от просвещения и образования.

В поисках ответов на эти казавшиеся неразрешимыми вопросы граф Эммануэль оказался не одинок. Неожиданно появилось повое армянское издание, направление и содержание которого удивительным образом совпадало с деятельностью Налбандяна. И граф Эммануэль немедленно отметил в своих «Записках»:

«Слышал, что в Париже издается новая национальная газета или журнал под названием «Аревмутк» — «Запад» и что в Москве, а может, и по всей России агентом этого издания будет считаться г. Налбандянц... Один из издателей, г. Воскан, обладает несомненным поэтическим дарованием».

Познакомившись с первыми же тетрадками «Аревмутка», Налбандян сразу угадал в Степане Воскане духовного брата и заодно нашел еще один ответ на вопрос об исправлении «машины нации».

В «Аревмутке» Степан Воскан, говоря об исконных добродетелях армянской семьи, бил тревогу, ибо низменная армянская действительность грозила осквернить их.

«Не меняйте золото на свинец, армянские семьи! — предупреждал Воскан. — И ради тряпок не теряйте свою скромность... Армянки, научитесь сначала принимать сердце, мысль, благородные чувства женщин Европы, а потом втискивайте свои тела в кринолины или сдавливайте свою армянскую кровь; сравните воспетых Егише прекрасных армянских

женщин и этих чужестранных куколок... Не забывайте, что нравы — в руках у женщин, и как они захотят, так и исправят их. Пока дерево маленькое, оно выпрямится, и человек, пока молод, утвердится и окрепнет под надзором матери... В устах женщин сберегается основа и чистота языка. И обычай прежде науки утвердил ту истину, что родной язык мы называем *материнским*. Устами женщин говорит вкус, без которого нет воспитанности в народе. В сердцах женщин хранится родина, и когда это сердце пусто (как у многих армянских женщин сейчас...), то невозможно, чтобы вырос, расцвел, дал благие плоды и собрал под знамена свободы великие массы народа патриотизм — истинный патриотизм... Мягкими руками женщин творится та непоколебимая самобытность, которая есть знак человека, и то нравственное оружие, которое изничтожает корни плена...»

Читая эти пламенные строки, граф не мог не почувствовать внутреннего удовлетворения от той духовной гармонии, которая ощущалась между ним и его далеким единомышленником. Воистину: необходимое для исправления «машины нации» национальное самосознание прежде всего прививается в семье, и главным образом матерью.

И вставший на борьбу с «привычками и понятиями всего города, всего народа» граф Эммануэль бросил в лицо общества еще одну истину:

«Исправление и спасение нации чистая иллюзия, если прогнила семейная жизнь этой нации... Наша семейная жизнь подобна той жизни, что можно провести лишь в трактирах.

Слова, слышимые в наших семьях, это слова о еде, нарядах, прогулках и прочих развлечениях... Где та семья или, лучше, та мать, которая говорит со своими детьми, как мы? Мы не увидели ее, и причина этого в том, что наши женщины потеряли свое таинство».

Именно мать должна учить родному языку, заботливо выхаживать в детях ростки национальной принадлежности, ибо нет без этой национальной принадлежности чувства ответственности, а без ответственности не может быть истинного патриотизма и гуманизма вообще.

Вот почему «мать детей есть мать рода, а матери рода — матери нации!».

...Прошли те времена, когда мужчины глядели на женщин как на рабынь. Прошли те времена, когда женщина считалась товаром, имуществом или просто предметом обстановки. Прошли и те времена, когда законодатели смотрели на женщин как на машину, производящую

солдат.

Но и сейчас, говорил граф, когда в наши честолобивые времена просвещенный мир утвердил полноценность женщины и ее место в обществе, происходит нечто противное женскому таинству, ее чувствам и материнскому инстинкту. Армянская женщина считает постыдным кормить своего ребенка грудью. Она не согласна из-за ребенка лишаться всевозможных удовольствий... Живущие в больших городах армянки не только сами уже потеряны для своего народа, но и оторвали от корней и духовного наследия предков своих детей. «Мы кончаем свои счета с ними, — заявлял граф. — Оставляем их плыть в своих кринолинах, натываясь то на один, то на другой риф заблуждения... Но мы считаем неверным отворачиваться от всех женщин армянского народа, на которых мы еще надеемся и при виде которых сильнее бьется наше сердце».

Спешил и здесь спешил Налбандян, потому что «мир двигался вперед и вновь расцветали увядшие нации», а армяне пока вовсе не собирались просыпаться от своей приятной дремы.

Поэтому граф то разъяснял:

«Наша нация до сих пор жила в самом жалком состоянии: она ела пепел вместо хлеба, а питье ее смешано было со слезами. Молоты тирании столь безжалостно изломали наш народ, что до сего дня не может он очнуться от своего бесчувственного состояния, познать свой лик, рассмотреть свое прошлое, свое настоящее и подумать о будущем».

То огорчался:

«Наша нация давно забыла желать; да, она имела и имеет эту способность, но только по отношению к серебру и золоту, а похвальной нравственной идеи, идеи общенационального строительства ему и в голову не приходило».

То убеждал:

«Армянские женщины, вы созданы не только для того, чтобы наряжаться, есть, пить и спать!.. А обязаны вы быть матерями и воспитывать в ваших детях свое же армянское, ибо мы живы нашими детьми, как наши предки живы нами».

Увещевал:

«Наша нация разрушена — ее надо восстановить. Она одурманена глубоким сном — ее надо разбудить... Но все труды и старания будут напрасными, если армянское ваше станет не как надеваемый и скидываемый кринолин, а как цвет вашей кожи, который ничто не способно стереть с вас».

И, наконец, восклицал с мольбой:

«О, если б слышен был вам мой голос, если б эти мои смешанные со слезами слова могли спасти хоть несколько жертв!.. Как бы я утешился тогда, а солнце надежды поднялось бы еще на пядь над горизонтом национального спасения!..»

Когда листаешь страницы «Записок», Микаэл Налбандян кажется трагической фигурой, которая все видит, понимает и осознает, но не имеет возможности что-либо предпринять.

Но это лишь на первый взгляд.

Потом, когда закрываешь «Записки» и, полуприкрыв глаза и погрузившись сам в себя, пытаешься увидеть этого не прожившего еще своего третьего десятка человека, который волновался, тревожился и горел от мысли, что его народ, сладко уснувший на вокзальной скамье, может вдруг прозевать поезд прогресса и остаться за бортом истории, — вот тогда-то и возникает второе впечатление о нем. И думаешь: это был исключительный человек, который никогда не строил воздушных замков, который охватывал сразу всю свою действительность, воспринимал и оценивал жизнь во всей ее сложности и глубине и который должен был стать добрым гением, чтобы спасти от исчезновения свой народ, «подобный капельке воды в огромном море».

Это был гений, и было у него лишь два предшественника, которые так же вели свой народ в будущее.

Месроп Маштоц, который дал армянам алфавит и тем самым право иметь *настоящее*.

Мовсес Хоренаци, который, возвратив армянам их истинную историю, дал им биографию и *прошрое*.

Третьим был он сам — Микаэл Налбандян, несущий армянам национальное и политическое сознание, без которого немислимо *будущее*

народа.

Но то, что он — третий, не ведал никто.

И только граф Эммануэль пророчески сказал однажды, что «имена воинов истины и их вождя яркими звездами будут сиять вечные времена перед глазами грядущих поколений армян, на горизонте современной им истории».

НЕРАВНАЯ БОРЬБА

Благо бы мы имели умных противников, но, увы, как армяне, мы покамест лишены этой чести.

Граф Эммануэль

Для тех, кто полюбил свободу, мир этот тесен и суров.

Микаэл Налбандян

Форма записок, которую избрал Налбандян, чтобы ввести полемику и борьбу в удобное ему русло, действительно ускоряла ход событий, предупреждала многие вероятные возражения: еще не будучи высказанными, они уже получали ответ. И естественно, что в этих условиях враги «Юсисапайла» должны были перегруппировать, да и пополнить свои силы.

И к ополчившемуся против «Юсисапайла» еженедельнику «Мегу» присоединились газета Гукаса Палтазаряна «Аршалуйс Араратьян» — «Заря Араратская» и издаваемый за казенный счет «Масьяц ахавни» Габриэла Айвазовского.

Но все они выходили далеко от Москвы, где издавался «Юсисапайл»: в Тифлисе, Смирне и в Феодосии. Поэтому следовало ожидать, что противники поспешат наладить еще одно издание, уже непосредственно в Москве, где действовали Налбандян и Назарян.

Это дело взяли на себя Мсерян и его сын Зармайр. Уже одно название предполагавшегося журнала, не говоря даже о его эпиграфе, взятом из Книги Судей, свидетельствовало не столько о полемичности его, сколько о воинственно непримиримой позиции. «Не счастливее ли Ефрем добирал виноград, нежели Авиезер обирал?» — вот какой эпиграф был у этого журнала. А называться он должен был внушительно и длинно: «Чраках ардзак ев чапацо баниц Хин у Нор матенаграц» — «Добор из произведений прозы и поэзии Древних и Новых писателей».

...После сбора винограда обычно проводится «чраках» — добор. То есть добирают незамеченные и оставшиеся на лозах и превращающиеся

уже в изюм кисти. Назвав свой журнал «Чраках», отец и сын Мсеряны собирались доказать, что «Юсисапайл» достаточно далек от того, чтобы представлять наиболее зрелое и лучшее.

«Крестным отцом» этого издания с готовностью стал Габриэл Айвазовский.

Дорвавшись до места епархиального начальника епархии Нахичевана-на-Дону и Бессарабии, Габриэл Айвазовский в своем письме министру внутренних дел сообщил, что по поводу «Чракаха» нет никаких возражений, и одновременно предложил свои услуги в качестве «духовного цензора», в то же время прося разрешения министра, чтобы материалы религиозного характера «вообще и повсюду» печатались в книгах и периодике только с его, Айвазовского, разрешения.

Нетрудно угадать, что «Чраках» должен был стать апологетом политики слепого повиновения самодержавию и проповедником слепого клерикализма. Это действительно нетрудно было угадать тем, которые уже знали монаха-регента, понимали взятую им на себя роль и догадывались, что «Чраках» будет в Москве рупором Габриэла Айвазовского.

Следовательно, не было столь уж большой неожиданностью, что сразу же после своего появления на свет журнал этот с удивительной быстротой наладил дружеские связи с «Северной пчелой» Фаддея Булгарина. «Чраках» переводил и помещал статьи из болгаринского журнала, а тот, не оставаясь в долгу, давал, к примеру, подробное описание торжественной церемонии по освящению новой школы в Феодосии. Публикации такого рода крайне необходимы были, чтобы создать в русской среде благоприятное мнение о Габриэле Айвазовском.

Кроме переводов и перепечатки статей, «Чраках» с готовностью подхватывал и интерпретировал для армянской действительности высказывания «Северной пчелы». Так, например, если «Северная пчела» отрицала роль Белинского в русской литературе и даже больше, заявляла, что Белинский был только злом, то «Чраках», не отставая от «Северной пчелы», таким же злом для армян считал Назаряна и Налбандяна и призывал предать огню и уничтожить их книги и статьи.

Но не только этим ограничивалось «сотрудничество» между двумя изданиями. Удивительное родство душ существовало и между их руководителями. Один из них был Фаддей Булгарин, который посылал «куда следует» доносы политического характера и был опытным провокатором. А Габриэл Айвазовский пока еще только разворачивался на этом поприще, но по всему видно было, что в скором будущем он ни в чем не уступит своему многоопытному коллеге.

Об этих годах Очевидец пишет:

«Это было удивительное время, время, когда всякий захотел думать, читать и учиться и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать... Не о сегодняшнем дне шла тут речь, обдумывались и решались судьбы будущих поколений...

...Нравственное состояние, в котором очутилась Россия... в эти годы... редко в истории народов.

Государь умер. На престол вступил его наследник... Война окончилась... И все могло бы идти опять по-старому, традиционному.

Все чувствовали, что порвался какой-то нерв, что дорога к старому закрыта...»

И словно исчез страх, это могучее оружие в руках самодержавия:

«Когда же все общественные связи основаны на страхе и страх наконец исчезает, тогда ничего не остается, кроме пустого пространства, открытого для всех ветров... Но в пустом пространстве жить нельзя».

Это пустое пространство заполнялось революционными идеями, которые открывали заветные горизонты национального освобождения для русских и украинцев, латышей и белорусов, армян и поляков.

Все это обуславливалось прежде всего кризисом крепостнической системы, в результате которой во второй половине пятидесятых годов в стране создалось тревожное положение. Именно это тревожное положение в 1859–1861 годах перерастет в революционную ситуацию и 19 февраля 1861 года достигнет своей кульминационной точки.

Те же самые настроения, брожения, а потом и революционный дух охватил также армянскую молодежь и вообще передовых армянских деятелей 60-х годов.

Но вполне определенные круги армянской знати и духовенства всячески стремились удержать армян от освободительных и революционных идей. И не только удержать, но вообще отрезать армян от русского народа и его свободомыслящей интеллигенции, его совести.

Удержать подальше и превратить армян в покорных слуг самодержавия, всеми возможными способами заставить их верно служить правительству.

Чтобы пресечь подобные намерения, уже в январском номере «Юсисапайла» Степанос Назарян выступил против того мнения Мкртича Эмина, что первопричиной всех бед армянского народа явилось неповиновение прародителя армян — Гайка тирану Бэлу.

«Сожалею, что не могу согласиться с мнением моего коллеги, — писал Назарян. — Неужели неповиновение Гайка чужеземному тирану было преступлением, а не законным свободолобием? Да и какие права имел Бэл на Армению? Неужели лишь то, что он считал себя более сильным?.. Нет, армянский народ не только не непокорный народ, по из-за чрезвычайной своей покорности всегда становился чужим рабом и слугой».

Этими своими словами издатель-редактор журнала, как нетрудно заметить, в замаскированной форме фактически выразил свои симпатии не только к революционным и национально-освободительным идеям, но и подтвердил близость «Юсисапайла» передовой русской печати тех лет.

Однако, к сожалению, армянский читатель не всегда мог понимать иносказание или полунамек. Но сказать большее было попросту невозможно. И в этом была причина того, что после выхода очередной тетрадки «Юсисапайла» Микаэл Налбандян в письмах своим друзьям и соратникам часто напоминал:

«Обрати особое внимание на «Записки». И объясни непонимающим, чтобы знали».

«Все, что прочтешь и поймешь, постарайся объяснить и другим, чтобы выявить истину».

«Прошу обратить особое внимание на «Записки» и непонимающим разъясни силу слова, чтобы истина получила силу в этом заблудшем и пропащем городе».

Героев «Записок» графа Эммануэля узнавали как в Нахцеване-на-Дону, этом «заблудшем и пропащем городе», так и во всех других местах, где жили армяне, не говоря уже о Москве и Петербурге. Причем узнавали не только читатели, но и сами прототипы. А узнав, не только приходили в ярость и громко негодовали, но и писали письма наместнику Кавказа, влиятельным армянам, а то и просто в охранное отделение, жалуюсь на Налбандяна и требуя оградить их честь и достоинство от его посягательств.

Но сдержать Налбандяна было невозможно. Он не упускал ни одного случая вновь и вновь выставить на посмешище своих противников. «Тяжкая это штука — быть опозоренным в журнале, который расходится во все места и остается долго», — входил он в положение своих жертв.

Но и восставал, когда Степанос Назарян в рамках своей редакторской власти пытался сдержать Микаэла.

«Ради нации и истины моя жизнь — ничто в моих глазах, и я готов каждую минуту пожертвовать ею, — говорил он. — И с того дня, как я взял перо в свои руки, я до могилы буду бороться против тьмы и лжи!»

Не принимая советов редактора быть осторожным и осмотрительным, Налбандян часто горячился: «Пусть знают, что плохи дела у наших врагов, а после этого будут еще хуже».

Был ли он прав? Надо ли было идти на такие крайности и использовать печать для «разлития желчи врагов»? Степанос Назарян был уверен, что нет. И иногда проходил своим редакторским пером по статьям Налбандяна и «Запискам» графа Эммануэля.

Но это вовсе не значит, что между редактором и его сотрудником существовали разногласия. Ведь и сам Назарян во всеуслышанье заявлял: «Теперь ясно должно стать народу, какова задача нашего национального журнала «Юсисапайл» и что хочет возбудить он в нации. Лстить власть имущим, обманывать, лгать и затруднять ход просвещения нации — не его дело... Он хочет говорить правду как великому, так и малому, он хочет любить свою нацию и ничем не грешить против ее истинной пользы. И не беда, если тому или иному человеку наши слова покажутся тяжелыми...»

Назарян пытался лишь малость образумить своего молодого товарища, так как считал, что борьба за истину может вестись и без «разлития желчи врагов». Умудренный Жизнью редактор «Юсисапайла» не хотел, чтобы в выборе средств борьбы они уподобились своим противникам.

Против тех, кто сражается с помощью клеветы и доносов, бессильны, понятно, принципы, истина и мораль.

Трудно, если не невозможно, одолеть тех, кто сражается отравленным оружием.

Есть только одно утешение: их осудит время.

И когда Микаэл Налбандян говорил:

«Пусть и остальные прочтут и поверят, что Налбандян не из тех, кто без подписи пишет письма тому и этому, а может смело подписаться под написанным им», —

то, безусловно, право вынести приговор он оставлял грядущим потомкам.

То есть нам.

Год близился к концу, и надо было серьезно позаботиться насчет подписки на следующий, 1859 год, тем более что и противники «Юсисапайла» вовсе не сидели сложа руки.

Микаэл рассылал письма, объяснял и уговаривал друзей и соратников, свой союз с которыми он иногда называл не иначе как партия, как он и издатель «днем и ночью до ломоты в спине и рези в глазах» работали, писали, правили, печатали и мучились.

«Столько мы пока в силах, а что касается материальных средств, то мы их не имеем, и в этом нам должна помочь нация... Нация, но не та разношерстная толпа, которая не знает ни того, ни этого, а избранные, которые познали сами себя, свой народ, его пользу и вред и с добрым сердцем хотят помочь ему».

Он убеждал Григора Салтикяна, своего старого школьного друга, а ныне одного из известных купцов Нахичевана:

«Брат, мы без вас ничто, так же и вы без нас. Надо встать плечом к плечу и совместными усилиями разmozжить голову змею тьмы».

Вдохновлял Карапета Айрапетяна:

«Если наш враг, объединившись, пойдет на нас войной, то пусть увидит нас сплоченными... Его единственная надежда — уничтожить журнал, но вы должны защищать его во имя нашей нации и истины, пока через несколько лет не укоренится правда в нашей нации... А потом просить будет уже сама нация».

...А Меер Мсерян писал уже седьмую жалобу новому католикосу Маттеосу о «Записках» графа Эммануэля, сообщал, как позорятся и шельмуются почтенные люди, и предлагал и даже требовал сделать все, чтобы изгнать Налбандяна из Москвы.

В то же время через попечителя Лазаревского института противники старались оказать давление на Степаноса Назаряна, поскольку средства на

жизнь издатель «Юсисапайла» добывал преподаванием и, вполне вероятно, под угрозой лишиться места мог и уступить...

Но издатель-редактор «Юсисапайла.» был непоколебим:

Степанос Назарян, — Хачатуру Лазаряну.

26 ноября 1858 г.

«Ваше превосходительство потребовали у меня объяснений по поводу жалоб архимандрита Айвазяна. Спешу выполнить Ваш приказ, хотя времени у меня совершенно нет как по причине занятости в институте, так и по личным.

Как друзьям, так и врагам я всегда воздавал по справедливости, учитывая не личности, а явления. В чем же заключается моя злонамеренность и оскорбительные слова против духовенства, в которых обвиняет меня высокочтимый архимандрит Габриэл Айвазовский?

Я никогда не оскорблял честь нашего духовенства, не считая, конечно, некоторых темных и коварных личностей, которые являются врагами современному просвещению и власть своего духовного сана используют, чтобы воспрепятствовать любому светлomu явлению, каждой новой мысли...

Многие из моих врагов невежественные люди, которые много раз преследовали меня за то, что я придерживаюсь противного мнения о многих священнослужителях нашей нации, и они теперь хотят отомстить мне, тем более что в некоторых статьях о современном положении армянского народа в моем журнале иные из них видят намеки на себя. Чтобы сделать литературу народной, надо развивать ее на ашхарабаре; только так литература станет желанной для читателя, знакомя его с нацией, коей он принадлежит...

Общественное мнение о моем журнале весьма положительное... Каждый передовой шаг всегда встречал энергичное противодействие сторонников и почитателей старины. Нравственная жизнь армянской нации начала ныне кипеть и бродить, но вскоре это утихнет, положение прояснится, и для наших любезных соотечественников придет новое и лучшее положение.

Воля Вашего превосходительства уважать или презирать мнение общества о моем журнале, поступать как подобает благородному армянскому князю, который учитывает нужды

нашего времени, или же прислушиваться к жалобам моих врагов.

По, к Вашей чести, мне трудно думать, что Ваше превосходительство соизволит принять меры к прекращению единственного армянского журнала, который поистине достоин славы имени армянского народа в Европе и России...»

На следующий день, 27 ноября, Степанос Назарян счел нужным уведомить о событиях вокруг «Юсисапайла» архимандрита Абела Мхитаряна, одного из ученых монахов Эчмиадзина. Поскольку дело рано или поздно могло поступить на рассмотрение Синода, было бы неплохо заранее создать мнение о том, что выступления журнала против некоторых церковников, в частности бывшего католика Габриэла Айвазовского, вовсе не значат, будто редактор и сотрудник журнала пытаются дискредитировать вообще все духовенство.

Степанос Назарян — Абелу Мхитаряну.

27 ноября 1858 г.

«О многом в эту минуту хочется написать Вам, тем более что Вы сейчас близки к эчмиадзинскому Синоду, однако необходимо подождать еще немного, пока назреют события, которые пока еще смутны. И издатель «Юсисапайла» имеет сейчас выступить, хоть и вооружившись и облачившись в доспехи, против могучей бури. Посмотрим, тьма ли одолеет свет, или свет— тьму? Лишь бы люди нашей нации имели столько нравственности и благородного честолубия, чтобы не сражаться со мной с помощью тирании...»

Вот, следовательно, о чем мечтал редактор, готовый выслушать противные мнения, поспорить, но бессильный против грубой силы, административного давления и насилия.

В свою очередь, и Налбандян подготавливал своих сторонников и пытался поднять их на борьбу.

Микаэл Налбандян — Карапету Айрапетяну.

27 ноября 1858 г.

«Вы должны защитить наш журнал: он Ваш, следовательно — и нации; должны приложить все старания и усилия, чтобы как можно больше было подписчиков, особенно сейчас, когда Вы городской голова й, значит, имеете больше возможностей действовать».

Далее он предупреждал, что враги их во главе с Габриэлом Айвазовским сделают все, чтобы провалить подписку и тем самым поставить редакцию в тяжелое материальное положение.

«Мы едва покрываем годовые расходы журнала. Но надо знать, что мы люди, а не бесплотные существа, и хотя пожертвовали на благо нации целый год нашего каторжного труда, но вовсе не обязаны каждый год быть зряшными мучениками...»

Это было уже вполне конкретным напоминанием новому городскому голове Нахичевана-на-Дону, который, взяв с помощью соратников в свои руки власть в Армянском округе и осуществив давно лелеемые планы, теперь вполне мог целиком отдаться своим торговым делам и забыть о тружениках «Юсисапайла», чьи усилия сыграли решающую роль во время выборов городского головы.

Как мы видим, и Степанос Назарян, и Микаэл Налбандян, словно сговорившись, 26 и 27 ноября занимались только письмами. Письмами, в которых в одном случае обрисовывали положение, а в другом — пытались представить дело так, словно ничего особенного не случилось, а в третьем — предвидели бой и уговаривали своих друзей сплотиться и подготовиться к битве.

Эта их тревога была вполне обоснованной, поскольку уже вышел в свет и 27 ноября был разослан подписчикам одиннадцатый номер «Юсисапайла».

Именно в этом ноябрьском номере было напечатано «Письмо к издателю» Микаэла Налбандяна. Письмо, которое на сей раз было не камнем, брошенным в затхлое болото, а бочкой с порохом, поставленной у открытого огня.

Этим своим «Письмом» Налбандян в очередной раз поднимал вопрос о церковных средствах.

Почему?

Причина была все та же.

Нужно было отвлечь внимание врагов, выиграть время, чтобы привести в порядок свои дела, обеспечить подписку, а также чтобы еще более поднять авторитет журнала.

И эта атака Налбандяна опять оказалась неожиданной, яростной и безжалостной.

На этот раз он не пожалел и погрязающих в мещанстве армян,

которые, приобретя богатство или власть, абстрагировались от всего и занимали сугубо выжидательную позицию. Эта бездарная и немощная прослойка проклятием тяготела над армянским народом.

«— У тебя в руках богатство? власть? — значит, ты самый лучший, самый достойный среди армян!..

— Бей, души, преследуй, делай что хочешь, — ты неподсуден!

— Виноват и подсуден тот, кого ты бьешь, душишь и преследуешь... А ты удостоишься звания патриота среди армян, которые, столь долгое время оставаясь в рабстве, скучают и тоскуют, если хотя бы секунду не висит над их головами дубина тирана...»

И вот так, не щадя даже «высшее общество», Налбандян в своем «Письме» вновь напоминал историю об Арутюне Халибьяне и деньгах нахичеванцев. Не будем забывать, что совсем недавно новый епархиальный начальник Габриэл Айвазовский «помирил» враждующие стороны. Не надо забывать и того, что Карапет Айрапетян сам подписал «договор» о мире... Микаэл, конечно, знал об этом отступлении Айрапетяна. Еще несколько лет назад Налбандян, наверное, разругался бы и покинул своего слабодушного и расчетливого друга. Но благодаря близости с дальновидным и рассудительным Степаносом Назарянбм и приобретенному с годами собственному жизненному опыту Микаэл хотя и пришел в бешенство, однако внешне никак не выказал своего отношения к этому.

На отступление это Карапет Айрапетян пошел лишь ради того, чтобы использовать «перемирие» для организации успешных для себя выборов. Но вчитайся сейчас повнимательней новоиспеченный городской голова в письмо своего идейного руководителя, он легко мог бы уловить в нем нотки тревоги и нерешительности, которые не смог скрыть Микаэл Налбандян.

...В «Письме» Налбандян подробно рассказал обо всех давних событиях и спорах вокруг общественных средств, а затем прокомментировал нелепое соглашение, заключенное стараниями Айвазовского.

Присвоив около двухсот тысяч рублей, Арутюн Халибьян великодушно «подарил» феодосийской школе, с согласия правительства открытой Габриэлом Айвазовским, пятьдесят тысяч рублей.

«Хотелось бы мне знать, — писал Налбандян, — какой это спятивший армянин отдал бы нам на сохранение двести тысяч серебром, чтобы лишь

четверть этой суммы мы вернули для строительства школы, да еще с тем условием, чтобы отданное называлось даром, следовательно, чтобы и мы прославились как патриоты?»

Не ожидая очередной жалобы епархиального начальника, Хачатур Лазарян на этот раз сам отправил письмо директору Лазаревского института Делеанову. Напомнив, что он покровительствовал и много раз оказывал помощь Степаносу Назаряну, считая его знающим и благонамеренным ученым, Лазарян в то же время дал понять, что ему попросту надоело успокаивать и примирять враждующие стороны. Это было уже не кокетство богатого и сильного человека, а недовольство умной и весомой личности, человека, свысока глядящего на общественные проблемы и привыкшего самостоятельно решать судьбы народа, — недовольство облеченного властью крупного деятеля, которому постоянно досаждают какой-то учитель и какой-то студент.

Письмо Лазаряна было безоговорочным и недвусмысленным:

«Копию объяснительной записки издателя я отправил епархиальному начальнику архимандриту Габриэлу Айвазовскому. Если он не соизволит быть снисходительным к издателю и его единомышленникам, с условием, что те обуздают свои слабости и страсти, и потребует удовлетворить жалобу, то я вынужден буду принять меры, дабы было покончено с вредными препирательствами или же было запрещено издание, не приносящее никакой пользы, а, наоборот, сеющего раздоры и недовольства армянского журнала».

Вот до чего дошло дело.

И тут мы вновь сталкиваемся с явлением, которое долгое время будет еще процветать в армянской действительности. Хотя почему только в армянской?.. Пренебрежение нравственными нормами и общественным мнением, осторожность в отношении национальных проблем и наряду с этим чрезмерно щепетильное отношение к точке зрения частных лиц всегда были характерны для всех тех, кто искренне причислял себя к отцам нации.

Легко обходивший церковные законы Лазарян мог, конечно, пренебречь даже мнением католика, когда речь шла о его собственной выгоде. Но когда не было какой-либо личной заинтересованности, он мог и оказать чрезвычайное внимание какому-то ренегату-архимандриту и даже пригрозить, что запретит издание армянского журнала...

А Габриэл Айвазовский...

Габриэл Айвазовский, еще ничего совершенно не зная о занятой Лазаряном позиции и не желая, вероятно, затягивать расправу, написал письмо... Нет, нет, на сей раз вовсе не Лазаряну. Да и можно разве счесть письмо Лазаряну решительным контрударом? Свое письмо он отправил министру внутренних дел господину Сергею Ланскому.

«Редактор журнала «Юсисапайл» продолжает свое издание все в том же духе и с тем же вредным направлением.

...Статьи против духовенства и некоторых лиц светских появлялись с подписью Налбандяна.

...Тот же автор в ноябрьской книжке журнала в самом искаженном и неверном виде представил ход дела о церковных суммах управляемой мной епархии.

...Все это письмо написано с видимою целью смутить парод и посеять раздор и несогласие.

...Необходимо запретить издание «Юсисапайла» с тем, чтобы пресечь зло в самом начале.

...Налбандяна, уже известного за зловерного и беспокойного человека, подвергнуть заслуженному наказанию по всей строгости законов, как виновного в намерении смущать согласие между своими единоверцами и в личном оскорблении стольких, весьма почтенных духовных и светских особ нашего общества».

Борьба поистине была слишком неравной!

Свою истину (если таковая у него была) Габриэл Айвазовский мог высказывать на страницах «Чракаха», «Мегу Айастани» и «Масьяц ахавни», общий тираж которых в несколько раз превосходил тираж «Юсисапайла/}. Но он, видимо, подсознательно чувствовал себя бессильным перед Налбандяном, который разгадал и публично выявил все его тайные шаги. Как же еще мог он бороться с истиной Налбандяна?..

Доносами.

...Два года спустя Микаэл Налбандян несколькими меткими штрихами охарактеризует Габриэла Айвазовского: «Царский шпион, предатель и изменник нации, отступник от своей церкви и перебежчик папизма», а далее с иронией заметит: «И кто этот осудитель «Юсисапайла»? Тот, кто уже дважды менял свою веру и публично заявил: я рожден католиком и умру католиком!...»

Небезызвестными были Налбандяну и услуги епархиального начальника Третьему отделению.

«Сколько уже раз за прошедшие годы были мы оклеветаны им перед министром внутренних дел России как безбожники, как безнравственные, как бунтовщики и возмутители народа! Г-н Айвазовский предлагал сиятельному министру запретить вредный журнал «Юсисапайл» и подвергнуть нас жестокой каре по всей строгости закона. Может, г-н Айвазовский по отцовской своей заботе предуготовил нам место жительства в Нерчинске или Красноярске?.. Чтобы умерить нашу горячность морозами Сибири (в чисто лечебных целях)?..»

Да, все это через два года.

А пока что шел декабрь 1858 года.

Габриэлу Айвазовскому удалось бы, пожалуй, закрыть «Юсисапайл» и «в чисто лечебных целях» отправить Налбандяна в Сибирь, если б журнал и его сторонники не пользовались любовью читателей и не снискали среди них высокий и заслуженный авторитет.

Проведав о том, что Айвазовский добивается запрещения «Юсисапайла», группа петербургских читателей, таких, например, как купец Овсеп Измирян, уже направила Айвазовскому письмо, в котором предупреждала, чтобы он напрасно не старался вредить журналу, иначе ему самому придется несладко.

Рассказав об этом письме Карапету Айрапетяну, Микаэл советовал ему:

«Было бы вовсе неплохо, если б еще несколько человек написали вежливое письмо Айвазовскому, чтобы малость поостерегся в вопросе «Юсисапайла».

Не меньше его обеспокоенный судьбой своего журнала, Степанос Назарян оценивал события более спокойно и трезво.

Степанос Назарян — Абелу Мхитаряну.

«Истина может расти и распространяться только преследованиями... Давно знали я и мой друг, что папские аббаты поднимут целую бурю. Я предвидел это еще тогда, когда этот благословенный ступил на землю России».

Этот «благословенный» — Габриэл Айвазовский.

«Но я и мой друг стоим с мечами в руках, и враг не увидит нашей спины... Если есть у него сила, пусть выступит против нас

с достойным оружием... Но паписты не привыкли действовать достойным оружием. Им ведомы только пути тирании».

«Этот год был одним из лучших в жизни Налбандяна, — писал Очевидец. — Не было конца его шуткам и остротам. Он успевал везде и всюду, а в последние дни лета занимался только литературой: читал, писал, готовил статьи для «Юсисапайла». Однако его пожелтевшее лицо, его добрые и умные глаза, в которых всегда отражалась задумчивость, показывали, что здоровье его пошатнулось».

Но «лучшие времена» длятся очень недолго. А для Микаэла Налбандяна тем более, ибо он был натурой вулканической, но никогда — иссякающей... Только всегда мучителен был для него период, когда зрели замыслы новых этапов борьбы. Но особенно мучительно было то, чтобы постепенно росло расстояние, отделявшее его от единомышленников.

Теперь Микаэлу грозило одиночество намного опередившего свое время мыслителя и деятеля, одиночество, которое не имело, несомненно, ничего общего с тем романтическим чувством, которое присуще мечтательному влюбленному юноше.

Уточним, кстати: он был в своем времени и со своим временем. Только вот соратники его отставали. Каждый из них, выступивший вместе с Налбандяном, остановился, достигнув своей заветной цели, и больше не хотел идти к зовущим далям. Один не слышал этого зова, другой не видел dalej, а третий попросту устал от безумств Микаэла Налбандяна, вынашивавшего все новые и новые несбыточные планы и втягивавшего в бесконечные беспощадные битвы...

Карапет Айрапетян, например, добившись долгожданной должности городского головы Нахичевана-на-Дону, считал дальнейшую борьбу бессмысленной и излишней. Главное теперь — сохранить захваченную власть. И он был по-своему прав.

А восторженная молодежь, жадно поглощавшая каждую строчку Налбандяна, пока удовлетворялась утолением своей духовной жажды и не чувствовала необходимости предпринимать какие-либо практические шаги. Казалось бы, молодежь тоже по-своему права.

А Степанос Назарян после многолетних мучительных ожиданий наконец-то обрел свой «Юсисапайл», который за десять-двенадцать месяцев своего существования уже полюбился читателям и стал весьма авторитетным изданием. Поэтому для издателя-редактора главным сейчас было сохранение журнала, сбережение достигнутого. И Назарян тоже был по-своему прав...

Мы можем понять бессильную досаду Микаэла. Друзья и соратники не предали его, конечно, они по-прежнему были верны ему, по-прежнему ценили... Но они уже приобрели то, ради чего встали на борьбу, и были уверены, что и Налбандян не остался с пустыми руками. И были правы в этом.

Поэтому казались удивительными его неопределенные и расплывчатые желания, неопределенное и расплывчатое недовольство, неопределенные и расплывчатые планы действий...

Взять хотя бы вопрос о школе, которую Налбандян хотел противопоставить феодосийской школе Габриэла Айвазовского. Микаэл был уверен, что Нахичеван все-таки должен иметь свою школу — кузницу настоящих патриотов и будущих деятелей. Обстоятельство, которое многим казалось непонятным.

В конце концов Арутюн Халибян, пусть даже в виде «дара», выделил средства, школа, пусть даже в Феодосии, в конце концов открыта, она все-таки действует, пусть даже под покровительством такого ренегата, как Габриэл Айвазовский... Так чего же еще?.. Кому нужны новые битвы и новые заботы? Зачем еще усложнять себе жизнь и обострять отношения, когда все нашли уже, да, хоть и с помощью Микаэла Налбандяна, смысл жизни. Свой...

Нетрудно представить то сильнейшее потрясение, когда Микаэл почувствовал себя вдруг в полном одиночестве. Это стало для него страшным разочарованием. Как можно было подняться на борьбу с безнравственностью и невежеством ради таких низменных материальных целей? Ведь все то, чего они уже добились: пробуждение свободной мысли, боевой орган, политическая власть и, самое главное, авторитет и известность, — все это лишь этап на пути осуществления идей национального единения!

И прискорбней всего было то, что друзья, эти верные и любимые люди, пытались убедить неугомонного Налбандяна остановиться на полпути!..

Так, до нас дошло одно из писем Карапета Айрапетяна, написанных Микаэлу:

«Меня очень беспокоит, что не получаю от Вас писем... Теперь все хорошо. Я спокоен, будьте спокойны и Вы, пишите мне... Следите за моими поездками в Петербург, встретимся, может, и поедем вместе в Нахичеван, вкушать частички народной любви, открыть школу...»

Налбандяна, безусловно, должны были воодушевить эти предложения, если не сказать обещания Айрапетяна, тем более что он не ограничивался этим.

«Постараемся и насчет типографии, — продолжал воодушевлять Айрапетян, — чтобы Нахичеван ничем не уступал другим городам. Все это мы должны сделать вместе с Вами... — Но обещания Айрапетяна не были самодельными, и он не скрывал этого. — Только очень прошу Вас: нужно делать дело с осмотрительностью, рассудительностью и терпением. Не обижайтесь: со всех сторон следят за нами и вами... Значит, нужна осторожность... Все наши друзья пребывают в том же постоянстве и уверенности прежней... В таких обстоятельствах нужно быть немного почтительными, покорными и тихими».

Но удержать Микаэла Налбандяна было невозможно.

Он, конечно, понимал, что друзья из самых лучших побуждений, стремясь оградить от опасности, могут и прекратить оказывать ему и «Юсисапайлу» материальную и моральную поддержку.

Честно говоря, этот одинокий и непоколебимый воин все время лихорадочно искал такой источник средств, который позволил бы ему действовать самостоятельно, никому не протягивая руку за помощью...

И он нашел этот источник, не требующий от него ни покорности, ни мелочного благоразумия.

Речь идет о давно забытых суммах, которые десятилетия назад завещали индийские армяне городу Нахичевану.

...Узнав об армянах-переселенцах из Крыма, об их страданиях и муках, об основании на берегу реки Дон города Нахичевана и Армянского округа, укоренившиеся в далекой Индии богатые армяне, большей частью родом из Нахичевана, древнего города на берегу Аракса, протянули своим соотечественникам руку помощи, завещав новонахичеванцам немалые богатства.

Первым среди этих добродетельных армян был Масех Бабаджанян, который своими завещаниями от 30 мая 1794 года и от 1 апреля 1795 года завещал Нахичевану-на-Дону крупные суммы на строительство домов призрения, школ, больниц и церквей, а все свое движимое имущество предназначил для них.

Прошло уже более полувека, но нахичеванцы так и не получили эти громадные суммы, способные, по мнению Налбандяна, произвести в

обществе настоящую революцию. Но кому было заниматься этими завещаниями? Кто был заинтересован в этом?.. Кому интересно заниматься проблемой, решение которой должно принести беспечным, разобщенным и слабым нахичеванцам одни лишь новые заботы?..

Налбандян решил освежить в памяти своих соотечественников историю завещаний Масеха Бабаджаняна, Ка-тарипэ Ходжамалаян, Егии Акобяна, опубликовать сами завещания и, малость взбудоражив нахичеванцев, заставить их по-хозяйски распорядиться этими огромными деньгами. Это уже второй случай, когда Налбандян пытался пробудить от дремы нахичеванцев. Первым, если помните, был указ Екатерины Второй...

В эти пасмурные и мрачные декабрьские дни, когда все казалось неустойчивым, а вокруг Микаэла все теснее смыкалось кольцо преследователей, он спокойно, не теряя головы и не отчаиваясь, продолжал свое дело. Как всегда, он был нетерпелив, как всегда, спешил.

Микаэл Налбандян — Карапету Айрапетяну.

19 декабря 1858 г.

«Жду копии бумаг об индийских деньгах, чтобы успеть напечатать их в первом номере...»

Но даже в эти напряженные и трудные для него дни сохранил Микаэл Налбандян способность радоваться каждому новому обнадеживающему явлению в общественной и национальной жизни армян.

...27 января 1859 года в доме богатого московского армянина Микаэла Степаняна собралось почти двести человек. Вся атмосфера встречи была пронизана какой-то исключительной праздничностью, не совсем характерной для собраний в богатых особняках.

Некоторые пришли сюда просто по привычке, не задумываясь о том, свидетелем какого культурного события им суждено стать сейчас вместо обычной пирушки или бала. Многих привело любопытство. Были и такие, кто пришел, думая, что «их желание присутствовать на этом торжестве уже есть большая милость и честь для нации»...

Микаэл Налбандян был в необычайно приподнятом настроении, и не только потому, что особняк Степаняна в этот вечер превратился в первую театральную сцену российских армян... Он был воодушевлен тем, что около двухсот армян, почти не поддерживавших между собой связи и имевших мало общего, сегодня приобщатся к высокому искусству театра, что сегодня они поднимутся над будничными и эгоистичными заботами и

несколько часов рядом, вместе, переживут почти одинаковые чувства.

Перед представлением маленький оркестр исполнил увертюру к опере Франсуа Обера^[22] «Немая из Портичи, или Фенелла».

Ни одной актрисы не показалось на маленькой, но удобной сцене, устроенной в огромном зале. Прискорбен был, конечно, этот признак азиатской отсталости, когда женщина в общественной жизни лишена всяких прав, но еще более огорчительным было то, что очень многие считавшие себя «патриотами» обскуранты видели в этом не более и не менее как национальную особенность.

Вторая часть театрального вечера понравилась Микаэлу несравненно больше. Студенты показывали комедию «О мои пропавшие пятьдесят золотых» из жизни тифлисских армян. Микаэл решил поощрить начинание студентов-армян и сделал это с присущей ему восторженностью:

«Вперед, всегда вперед! И одна песчинка не затеряется в огромной горе, и одна искорка может зажечь огонь, если будут благоприятствовать этому обстоятельству. Было б прекрасно, если бы наши соотечественники в таком месте, как Москва, пожелали хотя бы несколько раз в год видеть и слышать кое-что с театральной сцены; это будет для них новым стимулом, новым поводом к прогрессу...»

28 января, на следующий день после «наиболее значительной новости», господин министр народного просвещения получил письмо от господина министра внутренних дел, в котором полностью излагалось содержание жалобы Габриэла Айвазовского и представлялось его решительное требование:

«Дабы пресечь зло, рождающееся по причине продолжающегося распространения среди армян журнала «Юсисапайл» в его антирелигиозном и безнравственном направлении, архимандрит Айвазовский возбуждает ходатайство о прекращении этого издания в его нынешнем духе. А автора письма Налбандяна требует подвергнуть достойному наказанию по всей строгости законов».

Итак, противникам Налбандяна удалось привести в действие административную машину, которая будет действовать, даже когда Микаэл в камышинской ссылке уже будет лежать на смертном одре.

А еще через две-три недели от цензора «Юсисапайла» Берояна были затребованы объяснения по поводу «сеющих раздоры и неповиновение» статей.

Ранее мы уже имели возможность встретиться с Мкртичем Берояном. Это тот самый Бероян, который в Московском университете принимал у Микаэла Налбандяна экзамены на право преподавания в Лазаревском институте. Как видим, это давнишнее знакомство превратилось в настоящее сотрудничество. И если «Юспсапайл» создавался усилиями Назаряна и Налбандяна, то третьим действующим лицом в издании журнала был именно Мкртич Бероян, роль которого в этом деле и по сей день незаслуженно остается в тени.

...Он родился в Астрахани и учился в школе Серовбэ Патканяна. Другом детства и школьным товарищем Мкртича был Габриэл Патканян. Потом, когда семья Патканян, переехала в Нахичеван-на-Дону, пути Мкртича и Габриэла разошлись.

Пути разошлись, но дружба продолжала оставаться по-прежнему прочной и верной. Впоследствии она распространилась на Налбандяна и «Юсисапайл».

...Пока Мкртич Бероян готовил свою объяснительную записку, дело приняло более острый и опасный характер.

Враги, уже накалившие атмосферу вокруг «Юсисапайла» своими доносами и письмами, решили также выступить от имени всего общества, чтобы авторитетом общественного мнения подтвердить наветы Габриэла Айвазовского:

«Поклепы, возведенные на всех этих лиц, — речь идет об Арутюне Халибьяне, Габриэле Айвазовском, Саргисе Джалалаяне и других, — переходят в разряд тех преступлений, которые являются более задачами уголовного суда, нежели газетных статей», —

писал Степанос Паласанян и требовал, чтобы авторы, подобные Налбандяну, отошли от «Юсисапайла», поскольку они

«неустанно полны ужасной яростью то против одного, то против другого, посему и непрерывно сеют волнения, возмущения, раздоры и противоречия и стараются представить почтенных граждан врагами народа».

От этих напряженных и тревожных дней дошло до нас Свидетельство Степаноса Назаряна:

«Даже сам Айвазовский в адресованных мне своих письмах считал мои труды превосходными и только выражал сомнение, что они, будучи написанными на непривычном для турецких армян восточном армянском, не могут быть оценены по достоинству... Айвазовский также советовал мне хотя бы вначале быть осторожным, чтобы встречающиеся среди армян невежды не отвернулись от моего журнала, а мои патриотические чувства не дали повода для возмущения и уныния».

Значит?..

Да, враги избрали испытанный тактический прием — рассорить обоих друзей и единомышленников и представить дело так, будто Степанос Назарян и его «Юсисапайл» стали попросту жертвами «этого разбойника» Налбандяна и что только Налбандян мутит умы народа.

Будучи человеком опытным и умудренным жизнью, Степанос Назарян прекрасно понимал цену похвал и советов Айвазовского, смысл которых вкратце сводился к следующему: «Мы ничего не имеем против тебя, наоборот, ценим твои усилия. Мы не признаем только твоего друга и сотрудника. Удали его, и мы не тронем больше ни тебя, ни твой журнал».

А очередной удар не заставил себя долго ждать. Цензурный комитет в Петербурге потребовал, чтобы ему представили в переводе на русский язык некоторые из опубликованных в «Юсисапайле» статей. Далее было признано необходимым, чтобы Микаэл Налбандян явился туда лично для соответствующих объяснений. А когда, не удовлетворившись этими объяснениями, цензурный комитет подверг Микаэла настоящему допросу, тому ничего не оставалось больше, как придумать способ избавиться от неминуемой скорой расправы. Впрочем, способ этот был ясен с самого начала: Микаэл уже не раз прибегал к нему, чтобы избежать ловушки и спастись от преследований, — он бежал.

И действительно, бегство оставалось единственным средством спастись от скорого ареста.

Микаэл Налбандян на собственном опыте вновь убедился в истинности слов Мудрого Армянина: «Говорящий правду всегда должен держать коня оседланным».

Лучшее средство спастись от долгих и нудных полицейских формальностей — это просить разрешения на выезд для лечения.

Предлог «для лечения» оказался для Микаэла как нельзя кстати: «его бледное лицо, добрые и умные глаза, тоскливые и задумчивые, показывали, что здоровье его пошатнулось».

Степанос Назарян одобрил решение Микаэла отправиться за границу, о чем, кстати, не должны были знать их враги. Вместе с Назаряном определили и маршрут: Париж, Лондон, Константинополь... В Париже и Константинополе Микаэл должен был встретиться и познакомиться с видными деятелями местных армянских общин, о которых знал из публикаций. А Лондон привлекал Микаэла тем, что там жили и действовали Герцен и Огарев... Поскольку тучи над «Юсисапайлом» уже сгущались, издатель-редактор и его сотрудник подумывали уже о том, чтобы перенести издание журнала за рубеж. А тогда им очень мог пригодиться опыт русской свободной печати — «Колокола» и «Полярной звезды».

Однако до отъезда надо было как-то объяснить свое двухнедельное отсутствие — когда его вызвали в цензурный комитет. В эти тяжелые времена совсем ни к чему, чтобы все знали о его вызове и допросе в Петербурге.

Лучшим способом отвлечь внимание врагов было объяснить это отсутствие все той же болезнью. Нелишне также, чтобы весть о «болезни» дошла и до Нахичевана, так как все его преследования берут начало именно оттуда.

Микаэл Назарян — Григору Салтикяну.

16 марта 1859 г.

«Я заболел и пролежал восемнадцать дней в большой слабости. Наконец бог смилостивился, и я малость поправился. Вот причина моего молчания.

Из-за этой своей болезни я уезжаю за границу, это необходимо, чтобы спасти мою жизнь... Подробно обо всем узнаешь из моего завтрашнего письма».

Друг должен понять гораздо больше того, чем написано. Во-первых, восемнадцатидневное отсутствие следует мотивировать «тяжелой болезнью с постельным режимом», ну а поездка за границу предпринята для того, чтобы «спасти жизнь», а вовсе не потому, чтобы поправить здоровье или излечить болезнь...

Далее Налбандян намекал друзьям о необходимости помочь ему материально и просил, чтобы родным его сообщили об отъезде только тогда, когда он уже уедет.

«24 марта я с богом отправлюсь из Москвы в Варшаву,

предав себя попечению друзей и провидения. Когда после моего отъезда весть об этом распространится в Нахичеване, прошу сообщить нашим, что я жив и здоров и что уехал за границу для учебы, чтобы бедная моя мать не беспокоилась понапрасну. А о моем отъезде пока не говори никому, ни врагу, ни самому близкому другу».

20 марта в № 60 «Ведомостей Московской городской полиции» появилось сообщение о том, что «учитель армянского языка Микаэл Лазаревич Налбандов...» отправился за границу по маршруту Германия, Англия, Франция и Турция». Этот маршрут мог бы возбудить определенные подозрения: если целью поездки было лечение в Германии на целебных водах в Эмсе, то к чему тогда ехать еще в Англию, во Францию или Турцию? Во всяком случае, путь в Германию шел отнюдь не через эти страны. Опасность разоблачения была вполне реальной, однако сидеть сложа руки и ждать неминуемого ареста ничуть не лучше.

А пока Налбандян так лихорадочно и целеустремленно готовился ускользнуть из расставленных ему силков, начавшаяся против «Юсисапайла» атака продолжалась. Оно продлится еще несколько месяцев и будет держать в мучительной тревоге не только Степаноса Назаряна, но и Мкртича Берояна, этого умного и преданного защитника журнала.

...Поистине в деле спасения «Юсисапайла» роль Мкртича Берояна была действительно решающей.

В своей объяснительной записке, 9 апреля 1859 года представленной в Петербургский цензурный комитет, цензор одно за другим доказательно опроверг все обвинения Габриэла Айвазовского. С этой целью Мкртич Бероян проделал большую и кропотливую работу, переведя на русский язык спорные или подозрительные статьи и призвав на помощь свой незаурядный ум и способности к логическому анализу.

В объяснительной записке Бероян пересказал напечатанную в ноябрьском номере «Юсисапайла» статью «Письмо к издателю», показав, чем именно ее положения так разъярили Габриэла Айвазовского, добавив, в свою очередь, что и сам он считает непростительным столь безграничное доверие покойного католика Нерсеса Аштаракеци к Арутюну Халибюну, который во зло употребил доверие Патриарха всех армян.

Свою объяснительную записку Мкртич Бероян заканчивал так:

«Я, как исполнитель цензурской обязанности, рассматриваю и обращаю внимание на то, что только против религии и

правительства, и ничуть не касаюсь до сокровенных мыслей писателя, в разгадании которых я могу ошибиться...

...В заключение я должен повторить, что во всех вообще статьях, поныне изданных в журнале г. Назаряна, не находится даже и тени неблагонадежности, безнравственности и противорелигиозности, а все согласно с правилами цензурного устава».

Этот объемистый документ не мог удовлетворить ни цензурный комитет, ни Габриэла Айвазовского и Арутюна Халибьяна, ни Хачатура Лазаряна, который уже жалел, что оказывал покровительство Микаэлу Налбандяну.

И хотя товарищ министра народного просвещения Муханов был уверен, что «Юсисапайл» не должен был публиковать «Письма к издателю», хотя он и направил цензурному комитету приказ, дабы тот обратил особое внимание на журнал Назаряна, однако усилия Мкртича Берояна не пропали даром. Если «Юспсапайл» родился и окреп усилиями Назаряна и Налбандяна, то благодаря Мкртичу Берояну этот журнал, которому только-только исполнился первый год, вновь обрел право жить и продолжать свое беспокойное существование.

А Микаэл Налбандян был уже далеко от всех этих перипетий. И если до него и доходили какие-то слухи, то расплывчатые, неопределенные, да и запоздавшие вдобавок.

...Как и писал Микаэл своему нахичеванскому другу, 24 марта в шесть тридцать вечера он выехал из Москвы в сторону Варшавы.

Враги Микаэла в первый же день узнали о его отъезде. Меер Мсерян сделал в своем дневнике следующую запись:

«Удрал Налбандян из Москвы, а куда — неизвестно».

В тот же день через несколько часов Мееру Мсеряну стала известна еще одна подробность, которую он также не преминул занести в свою книжку:

«Выехал Налбандян из Москвы и направился в сторону Парижа».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СТРАННИК

Молю, брат, не забывай меня на этой чужбине...

Микаэл Налбандян

*Другая причина, толкающая меня к путешествиям,
— отвращение к царящим в нашей стране безобразным
нравам.*

Мишель Монтень

Не выдержав все более жестоких нашествий варварских племен, восемьсот лет назад множество армян покинули свою последнюю столицу Ани и двинулись на север. Часть переселенцев обосновалась в Крыму, и это их отдаленные потомки перебрались потом на берега Дона и основали Нахичеван-на-Дону, или Новый Нахичеван. А другая часть армян, около ста тысяч человек, дошла до самой Польши.

Но армянам здесь не удалось сохранить свою самобытность, и в исторически короткий срок они растворились среди поляков, исчезли, и лишь редкие разрозненные следы их бывшего присутствия напоминали о них. И временами тягостное чувство охватывало Налбандяна, проезжавшего через Польшу.

«Много раз доводилось нам встречать великолепные, но ныне пустующие армянские церкви, а армян — ни одного человека, Что с ними случилось, куда они канули?..»

В Польше Микаэл воочию увидел то незавидное будущее, грозившее армянам, от которого он предостерегал своих соотечественников и против которого боролся. Тяжелым, очень тяжелым было это впечатление от длившейся несколько веков агонии. А ведь такой конец был вполне возможен и на исконно армянских землях...

Причиной ассимиляции и фактического исчезновения армян в Польше явилось, по убеждению Налбандяна, предательство духовных и светских вождей переселенцев, которые, продав свою совесть и предав свой народ,

превратились в покорных слуг католической церкви и, как сказал Очевидец, «вместо имени своей нации в груди предпочли чужие ордена на груди»...

«Что осталось от наших прошлых дней, в каком положении мы сегодня, каков пройденный нами путь и каков его выход?» —

спрашивал Микаэл.

Уже сама постановка вопроса, пусть даже и без ответа пока, является программой действий. Тем более что в Польше Микаэл увидел — а чего не увидел, то понял по накаленной атмосфере, — как, познавая свое прошлое и настоящее, ищут свой путь в будущее поляки.

В Варшаве возникли тайные молодежные кружки, многие из которых вели пропаганду вооруженной борьбы и вовлекали в революционное движение широкие слои ремесленников, интеллигенции, служилого люда и студентов. Передовая русская интеллигенция поддерживала национально-освободительную борьбу польского народа. Русские и польские революционеры выступали плечом к плечу, и это идейное единство должно было укрепиться еще больше в трудные и полные испытаний дни восстания 1863 года.

...За несколько дней, проведенных в Варшаве, Налбандян ознакомился с революционной ситуацией и постарался завершить свои дела. Еще в Москве он задумал, но не успел написать опровержение на опубликованную в «Мегу Айастани» статью Паласаняна, также пытавшегося замять вновь поднятый вопрос о церковных средствах.

Микаэл, как всегда, был настроен воинственно. Он вновь готовился «говорить правду и стоять стойко». Поистине он был неисправим, и никакие напасти не могли образумить его.

Микаэл Налбандян — Григору Салтикяну.

31 марта 1859 г.

«Задержусь в Варшаве на пару дней, чтобы написать опровержение и отправить в «Юсисапайл». Пусть все наслаются зрелищем позора наших врагов... Уж они-то у меня попляшут!.. Будь спокоен, брат, мы в долгу не останемся. Бог милостив, истина на нашей стороне, и именно истина будет нам опорой».

Отослав статью Степаносу Назаряну, Микаэл продолжил свой путь. Но не на воды в Эмс, а в Париж, лишь ненадолго остановившись в Берлине.

Здесь Микаэл присутствовал на похоронах знаменитого немецкого естествоиспытателя и путешественника Александра фон Гумбольдта, о чем рассказал в «Записках» графа.

...Рано утром он оказался на Ораниенбургштрассе, у дома, где родился и где окончил свои последние дни великий ученый. Вся улица от края до края запружена скорбящими людьми. Возглавляли траурную процессию студенты университета с зелеными пальмовыми ветвями в руках. Был ласковый весенний день. Проводить в последний путь своего великого сына вышел весь Берлин. Процессия прошла по Фридрихштрассе, потом по Унтер-ден-Линден свернула к собору. Здесь генерал Гофман прочитал надгробную речь, поразившую Налбандяна своей хоть и тягостной, но искренней правдивостью.

«Даже такой человек, как Гумбольдт, не смог в гробу избежать суда суровой справедливости... И как же не вспомнить тех армян, которые, не стоя и половины, четверти и даже одной восьмой его, часто возвеличиваются армянской критикой до небес... Могут объяснить это лишь тем, что под долгим гнетом азиатской тирании армяне обрели столь раболепную душу, что, не имея никакого представления о человеческом достоинстве, могут только хвалить и восхвалять даже своих ничтожных, а во многих случаях и просто худших людей».

Трезвый и беспристрастный взгляд на каждое явление, каждую личность и деяния этой личности — вот о чем мечтал, вот что хотел привить своим соотечественникам Микаэл Налбандян. Без такого трезвого взгляда невозможным казалось будущее. А неимение или потеря критериев оценки явлений, личностей и деяний может поставить на грань нравственной гибели целый народ.

Рассказав о Гумбольдте и охарактеризовав его как «почетного гражданина мира», Микаэл призывал армянскую молодежь не довольствоваться теми крохами знаний, которые они приобретают ради куска хлеба, а посвятить всего себя благородному служению науке. Нельзя представить себе истинного ученого без высоких нравственных добродетелей. И Налбандян приводил в пример армянской молодежи достойную всяческих похвал жизнь Александра Гумбольдта, «его независтливую и незлобивую душу в жизни научного общества, его неустанные и непрерывные поиски истины как в природе, так и в области нравственности, а в особенности — его знаменитую благородную

человечность».

«Приехав в какой-нибудь новый город, я считаю не только недостойным, но и постыдным для себя попусту шататься по улицам только из любви к новизне», — писал Налбандян, но в то же время объездил всю Польшу в поисках армянских церквей, в Германии был в знаменитом Берлинском музее, а в Англии посетил не только Британский музей, но и... зоологический сад. И во всех этих случаях целью его «было узнать что-то новое». Поэтому в Париже он тут же поспешил в Версаль, эту роскошную королевскую резиденцию, где «веками ковалась судьба Франции».

В Версальском парке он нашел «уже подвергшееся влиянию времени, среди статуй стояло изваяние нашего Тиграна Великого^[23] — работа, выполненная с великим искусством. Холодный мрамор обрел душу под пальцами талантливого ваятеля, и каждая черточка статуи выражала исконно армянский тип». Неподалеку от статуи Тиграна стояла и скульптура Митридата^[24]...

До позднего вечера бродя по залам Версаля и вступая в мысленную беседу с тенями его прошлых обитателей, Микаэл затем снова вышел в сад и очутился на округлой площадке.

«Тут некогда происходили концерты, устраиваемые наинесчастнейшей из французских королев — Марией Антуанеттой... Вспомнив это имя, я вздрогнул, словно от удара волшебным жезлом. Глазам сейчас же представились французские публицисты, Марат в своем белом парике, обещавший спасти жизнь королевы. Немного спустя я, казалось, видел беспорядочную толпу разъяренных людей, слышал крики, шум, мятеж, видел эшафот, палача и две отрубленные, залитые кровью бледные головы. Я узнал Людовика XVI и Марию Антуанетту... их очень похожие головы из воска я видел в Лондоне — у мадам Тюссо».

Поистине сверхчувствительным человеком был Микаел Налбандян. И обладал ярким воображением. Качества, которыми можно объяснить его непримиримость, нетерпеливость, неумение в иных ситуациях смолчать... И если при всем этом Микаэл не предавался целиком чувственным ощущениям и не блуждал в лабиринтах созданного своим же воображением мира, то лишь потому, что у него не было времени оставаться наедине с самим собой.

Приятные прогулки по Парижу и развлечения, что вообще-то любил Микаэл Налбандян, многочисленные знакомства и встречи, приносящие

облегчение его исстрадавшейся душе и измученному телу, тем не менее не помешали ему погрузиться во внутренний мир и жизнь армянской колонии в Париже и с присущей ему страстностью броситься в бой против мракобесов и ренегатов.

...В те годы в Париже существовали всего две армянские школы, одна из которых была основана на завещанные богатым индийским армянином Самвелом Мурадом средства, а другая — национальная армянская школа, расходы которой взяли на себя армяне Константинополя.

Школа Мурадяна находилась под католическим влиянием. Она располагалась в двухэтажном собственном здании, имела обширную библиотеку, классы физики, геологии, зоологии... Словом, учеба в такой школе гарантировала не только получение глубоких знаний, но и считалась престижной сама по себе... Дело, однако, заключалось в том, что в школе Мурадяна могли учиться только дети армян-католиков.

Говоря иначе, здесь также были подготовлены все условия для того, чтобы армяне изменили своей вере, растворились и исчезли, чтобы остались от них лишь следы культуры — как только память об армянах и осталась в Польше...

И если школа Мурадяна не превратилась окончательно в тигель католичества, то лишь потому, что директором ее был Гевонд Алишан — «достоинейшая личность, известная армянскому народу под именем Наапет — Патриарх». Алипган являлся автором широко известных среди армян патриотических стихов, которые даже многие десятилетия спустя согревали сердца людей.

Среди деятелей Мхитаристской конгрегации Гевонд Алишан был из тех действительно редких исключений, к которым перешел истинно армянский дух Мхитара Себасти. Вся литературная и научная деятельность его была посвящена не католической церкви, а собственному народу, жаждавшему просвещения и прогресса. Познакомившись ближе с этим человеком, Микаэл по достоинству оценил и полюбил его. Но и понял, что этот умнейший и честный директор школы Мурадян тем не менее бессилён воспрепятствовать давлению конгрегации.

Микаэл яростно восстал против того постыдного факта, что мхитаристы сочинили для учеников своей школы утреннюю и вечернюю молитву, в которой молили бога, чтобы армяне, приняв католичество, объединились в лоне римской церкви...

«Очень и очень больно было мне увидеть это не только грустное, но и гнусное явление... Сердца невинных учеников

могли заразиться болезнью слепого фанатизма, последствием которого — грустно нам сознавать — было и есть добровольное братоненавистничество».

Все новые и новые жертвы переплавлялись в этом католическом тигле. И это в то время, когда вырисовывались уже контуры истинной национальной консолидации, когда «Юсисапайл» открыл уже глаза армянам на разрушительную деятельность «ловцов душ», когда очень и очень многие поняли уже, что усилия папской церкви направлены на лишение малых народов чувства национальной принадлежности, чтобы потом ассимилировать их и, ассимилировав, распространить еще дальше сферу папской власти...

Не удовлетворившись откровенными беседами об этом с Гевондом Алишаном, Микаэл в «Записках» снова обратился к своему другу, ибо ждал исчерпывающего ответа и отнюдь не собирался скрывать от общественности свое возмущение:

«Осталось мне вновь просить досточтимого отца Гевонда, чтобы соблагоизволил он прекратить эту вредную молитву, если не хотят дать повод соблазну, если не хотят возбудить большие разногласия.

Единство нации и братская и кровная любовь членов нации друг к другу имеют для меня столь огромное значение и цену в моих глазах, что ради них я готов на все, что угодно...»

Дела же со второй армянской школой обстояли крайне неутешительно: размещалась она в арендованном здании, далеко от города и не имела никаких преимуществ и удобств. Плохо обстояло дело и с опытными, знающими учителями — удаленность школы отпугивала их. Но если б дело было только в этом... Школа Айказяна была плодом случайной патриотической вспышки и нуждалась в постоянной помощи и покровительстве. А в Константинополе начались уже разногласия по поводу сохранения в Париже национальной армянской школы. Школы, в которой Налбандян увидел лишь восемнадцать учеников... Что он мог поделать, какой выход мог найти из этого безнадежного положения, кого мог обвинять?.. Уже одно здание католической школы Мурадяна ласкало глаз, удобства очаровывали, учителя были опытные, то есть существовали все те соблазнительные обстоятельства, которые принуждали армян ради образования детей отречься от своего армянского и становиться

католиками. Однако действительно ли школа Мурадяна гарантировала более высокий уровень обучения, чем простая армянская? Микаэл тщательно порасспрашивал парижских армян. И те подтвердили, что «доселе никто из окончивших школу Мурадяна не поступил в какое-нибудь французское высшее учебное заведение...». Но если это действительно так, если армянские дети все равно остаются недоучками, то зачем же тогда им отрекаться от своего исконного?

И все-таки Налбандян убедился, что армянская колония в Париже могла стать мощным центром национальной жизни, ибо хоть и немного в Париже армян, но национальное в них все же более сильно, чем в других армянских общинах, где довелось побывать Микаэлу:

«Мы рады, что везде среди армян заметно хоть какое-то движение; народ и нация вроде потихоньку становятся предметом общественных разговоров. Но мы хотели бы, чтобы они не удовлетворялись одними бесплодными разговорами об этом».

Тревоги и перспективы армянской общины в Париже были интересны, достаточно обнадеживающи и в то же время поучительны.

Но Микаэла не оставляло беспокойство.

«Не знаю, в каком положении «Юсисапайл», — мучился он, еще не имея никаких известий о записке Мкртича Берояна цензурному комитету и уверенный, что единомышленникам его не удалось отстоять журнал. А если не будет журнала, то и он уже не вернется. Значит, ему придется провести в изгнании годы. И все же Микаэл не терял стойкости духа:

«У меня есть надежда, и надежда большая. Неужели в нашей нации тьма и ложь одолеют свет и правду? Мы, понимающие все, обязаны восстать против этого и со временем доказать будущему, что против ударов врагов нация мы подставляли свою грудь, что ради блага нации мы жертвовали нашим спокойствием и отчим домом».

Он уже примирился со своей судьбой скитальца, вынужденного покинуть родину, и лихорадочно разрабатывал новые планы борьбы и деятельности.

И планы эти казались ему вполне осуществимыми, а надежды, связанные с ними, могли воплотиться в реальность.

В Париже Микаэл увлекся перспективой иметь свою свободную

типографию — благодаря полиграфисту Джанику Арамяну это было вполне возможно.

Многие годы Джаник Арамян изучал типографское дело и сейчас владел собственной типографией. Не имея армянских шрифтов, он переделал на армянский латинские матрицы. А с каким вкусом и как искусно он сделал это, свидетельствует хотя бы то, что созданный им новый армянский шрифт существует без изменений до сих пор и называется арамяновским.

Арамян с радостью согласился печатать «Юсисапайл», поставив единственное условие — не публиковать в журнале ничего против политики Франции. Микаэл Налбандян охотно согласился на это условие, подумав, что, «не имея никаких отношений с французским правительством, армяне не имеют, естественно, и каких-либо политических интересов, враждебных Франции».

А граф Эммануэль сообщил в своих «Записках»:

«Свободная печать — большой шаг к прогрессу, и каждый человек, который может каким-либо образом способствовать делу свободы, весьма и весьма достоин великой благодарности... Благодарим господина Арамяна, и еще более благодарны мы будем, если он исполнит свое обещание совершенно свободно и независимо».

И Микаэл тут же воодушевленно сообщил своему Другу.

Микаэл Налбандян — Григору Салтикяну.

23 апреля 1859 г.

«Я надеюсь, что Вы и другие наши правдолюбивые и честно мыслящие соотечественники и друзья помогут мне, если в Москве будет закрыт «Юсисапайл», возобновить печатание на новом месте».

Именно в эти дни познакомился Микаэл со Степаном Восканом. Это тот самый Воскан, о газете «Аревмутк» которого Микаэл сообщил в «Юсисапайле», тут же назначив себя его корреспондентом в России.

...О такой личности, как Степан Воскан, обычно говорят, что их родило и закалило время.

Вернее было бы, пожалуй, сказать, что сам Налбандян и другие такие же исключительные личности сами диктуют времени свою волю и

привносят в него свой собственный дух.

В этих обстоятельствах столь же большое значение приобретают и встречи этих исключительных людей, которые только на первый взгляд кажутся случайными, но на самом деле являются закономерностью, связывающей воедино звенья одной и той же цепи.

Во всяком случае, встреча Микаэла Налбандяна, поднявшегося на борьбу за национальное самосознание и просвещение, и Степана Воскана, человека столь же бурной судьбы, имела гораздо большее значение, чем это могло показаться на первый взгляд.

...И в самом деле, Степан Воскан жил и боролся так же, как и Налбандян: всегда в центре событий, всегда в самоотверженной борьбе, всегда спеша и тревожась, что армяне в своей сладкой дреме могут отстать от общественного и социального прогресса цивилизованных народов.

Степан Воскан даже участвовал в революции 1848 года, был схвачен и почти два месяца провел в тюрьме.

В тот памятный день 24 февраля, когда восставший народ с ликующими криками ворвался во дворец Тюильри, среди них с оружием в руках был и Степан Воскан.

Со сдержанной гордостью и не выпячивая собственных деяний, рассказывал Воскан Микаэлу, как еще через год, 13 июня 1849 года, он принял участие в студенческой демонстрации, организованной в знак протеста против предпринятых Луи Бонапартом военных действий.

...Вооруженное вторжение в Тюильри, бунт против Луи Бонапарта, демонстрация со знаменем в руках и защита этого знамени... Микаэл Налбандян должен был с восторгом слушать своего нового друга, чьи рассказы, дела, раздумья и замыслы были так удивительны и невероятны.

В студенческие годы Степан Воскан был не просто бунтующим среди взбунтовавшихся, знаменосцем среди знаменосцев, но и искусным публицистом, работавшим в «Le National», газете которую основал еще Тьер. Воскан был учеником видного общественно-политического деятеля и крупного ученого, астронома и математика Доминика Франсуа Араго и, наконец, другом философа Ипполита Тена.

Степан Воскан встречался и с великим народным поэтом Франции Пьер-Жаном Беранже, песни которого разили так же метко, как пули в горячие июльские дни 1830 года. Песни Беранже пелись во всей Франции, их переводили на другие языки. Степан Воскан тоже перевел на армянский одно из его стихотворений, сохранив всю мелодику стиха Беранже. Один из друзей поэта рассказал об этом Беранже, и тот изъявил желание

познакомиться с молодым армянином. Воскан прочитал Беранже свой перевод, очень понравившийся поэту. В награду Степан Воскан получил от автора томик его стихов.

...Примерно в то же время, когда Микаэл Налбандян переводил в Москве «Агасфера» Эжена Сю, в Париже тем же самым был занят и Степан Воскан. И оба они, естественно, ничего не ведали еще друг о друге.

Причина, заставившая их взяться за перевод этой книги, была одинаковой для обоих: разоблачить католических миссионеров, деятельность которых в турецкой Армении была исключительно активной, а армянские общины зачастую — менее стойкими.

Степан Воскан родился и вырос в Измире, а юношеские свои годы провел в Париже. Поэтому он отлично знал и живущий на родине народ с его горестями и нуждами, и приобщившихся к европейской цивилизации армян, которые, ощущая в чуждой им среде свою неполноценность, теряли — и теряли с готовностью! — свой язык, свои духовные ценности, национальное лицо... И Степан Воскан, движимый страстным желанием внушить несчастным соотечественникам чувство самосознания и собственного достоинства, что, увы, не находило отклика в их душах, восклицал с нескрываемой горечью и болью, навлекая на себя ненависть отрекшихся ради наживы от самих себя мещан:

«Армяне лишены национальности, и демагогам сейчас не надо даже кричать «нация, нация!», чтобы обмануть их... Рана как нравственная, так и телесная должна быть обнаружена, чтобы можно было найти лекарство. Для нас гораздо важнее тот человек, который обнаружит недуг, опишет его и найдет лекарство. Никогда не может быть осужден тот, кто обличит скудость ума и грязь сердца и осудит нравственную скверну по законам истинной цивилизованности!»

Как, наверное, воодушевлялся Микаэл Налбандян, слушая пылкие речи своего нового друга, когда они вместе гуляли по берегам Сены или по парижским бульварам!.. И как должен был страдать он, видя все то же жалкое состояние парижских армян... Везде, везде все то же... Армяне Парижа, как и армяне Нахичевани, поражены все той же язвой... Соблазнившись внешним блеском европеизма, чуждым бытом и нравами, армяне пытались утвердить себя, предавая свой родной язык, свой национальный дух...

А если добавить ко всему этому неустанные происки и старания

«ловцов душ», то положение представлялось и вовсе безнадежным. Написанная в пятидесятые годы и опубликованная в Константинополе работа «Внутреннее убеждение» призвана была удержать армян от соблазнов католицизма. Прекрасно владея классическим армянским, Степан Воскан изложил свою книгу на ашхарабаре, чтобы на этом попятном простому народу языке раскрыть всю реакционную суть католичества, его ненависть к борцам за свободу. Он доказывал, что католическая церковь не способна объединить народы и утвердить в мире братство, поскольку оружием ее всегда являлись варфоломеевские ночи, инквизиция и борьба против всего передового.

Но какие бы обещания ни давал папа Пий IX армянскому народу, как ни старался привлечь их и как тонко ни сплетали свою сеть его «ловцы душ», все равно, даже в Париже, все усиливалась тяга к просвещению.

В 1854 году в жизни парижских армян произошло важное событие: уже знакомый нам Джаник Арамян открыл на улице Бонапарта свою типографию. А типография — это литература и периодические издания, это культурная и общественная жизнь. Воскан, давно уже мечтавший о своем органе, немедленно приступил к изданию газеты «Аревелк» («Восток»), Осуществить свое желание он смог, разумеется, лишь благодаря существованию типографии. Нередко то, что мы принимаем за веление времени, часто в основе своей имеет удивительное сплетение разнородных явлений и является следствием иногда случайного, но тем не менее закономерного сотрудничества деятелей, посвятивших себя делу общественного прогресса.

Когда в далеких друг от друга столицах двух разных стран, не зная и не ведая друг о друге, одинаково жили, одинаково мыслили и одинаково действовали два человека, имея против себя одного и того же врага — невежество и тьму, — то это не может уже быть случайностью, это закономерность!

Но когда на пути двух незнакомых, но одинаково действующих в столицах двух разных стран людей зловещей тенью встает один и тот же человек, то как тут не подумать, что это уже пахнет мистикой?..

И для Микаэла Налбандяна, и для Степана Воскана этой «зловещей тенью», этой роковой неизбежностью был Габриэл Айвазовский.

...Только-только наладилось издание «Аревелка», как в Париж прибыл Погос-бей Татьян — один из наиболее видных и влиятельных эмиров-богачей Константинополя. Переводчиком себе он выбрал монаха Габриэла Айвазовского, и выбор этот был вовсе не случаен. Начальник арсенала

Османской империи, обладавший немалым весом и пользующийся большой славой Погос-бей и католический монах Габриэл Айвазовский имели между собой немало общего. В Париже Погос-бей всячески выражал свою благосклонность к римско-католической церкви, и толкователем его в этом был Айвазовский. Сей католический монах в издаваемом им в Париже журнале «Масьяц ахавни» доказывал, что в главнейших своих догматически» воззрениях армянская церковь является родной сестрой римской. И если имя папы римского не упоминается в армянских церквях, то лишь потому, что армяне не желают лишаться давней своей независимости и хотят быть свободными в выборе своего католикоса. Здесь уже «толкователем» Габриэла Айвазовского стал сам Погос-бей, поскольку статья о «родственности» армянской и католической церквей была опубликована за подписью видного деятеля Османской империи.

Понятно, что Степан Воскан не мог отнестись ко всему этому безучастно.

В пятнадцатом номере газеты, который должен был выйти 1 февраля 1856 года, Степан Воскан подготовил острую статью против Габриэла Айвазовского и католической церкви. Но 1 февраля номер не вышел. Не вышел он и в последующие дни... Узнав от рабочих типографии об ответной статье Воскана, Габриэл Айвазовский нажал на все возможные рычаги, но заставить Воскана изменить или смягчить тон статьи не сумел. Тогда Айвазовский взялся за владельца типографии. Ему удалось запугать Джаника Арамяна и заставить его прекратить печатание газеты Воскана.

Всему этому Степан Воскан мог противопоставить только свое перо. И он написал:

«Свободу мысли следует уважать несколько больше, ибо если у вас есть убеждения, то они есть и у вашего противника. А убеждение, притесняющее убеждение другого, называется тиранией...»

Возобновив свое издание, на этот раз уже под названием «Аревмутк» («Запад»), Степан Воскан понимал, конечно, что этим он не избавится от врагов. Но это значило также, что он продолжает оставаться верным себе.

«Мы уверены, что лжепатриоты и на сей раз не избавят нас от своей вражды и обвинений. Но пусть знают они, что убеждение мысли нисколько не ниже убеждения религии и что оно умеет не только быть незыблемым, но и существовать в

любых обстоятельствах!»

Так писал он в первом номере новой газеты и рассказывал притчу о том, как после тяжелого поражения Ленгтимур^[25] в отчаянии сидел в своем шатре и, предавшись горьким раздумьям, соломинкой мешал муравью подняться вверх по стебельку травы... Но муравей не отчаивался: «Упорство слабейшего принесло победу... Это упорство муравья и является силой каждого бессильного, и мы всегда стремились обратить его на пользу родине и свободе мысли»...

Но и «Аревмутк» был обречен на гибель, ибо на своих страницах он беспощадно обличал продажность и низменную сущность именитого и богатого армянского мещанства. В ответ на выступления Воскана в Константинополе на стенах домов начали расклеивать листовки против него и его газеты. «Аревмутк» называли «дьявольской газетой», раздавались яростные призывы:

«Сожгите, испепелите, сотрите в прах газету «Аревмутк», дабы больше никто не был соблазнен и обманут ее слогом и дерзкими речениями!...»

Что мог поделать Степан Воскан, который хотел вести свой парод не по пути самообмана, а самопознания, вести не к гибели, а к жизни, желал видеть его не прикованным к настоящему, которое с каждым мигом и часом становилось прошлым, а идущим в будущее?.. Не было у него ничего, кроме сознания правоты своего дела, и сознание это давало ему право предстать перед потомками с открытым и ясным лицом.

«Сжечь — это не ответ... Когда-нибудь пепел нашей газеты принесет нам больше чести, чем наши скромные и недостаточные труды. Турки сожгли библиотеку, чтобы растопить баню. А некоторые турецкоподданные полисские армяне готовы сжечь газету, чтобы утолить свою ярость».

Да, поистине нелегко приходится отважным и дерзким людям, борцам за истину и справедливость, ибо против них *non armis sed vitiis certatur*^[26], как говорили в Древнем Риме.

Новые знакомые, друзья, единомышленники... Новые перспективы сотрудничества... Новые горизонты национального прогресса...

Но и Париж не смог удержать Микаэла Налбандяна.

Если поводом к этому его путешествию стало стремление избежать ареста, то истинной его целью был Лондон. Ну а целебные воды послужили лишь предлогом. Недельная же остановка в Париже позволила Микаэлу ближе познакомиться с жизнью армянской общины.

С самого же начала Микаэл спешил в Лондон — город, ставший местом паломничества для всех, кто посвятил себя национально-освободительной борьбе.

Очевидец пишет:

«Идея освобождения проникла во все европейские народы. Венгрия еще далеко не успокоилась оттого, что ей пришлось сложить оружие перед русской армией. Италия тоже продолжала свою работу и стала накануне того, чтобы выставить Гарибальди и Кавура. Франция, несмотря на весь блеск Третьей империи, кишела кружками недовольных и готова была скинуть Наполеона при первой возможности. Славянские племена Австрии и Турции если не волновались, то достаточно громко шипели, поляки не думали расставаться со своими надеждами на независимость... Такова была вся политическая атмосфера Европы. Всеобщность освободительного движения связывала все народы, и национальное дело легко переходило в международное... Точно наступило время братства народов. И действительно, общие идеи связывали людей чуть ли не сильнее кровных народных уз. Немецкие и французские рабочие понимали друг друга лучше, чем своих однокровных бюргеров и буржуа...»

Микаэл спешил в Лондон, где собрались изгнанники из Франции, Италии, Польши, России, Германии, Венгрии. И хоть жили они в постоянных лишениях, неудачи не приводили их в отчаяние. Вдали от родины они продолжали действовать, лелея мечты об обществе всеобщей гармонии и справедливости.

Каждой клеточкой своего больного и измученного тела ощущал Микаэл Налбандян то напряжение, которое царило в Европе.

До сих пор он стремился только пробудить в армянах чувство национального достоинства, сдвинуть с мертвой точки колесо национального сознания и вновь зажечь факел просвещения. Но теперь надо было возбудить в собственном народе революционный дух, чтобы он не отстал от хода истории, чтобы армяне, как и встарь, также участвовали в общем прогрессе цивилизации, чтобы они обрели свободу в братстве всех народов...

Когда, в какой миг родился в нем Революционер?

Может, в эти дни скитальчества?..

Или, может, еще раньше, в те далекие дни, когда в трактире

Гробостова он зачитывался книжками «Современника», запрещенными стихами Пушкина, посланиями лондонских пропагандистов?..

Но если бывают прирожденные революционеры, то Микаэл, несомненно, был одним из них.

ПРЕКРАСНЫЕ ЛЮДИ С БЛАГОРОДНОЙ ДУШОЙ

*Там, где нет свободы мысли и разума, там есть
рабство духа, а где есть рабство, там нет жизни.*

Микаэл Налбандян

*Лучший способ поддержать и сохранить дружбу
заключается во взаимном сообщении о том, что мы
делаем.*

Иоганн Вольфганг Гёте

Париж не смог удержать Налбандяна. Н® смогли удержать его и друзья и знакомые. И уже через неделю, собрав нехитрые свои пожитки, Микаэл отправился в Лондон.

Этот город стал для Микаэла манящей конечной целью. Прожив в Лондоне целый месяц, Налбандян лишь несколькими словами упомянул об этом в «Записках» графа: «Я был в Лондонском зоологическом саду, посетил прославленный Британский музей, Всемирную лондонскую выставку... Шекспир, эта гордость английского театра, уже заложил в меня желание увидеть Дувр и Виндзор...»

Целый месяц... Не слишком ли много для этого?

Через несколько лет, отвечая на вопросы Сенатской следственной комиссии, Микаэл припомнит еще один «незначительный» случай: «...Познакомился с молодым Герценом, да и то случайно — в зоологическом саду... Мы гуляли вместе... Через два дня молодой Герцен навестил меня... Потом пригласил меня к себе домой... Я был в их доме только один раз и, кроме него, никого не встретил...

Потом мы встретились в трактире. Там были также его отец, Огарев и Бакунин. И я познакомился с ними. Мы ни о чем особенном не говорили. Молча обедали...»

И все-таки месяца на такую «случайную» встречу и «обед» тоже слишком много.

И вообще, когда речь заходила о Лондоне, Микаэл становился удивительно немногословным и «наивным»...

Надеяться на приглашение к Герцену домой после случайной встречи с ним было довольно трудно. Для встреч с лондонскими пропагандистами существовал вполне определенный порядок. «Каждый приезжий естественным образом прежде всего бежал к Трюбнеру купить «Колокол», «Полярную звезду» и прочие заграничные издания, — пишет Очевидец. — При этом выходила вечная комедия, очень льстившая Трюбнеру, — русские жали ему руку, благодарили его за либерализм, за его деятельность для блага человечества вообще, а русского народа в особенности».

Они, эти приезжие, по своей наивности думали, что сей лондонский книготорговец как минимум Мадзини или же близкий друг и помощник Герцена. На самом же деле Николо Трюбнер был попросту добродушным человеком и ловким издателем и книготорговцем, которому удавалось распространять журналы лондонских пропагандистов и на континенте, не без выгоды для себя, разумеется. А самое главное было в том, что Трюбнер пользовался большим доверием Александра Герцена и Николая Огарева.

Поэтому установился следующий порядок: новичок обычно посещал Трюбнера и передавал ему свою просьбу встретиться с Герценом. Книготорговец предлагал написать пару слов. В ответной записке Герцен назначал свидание или у себя дома, или в гостинице, если приехавший по каким-либо причинам не хотел, чтобы его видели с лондонскими пропагандистами. А таких случаев было немало, так как самые важные деловые свои встречи Герцен и Огарев держали в секрете. Не исключено даже, что и их домашние не встречались и не знали многих из тех, кто сотрудничал с Герценом и Огаревым.

А вообще двери дома Герцена были открыты перед многими изгнанниками из самых разных стран. А поскольку число посетителей все увеличивалось и в доме становилось тесно, Герцен за несколько месяцев до приезда Налбандяна в Лондон переехал в дом побольше — Парк-хауз.

В этом доме Микаэл мог встретить немцев, итальянцев, поляков, сербов, румын, венгров... Не было дня, чтобы в Парк-хаузе садилось за стол меньше двадцати гостей.

О своей лондонской жизни Микаэл оставил лишь несколько строк. Об Александре Герцене, Николае Огареве, Джузеппе Мадзини, Марке Аурелио Саффи он не упоминает. ни единым словом, как, впрочем, и о Михаиле Бакуnine, Николае Серно-Соловьевиче и многих других, с кем он познакомился впоследствии. Однако мы, зная дальнейший ход событий,

дружбу и сотрудничество деятелей национально-освободительной борьбы с лондонскими пропагандистами, можем представить, какое потрясающее впечатление оказал Герцен на молодого армянина, почти в одиночку несущего непосильный груз национальных забот.

Потребовалось не слишком много времени, чтобы Микаэл Налбандян близко узнал Александра Герцена, который мог видеть «в каждой вещи все ее стороны и сразу находил отношение этой вещи ко всем другим вещам». Именно в этой мгновенной и всеохватывающей способности понимания и крылась сила мысли Герцена. Это был ум глубокий, но не отвлеченный, а жизненный, реальный, схватывающий идеальную и практическую сущность каждого предмета и каждого понятия.

«Для широкой, порывистой натуры Герцена требовался простор, — вспоминал Очевидец. — Требовалась возможность не только мыслить свободно, но и выражать свои мысли свободно... Его личное чувство независимости нуждалось в таких внешних условиях, в которых оно могло бы найти себе удовлетворение, а как таких условий Герцен в тогдашней России не нашел, то он оставил Россию и переселился в Западную Европу...»

...Первые лондонские публикации Александра Герцена появились в 1853 году, когда он приобрел русскую типографию. А издание «Колокола» началось в 1858-м. Лондонские статьи и «Колокол» расходились все шире и с все большим успехом. Именно эти его успехи и огромная популярность и явились причиной того, что каждый русский, приезжая в Лондон, считал своим долгом посетить Герцена. «По своим свободным манерам Герцен походил немного на студента, — сообщает Очевидец. — В разговоре он был такой же, как и в статьях, с той же вечно наготове шпилькой и такой же умный. — И вспоминает далее: — ...Разговор его был самый разнообразный, как блестящий калейдоскоп, — и современные вопросы, и освобождение крестьян, и будущие русские реформы, и эпизодический какой-нибудь остроумный анекдот, и Виктор Гюго, и Гёте, и философия, и история, и политика...»

Поселившись в Лондоне, этот исключительно деятельный человек за короткое время стал одним из самых авторитетных личностей, сумев завоевать не только уважение и сочувствие «генералов революции», но и их искреннюю горячую дружбу.

Европа не знала России, Европа и понятия не имела о брожениях в России; все прогрессивные и просвещенные люди Европы видели в России лишь страну грубого и неприкрытого деспотизма, в которой начисто исключалось всякое освободительное движение или любой проблеск

свободной мысли. Волею судьбы очутившись на Западе, Александр Герцен видел свое предназначение, свою миссию в том, чтобы представить всему миру передовую русскую мысль, сам русский народ, его национальный характер и стремления.

Еще в 1849 году, сообщив друзьям о своем решении остаться в эмиграции, Герцен в пользу своего решения приводил два аргумента. Главным, разумеется, было желание по возможности ускорить свободным словом освободительное движение в России. А далее, писал Герцен, «для русских за границей есть еще другое дело. Пора действительно знакомить Европу с Русью. Европа нас не знает; она знает нашу паше правительство, наш фасад и больше ничего... пусть узнают европейцы своего соседа; они его только боятся — надобно им знать, чего они боятся...»

И в этом смысле сам Герцен также делил свою зарубежную деятельность на две части. До 1857 года он в основном занимался тем, что знакомил Европу с Русью, Впоследствии, когда после смерти Николая Первого пробудилась и начала искать свободное слово передовая русская мысль, «мы, — пишет Герцен, — оставляя Запад, обратили наше слово к России».

Живущие в лондонской эмиграции «революционные генералы» часто навещали Александра Герцена. Среди его гостей можно было встретить корсиканского революционера Луи Блана и создателя организации «Молодая Италия» Джузеппе Мадзини.

В те самые дни 1859 года, когда Микаэл якобы все свои дни проводил в Британском музее, на Всемирной выставке или в зоологическом саду, Лондон был буквально пронизан духовным присутствием Джузеппе Гарибальди и Феличе Орсини.

...Национальный герой Италии вернулся с далеких берегов Южной Америки на родину и вновь возглавил освободительную борьбу. Однако преследования правительства вынудили его уехать опять, на сей раз в Северную Америку. В Нью-Йорке он зарабатывал на жизнь сначала изготовлением свечей, потом плавал матросом на торговых судах... Снова вернувшись на родину, он поселился на одном из островов и занялся земледелием. Однако новая волна освободительного движения вновь призвала под свои знамена национального героя, и в Лондоне теперь ходили слухи, что он борется за создание единой Италии.

Не только в Лондоне, но и по всей Европе гремело имя еще одного вождя национально-освободительного движения Италии — Орсини, который приговорил к смертной казни душителя Франции и Италии Луи Бонапарта, сиречь Наполеона Третьего. Его отчаянный и самоотверженный

поступок был, пожалуй, одним из самых ярких проявлений народной мести и не имел ничего общего с тем явлением, которое назовут потом терроризмом.

«Орсини был поразительно хорош собой: вся наружность его, стройная и грациозная, невольно обращала на него внимание; он был тих, мало говорил, размахивал руками меньше, чем его соотечественники, и никогда не подымал голоса. Длинная черная борода (как он носил ее в Италии) придавала ему вид какого-то этрурийского жреца. Вся голова его была необыкновенно красива... Такие личности, как Орсини, развиваются только в Италии... Они дивят добром, дивят злом, поражают силой страстей, силой воли. Они не дорожат своею жизнью... Людей такой энергии останавливать можно только гильотиной, а то, едва спасшись от сардинских жандармов, они делают заговоры в самых когтях австрийского коршуна и на другой день после чудесного спасения из ка-вематов Мантуи, рукой, еще помятой от прыжка, начинают чертить проект гранат, потом, лицом к лицу с опасностью, бросают их под кареты...» — так говорит об Орсини Очевидец.

Одним из близких друзей семьи Герцена был и Марк Аурелио Саффи, который вместе с Мадзини и Армеллини входил в триумvirат недолго просуществовавшей Римской республики и одновременно занимал пост министра внутренних дел.

В Лондоне находился также Лайош Кошут, один из руководителей национально-освободительной борьбы венгров и опытный политик. После французской революции 1848 года он в открытую выступил с требованием предоставить независимость Венгрии. Его пламенные речи сыграли значительную роль не только в подготовке революции в Венгрии, но и в организации Венского восстания. На созванном в 1849 году Национальном собрании Лайош Кошут объявил о низвержении династии Габсбургов в Венгрии и был назначен временным правителем страны. Однако силам реакции удалось свергнуть правительство Кошута. После долгих скитаний, во время которых он познакомился с Джузеппе Гарибальди, Кошут обосновался в Лондоне.

Поистине всеобщий освободительный дух пронизывал ту атмосферу, в которой жили в Лондоне бежавшие от преследований и нашедшие здесь безопасное пристанище революционеры почти из всех стран Европы.

И ярким выражением знакомства с нестигаемыми «революционными генералами» и всей той атмосферы, в которую с головой окунулся Микаэл Налбандян, стало его знаменитое стихотворение «Свобода».

Когда крылатый бог свободы
впервые жизнь вдохнул в меня
и подарил мне беззаботно
и солнца свет, и краски дня —
я в то же самое мгновенье
свободы в первый раз глотнул
и неуверенным движеньем
к свободе руки протянул.

Спеленатый лежал я в люльке —
я плакал, я кого-то звал.
И мать склонялась надо мною,
ей спать всю ночь я не давал.
А плакал я, что связан, скован —
чтоб мне хоть кто-нибудь помог!
С тех пор я полюбил свободу,
и жить я без нее не мог.

Когда пошел я, спотыкаясь,
и начал лепетать едва,
я удивил отца и маму,
промолвив первые слова.
Не «мама» я сказал, не «папа»
и радости им не принес.

«Свобода» — было первым слово,
которое я произнес.
«Мой друг, ты произнес — Свобода? —
Судьба спросила с высоты. —
Так, может быть, в ее солдаты
намерен записаться ты?
Тернист к свободе путь и труден,
и ты пройти его готов?
Для тех, кто полюбил свободу,
мир этот тесен и суров!»

«Свобода! — я воскликнул снова. —
Пусть разорвут зарницы мрак,
пусть гром гремит над головою

*и смертью угрожает враг —
но все равно в свой миг последний,
от горла отведя петлю, с надеждой,
яростью и страстью я прокричу,
я прохриплю:
— Свобода!»*^[27]

...Восторг от новых идей, новых картин будущего и — вновь! — щемящее чувство одиночества. Перед Микаэлом открылись новые перспективы, но, чтобы достичь их, мало лишь разбудить свой народ, уснувший на унылой станции настоящего. Нужны силы, чтобы вести его вперед... Вперед — туда, где свобода перестает быть лишь абстракцией и превратится в жизненную реальность! А самое главное, Микаэл Налбандян не должен надеяться на других, ибо национально-освободительная борьба могла увенчаться успехом лишь в том случае, если сам народ напряжет все свои силы. И конечно, нужно единение и сотрудничество: борьба одиночки безнадежна и не имеет никаких перспектив, как, впрочем, и бездействие. Не сидеть сложа руки и только наблюдать, как другие народы свергают тиранию, чтобы потом получить и свою долю свободы! Да и не бывает свобода долями... Свободу или завоевывают, или не завоевывают.

Приобщившись к такому богатому опыту, который накопило освободительное движение в Европе за последние пятнадцать-двадцать лет, Микаэл Налбандян был убежден, что у армян есть только один путь — участия в революционном движении как полноправная нация, которая не только осознает свои цели, но и способна поддержать другие народы.

Налбандян, более умалчивающий, чем упоминавший, о лондонской своей жизни, тем не менее напишет в «Записках» графа: «Немало мне встретилось прекрасных людей с благородной душой, которые стали моими добрыми знакомыми. Но все они занимались своими национальными, либо общечеловеческими делами».

Летели, или, как говорил граф, «текли подобно воде», дни и недели, а «прекрасные люди с благородной душой», ставшие для Микаэла «добрыми знакомыми» и принявшие его в свой круг, не могли все же предложить ему конкретной программы дальнейшей его деятельности. И это было по-своему понятным и естественным... Ни один из этих «прекрасных людей с благородной душой» ни разу не завел разговора о том, что, как признавался Микаэл устами графа Эммануэля, «было близко моему сердцу и духу, что давно уже стало моей жизнью, моей душой, моей кровью, моей мыслью»...

Ни Мадзини и Саффи, ни Герцен и Огарев, ни Луи Блан и Кошут, ни Людвиг Чернецкий, ведающий типографией Герцена, и ни Станислав Тхоржевский, который открыл в Лондоне книжную лавку для польских революционеров-эмигрантов и вместе с Чернецким был одним из ближайших помощников Герцена, — ни один из них не мог сказать ничего утешительного или обнадеживающего этому приехавшему из дальних далей болезненному, но на редкость обаятельному и энергичному молодому человеку.

Он должен был постичь все сам и сам же определить, что ему делать...

И Микаэл Налбандян сам определил для себя, как ему быть и что делать.

Он должен стать рыцарем, беззаветно преданным революции, должен взять на себя руководство революционной и освободительной борьбой армян и, как выразитель сокровенных чаяний своего народа, должен встать рядом с «революционными генералами» — как равный с равными. Теперь, когда это решение было принято, Микаэл мог позволить себе подумать и о своем здоровье и отправился на воды.

Но и в Германии ему не сиделось на месте.

Гессен, Эмс, Зоден, Франкфурт-на-Майне... И еще города, где он останавливался утолить жажду кружкой пива или просто отдохнуть...

Лондонские впечатления не давали ему покоя. Он вспоминал все новые и новые подробности, перебирал в памяти беседы с новыми друзьями, занятыми «своими национальными либо общечеловеческими делами», писал письма близким, в которых делился своими сомнениями, тревогами, мыслями о новых и таких заманчивых перспективах национального освобождения.

«Мы — армяне, и наше нравственное призвание на земле, как бы ни грустны были обстоятельства, которые предуготовило нам провидение, — это, поскольку нет у нас иного выхода, ободрять самих себя, благородными помыслами укреплять свой дух и приняться за спасение заблудших овец нашей нации».

Именно в эти дни Микаэл сделал очень важное для себя открытие: «Европейцы не нуждаются в нас».

То была горькая истина, но истина, постижение которой избавляло армян от унижений, воспитывало в них высокое чувство собственного достоинства и учило уповать лишь на собственные силы.

И пока живы — мы должны надеяться и мыслить, стараться, работать, действовать. Действовать, пока еще не пала ночь! И ничего, что нынешнему поколению не доведется увидеть грядущее счастье своего народа. Ведь мы призваны спасти самих себя, призваны противостоять всем превратностям судьбы, призваны сохранить свое лицо и, наконец, призваны проторить дорогу для наших детей. Лишь бы каждый из нас делал свое дело по мере своих сил и возможностей. Вот о чем мечтал Микаэл Налбандян.

И вот как все это воплотилось в стихотворении «Дни детства»:

*Дни детства, вы прошли, как сон,
как сон, растаяли вдали.
О, сколько счастья и надежд
вы мне когда-то принесли.*

*Поздней я начал понимать,
что мир громаден и суров,
что время навсегда прошло
для детских грез и светлых снов.*

*Я думал о земле родной —
что жить народу все трудней...
Вручил мне лиру Аполлон —
быть может, утешенье в ней?*

*Но лира плачет — не поет,
и звуки горечи полны.
Как ни мечтал, как ни искал —
веселой не нашел струны.*

*Дни детства навсегда ушли,
ушли, растаяли, как дым.
Я был свободен, счастлив был
и этот мир считал своим.*

*Не знал я тяжести цепей,
не знал, как ранит нас вражда.
Я это все узнал потом —
и проклял, проклял навсегда!*

*Ты эту лиру, Аполлон,
отдай другому, а не мне —
тому, кто за свою любовь
готов весь век гореть в огне.*

*Без лиры должен выйти я
на площадь и смущать умы
лишь криком — чтобы мир затих,
чтоб дрогнули покровы тьмы.*

*Сейчас мне лира ни к чему,
сейчас нам нужен только меч.
Смысл жизни видим мы в одном:
разбить врага и честь сберечь!*

*Пускай оракул древних Дельф
хитрит и льет пророчеств мед —
идеями глухих веков
уже не обмануть народ.*

*Пускай твердит о клевете
оракул, нам внушая страх, —
свободой мы опьянены,
одно лишь слово на устах.*

*Святой отец на небесах,
услышь и укрепи наш дух.
Народ мой бедный пощади —
давно к пророчествам он глух.*

Во время своего заграничного путешествия близко познакомившись с видными деятелями национально-освободительного движения, поняв взаимоотношения, которые существовали между государствами и народами Европы, и увидев, к каким изощренным и бесчеловечным средствам прибегают могучие властители, желая не просто покорить — уничтожить! — соседние народы, Микаэл воочию столкнулся с той действительностью, которую в свое время предсказал Виссарион Белинский.

Все это сделало Микаэла более решительным.

«Ни одна нация не имеет права поглощать и уничтожать другую, хотя это и часто повторяется в истории человечества. Вот мы здесь и видим жестокое злоупотребление обособленностью; в этом именно и проявляется порочный элемент эгоизма! Справедливость требует признания любой национальности, — да, любой, ибо из национальностей состоит организм всего человечества. Народ, потерявший свою национальность, выпадает из этого организма, как гнилой член, и забвение беспощадно поглощает такую нацию. Поэтому нет ничего более печального для человеческого сердца, чем видеть, как одна национальность ослабевает и распадается под гнетом другой».

Как всегда, Микаэл невольно обращался мыслями к родной ему армянской среде. Среда эта отнюдь не была единой и однородной, а состояла из армянских общин и колоний Нахичевана-на-Дону, Москвы, Петербурга, Венеции, Вены, Парижа и даже тех, которые некогда существовали в Польше. Страшным несчастьем, «неописуемой трагедией» считал Микаэл то явление, когда «сыны какого-либо народа сами отрекаются от своей национальности и под несчастным знаменем обособленности надеются, что могут завоевать всеобщее уважение у какой-нибудь другой большой, но чужой нации! Пусть каждый народ сохранит свой национальный облик, пусть свободно и ярко процветает в человеческом мире всякая национальность!».

О чем же задумывался Микаэл, лечась на целебных водах? Какие делал выводы из путевых своих впечатлений? Не в этот ли краткий период лечения и отдыха вынашивал он свои планы национального и общественного прогресса — планы, которые он в дальнейшем со всей энергией будет претворять в жизнь и которые станут путеводной звездой не только для его современников, но и для грядущих поколений?.. Несомненно лишь одно; его вдохновлял пример Италии, идея, ради претворения которой не жалели сил и жизней вожди итальянской революции и рядовые бойцы.

Несомненно также, что не забывал он и эпизода освободительной борьбы в Италии, о котором, кто знает, может, во время одной из их прогулок вдоль Сены рассказал еще Степан Воскан.

Для Микаэла история эта выглядела теперь зримо, со всеми ее подробностями. И, как всегда, возникали параллели, не слишком лестные для армян.

...Весь народ примкнул к воинам Гарибальди, которые называли себя альпийскими стрелками. Они, эти стрелки, большей частью были

выходцами из самых почтенных и знатных семей, рассказывал Степан Воскан. Одна из итальянских матерей не только отдала все свое имущество, чтобы приобрести оружие для повстанцев, но и благословила на борьбу трех своих сыновей. А ее дочь собственными руками вышила знамя и передала его братьям со словами: «Лучше погибнуть в бою за свободу своей родины, нежели показать врагу спину!» Вот каковы «женщины нежные итальянской земли, что умеют любить и любимыми быть». Вот истинный патриотизм!

...Встречи с Мадзини и Саффи, легенды о Гарибальди, которые рассказывали повсюду в Европе, преданность и любовь итальянок к своей истерзанной родине, во имя которой они жертвовали своими сыновьями, — все это вспоминалось Микаэлу, не давало ему покоя, пока само собой не вылилось в стихи. Микаэл написал их в одном из маленьких городков близ Франкфурта-на-Майне.

ПЕСНЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕВУШКИ

*— Бедная, сирая родина наша,
топчет ее чужеземный солдат.
Родина верит упорно и свято,
что сыновья за нее отомстят.*

*Родина наша в цепях и оковах!
Все отдадим для свободы твоей —
пусть за нее заплатить нам придется
кровью отважных твоих сыновей.*

*Милый мой брат, я дарю тебе знамя —
вышито знамя моею рукой.
Ночью и днем я его вышивала
и забывала про сон и покой.*

*Видишь три цвета на знамени этом —
символы родины вышила я.
Верю, что будут австрийцы разбиты,
в этом порукой мне смелость твоя.*

*Что может женщина слабая сделать?
Чем она может отчизне помочь?*

*Брата на битву она провожает —
родины гордой достойная дочь.*

*Вот мое дело! И вот мое знамя,
Помни о родине и обо мне.
Будут товарищи рядом с тобою
в битве кровавой, в дыму и огне.*

*Только лишь раз человек умирает,
а потому — умереть не страшишь.
Родина будет гордиться тобою,
если умрешь за свободу и жизнь.*

*Бог в тебя веру вселит и надежду,
силу и смелость — народ твой родной.
Пусть не могу я быть рядом с тобою,
сердце мое будет всюду с тобой.*

*Лучше погибнуть, чем быть побежденным!
Смело сражайся, иди лишь вперед.
Пусть австрияки сказать не посмеют,
что итальянцы — трусливый народ! —*

*Так говорила любимому брату
девушка — очи сверкали огнем,
знамя из шелка ему протянула —
символ отчизны был вышит на нем.*

*Юноша взял драгоценный подарок,
меч и ружье — и взлетел на коня: —
Ты не напрасно его вышивала
и не напрасно ты веришь в меня.*

*Я ухожу. Уношу я с собою
взгляд твой горящий и веру твою.
Будет со знаменем вдвое сильнее
армия наша в суровом бою.*

Знамя омыто твоими слезами

*в трудный и скорбный для родины час,
и потому это гордое знамя
будет бесценно и свято для нас.*

*Если погибну, не плачь, не печалься —
так предначертано, значит, судьбой.
Но уж поверь мне, что в смертное царство
много врагов заберу я с собой!*

*И поскакал он знакомой дорогой в
гущу сраженья, где порох и мгла —
чтобы Италия стала свободной,
гордой и вольной, как раньше была.*

*...Сердце мое разорваться готово,
видя такую большую любовь
к родине бедной, к земле угнетенной,
где проливаются слезы и кровь.*

*Если б такие высокие чувства
не угасали и в нашей душе!
Где же армянские нежные жены?
Где же их мужество?.. Где, Егише^[28] ?..*

*Я умолкаю. К глазам подступают
слезы... Но сердцу от них лишь больней.
Нет, не несчастна Италия — счастлива,
если отважны и женщины в ней!*

Волею обстоятельств это написанное в Зодене стихотворение было опубликовано лишь через два года, но очень скоро оно стало одной из самых любимых песен армян, еще более прославив автора, имя которого стало известно в самых далеких армянских колониях.

Поистине настоящие песни имеют ту же судьбу, что и истинно великие личности.

В них воплощается дух времени.

Но где бы ни был Микаэл, куда бы ни направлялся, его не покидало

чувство тревоги и ожидания-Ни заграничные впечатления, ни восторг и воодушевление, ни моменты душевного подъема или упадка не могли заглушить это тайное, глубинное, изматывающее чувство тревоги. Удалось ли его друзьям отстоять «Юсисапайл»? Вернется ли он на родину, или судьба обрекла его на вечное скитание на чужбине?

Эти тревоги были понятными и естественными. За три месяца путешествия он словно созрел, стал будто другим человеком, в то же время по-прежнему оставаясь все тем же Микаэлом Налбандяном.

Перед Микаэлом открылось поприще новой деятельности, а дальше уже вполне реально виделись ему гори-вонты национальной независимости, единства и свободы.

«Я начал свободно дышать», — написал граф.

И в то же время это новое поприще борьбы и деятельности казалось тридцатилетнему Микаэлу неохватной и необозримой. И это также свидетельствует о зрелости.

Оглядываясь на пройденный им путь, Микаэл теперь с тоской думал о так быстро промчавшихся годах.

Знал ли он, что ему оставалось жить считанные годы?..

«Я старею, — написал он, когда в его черной шевелюре появились первые седые волосы. — Растратил жизнь... наивно считая всех вокруг такими же, как я...»

Да, былая юношеская пылкость, несдержанность, стремление доводить врагов до белого каления постепенно уходили, исчезали, ибо на поприще борьбы вступал уже будущий народный вождь.

Удивительной силой воли обладал Микаэл.

Даже в эти тягостные для него дни, когда, обуреваемый тревогами и заботами, изнуренный болезнями Налбандян с тоской и нетерпением ждал весточки от Степаноса Назаряна, он находил время и возможность, чтобы писать... Писал новый роман о невежестве и суеверии, где главным героем был все тот же граф Эммануэль, писал стихи, продолжал «Записки», очередных глав которого ждал редактор «Юсисапайла».

«Долгое и безостановочное путешествие по Европе, месячное пребывание на минеральных водах, крайнее обострение болезни и вызванная этим неопишуемая физическая слабость почти лишили меня возможности брать в руки перо. С другой стороны, тысячи новых впечатлений вступили в борьбу между

собой и каждое старалось занять первое место в «Записках». Но я не буду заниматься ими, пока несколько не остынет их пыл и я смогу взяться за них спокойно, тем более что это все почти не имеет отношения к особо волнующим меня национальным вопросам.

Какая мне польза от вида величественного Лондона, от роскоши и распутства Парижа, от философского облика Берлина и Германии, если перед моими глазами предстает Армения в развалинах, ее рассеянный по миру народ, некультурные и пропитанные духом крайнего меркантилизма сыны нации, страдающие бессмысленным и ребяческим тщеславием; люди ограниченные, но срывающиеся образованными, подобно мотылькам, летают вокруг свечи, как только она зажигается в армянской, окутанной черным мраком сырой землянке...

Любое развлечение, встреча с любой образованной и благоденствующей нацией наталкивает меня на грустные размышления, обычно столь неудобные армянам, потому что тяжелая штука — *критиковать самого себя*...

Размышления, размышления, бесконечные размышления!...

Эти размышления больше уже не покинут Микаэла Налбандяна. Даже после того, как из Москвы придет известие, что нависшая над «Юсисапайлом» опасность устранена и, следовательно, Микаэлу уже не грозит арест.

И удивительно, умудренный и возмужавший за эти несколько месяцев Микаэл, охваченный «бесконечными размышлениями», поспешил домой.

Истосковавшиеся по нему друзья поспешили известить друг друга...

Степанос Назарян — Григору Салтикяну.

8 июля 1859 г.

«Вчера получил от Микаэла Налбандяна радостную весть... Сейчас он в Париже и скоро вернется в Россию. По всей видимости, отныне никакой опасности нет. Только Вы должны воспрянуть духом и энергично взяться за дело, как советовал Налбандян».

БОЛЬШИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Жизнь течет только в одном направлении — вперед.

Вперед!.. Только там мы можем достигнуть обновляющего и бурного возрождения нашей нации!..

Микаэл Налбандян

Настал час принятия решения. Мы должны сделать открытый и смелый вы бор.

Михаил Бакунин

Вернувшись в Москву, Микаэл первое время не знал, что делать. Он уже не мог продолжать прерванное дело: перед ним открылось новое поприще, столь же неведомое и незнакомое, сколь важное и привлекательное.

«Размышления, размышления, бесконечные размышления!..»

Сколько могло продолжаться это раздражавшее и приводящее Микаэла в отчаяние состояние? Как долго мог он еще противостоять нескончаемому и мучительному отливу, который пришел на смену душевному приливу и подъему? И сколько еще времени предстояло ему определять свое настоящее место?

Обрадованные друзья и соратники тепло встретили вернувшегося из странствий Микаэла, но тот, даже не поделившись с ними своими впечатлениями, своими мыслями и раздумьями, вдруг, словно капризный ребенок, решил разобидеться на всех.

Внешне причиной этого послужили денежные затруднения «Юсисапайла», следовательно, в какой-то степени и безнадёжное положение его редактора и еще более сотрудника журнала. Если раньше, начиная свое издание, они считали, что у журнала будет не менее шестисот подписчиков, то сейчас, когда «Юсисапайл» готовился справить вторую годовщину своего существования, стало ясно, что надежды эти несбыточны.

Еще в прошлом году Микаэл Налбандян писал своим нахичеванским

друзьям:

«Мы вдвоем взвалили на себя всю огромную тяжесть этого дела, а другие не желают облегчить нашу участь и на 9 р. 50 коп. и хоть немного ободрить нас. Неужели мы виноваты оттого, что любим свой народ?.. Нам едва удалось покрыть годовые расходы на журнал, но ведь и мы люди, а не бесплотные существа... Положим, мы угробили целый год жизни на каторжный труд на благо нашей нации, но это вовсе не значит, что мы каждый год должны становиться никому не нужными мучениками».

И если в не столь уж далеком прошлом Микаэл в неистовой ярости обрушивался на равнодушные армян, то теперь все свое недовольство он обратил на Степаноса Назаряна.

Но неужели Микаэл не знал, ценой каких усилий и лишений удастся его старшему товарищу выпускать каждый новый номер журнала, неужели не знал, какой форменной травле подвергается в Лазаревском институте Степанос Назарян, неужели не видел, как враги пытаются ввергнуть издателя в полнейшую нищету?

И, в конце концов, неужели Микаэла не поддерживали и не вдохновляли мнения читателей?

«Молодежь нашего города с любовью читает Ваш «Юсисапайл». Как она полюбила его, как почитает, какой удивительной любовью вспылала к родине!.. Сколько новых мыслей подарили нам восемнадцать книжек Вашего журнала!..»

Микаэл знал все это. Знал он и о нуждах и заботах Степаноса Назаряна. Тот и сам жаловался на материальные затруднения, сетовал, что соратники не помогают журналу:

«Сам я работаю за десятерых, что мне еще остается делать? Я не могу лишить своих детей куска хлеба, чтобы издавать журнал для армянских богачей, это противно как человеческим, так и божеским законам... Да, я знаю, что наши армяне сейчас вряд ли поступят умнее, чем раньше, ибо они не любят думать. Это потом они, забыв свою медлительность, потребуют, чтобы их автор творил чудеса, и как можно быстрее... Я жалею, что не богат и теперь вынужден ждать, пока наши армяне наконец

почешутся... Но и жаловаться мне не особенно хочется, так как это бесполезно».

Материальная независимость, пусть хоть и скромный, но устойчивый доход стали для Микаэла не только жизненно важным вопросом, но и главной предпосылкой его личной свободы. Размышления, размышления, бесконечные размышления привели его к той мысли, что дальнейшая его деятельность невозможна без минимальной материальной обеспеченности.

Микаэл Налбандян — Григору Салтикяну.

18 ноября 1858 г.

«Очень мне нужно быть никому не нужным мучеником!.. Разве это не безумие, что я, дни и ночи работая над «Юсисапайлом», не получаю ни копейки и ради пропитания должен залезать в долги?.. До сих пор я только жертвовал, но теперь вижу, что далее это невозможно... Жалею, что я родился среди армян: ни в одном другом народе я не был бы таким беспомощным и бесприютным. Сердце мое обливается кровью, но все же достаточно у меня стойкости, и никто, глядя на меня, не догадается ни о чем. Единственная моя радость в том, что я здоров и болезнь моя излечилась».

Далее, предупреждая, чтобы не распространялись о его недовольстве Назаряном, ибо «его честь — это наша честь, и пусть враги не радуются», Микаэл в то же время прозрачно намекал, что о его заботах и нуждах нахичеванский друг может сообщить Карапету Айрапетяну. И что об этом не только можно, но и нужно сказать... Но более никому!

Так что же творилось с Микаэлом? Почему же он так противоречив в своих сетованиях и жалобах?

Потому что Микаэл, наверное, был недоволен собой не меньше, чем Назаряном. А недовольство это являлось не чем иным, как выражением отчаяния. И еще нетерпения, так как ему казалось, что даже восемнадцати тетрадок «Юсисапайла» уже вполне достаточно, чтобы омещавшиеся армяне очнулись, опомнились, воспряли духом и стали энергичными и преданными поборниками просвещения.

Но что означал его намек, что Григор Салтикян может сообщить о его недовольстве и тревогах «только Айрапетяну, да и то не все»? Сам Микаэл объяснил свое решение лишь одной коротенькой фразой: «Я оставил

«Юсисапайл».

А поскольку Микаэл, как мы в этом еще убедимся, вовсе не оставил «Юсисапайл» и поскольку городской голова Нахичевана-на-Дону, взяв на себя расходы по заграничной поездке Налбандяна, счел эту помощь вполне достаточной, то понятно, что решительные, хотя и негромогласные заявления Микаэла преследовали только одну цель: дать понять своим соратникам, что он в любую минуту готов прекратить сотрудничество с ними и этим заставить образумить соратников.

И опасения и сомнения Микаэла отнюдь не были беспочвенными.

Одержав на выборах победу над Арутюном Халибьяном — победа, невозможную без помощи и поддержки Микаэла Налбандяна, Карапет Айрапетян вдруг как-то поостыл к своему идейному единомышленнику.

И Микаэл понял, что ему грозит одиночество, да еще в тот момент, когда перед ним открываются перспективы совершенно новой деятельности.

Следовательно, стремясь, с одной стороны, сохранить и даже активизировать сотрудничество со своими друзьями, Микаэл, с другой стороны, жаждал материальной независимости, так как понимал, что его новые планы, которые родились и обрели четкие контуры во время недавних встреч с «революционными генералами», вряд ли по душе его достаточно опасливым нахичеванским соратникам.

А способ достичь моральной и материальной независимости он уже определил.

«Думал, думал я, но не нашел иного выхода... Дай-ка, решил, сдам экзамены на кандидата, пристроюсь где-нибудь и буду потихоньку заниматься медициной».

Сообщая другу и об этом своем решении, в котором фактически скрывалась угроза совершенно отойти от общественной деятельности и покинуть на произвол судьбы нахичеванских единомышленников, Микаэл одновременно дипломатично предупреждал, что Карапет Айрапетян и остальные его друзья на ближайших же выборах вынуждены будут уступить завоеванную власть, а следовательно, и огромные экономические перспективы.

Нахичеванские единомышленники Налбандяна встревожились не на шутку, ведь они прекрасно понимали, что «только исключительная нужда могла заставить Налбандяна сказать такое! И нескольких сердитых писем Микаэла оказалось достаточно, чтобы они тут же в панике сплотились

вокруг Налбандяна.

Микаэл Налбандян и Степанос Назарян осознавали все значение «Юсисапайла» для армянской действительности, прекрасно понимали всю силу своего журнала, ни в чем не уступавшего европейским изданиям.

Оба они — два старых верных товарища, питавших друг к другу огромное уважение и любовь, но оба отчаявшихся, оба неоцененных, — находились в одинаковом положении, так что им не было никакого резона радовать своих многочисленных врагов тем, что между ними «образовалась трещина». Тем более что и мысли и стремления их были схожи:

«Пока еще есть время, мы обязаны действовать, чтобы наша жизнь не была напрасной и бесполезной на этом свете, чтобы в миг, когда мы навек сомкнем глаза, могли бы мы увидеть свои прожитые молодые годы исполненными смысла и достойными, чтобы прожили жизнь как люди нравственные, как христиане, как товарищи, как человеколюбивые и патриотичные ревнители своего народа и всего человечества».

Так что уехавший в Петербург сдавать кандидатские экзамены Микаэл Налбандян все равно будет сотрудничать с «Юспсапайлом», который он якобы «оставил». Кстати, даже в годы и месяцы, проведенные им в Петропавловской крепости, он не оставит «Юсисапайл».

Как бы то ни было, слух о том, что соратники разругались, распространился достаточно широко. И каждое их неосторожное или малозначащее на первый взгляд слово, любое действие, любую мелочь, даже задержку с печатанием журнала враги Назаряна и Налбандяна хотели видеть и видели как окончательный разрыв между ними. Достаточно весомым поводом для такого умозаключения могло послужить и то обстоятельство, что Микаэл целых полгода провел в Петербурге, где писал диссертацию и готовился к кандидатским экзаменам.

И воодушевленные враги их спешили порадовать друг друга:

«Юсисапайл» еще не вышел и нет слуха, что выйдет вообще».

«Граф Эммапуэль, неизвестно по какой причине, не желает больше сотрудничать с издателем».

Но очередной номер «Юсисапайла» хоть и с некоторым опозданием, однако все-таки вышел в свет. И даже с продолжением «Записок», на страницах которого граф Эммануэль еще более беспощадно бичевал пороки армянской действительности, еще более едко высмеивал своих противников, не отказавшись от своего метода «разлития желчи у врагов». А «цензор незаконности» Беро-ян продолжал курировать журнал, упорно не желая «вмешиваться в сокровенные мысли писателей, в разгадании каковых мог ошибиться».

«Нет дыма без огня», — гласит древняя мудрость.

Враги чуяли запах дыма, однако все их предположения относительно огня не соответствовали действительности.

Однако огонь был!

Зармайр, сын Меера Мсеряна, в одной из своих статей в «Мегу Айастан» высказал верную догадку: «Может, по иной причине»...

Это было так. В деловое сотрудничество и идейные взаимоотношения Степаноса Назаряна и Микаэла Налбандяна жизнь внесла определенные коррективы.

Но коррективы эти были сделаны действительно по иной причине!

А причиной был очередной глубокий перелом, происшедший в Микаэле Налбандяне. Перелом, о котором враги его ничего так и не узнали. Как, впрочем, и многие из друзей...

С детских своих лет, когда он десяти-пятнадцатилетним мальчиком участвовал в нахичеванских событиях, и до сегодняшних своих тридцати лет, когда он стал видным общественным деятелем и признанным идейным вождем, то есть за прошедшие пятнадцать-двадцать лет, Микаэл пережил несколько последовательных периодов внутренней зрелости, последовательно, как исторические этапы, сменявших друг друга.

Вот почему нам всегда будет казаться, что Микаэл нетерпелив, слишком спешит и слишком торопит события, что в конечном итоге неизбежно оборачивалось против него.

И эта вечная его торопливость заставляла его переживать как радость побед, так и горечь поражений. Но он уже целиком посвятил себя «врачеванию язв нации». Он пробуждал в народе чувства национального сознания и самопознания, сеял семена свободы и теперь торопился, очень торопился приступить к жатве...

Значит, его уже не удовлетворяла борьба со страниц «Юсисапайла»? Да, этого ему было мало! Даже то, что два-три года назад виделось несбыточной мечтой, сегодня казалось ему слишком обыденным и

простым. «Обыденным и простым» теперь для него была печать — тот самый «Юсисапайл», оказавший громадное влияние на армянскую общественную жизнь, на утверждение свободолюбивых идей и дело национального просвещения не только за несколько лет своего существования, но и несколько десятилетий спустя!..

Да, борьба лишь словом и пером уже не удовлетворяла Налбандяна. После открытого свободного слова надо было сделать следующий шаг — приступить к действию!

А вот Степаноса Назаряна это не слишком прельщало. Вступавший в свой шестой десяток Назарян считая напрасными и бессмысленными планы своего младшего товарища и соратника приступить к революционной борьбе.

Но разве можно было удержать Микаэла от задуманного и четко определенного им шага?!

Из всех друзей и соратников Микаэла пока только один Карапет Айрапетян достиг того, о чем мечтал, — должности городского головы, то есть власти. Достиг с помощью Микаэла Налбандяна и отошел от дальнейшей борьбы, поскольку насущные вопросы национальной и общественной жизни его вовсе не интересовали. Да и Степанос Назарян со своим «Юсисапайлом» приостановился на пути национального прогресса, ибо его не прельщала или, вернее, не могла прельстить перспектива освободительной борьбы.

И Микаэл Налбандян, теперь уже совершенно один, продолжал свой неистовый путь к общерусской и общеевропейской революции, которую подготавливали лондонские эмигранты.

Микаэл был уверен, что в России ему пока делать нечего, и вновь рвался, рвался за границу.

В Петербурге Микаэл сдавал экзамены, сотрудничал с «Юсисапайлом» и изыскивал возможности, чтобы выехать за границу.

Этот последний вопрос так беспокоил его, что Микаэл даже разработал два варианта отъезда. Оба они были тщательно продуманы, а причины он подыскал самые безобидные.

Первым делом Микаэл стал поговаривать, что собирается продолжить учебу, к тому же за границей, и просил своих нахичеванских друзей и на этот раз помочь ему с деньгами. Однако друзья вполне обоснованно сомневались в решимости Микаэла учиться дальше. У них еще свежо было в памяти то время, когда Микаэл учился медицине в Московском университете. А чем это кончилось? Тем, что он с головой ушел в

«Юсисапайл» и начисто забыл об учебе...

А теперь вот ему взбрело в голову учиться на врача в Париже. Добро, но зачем же тогда он сдает в Петербургском университете экзамены на звание кандидата словесности?..

Налбандян пытался оправдаться:

«Медицина не только не противна мне, но нет для меня ничего любимее... Но продолжать дальше не было возможности. Так что же мне было делать — головой об камень? Сначала подумайте, потом осуждайте!»

Далее он терпеливо объяснял другу, что звание кандидата словесности отнюдь не помешает ему. Наоборот, это принесет только пользу.

В чем же заключалась польза? Об этом Микаэл не писал, обещал разъяснить при встрече, хотя и знал наверняка, что встреча эта состоится очень не скоро...

А впрочем, зря Микаэл обижался на друзей. Верно, они несколько охладели, но не к нему, а к борьбе. Точнее, к тем сферам борьбы, куда он хотел повести их. Но Микаэла они любили.

Уточнив все подробности планов Налбандяна, один из его нахичеванских друзей изъявил согласие помочь Микаэлу продолжить учебу, пусть даже в Париже. А Микаэл, который в другое время мог возмутиться обстоятельностью расспросов, теперь был удивительно покладист и не ленился во всех подробностях разъяснять свои намерения. Точно так же он поступит и через несколько лет, отвечая в Петропавловской крепости на вопросы Сенатской следственной комиссии: прикинется перед ними покорным и смиренным, ни о чем не ведающим и ни к чему не причастным.

Микаэл Налбандян — Григору Салтикяну.

18 ноября 1859 г.

«Если вы настолько добры, что желаете помочь мне и вытащить из этого мрака к свету, то я был бы очень и очень благодарен, если б вы совершили свое благодеяние таким образом, чтобы я смог два года проучиться в Париже и сдать там же экзамены на бакалавра... Если уж с таким трудом продвигается мое дело, то пусть хоть тем и утешусь, что закончу свою учебу в Парижской академии. Уверяю, что для меня будет очень полезно учиться в Париже, ибо далее путь мой будет не

просто асфальтовой, а даже железной дорогой... Там я уже многое постиг, нашел друзей как из армян, так и из французов, посещал больницы и академию... Нечего и говорить, что во Франции я буду учиться как истый француз и добьюсь блестящих успехов.

Вот, брат, мое единственное желание и задача. А в Париже я могу прожить на 800 рублей. Если вы были так добры, что пожертвовали на меня 600, то нет сомнений, что пожертвуете и 800... Я был бы вам весьма признателен за это».

После столь подробного и смиренного отчета друг, без сомнения, согласился бы добавить недостающие двести рублей, только бы Микаэл получил возможность продолжить образование и получить приличную специальность. А уж потом Микаэл, позабыв все «безумства» молодых лет, он бы устроился работать в родном городе, где пользовался огромной любовью и популярностью, особенно среди простого народа.

В качестве же второго варианта для поездки за границу Микаэл Налбандян предполагал вновь использовать дело об индийском наследстве.

Если год назад, поднимая этот вопрос, он был озабочен прежде всего строительством школы и тем, чтобы «Юсисапайл» стал независим от числа подписчиков и выходил безо всяких помех, то теперь Налбандян, кроме всего этого и помимо этого, взявшись доставить в Нахичеван завещанные индийскими армянами огромные суммы, желал просто выехать из России.

Второй вариант был, безусловно, предпочтительней для Налбандяна. И Микаэл сообщил городскому голове Карапету Айрапетяну о своей готовности — если, конечно, попросят его об этом сами нахичеванцы — взять на себя подобную миссию.

Но нахичеванцы пока хранили полное молчание. Поэтому Налбандян как добросовестный студент сдавал в Петербурге экзамены и писал кандидатскую диссертацию на тему «Об изучении армянского языка в Европе и научном значении армянской литературы».

На сей раз ничего непредвиденного не нарушило планов Микаэла. Он вовремя сдал экзамены, вовремя представил диссертацию, так что создавалось впечатление, будто он действительно превратился в прилежного студента...

Круг петербургских друзей и знакомых Микаэла Налбандяна был довольно широким и пестрым. Близким его приятелем стал генерал Султаншах, дом которого являлся местом встреч для армян. Здесь можно было увидеть будущего магистра востоковедения Карапета Езяна. Нередко

захаживал сюда поэт и музыковед Карапет Сагратян родом из Нахичевани. По просьбе Микаэла он перевел на армянский «Травиату». В те же дни, когда Микаэл Налбандян жил в Петербурге, в доме Султаншаха частыми гостями бывали приехавший из Москвы Степанос Назарян, студент медицинского факультета Московского университета Анания Султаншах и тоже студент-медик Ованес Берберян. Из петербургских друзей Микаэла можно назвать Григора Тер-Григоряна и его брата Микаэла, который станет первым биографом Налбандяна. Дарил Микаэла своей дружбой и Мкртич Санасарян, один из крупнейших деятелей российской военной промышленности.

Но Микаэл жил в Петербурге двойной жизнью. И об этой второй его жизни не знали не только знакомые, но даже один из самых старых и искренних друзей Микаэла Налбандяна, Казарос Хафафян — торговый представитель Карапета Айрапетяна в северной столице.

Пройдет всего полгода — и Казарос станет верным соратником Микаэла, сам, однако, не подозревая того, что косвенно участвует в революционной деятельности Налбандяна.

Пока же дом Хафафяна, расположенный почти рядом с университетом, стал как бы штаб-квартирой армянского студенчества, особенно в те месяцы, что Микаэл жил в Петербурге. Студенты с нетерпением ждали встреч с безжалостным и воинственно настроенным графом Эммануэлем, жадно слушали рассказы Микаэла об освободительном движении в Италии, Польше, Венгрии, об идеях социализма и независимости, все больше и больше проникавшими в умы и сердца европейской молодежи. И только со студентами делил Микаэл, пусть даже полупамятками и мимоходом, свои раздумья о новых этапах на пути к национальному прогрессу.

Общественное переустройство должно начаться снизу, с основ, учил Налбандян, и основа эта — простой народ. А для этого нужна всеобщая просвещенность, ибо нация должна сначала осознать себя. Значит, прежде всего нужно суметь поставить все свои знания на пользу народа. Быть мудрым и сеять в народе семена национального самосознания...

...Тридцатилетний Микаэл Налбандян, у которого всесильная судьба начала отсчитывать последние годы жизни, для осуществления своих планов национального освобождения и независимости видел только две могучие силы — простой народ и международное революционное движение.

Первый армянский Гражданин и пока первый в армянской действительности Революционер отныне будет стремиться объединить на благо своего народа эти две могучие силы...

А еще Микаэл занимался в Петербурге не больше и не меньше как богословьем. Побудило его к этому сочинение Габриэла Айвазовского «Катехизис христианской веры армянской церкви», вышедший года полтора назад и предназначенный для западноармянских школ.

Габриэл Айвазовский стремился обезличить армян — намерение тем более опасное и гибельное, что Айвазовский по-прежнему мечтал о тропе католикоса всех армян. При содействии и покровительстве российского двора он осмелился даже явиться в Эчмиадзин, дабы его рукоположили в сан епископа. Однако католикос Маттеос категорически отказался выполнить приказ из столицы, и Габриэлу Айвазовскому пришлось несолоно хлебавши уехать в Феодосию, где находилась теперь его резиденция.

«Труд» свой этот двуличный пастырь-ренегат написал с целью в более привлекательном свете представить армянам католическую церковь.

Микаэл решил написать католикосу Маттеосу несколько писем по поводу сочинений Айвазовского.

Письма эти широко распространились в обществе. Люди сами переписывали их и передавали дальше. Причиной-такого интереса был вовсе не теологический анализ, с большим знанием дела проделанный Налбандяном, а идея национального самосознания и национального спасения, которые сейчас получили для Микаэла новое содержание.

Письма Налбандяна сыграли решающую роль для дальнейшего развития событий.

Хотя у Микаэла Налбандяна, как всегда, не хватало времени и он был по горло занят всевозможными делами, он, однако же, умудрился вовремя сдать кандидатские экзамены и вовремя представить диссертацию, так что его друзья могли быть уверенными, что Микаэл отныне действительно решил зажить спокойной и безмятежной жизнью.

7 июля 1860 года вольнослушатель армяно-грузино-татарского отделения факультета восточных языков Петербургского университета Микаэл Налбандян получил свидетельство о том, что он удостоен звания кандидата.

Теперь согласно заранее разработанному плану, плану, который Микаэл со всеми подробностями представил друзьям, ему оставалось только упаковать чемоданы и отправиться во Францию для учебы в Парижском университете.

Это тоже было ловко задуманным фокусом, ибо Микаэл и помыслить

не мог о том, чтобы именно теперь, когда «человечество находится в состоянии некоего брожения», можно терять время на писание и защиту каких-то диссертаций или изучение медицины.

Но опять-таки, к его счастью, события стали развиваться по второму из разработанных Микаэлом планов, так что ему даже не пришлось объяснять кому-либо, почему он вдруг принял предложение городского головы Нахичевана-на-Дону взяться за доставку в Россию наследства индийских армян.

На столь долгожданное предложение Карапета Айрапетяна Микаэл ответил большим письмом.

С самого же начала больше склоняясь ко второму своему варианту, он тщательно подготовил перечень всех тех вопросов и условий, которые обязательно нужно было решить и удовлетворить еще до того, как он выедет в столь долгое и далекое путешествие. И пожалуй, только Микаэл знал, что завещания были лишь частной, если вообще не второстепенной целью его путешествия, являясь в то же время надежным прикрытием его основных намерений.

Полтора года назад, опубликовав в «Юсисапайле» сведения о завещаниях индийских армян, Микаэл Налбандян желал употребить эти деньги на дело национального просвещения и частично для обеспечения журнала. Поэтому, чтобы не отпугнуть нахичеванцев, он представил путешествие в Индию как самую обычную и не требующую особых затрат деловую поездку.

А сейчас, когда для осуществления его далеко идущих планов требовалась строгая конспирация и широкое поприще, Налбандян решил лично заняться делом о завещаниях, поскольку сие в высшей степени похвальное и патриотическое стремление выполнить наказ нахичеванцев могло послужить вполне законным основанием для пребывания в центрах освободительного движения и зарубежных армянских колониях.

Микаэл, несомненно, скрывал свою заинтересованность:

«Я был бы очень и очень рад, если б удалось избежать такого поручения, выполнение которого могло стоить мне жизни. Но если город, где я родился, единодушно попросит меня взять на себя подобную обязанность, то в этом случае я не откажусь и посчитаю за честь служение нации, если только мои условия будут сочтены приемлемыми».

Далее Налбандян подробно перечислял трудности и те опасности,

которые могли подстергать его во время полуторамесячного путешествия:

«Это не шутки... Сколько судов и пароходов потопили дьявольские бури и ураганы!..»

Определяя дорожные и прочие расходы, не следовало забывать и о том, что посланники должны были представиться просвещенному обществу индийских армян, встретиться с английскими властями и в интересах дела даже угощать и ублажать их. Поэтому посланцы нахичеванцев не могли «жить в Индии как свиньи», унижая как свое достоинство, так и честь пославшего их города.

Кстати, вторым посланником в Индию был назначен севастопольский купец Арутюн Аджемян, с которым у Микаэла Налбандяна была предварительная договоренность.

Микаэл представил даже досконально разработанную программу действий. Знакомясь с ней, просто диву даешься деловой хватке Налбандяна, тем более зная сейчас, что основной и главной целью третьего заграничного путешествия Налбандяна было налаживание связей и сотрудничества с руководителями революционно-освободительного движения.

Получив известие, что нахичеванцы согласились на все его условия, Микаэл Налбандян 27 июля 1860 года отбыл в Нахичеван — ровно через семь лет после того, как уехал оттуда...

В Нахичеване-на-Дону многое изменилось.

Изменились люди, изменились отношения, изменился даже отчий дом, который теперь находился уже на 26-й линии... За время отсутствия Микаэла старый Казар, поддавшись на уговоры своих сыновей-купцов, переселился из ремесленного квартала в двухэтажный особняк в центре города.

Постарел мастер Казар, постарела и высохла мать Марианэ... Как счастливы были они, увидев сына живым и здоровым под крышей родного дома!.. И хотя нельзя было сказать про Микаэла, что он блудный сын, но нельзя было сказать и того, что он состоит при почтенном и похвальном деле... Многие из обучавшихся в Москве и Петербурге его сверстников теперь стали состоятельными, влиятельными и достопочтенными гражданами. А Микаэл?.. И за что только его так любили и уважали жители города? Однако так оно и было: люди не забыли юного секретаря епархиальной консистории, всегда готового помочь людям и заступиться за

сырых и обиженных. Кто не знал, что именно Микаэл скрывается под именем графа Эммануэля, который, не жалея никого и ничего, бичевал пороки общества и света? И кто не знал, что именно его выступления в «Юсисапайле» обеспечили Карапету Айрапетяну победу на выборах на пост городского головы?.. Поэтому нахичеванцы с прежней любовью, прежним восторгом и доверием встретили этого высокого, худощавого, обаятельного и мужественного человека с большими голубыми глазами. И только легкая бледность его лица свидетельствовала, что Микаэл все-таки не совсем здоров.

Несмотря на все усилия Арутюна Халибяна и его сторонников, граждане Нахичевана-на-Дону уполномочили послать в Индию именно Микаэла Налбандяна.

Потерпевший поражение в открытом бою враг, верный своему подлому характеру, тут же направил католикосу Маттеосу очередное клеветническое писание, стремясь во что бы то ни стало предотвратить утверждение католикосом выданных Микаэлу Налбандяну магистратом города полномочий:

«Многие влиятельные и почтенные люди города глубоко оскорблены избранием Налбандяна уполномоченным по делам об индийских завещаниях, хотя простой и подлый люд, не знающий ни грамоты, ни силы бумаги, поставил свои подписи за его избрание...»

НА ЗЕМЛЕ ПРЕДКОВ

*Где, армянин, ответствуй мне,
Твоя отчизна в эти дни?..*

Микаэл Налбандян

*Нет попутного ветра для того, кто не знает, в
какую гавань он хочет попасть.*

Мишель Монтень

...И вот наступил тот миг, когда Микаэл Налбандян должен был ступить на землю Армении.

Слышал ли он голос предков, зовущий его из дальней дали, видел ли он родные горы и простирающуюся от подножия Арарата долину — хотя бы в своих мечтах и снах?

Безусловно!

Во время первого своего заграничного путешествия Микаэл познакомился в Мариенбаде с доктором Линдманом, который собирался отправиться в Западную Армению, чтобы исследовать целебные свойства тамошних минеральных вод. Он еще собирался направиться оттуда в Россию и по дороге посетить Эчмиадзин и попросил Налбандяна, если у него будет такая возможность, сопровождать его. Микаэл с радостью согласился и решил воспользоваться случаем, чтобы «приложиться к испепеленным руинам Армении». Но дела «Юсисапайла» не позволили ему осуществить это намерение. И все-таки он должен был, непременно должен был увидеть настоящую Армению, даже если б не подвернулся случай с наследством индийских армян.

Он должен был увидеть эту священную для него пядь земли, кусочек веками и тысячелетиями терзаемой и раздираемой родины... И пусть измученная и обессиленная, пусть многое безвозвратно потерявшая — это была Армения!.. Именно здесь находилась та земля и страна, силой которой и на которой должен был твердо встать на ноги, должен был обрести свое национальное и политическое лицо его парод и стать могучей цитаделью против всех разрушительных и смертоносных вихрей истории.

Что почувствовал, что пережил Микаэл Налбандян, впервые ступив на землю предков?

Пройдем по его следам, услышим сквозь глухой шум веков и тысячелетий его негромкие шаги... Летит пыль из-под колес брички, из-под копыт лошадей, щекочет ноздри и рождает удивительные мысли о некогда живших, 204 создавших свою страну и оставивших громадное духовное наследство в дедах и прадедах, прах которых покоится в этой самой земле — как свидетельство твоего неоспоримого права на эту древнюю и священную землю...

Нахичеван-на-Дону и Армянский округ, где армяне, пользующиеся покровительством могучего государства Российского и сердечным участием русского народа, не были Арменией, как не были ею Москва или Петербург, где сильное и влиятельное армянство также пользовалось всеми дарованными некогда привилегиями. Армянская община в Париже, несмотря на всю ее активность, была подобна тепличному растению, корни которого бессильны проникнуть в чужую почву и должны искать питательные вещества в воздухе или на самой поверхности... Микаэл не сомневался, что точно таково же положение в Константинополе и Индии, хотя в Константинополе, к примеру, оживленная армянская жизнь была очень похожа на нахичеванскую. Определенные представления об этом Микаэл получил по рассказам константинопольских купцов-армян, с которыми он познакомился в Париже, да еще по местной прессе — зеркалу армянской жизни в Константинополе.

Но все равно — ни одна из этих общин и колоний не была и не могла быть Арменией, хотя положение в исконной, коренной Армении казалось отчаянным и безнадежным. Здесь не было общественной мысли, не было движения мысли, а беззаветная, но, увы, недолгая деятельность Хачатура Абовяна подобна была промелькнувшей на армянском небосводе яркой комете... Он видел гигантскую разницу между живущими в нищете и невежестве, говорящими на персидском или турецком и лишенными национального самосознания армянами коренной Армении и армянами, скажем, Парижа или Армянского округа...

Это так. Все это действительно так, но еще не было случая, чтобы нация возродилась на чужой земле. Именно здесь пусть слабая, пусть истерзанная, но твоя страна и твоя родина, и именно здесь вдруг обращается к тебе История.

Здесь с тобой говорит История, здесь на каждом шагу воскресают давно канувшие в небытие времена. Значит, именно здесь истоки будущего нации и народа, именно здесь возродится будущая Армения!

Какая огромная разница между этой увиденной Микаэлом воочию Арменией и той, что представляла ему в пылких мечтах! Не мог Микаэл не заметить эту разницу. Не мог не подумать о тех армянах, которым никогда не доведется вот так шагать по земле отчизны, дышать прохладным живительным воздухом армянских гор, видеть синее-синее небо Армении и огненный шар солнца, такого ласкового и большого, когда смотришь на него из садов Ошакана или Эчмиадзина... Как убедить их, рассеянных по всему свету, родившихся в дальних чужих пределах, трудолюбивых и умелых, строящих и создающих, но в других странах!.. Как же убедить их, умеющих мечтать и желающих жить как самобытная нация, что у них есть своя страна, своя исконная земля, свое солнце и наследие предков?..

Можно было сказать им: «Не забывайте, что будущее будет вершить суд над вашими могилами, как вы сегодня судите деяния своих праотцев... Постарайтесь же оставить своим наследникам светлую память о себе!» Но одного такого наказа будет, пожалуй, недостаточно. Нужно еще и что-то осязаемое, вещественное. Хотя бы карта... Карта Армении, на которой были бы эти звонкие речушки, ущелья, горы и долины, озера Ван и Севан, были бы древние Нахичеван, Тигранакерт, Эчмиадзин, Карс и другие города, было бы все Армянское нагорье, Евфрат и Арацани, Араке и Раздан и был бы Арарат, который, вонзив в небо свою двуглавую вершину, с незапамятных времен хранил и охранял доверенную ему Страну Араратскую, Страну Армянскую.

И отныне даже в одиночке Петропавловской крепости не оставит Микаэла мысль об издании карты Армении — мечта, увы, так и не осуществленная... Он был уверен, что уже одна карта Армении возбудит в армянах тоску и воспоминания, уверенность в свои силы и волю создать страну и как зеницу ока сберечь свою вновь возрожденную родину... Карта для Микаэла была не одной лишь географией, а памятью о прошлом и мечтой о будущем.

Почти полтора месяца провел Микаэл Налбандян в Эчмиадзине. Все свое свободное от дел время он проводил в окрестностях этого древнего армянского города, гулял, знакомился с местными обычаями и нравами и слушал народный язык. Об этом он напишет через два-три года, уже в одиночке:

«Как сладостно звучит в моих ушах непринужденная армянская речь, когда она исходит прямо из сердца народа!..»

Бродя по окрестным селам, он изучал местные диалекты, размышлял о

путях и перспективах создания единого общенационального языка.

Местные говоры и диалекты, по глубочайшему убеждению Налбандяна, имели громадное значение для досконального изучения, создания и развития нового языка, как, впрочем, и для осуществления идеи будущего единства.

Если не прислушиваться к народу, если втискивать новые ростки языка в отжившие и мертвые формы, иначе говоря, если идти в добровольное рабство к старому языку, то бесполезно думать о создании и развитии нового. Но это не означает, конечно, что, избавившись от пут и плена древнего языка, нужно втискивать новый народный язык в ярмо того или иного диалекта. Применение в качестве общенационального языка какого-либо местного или провинциального диалекта не имеет практической ценности, и любые попытки, направленные на превращение диалекта в общенародный литературный язык, обречены на провал. Новый, единый национальный язык, который должен стать могучей объединяющей силой, надо было развивать, не отрываясь совершенно от древнего языка, но и не подпадая в плен местных говоров или чужих языков.

В таких раздумьях шагал по дорогам древней страны своих предков Микаэл Налбандян, а в ушах его звучали пламенные слова мученика Абовяна: «О язык, язык!.. Если б не язык, чем бы тогда был человек?..»

Язык и цивилизация представляют собой удивительную и уникальную гармонию, был убежден Налбандян. Как варварский народ не может иметь возвышенного и прекрасного языка, так и язык просвещенной нации не может быть варварским...

Язык — это сосуд, с помощью которого человек сливает свои мысли с мыслями других людей. Язык — это мост, через который взаимопроникают и взаимодействуют идеи и мысли. И даже больше: именно в национальном языке, обретая форму и содержание, сохраняют свою сущность и качества национальный дух и сердце нации... И все-таки мало только развивать новый язык и вообще изучать армянский. Даже если мы достигнем своей цели, то нацию этим не просветим. Но это первая ступенька на пути к просвещению, и без нее не может быть пути наверх.

«У нашей нации нет ничего и все надо начинать сначала» — вот истина, от которой в отчаянии могут опуститься руки. «Но пусть не отчаиваются малодушные, что армяне, не имея ничего, уже погибли». Нет, мы еще не погибли! Но, не сознавая своего достоинства, не имея твердости духа, не желая понять, что будущее нации в нашем единстве, стыдясь говорить по-армянски, льстиво и подобоострастно отказываясь от национального мышления, мы вступаем на страшный путь, который может

привести только к гибели.

...Эти раздумья и тревоги могли ввергнуть в панику и отчаяние менее твердых. Но Микаэл, как всегда, спокойный и последовательный, не только занимался текущими своими делами, но и не упускал времени и случая приобщиться к тем огромным духовным сокровищам, которые хранились в Матенадаране^[29] Эчмиадзина. Историки и философы, ученые и поэты в тишине и таинственной полутьме Матенадарана протягивали из глубины своих веков руку помощи Микаэлу Налбандяну, разделяя его тревоги и развеивая сомнения... Его утешал историк V века Казар Парпеци, живший в селе Парипи, неподалеку от Эчмиадзина. «Послание» Парпеци находило горячий отклик в душе Микаэла, создавая удивительную связь между сердцами этих разделенных многими веками, но озабоченных почти одними и теми же вопросами мыслителей... Утешал Микаэла и первый Учитель армян, чей прах покоился тоже совсем близко от Эчмиадзина, в селе Ошакан... И Микаэл как благодарный его ученик не мог не совершить паломничества к его святой могиле.

Можно представить то благоговение, с которым отправился Микаэл в Ошакан... Какие слова благодарности и признательности шептали его губы, какие мысли рождались в его голове на этом пути — мысли о пришедшем из-туманной дали веков его народе, о непостижимой тайне его жизнестойкости, о будущем его нации?.. И мог ли он даже представить то, что так безжалостно поразит его в Ошакане? Вряд ли... Во всяком случае, не ожидал Микаэл такого равнодушия и небрежения к памяти создателя армянского алфавита, первого Учителя, этого истинного воителя, давшего своему народу самое могущественное оружие в борьбе за существование.

Увы!.. И храм и могилы первого Учителя Месропа Маштоца и великого князя Вагана Мамиконяна находились в полнейшем запустении.

И откуда только берется такое каменное равнодушие к своим духовным и культурным ценностям? Неужели нельзя понять, какие поистине роковые потери приносит оно?..

...Вместо прекрасного храма, воздвигнутого князем Ваганом Мамиконяном, Микаэл увидел жалкое полуразвалившееся строение. Чтобы подойти к гробнице Маштоца, он вынужден был буквально «вползти под алтарь» и «при свете свечи в кромешной мгле» разглядеть надгробный камень. Народ, которому Месроп Маштоц принес письма, поленился «даровать этой скромной могиле несколько буковок». Чуть в стороне лежал еще один «такой же бесприютный и простой камень». Жалкий сельский священник рассказал, что это могила Вагана Мамиконяна. Того самого Вагана Мамиконяна, который «дал народу жизнь и стал защитником

отчизны». И этот самый народ не пожелал поставить приличное надгробие на его могилу!..

И вдруг родилось стихотворение... Вернее, то была очередная оплеуха, звук которой донесся от склонов Арарата до всех уголков мира, где жил хотя бы один армянин, долетит он через бездну времени и до нас, как достигнет и наших потомков...

*Мон Ошакан!
Армян прославленных могила! —*

восклицал Микаэл Налбандян.

*Ропщи до неба! Возмутись!
Неблагодарность так постыла!..*

Таков уж был он — Микаэл Налбандян. Герольд, пробуждающий нацию от сна, и просветитель, справедливый судия и неподкупный хранитель духовных ценностей, всегда безвинно обвиняемый и великий патриот...

...Хотя Арутюн Халибян и Габриэл Айвазовский приложили массу усилий, чтобы сорвать путешествие Микаэла и послать в Индию своего человека, несмотря на то, что с этой целью ими была приведена в действие даже полицейская машина, несмотря на все попытки оклеветать Налбандяна перед пастырем всех армян, — несмотря ни на что, католикос Маттеос 10 октября 1860 года утвердил все полномочия Микаэла:

«Настоящую грамоту, от имени всего армянского населения Нового Нахичевана выданную избранным уполномоченным господину Микаэлу Налбандяну и господину Арутюну Аджемяпу для поездки в Индию по вопросу национального наследия, я утверждаю и скрепляю своей настоящей подписью и печатью католикоса.

Маттеос, католикос всех армян».

Другим своим письмом католикос уведомлял наместника Кавказа о сути дела и, со своей стороны, просил его уведомить об этом английское

правительство, чтобы оно признало законными действия посланцев в Англии.

Микаэл Налбандян намеревался отправиться в Тифлис через Ереван, чтобы по пути посетить также Канакер, родину Хачатура Абовяна.

В Тифлисе Микаэлу предстояло выполнить еще несколько формальностей относительно своей официальной миссии.

Микаэл Налбандян — Карапету Айрапетяну.

10 декабря 1860 г.

«Задержусь на несколько дней в Тифлисе, чтобы получить у наместника необходимые бумаги и подождать своего спутника. Затем поеду в Поты и оттуда пароходом отправлюсь в Константинополь».

Но он не стал ждать своего спутника. Кто знает, может, Микаэл Налбандян с самого начала решил именно так?.. Может, поездка вместе с Арутюном Аджемьяном была задумана им просто для отвода глаз, чтобы рассеять возможные подозрения?.. Не будем забывать, что в характере и деятельности Налбандяна появилась новая черта — конспиративность. И нам следует уже привыкнуть не только к этому, но и к тому, что Микаэл всегда и во всех обстоятельствах отныне будет обеспечивать себе alibi.

Поспешный отъезд Налбандяна из Тифлиса, а затем и из Поты не ускользнул, разумеется, от глаз внимательно следивших за ним врагов. Габриэл Айвазовский злорадствовал, что Микаэл Налбандян, мол, так спешил, что даже не стал ждать парохода, а отплыл на паруснике. «Налбандян будто удирал от Сибири!» — заключал он в своем письме Арутюну Халибьяну.

НА БЕРЕГАХ БОСФОРА

Признать или осудить недостатки не только не преступление, но заслуга.

Микаэл Налбандян

Жить — значит знать, что ты стоишь, на что способен и что должен сделать.

Виктор Гюго

Волею случая Микаэл Налбандян прибыл в Константинополь как раз в те дни, когда армянская община находилась еще под впечатлением недавно принятой конституции — Положения. Воодушевленные армяне даже называли эту конституцию национальным Положением, тем самым дав начало недоразумению, будто в такой деспотической империи, как Турция, где все национальные вопросы — да и политические тоже — решались и долго еще будут решаться с помощью ятагана, может вообще существовать свобода выборов, автономия и законность...

Постепенно, со временем, в Османской империи окрепла и набрала силу прослойка армянских богачей. Вступив в союз с духовенством, она стала истинной напастью для своего народа.

Константинопольские денежные тузы ничем не отличались от богачей Нахичевана-на-Дону. Они также предпочитали все чужеземное, считали постыдным говорить по-армянски, всячески принижали армянскую культуру и историю. И если они время от времени выступали как меценаты и помогали основывать церкви, школы, больницы, выпускать учебники, то делали это вовсе не ради национального просвещения, а чтобы удержать за собой господство в национальной жизни.

После поражения в русско-турецкой войне Османская империя вынуждена была сделать некоторые уступки своим союзницам — Англии и Франции, — обеспокоенным бесправным положением поработенных Турцией христианских народов. Коснулись реформы и армян. После долгих и нудных споров было принято национальное Положение, от которого армяне вскоре испытали горькое разочарование, как от чистейшей воды

фикции, поскольку вся исполнительная власть в армянской общине по-прежнему принадлежала Церковному и Городскому собранию, с тем лишь различием, что теперь члены этого собрания «избирались». Но «свобода выбора» здесь оказалась ограничена так же, как и в Армянском округе.

Однако так или иначе, но национальное Положение, которого армяне ждали так долго, все же было даровано, принято и утверждено. Богачи недовольно сетовали, а простой народ ликовал.

Очень недолго, всего несколько недель, длились в общественной жизни эти новшества, зримые и очевидные.

Прекратились внутренние волнения и раздоры, кончились «бессмысленные и губительные споры» и церковные разногласия. Константинопольские армяне объединились под «знаменем прогресса и просвещения».

Поэтому Микаэла Налбандяна в Константинополе встретили исключительно радушно, приняв его как старого и верного друга, как авторитетного национального деятеля.

«Уже давно знали мы господина Налбандяна по его публикациям в журнале «Юсисапайл». И хоть и издалека, но хорошо зная его душу и принципы, мы благословляем также усилия его и его достойных коллег в деле просвещения нации и особенно живущих в России наших соотечественников. «Юсисапайл», который хорошо знают читатели, — единственный свободный армянский орган в России. Назаряну и Налбандяну выпала доля сказать неприкрытую правду в стране, где над головой журналиста вечно висит дамоклов меч».

Если константинопольские армяне считали счастьем для себя прибытие к ним Микаэла Налбандяна, то, по их убеждению, не меньшую радость должен был испытывать и «представитель их просвещенных российских соотечественников», видя столь тесное национальное и политическое единство. Они словно желали показать ему, с какой преданностью осуществляют константинопольские армяне ту самую программу национальной консолидации, которую пропагандировал «Юсисапайл». Они были уверены также, что Микаэл Налбандян, ближе узнав жизнь здешней общины и познакомившись с ее деятелями, станет посредником между ними и российскими армянами, «дабы, если не смогут они объединиться на одной земле, то объединились хотя бы своими сердцами и чаяниями... И чтобы однажды увидел мир, что есть армянская

нация, пусть рассеянная и скитальческая, но нравственно единая и неразделимая».

Арутюн Свачьян, уже давно знакомый Налбандяну по публикациям в своей газете «Мегу» («Пчела»), явился для Микаэла таким же открытием в Константинополе, как некогда в Париже Степан Воскан.

Родился Арутюн Свачьян в Константинополе, в квартале Хасгюх. Отец его, сам ремесленник, увидев необыкновенную тягу сына к знаниям, отдал его в домашнюю школу Погоса Отьяна.

Если наибольшим авторитетом и признанием у российских армян пользовался Лазаревский институт, то в Западной Армении такую же славу снискало Искютарское училище. Увы, жадному до знаний юноше не довелось учиться там.

Но тем не менее Арутюну Свачьяну выпало счастье учиться у Хачатура Партизпаняна, одного из преподавателей этого училища. После серьезных столкновений с Ованесом Чамурчяном, другим учителем того же училища, Партизпанян вынужден был уйти оттуда и заняться частными уроками.

У нас будет еще повод вспомнить Ованеса Чамурчяна, который не только занимался теологией и издавал газету «Еревак» («Сатурн»), но с превеликим удовольствием увлекался колдовством и магией.

Так что рано или поздно должны были пересечься пути этого матерого мракобеса, притязавшего также на звание политического деятеля, и молодого Свачьяна.

И вновь повторится история, уже знакомая нам по нахичеванским событиям и тому, что случилось с Микаэлом Налбандяном. Да иначе и быть не могло: у константинопольских армян были те же заботы, те же проблемы и те же болезни. Значит, одинаковыми и судьбы тех, кому уготовано было судьбой родиться, возмужать и действовать в армянской среде — будь то в Москве, Константинополе или Париже...

И поэтому нас не должна удивлять та роль, которую сыграл Хачатур Партизпанян в жизни Арутюна, точно так же, как Габриэл Патканян в жизни Микаэла. Отношения ученика и учителя переросли в отношения с. щ. сына. Партизпанян взял Арутюна целиком под свою опеку и воспитывал его в своем доме, под своей крышей.

Армянская интеллигенция Константинополя, также охваченная стремлениями к просвещению, была связана, естественно, с передовыми кругами Европы, особенно Франции. Армянская молодежь, получившая образование в Париже, свидетельница и даже участница революционных событий 1848 года, вернувшись в Константинополь, организовала клубы и

кружки, распространяя новые идеи.

Двадцатилетний Арутюн и его учитель входили в эти кружки образованной армянской молодежи, которая все свои знания и энергию посвятила защите и развитию современного армянского языка и борьбе с выступавшими от имени нации богачами-ренегатами и сотрудничавшими с ними реакционными церковниками.

Вскоре Арутюн Свачьян получил должность учителя в школе квартала Пешикташ, но не прошло и года, как его врагам удалось изгнать молодого учителя не только из школы, но и из... города. Друзья помогли Арутюну уехать в Париж, где жил его учитель Хачатур Партизпанян.

Однако в скором времени бывший учитель и бывший его ученик вернулись в Константинополь. Еще через несколько месяцев, получив от правительства разрешение, Арутюн Свачьян начал издавать газету «Мегу». В лице молодого издателя и публициста передовая константинопольская интеллигенция нашла настоящего борца и бойца, чье перо беспощадно вскрывало пороки и заблуждения общества. Несколькими меткими и острыми словами Арутюну Свачьяну удалось сделать то, что не смогли сделать многие книги, речи и протоколы. «Сын народа и выразитель горестей, враг тирании и истинный и беззаветный поборник свободы» — вот Свачьян!

У «Мегу», выходившего раз в две недели, тоже был свой «граф Эммануэль» — Мечухеча. Личность демоническая, бесплотная и всепроникающая, Мечухеча мог летать по воздуху, мог уходить сквозь землю, мог даже обернуться кротом или муравьем, чтобы, оставаясь невидимым, незамеченным, наблюдать за деяниями людей... Он непрошеным гостем проникал в дома, присутствовал на семейных ссорах и прочих домашних, и не только домашних, происшествиях и обо всем этом с любезного согласия редактора публиковал в газете свои остроумные комментарии. Мечухеча разоблачал, двуличие константинопольских церковников, клеймил позором их непомерное честолюбие и выносил на всеобщее обсуждение грубое и пренебрежительное отношение этих духовных пастырей к своему собственному народу. И если где-либо совершалось нечто преступное или недостойное, то там тут же оказывался и «Мечухеча с иронической улыбкой на устах, готовый немедленно метать язвительные стрелы»...

В лице своего нового друга — а заочное знакомство и приязнь к Свачьяну Микаэл с первого же шага на константинопольской земле постарался превратить в крепкую дружбу — Налбандян обрел своего очередного двойника.

И действительно, Арутюн Свачьян всем своим характером, своей неистощимой энергией, всей сутью своей натуры был очень похож на Микаэла Налбандяна.

С самого же начала Арутюн Свачьян заявил в «Мегу», что он обязуется «говорить правду и стоять стойко».

«Я тоже, — написал он еще в 1856 году, — поскольку взял на себя обязанность публициста, буду говорить с истинным патриотизмом, и пусть другие называют это предательством нации. Я с беспристрастной душой постараюсь рассмотреть все и смело, но без лицепрятия ука-вать препоны перед нашим национальным просвещением и прогрессом и назвать тех, кто их воздвигает, а также по мере сил и возможностей своих постараюсь убрать их. Указание же путей оставляю на усмотрение самой нации. Чтобы нация была передовой, могучей и счастливой, надо развивать вместе и ее богатства, и цивилизованность или, говоря иначе, надо найти способ получать одновременно и материальное богатство, и духовное!»

Сходство характеров и рода деятельности помогло Арутюну Свачьяну, как ранее и Степану Воскану, ощутить свое духовное, да и просто человеческое родство с Микаэлом Налбандяном. Учитывая ту пагубную в армянской среде привычку, когда в своей искренней и патриотической деятельности многие мыслители вместо того, чтобы объединить свои усилия, вдруг вступали в нелепую и не поддающуюся логическому осмыслению конкуренцию, в дикое соперничество, более свойственное потерявшим всякие нравственные ориентиры торгашам, не можешь не проникнуться добрыми чувствами к Арутюну Свачьяну и Степану Воскану, которые приняли и признали Микаэла Налбандяна как своего старшего товарища, как идейного вождя и мудрого советчика... Кстати, это нисколько не умалило их собственную роль в истории армянского народа. Союз этот многократно увеличил их силы, еще более расширил их совместные действия под руководством общенационального деятеля.

Еще совсем недавно Арутюн Свачьян с недоверием и подозрительностью относился к Степану Воскану и не скрывал такого своего отношения к нему, не упуская случая уколоть своими фельетонами и карикатурами газету «Аревмутк».

«Этот человек пишет скорее для французов, чем для армян... Не скажешь, что он не знает армян, — скорее армяне его не знают!»

Но достаточно было Арутюну Свачьяну узнать от Микаэла

Налбандяна его мнение о Степане Воскане и газете «Аревмутк», чтобы безоговорочно поверить ему. Есть предположения, что еще давно, в бытность свою в Париже, Арутюн Свачьян познакомился, вероятно, со Степаном Восканом. Возможно...

Возможно даже, что именно от этого личного знакомства родилось у Свачьяна отрицательное отношение к Степану Воскану. В конце концов ведь могли же двое встретившихся в Париже молодых людей просто не понять или не принять друг друга!..

И сейчас, когда их прах давно уже слился с прахом их предков, хочется еще раз подчеркнуть высокое благородство этих честных и преданных людей. Людей, которые смогли не оспаривать первенство, которые сумели до конца довериться друг другу и которые нашли в себе мужество уточнить свои отношения сразу же, как представился к этому предлог. Вот как откликнулся Арутюн Свачьян в своем «Мегу» на возобновление издания «Аревмутка»:

«Вновь стал издаваться в Париже «Аревмутк», и вновь под редакцией господина Степана Воскапа, человека, который денно и ночью мечтал о родине и свободе, желал своей нации совершенного просвещения и по этой причине был несколько строг в своих требованиях и по своему беспокойному характеру желал, чтобы нация бросилась вперед бегом, хотя она только-только училась шагать, и сразу слишком много ожидал от нации, еще юной. И все-таки пожелаем, чтобы все было по сердцу его и чтобы смог он увидеть все, что мечтает увидеть».

...Древний поэт Менандр говорил, что счастлив тот, кто встретился хотя бы с тенью настоящего человека.

Микаэлу Налбандяну посчастливилось вдвойне, ибо он нашел двух настоящих единомышленников, которые жили и действовали с той же преданностью, с теми же мечтами и по тем же планам, что и он сам.

И как можем не почувствовать себя счастливыми и мы сами, когда в лице своих славных предков видим такую бескорыстную и самоотверженную дружбу, такую преданность?!

Микаэл быстро сориентировался в обстановке, сложившейся к тому времени среди константинопольских армян. И хотя община выглядела на редкость единой и сплоченной, а Арутюн Свачьян, поддавшись всеобщему воодушевлению, уверял дорогого и долгожданного гостя, что отныне

прекращены вредные споры и люди объединяются, чтобы плечом к плечу служить на благо народа и нации, Микаэлу Налбандяну было ясно, что ни Положение, ни Национальное собрание не смогут одним махом уничтожить мракобесие и беззаконие.

Как везде и всегда, он находил время, чтобы работать. А работал он в это время лихорадочно, так как решил написать для «Мегу» Арутюна Свачьяна хотя бы пару статей. Ему было о чем писать и было что писать, поэтому не следовало терять ни одну из тех возможностей, что подворачивались ему, будь то в Москве, Париже или Константинополе.

Первая написанная здесь Микаэлом статья озаглавлена «Невообразимый скандал». Налбандян высмеял Ованеса Чамурчяна за его попытки доказать существование духов и демонов. Потом появилось открытое письмо о самодурстве и беззакониях, творимых священником Ванского вилайета Погосом Микаэляном.

Скандалную историю со священником Погосом опубликовала и вынесла на суд общественности «Мегу».

Но что это была за история?

Священник несколько лет подряд держал при себе «некую девицу, а потом обвинил ее со своим служкой, намного моложе ее, почти совсем еще мальчиком. Поэтому женщина потребовала себе совершеннолетнего мужа. «Священник, — писала «Мегу», — перепугавшись, исполнил желание женщины и, расторгнув брак, обвинил ее с другим человеком».

Но этим не ограничивались беззакония Погоса. «Мегу» сообщала также, что за взятку в пятьсот курушей Погос развел замужнюю женщину и обвинил ее с другим, а еще как-то, заставив привести в церковь беременную женщину, велел так избить ее, что у нее случился выкидыш... «Кроме перечисленных беззаконий, — продолжала «Мегу», — на его совести есть и многие другие преступления, которые уже ни к чему называть здесь».

Арутюн Свачьян требовал, чтобы этот гнусный соблазнитель, прелюбодей и преступник был исключен из духовного сословия и лишен права занимать какую-либо должность. Всех читателей, согласных с этим, «Мегу» приглашала в течение десяти дней прийти в редакцию и поставить свои подписи под этим решением.

История с ванским священником порочила не только духовенство (и именно в этом была причина, что Церковное собрание всячески старалось замять это дело), но и сам народ. Поэтому вполне понятно, что «патриотичные» мещане также не придали ей значения, сочтя случившееся досадным исключением.

К мнению газеты «Мегу» присоединился архимандрит Варагского монастыря Мкртич Хримян, вместе со своими друзьями сурово осудивший и преступного священника, и тех церковных деятелей, которые старались скрыть его неблагоприятные делишки. Кстати, через несколько десятилетий Мкртич Хримян станет католикосом всех армян и за свои достоинства будет назван народом Хримян-айрик — отец Хримян, отец армян...

...Микаэл Налбандян и сейчас был уверен, что недостойный и погрязший в пороках духовный пастырь не сможет опозорить ни свой народ, ни церковь, если язву эту не будут скрывать, а излечат, если общественное мнение ополчится против него, тем самым! изолировав и удалив его от себя. Нация, обладающая подобной нравственной силой, «получит право удостоиться похвал от просвещенных народов, ибо не захотела терпеть у себя семя соблазна».

Одной из важнейших предпосылок общественного прогресса и национального существования являются право и правосудие — одинаковое для всех без исключения. В противном же случае — когда преступление покрывается, а преступник не считает себя обязанным отвечать перед законом, да еще находит покровительство, выходит, что общество молча смиряется перед беззаконием и даже поощряет его. Вот почему для понимания истории народа и степени его просвещенности такое решающее значение имеет сам факт существования у него законов и четко определенных границ его применения.

Во всех естественных и человеческих законах мы признаем только «да» и «нет». Третьего просто нет — был уверен Налбандян и был абсолютно прав. «Пусть не забывают этого те патриоты, которые свою любовь к народу проявляют сокрытием его недостатков, следовательно, заслуживают наказания вместе с защищаемыми ими преступниками».

«Нельзя проповедовать правосудие и защищать беззаконие.

Нельзя проповедовать прогресс и, подобно паралитику, быть прикованным к одному месту.

Нельзя проповедовать чистоту и плавать в море нечистот.

Нельзя проповедовать свободу и в то же время насилловать совесть».

То есть нельзя лицемерить.

Лицемерие, провозглашал Налбандян, — это зло, и люди, распознав его, рано или поздно постараются избавиться от него.

Лицемерное правительство — зло для своего народа, и, раскусив его,

народ рано или поздно поднимется, чтобы свергнуть такое правительство.

Лицемерный народ или, что вернее, народ, видящий лицемерие и терпящий его в себе, — зло для самого себя и поэтому обречен влачить жалкое свое существование под гнетом грубой силы.

«Мегу» запрашивала мнение членов нации... «Я не только согласен с решением «Мегу», но и больше того: говорю, что бывший священнослужитель, а ныне просто частное лицо Погос, должен искупить свои грехи покаянием», — гневно писал Налбандян и требовал привлечь преступника к судебной ответственности.

Интересно, что все те, против кого обращены были беспощадные стрелы этого неистового пришельца из России, предпочли благоразумно смолчать. Никто не выступил с возражением, никто не встал в позу оскорбленного, никто не принял брошенного Микаэлом вызова.

Единственным человеком, который пытался ответить Налбандяну, был уже знакомый нам редактор «Еревана» Ованес Чамурчян.

В своей статье он защищал не только своих духов и демонов, которых высмеял Налбандян, но и Погоса из Вана. А чтобы хоть как-то оправдать эту свою защиту, он, сознавая все-таки всю свою беспомощность, обозвал Микаэла Налбандяна «социалистом» и «красным республиканцем».

И оставил тем самым свидетельство — свидетельство ярого врага и очевидца — о том, чем еще был занят Налбандян весь тот месяц, что пробыл в Константинополе.

На первый взгляд он был целиком поглощен основанием организации под названием «Благотворительное общество».

Эта мысль зародилась у Микаэла еще в Лондоне, когда он общался с «прекрасными людьми с благородной душой», целиком посвятившими себя «или своим национальным, либо общечеловеческим делам». Но перспектива одного лишь общения с ними не могла удовлетворить его. Да и какая тут перспектива? Чтобы сотрудничать с лондонским революционным центром, нужны были не только красивые мечты о национальном освобождении. Необходимы преданные приверженцы, готовые встать на борьбу, и прежде всего самое главное — нужна программа! Программа, которую армяне невесть почему считали не столь уж и существенной, а ошибку свою осознавали лишь после очередного поражения...

Несколько молодых константинопольцев — Ованес Кятипян, Овсеп Нурпджанян, Микаэл Рафаэлян, Тигран Пешикташлян и некоторые другие, уже закончившие или продолжавшие учебу в Париже, — стали верными соратниками Микаэла. Авторитетный и уважаемый в городе публицист

Арутюн Свачьян и общественный деятель Серовбэ Тагворян уже проделали большую подготовительную работу, так что буквально через несколько дней после приезда Микаэла Налбандяна в Константинополе состоялось учредительное собрание Благотворительного общества. Внешняя задача общества состояла в распространении среди всех армян независимо от вероисповедания просвещения и идей национального самосознания и единения. С этой целью предполагалось открыть общеобразовательные и ремесленные школы и училища, поощрять национальную печать и вообще культуру...

На самом деле, однако, эта деятельность Благотворительного общества призвана была лишь замаскировать истинные цели — создание тайной освободительной организации и налаживание контактов с другими поработченными народами Османской империи, а также с другими революционными центрами Европы и России.

В случае успеха Микаэл Налбандян стал бы идейным руководителем армянского национально-освободительного движения и, непосредственно занимаясь «своими национальными делами», получил бы право заниматься также и «делами общечеловеческими». Вернее, тогда интересы национального прогресса слились бы с интересами прогресса общечеловеческого, и армяне отныне видели бы свое будущее не изолированно, а в гармонии и единстве с будущим других народов.

Пробуждая свой народ от векового сна и воспитывая в нем чувства национального достоинства и национальной принадлежности, Микаэл Налбандян выводил его на широкую дорогу, которая вела армян к светлой цели — братству народов и общечеловеческой гармонии...

Месяц промелькнул очень быстро, но и за это короткое время Микаэл успел полюбить константинопольских армян.

«Да, такого человека нам больше не доводилось видеть», — много лет спустя признавались, вспоминая его, западноармянские деятели.

А корреспондент одной из кавказских газет с удивлением напишет о том восторженном приеме, которого удостоился приехавший в Константинополь из России армянский писатель — беспокойный, остроумный, прекрасно знающий прошлое и будущее своего народа, любознательный и всецело преданный интересам народа.

«С тех пор полисцы составили себе более благоприятное мнение о российских армянах. Но надо сказать и то, что большая их часть до сих пор убеждена, будто почти все армяне в России,

которые говорят на родном языке, ссылаются в Сибирь...»

«Кавказ», № 68, 1869 г.

Посетил Микаэл и русского посла в Турции, который якобы посоветовал ему непременно отправиться в Лондон и на месте прояснить некоторые вопросы, связанные с индийским наследством.

Об этих «словах» посла Микаэл счел необходимым со всеми подробностями уведомить городского голову Нахичевана-на-Дону.

Знай Карапет Айрапетян, как рвется Микаэл Налбандян в Лондон, он бы немало подивился тому, как удивительно вовремя совпали слова русского посла со страстным желанием Микаэла...

Но он удивился бы еще больше, если б узнал, что Микаэл, 21 декабря покинув Константинополь, вместо Лондона отправился морем в... Марсель.

В Лондон согласно «необходимости» и в связи «со словами русского посла в Турции» Микаэл мог, несомненно, отправиться по суше и гораздо более коротким путем. И вообще странно, что Микаэл Налбандян, вечно нетерпеливый, вечно спешащий, избрал долгий и небезопасный путь морем.

Да, но куда же все-таки спешил Налбандян? В Индию ли, чтобы предъявить права своих сограждан на полузабытое наследство? Куда он спешил?

Он спешил поднять уже пробудившийся ото сна свой народ. Спешил днем раньше примкнуть к набравшей в Европе силу освободительной борьбе. Спешил увидеть на древней земле предков свободную республику Армения!

Поэтому странно разве, что он избрал морской путь в Лондон через Марсель, — чтобы побывать и в Италии...

НА ПУТИ СВЯЩЕННОГО ОБЕТА

*Курятся Этна и Везувий. В священном вулкане
Арарата ужели не осталось хоть искорки огня?!*

Микаэл Налбандян

Буря ли была тому причиной, что пароход бросил якорь в Мессинском порту, а направлявшийся в Марсель Микаэл Налбандян «вынужден был высадиться на острове Сицилия»?

Во всяком случае, свое пребывание в Сицилии, а затем и вообще в Италии Микаэл в своем письме к другу объяснял «жестокими зимними штормами».

...Еще когда пароход подходил к берегу, Микаэл обратил внимание на оживленную толпу молодежи в порту. Это, без сомнения, были гарибальдийцы, о чем свидетельствовали их красные рубашки. Микаэл увидел на их лицах то, что хотел увидеть: «радость и спокойствие совести», а в глазах — «заслуженную гордость».

Над Мессинским замком еще развевалось знамя Неаполитанского королевства: сдавая город Гарибальди, губернатор Мессины оговорил особые условия для замка, где сейчас, когда Микаэл сходил на берег, находился четырехтысячный отряд королевских солдат под командованием майора Фергулы.

А над зданием городского управления был уже поднят флаг Виктора-Эммануила.

Это обстоятельство показалось Микаэлу странным. Чтобы утолить свое любопытство, он поинтересовался, почему освобожденный город терпит присутствие бурбонского войска. Оказалось, что городские власти предложили Фергуле сдачу, тот, однако, отказался, пригрозив, что бомбардирует город, если его «принудят к этому воинскому бесчестью».

Положение запертого в замке войска было весьма плачевным. И не только потому, что запасы продовольствия подошли к концу. Майор, как рассказали Налбандяну, попросил денег у городского управления для войска. Ему ответили, что ни у Мессины, ни у Италии нет войск в замке, а если его имеет кто-либо из Бурбонов, то пусть он и платит. Однако майор Фергула решил не складывать оружия, пока сопротивляется его король

Франциск Второй Бурбон, осажденный в Гаэте.

Но Гаэта вот уже четвертый день подвергалась бомбардировкам, и ходили слухи, что к городу подошел уже испанский пароход, чтобы спасти «никому не нужную жалкую жизнь жалкого короля».

«Да здравствует Италия! Да здравствует Гарибальди!» — кричал на улицах Мессины простой народ. «Да здравствует Италия! Да здравствует Виктор-Эммануил!» — возглашали горожане, то есть среднее сословие. И эта «небольшая» разница в восторгах простых людей среднего сословия не ускользнула от внимания Микаэла.

Но разве это могло иметь какое-либо значение в те самые дни, когда разодранная на мелкие королевства страна наконец-то обретала свое единство и заодно освобождалась от чужеземного засилья?! Ломбардия и Венеция, правда, находились под властью Австрии, а в Риме до недавних пор находились французские войска...

Какой станет объединенная Италия? Этот вопрос был так же важен, как и объединение и освобождение.

Крупный помещик и политический деятель Камилло Бензо Кавур, с 1852 года бывший премьер-министром Сардинского королевства, желал объединить страну под скипетром Виктора-Эммануила Второго, а национальные вопросы решить путем переговоров с соседними государствами, то есть ценой неизбежных уступок.

А основатель «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини, не павший духом после поражения революции 1848 года, продолжал выступать под знаменем республиканизма. Свободная и независимая республика! Вот какой должна стать объединенная и обретшая национальное единство молодая Италия!

Воплотить в жизнь одну из этих двух противоположных программ национального возрождения было суждено только одному человеку — Джузеппе Гарибальди, вождю народной борьбы, борцу за свободу и революционеру. И чтобы получить возможность бороться против Австрии, этого «величайшего зла», и освободить захваченные ею области, Гарибальди согласился на меньшее из зол — сражаться под знаменем Виктора-Эммануила.

«С того момента, как я убедился, что Италия должна идти с Виктором-Эммануилом, чтобы избавиться от власти иностранцев, я счел своим долгом подчиняться его приказам, чего бы мне это ни стоило, заставляя даже молчать свою республиканскую совесть, — писал впоследствии в своих «Мемуарах» Гарибальди. — Более того: я считал, что кем бы он ни был, Италия должна предоставить ему всю полноту власти до тех пор, пока

ее территория полностью не освобождена от иностранного владычества. Таково было мое убеждение в 1859 году. Но сейчас оно изменилось, так как преступления монархии слишком велики».

Значит, то «небольшое» различие, которое уловил Микаэл Налбандян, оказалось, по сути своей, не только не незначительным, но даже роковым для всего будущего Италии.

А пока интересы национального возрождения страны заставляли молчать республиканскую совесть Джузеппе Гарибальди, король и его премьер-министр, эксплуатируя имя и славу признанного и любимого народного вождя, его стратегический талант и беззаветную храбрость, в то же время старались изолировать и обезопасить его.

Фридрих Энгельс — Карлу Марксу.

4 ноября

1859 г. «Он был вынужден протянуть чорту мизинец, а теперь уже, кажется, чорт схватил у него всю руку. Для Виктора-Эммануэла, разумеется, было как нельзя более разумным сначала эксплуатировать Гарибальди, а потом погубить его. Altro esempio^[30] того, как далеко можно зайти в революции с «одним практицизмом». Его все же жаль. С другой стороны, превосходно, что разоблачается ложь, будто Пьемонт является представителем итальянского единства».

Увы, не впервые почувствовал себя обманутым и лишним вступивший в шестой десяток Гарибальди! Ине в последний раз использовали его в хитрой дипломатической игре как могучую опору, чтобы тут же позабыть о нем...

Да, у Гарибальди было немало поводов ощутить себя оскорбленным или обманутым, но он все равно избегал неосторожным движением разрушить то, что уже сделано для объединения Италии. В конце концов часть страны уже объединена под скипетром Виктора-Эммануила, да и австрийское иго уже свергнуто. И поэтому Гарибальди не поддавался на уговоры партии Мадзини поднять знамя восстания против монархии.

Знакомясь со всеми этими событиями, Микаэл фактически проходил очередной курс революционной учебы...

Розалино Пино, один из соратников Мадзини, дока зывал Гарибальди, что революционное движение не только должно развернуть, но что ее нужно развернуть и начать именно на Сицилии, где хозяйничало правительство неаполитанского короля Франциска Второго Бурбона.

Однако Гарibaldi упорствовал.

Джузеппе Гарибальди — Розалино Пино.

«Я не останавлиюсь ни перед каким предприятием, как бы рискованно оно ни было, лишь бы бороться с врагами нашей страны. Но в настоящее время я не нахожу удобным начинать революционное движение, даже если б оно имело много шансов на успех...»

Так и не сумев убедить Гарибальди, Розалино Пино, с помощью Мадзини достав необходимые средства, 9 апреля 1860 года высадился в Мессине и сразу оказался в самой гуще событий.

По всей Сицилии вспыхнуло крестьянское восстание. Розалино Пино написал Гарибальди, который в это время находился в Генуе, еще одно письмо... Весть о народном восстании сорвала Гарибальди с места, и он, забыв обо всех своих обидах, собрал отряд добровольцев и с этой своей «тысячей» поспешил на помощь восставшим.

Высадившись в Марселе, Гарибальди опубликовал свой знаменитый призыв, который до сих пор еще помнят в тех местах.

«Сицилийцы!

Я привел к вам отряд бойцов, проявивших свою храбрость в боях в Ломбардии. Они откликнулись на призыв героической Сицилии. Теперь мы с вами, и единственное, к чему мы стремимся, это чтобы Сицилия стала свободной. Итак, к оружию!.. Сицилия еще раз покажет всему миру, как мощная воля объединенного народа освободит страну от угнетателей.

Дж. Гарибальди».

С яростными боями, сражаясь не на жизнь, а на смерть, гарибальдийцы пересекли Сицилию с запада на восток и дошли до Мессины.

Поистине под внешне «небольшим» различием скрывались все те же разногласия, все то же торгашество, все та же борьба за власть.

Люди, видевшие победное шествие Гарибальди, рассказывают и о том, что не могло скрыться под пологом тайны и становилось известным народу, превращаясь в красивое предание.

...Весь день бродил Микаэл Налбандян по улицам Мессины, вступал в

разговоры с людьми... Очевидцы событий охотно отвечали на вопросы любознательного иностранца и с восторгом рассказывали о тех славных битвах, которые вел на подступах к городу Гарибальди.

Но Налбандяна интересовали не только битвы. Он хотел ближе познакомиться с той удивительной и бодрящей силой, которая называется революцией. Хотел собственными глазами увидеть все то, чем жили освобожденные итальянцы. Он хотел со всей полнотой ощутить дыхание свободы, уже готовое коснуться и армян, если б... Если б встал весь народ, если б он понял жизненную необходимость единения, если б революционный дух нашел свое воплощение в единой воле масс...

Был ли хоть один такой пример в армянской действительности?

Был!

Зейтун.

...Тот самый Зейтун, где армяне-горцы давно уже с оружием в руках сражались за свою свободу и независимость против турецкого владычества.

...Тот самый Зейтун, который, по убеждению Микаэла Налбандяна, должен был стать центром национально-освободительной борьбы в турецкой Армении.

...Тот самый Зейтун, где освободительное движение избавится от стихийности и приобретет громадное значение в деле национальной консолидации армянского народа.

До позднего вечера запружены были народом улицы Мессины. Потом людские потоки постепенно рассасывались по домам и тавернам. Улицы опустели. Не желая упускать ни одной возможности, которые предоставлял ему этот исключительный день, Микаэл решил сходить в театр.

Представление не оказало на него особого впечатления, но и жалеть о потерянном времени не пришлось. Внешние события и впечатления нашли свое отражение и здесь. А когда во время антракта Микаэл вышел в кафе покурить, то заметил, что в огромном зале, где собралось, наверное, человек двести, стоит необычный шум и переполох. Он думал было подойти и расспросить, в чем дело, но не успел сделать и нескольких шагов, как вдруг «над толпой засверкали две шпаги». Выяснилось, что это два офицера. Разгоряченных рубак разняли. Один из офицеров оказался сторонником Виктора-Эммануила, другой — приверженцем Бурбонов. Он пришел из замка в театр и, не стерпев откровенных насмешек в адрес Бурбона, обнажил шпагу, решив кровью смыть нанесенное его королю оскорбление.

Микаэл Налбандян — Арутюну Свачьяну.

30 декабря 1860 г.

«Куда повели бурбонского офицера и чем дело кончилось, я не узнал, потому что началось представление и я пошел в зрительный зал, а на следующий день выехал в Неаполь».

В Неаполь?..

Но ведь он же направлялся в Марсель!

Если действительно шторм заставил идущий в Марсель пароход укрыться в Мессинском порту, то почему же на другой день, когда море, вероятно, успокоилось, Микаэл Налбандян не продолжил свой путь на том же пароходе?

Во всяком случае, в своеобразном письме-отчете о своем путешествии Микаэл никак не мотивировал свое странное решение. Написал просто: «На следующий день вынужден был перебраться на другой пароход, который плыл вдоль средиземноморского побережья в Марсель. А посему первую остановку я сделал в Неаполе...»

Может, Микаэла вновь вел за собой случай?

Нет, его, несомненно, вел Джузеппе Гарибальди, которого Кавур хоть и оплел сетью интриг, но не смог помешать ему 7 сентября с триумфом войти в Неаполь — столицу королевства обеих Сицилий. Виктор-Эммануил Второй также поспешил вторгнуться со своей армией в пределы Неаполитанского королевства, и Гарибальди и на этот раз уступил ему славу победителя. А еще месяца полтора спустя, 26 октября, в Капанелли состоялась встреча Джузеппе Гарибальди и Виктора-Эммануила.

И вновь изустные рассказы об этой встрече звучали как предание. Ехавшего на арабском скакуне короля сопровождали военный министр Фанти и будущий неаполитанский наместник Фаррини. Все трое — смертельные враги Гарибальди, этого «плебея, дарующего королям царства».

По дороге крестьяне восторженно приветствовали Гарибальди. Эти приветствия смущали его, поэтому Гарибальди, придержав коня, воскликнул: «Вот Виктор-Эммануил, он король, наш король, король Италии!.. Да здравствует король!..» Ничего не поняв, крестьяне растерянно умолкли на миг, переглянулись, затем с новым воодушевлением опять закричали: «Да здравствует Гарибальди!»

Первые впечатления о Неаполе оказались у Микаэла почти те же, что в Мессине. И здесь простой народ был на стороне Гарибальди, среднее сословие — на стороне Виктора-Эммануила, ну а богачи с готовностью

отрекались от своего народа и родины и морально и материально поддерживали Бурбона. «Видно, в Италии это обыкновенное явление», — заключил Налбандян.

Кстати, он, который в Версале или в Британском музее мог целиком отдаться созерцанию произведений искусства, воспринимал Неаполь совершенно с иной точки зрения. «Великолепные площади» и «чудесные статуи» он воспринимал сейчас лишь постольку, поскольку они являлись немymi свидетелями бесславного конца Бурбонов. Народ скинул с пьедесталов и разрушил все те памятники, которые были возведены Бурбонами во увековечение своей славы. С общественных зданий и дворцов сбили гербы Франциска Второго и взамен их повесили гербы Виктора-Эммануила — короля единой Италии.

Всюду, где удалось побывать Микаэлу в Неаполе, на всех домах, от государственных учреждений до парикмахерских, развевается сардинский флаг, и народ с радостью повторяет имена своих освободителей.

Город готовился встретить князя Кариньяно, которого король Виктор-Эммануил назначил генеральным инспектором. Полк Национальной гвардии выслали на встречу своего нового командира. В дула ружей воткнули розы. Эта «восхитительная и трогательная картина» особенно тронула Микаэла.

От Неаполя не так уж далеко до Рима, и Микаэл решил побывать в Папской области, для удержания которой Луи Бонапарт послал значительное войско. Окончательное объединение Италии было невозможно без освобождения этих земель. Познакомившись со сложившимся положением изнутри, Налбандян воскликнул: «Рим стал проклятым для человечества!»

«Но современное положение Италии, всеобщее брожение умов свидетельствуют о том, что скоро пробьет роковой час и для Рима. В Рим! Может, нога моя окажется легка», —

предполагал и надеялся Налбандян.

А слухи о подробностях политических событий растекались по всем дорогам... Король, установивший свою власть над десятью миллионами итальянцев, не мог, разумеется, терпеть Гарибальди. И национального героя обозвали «дерзким авантюристом», а отряды добровольцев распустили, оскорбив и осмеяв сражавшихся за свободу воинов...

Микаэл Налбандян — Арутюну Свачьяну.

30 декабря 1860 г.

«Перемена неаполитанского правительства развязала также руки прессе; пресса — эта вестница свободного человеческого разума, освобождена от оков. Александр Дюма (отец) находится здесь и издает газету «Независимость». Эта газета три дня назад писала, что скоро будут освобождены и Рим, и Ломбардия, и Венгрия, и Польша...»

Кстати, монархисты, не желавшие признавать вождя освободительного движения, не могли стерпеть и его друга — Александра Дюма-отца, и вскоре изгнали его из дома, подаренного писателю самим Гарибальди. И в те самые дни, когда Микаэл «спешил» в Лондон, Виктор-Эммануил Второй уже явно избегал даже упоминать о Гарибальди.

Рано или поздно национальный герой должен был понять, что ему уже нет места в Италии.

Этот очередной акт грустной драмы также не ускользнул от глаз народа. В числе множества европейских газет «Мегу» с горечью и сожалением написала:

«Гарибальди освободил Италию.

Гарибальди не принял вознаграждения.

...Этот человек, апостол божий, явился, чтобы стать благодетелем человечества, и, вернув пленным и порабощенным народам свободу, удалился и уединился в своем доме, который он покинул некогда, только чтобы со всей верностью исполнить предначертанное ему свыше».

Джузеппе Гарибальди «удалился в свой дом» на корабле «Вашингтон». Рассказывают, что он взял с собой из Италии лишь мешок овощей, мешочек семян, чтобы развести огород, и связку сушеной рыбы.

«Он с горстью людей победил армию, освободил целую страну и был отпущен из нее, как отпускают ямщика, когда он довез до станции...»

Но если король, получивший свое царство от «плебея», так равнодушно расстался с Гарибальди, который своим именем и авторитетом мог бы предотвратить грядущие в недалеком будущем злодеяния монархии, то сам Гарибальди — национальный герой и символ освободительной

борьбы — стал надеждой всех поработенных народов.

В своем письме Свачьяну Микаэл сообщал следующую интересную новость;

«Здесь очень много поляков, и с каждым днем их становится все больше. Носятся слухи, что они хотят организовать вооруженный польский легион и в полной готовности ждать воодушевляющего сигнала...»

Слухи эти были вовсе не беспочвенными. Вполне вероятно, что в эти самые дни Микаэл Налбандян уже знал, что польские эмигранты отправили к поселившемуся на острове Капри Джузеппе Гарибальди человека с предложением возглавить их освободительный поход в Польшу.

Кстати, слух этот уже не даст покоя Налбандяну. И в голове его родилась идея начать с Гарибальди переговоры и вверить ему руководство Зейтунским восстанием и вообще борьбу за освобождение Западной Армении.

Но в этом случае... Хотя почему только в этом? Чтобы начать организованную вооруженную борьбу, нужны не только самоотверженные патриоты, готовые взять в руки оружие, но и вообще средства... Деньги!.. Нужны прежде всего для того, чтобы приобрести оружие и боеприпасы. Но кто их даст? Армянские богачи? Сама мысль об этом казалась нелепой. Уроки Италии показывали, что упование на богачей не только не способствует освобождению, но и вообще может извратить и уничтожить саму мысль о свободе...

А опыт последнего похода Гарибальди, со всеми последствиями которого Микаэл имел возможность познакомиться во время своего путешествия по Италии, недвусмысленно говорил, что для освобождения родины от жестокого чужеземного ига, ее объединения и экономического процветания нужны именно «плебейская» революция и демократическая республика.

А нельзя ли использовать для освободительной борьбы часть индийского наследия? Приходила ли такая мысль в голову Налбандяну? Кто знает?.. Но не мог он не вспомнить краткого сообщения в газете Свачьяна:

«Гарибальди, этот сказочный витязь новых времен, всколыхнул сердца новых поколений, и юный «Мегу» позавидовал судьбе его и им спасенных».

Вспомнил и поспешил написать своему другу:

«Я не завидую освобождению Италии, напротив, от души радуюсь за нее. Но когда я вижу ее свободу и бессилие моего народа, сердце мое надывается и душа горит...»

Бессилие нации было частично преодолено. Молодежь, подобно сухому песку, впитывала в себя новые идеи и готовилась приступить к делу. Во всяком случае, об этом свидетельствовал сам факт создания в России и Турции тайных обществ. Но чтобы эти тайные общества могли осуществить свои планы, чтобы начавшееся освободительное движение увенчалось созданием единой Армянской республики, необходимо было наладить сотрудничество с освободительным движением в Европе и самой России. И обязательно следовало усвоить опыт потрясаемой революциями Европы, чтобы не ошибиться, не промахнуться, не упустить возможностей...

Но и в далекой Италии Микаэл словно слышал недовольное бурчание армян: дескать, а нам-то что?.. И не мог скрыть горечи:

«Да, они не имеют отношения к нам, они недостойны иметь отношение к европейским нациям, неспособны пройти тот спасительный путь, которым проходят другие нации...»

Еще через несколько дней, 3 января 1861 года, Микаэл уже на другом пароходе отбыл из Неаполя в... Геную.

Потом он решил продолжить путь по суше. По этому поводу он дал следующее объяснение:

«Увидев, что зимнее путешествие по морю подвергает опасности мое здоровье, я начисто отказался от пароходов, в Генуе сошел на берег и железной дорогой добрался до подножия Итальянских Альп... Горы пересек на санях, после приятной вечной весны Италии угодив в ужасные морозы».

Иначе говоря, он отказался от морского путешествия, чтобы не рисковать здоровьем, и предпочел не менее опасное для него зимнее путешествие по суше.

Почему?

Почему он решил обязательно побывать и в Сардинском королевстве?

Почему он, остановившись в Турине, ни словом не упомянул об этом в своем письме-отчете?

Может, он спешил навстречу своему другу? Другу, который прибыл в Турин из Франции?

Степан Воскан (а речь именно о нем) в это самое время перебрался в Турин и поступил на службу в канцелярию премьер-министра Кавура в должности секретаря-советника. И тут же начал издавать на французском языке газету «Италия».

Кроме Турина, газета эта имела подписчиков также в Париже, Генуе, Пергаме, Болонье и Неаполе. И с первых же номеров она выказала столь характерную для троицы Налбандян — Свачьян — Воскан остроту публикаций и беспощадность в борьбе. Камилло Кавур вынужден был даже посоветовать своему секретарю-советнику: «Наденьте хотя бы перчатки, чтобы как-то смягчить свое перо».

Свою газету Степан Воскан издавал в Турине до 1861 года. Далее история на протяжении почти двух лет хранит о нем каменное молчание.

Итак?

Встретились ли они в Турине?

Если встретились, то какие совместные планы разработали они за это короткое время?

И почему газета «Италия» Степана Воскана перестала выходить в свет почти тогда же, когда в Нахичеване-на-Дону был арестован Микаэл Налбандян?

Было ли это случайным совпадением?

Через несколько дней Микаэл напишет в письме-отчете:

«В праздник Рождества Христова и Крещения я добрался до Парижа, где оставался четыре дня, и, выехав оттуда десятого, вчера, одиннадцатого января, прибыл в Лондон, где и пишу это письмо».

ГОСТИ ОРСЕТ-ХАУЗА

Национальное предшествует общечеловеческому, и каждый человек входит в человечество через свою национальность.

Микаэл Налбандян

Будущее торопит. Завтрашний день не может ждать...

Виктор Гюго

Прибыв в Лондон, Микаэл первым делом отыскал новый дом Александра Герцена — Орсет-хауз, старинный пятиэтажный особняк, окруженный рвом. Со стороны улицы он казался трехэтажным, так как был построен на небольшом склоне. И именно на первом этаже со стороны улицы, а фактически на третьем, находилась просторная, но скупое освещенная гостиная, где стояло пианино, а у каминов были уютные уголки для задушевной беседы. На том же этаже располагался кабинет Герцена. А в самой большой из трех верхних комнат жил Николай Огарев. Комната эта служила ему не только спальней, но и кабинетом.

Хотя лондонские пропагандисты лишь недавно перебрались в этот более удобный и просторный дом, Орсет-хауз в короткое время также стал местом паломничества для изгнанников-эмигрантов, охваченной революционными порывами молодежи и просто друзей и почитателей Александра Герцена.

В Орсет-хаузе Микаэла встретили тепло, как старого друга. Очень быстро выросло и число его новых знакомых. И уже в первые же дни своего пребывания в Лондоне Микаэл стал активно сотрудничать с ними.

Возможность развернуть на Кавказе и в Западной Армении освободительную борьбу, вполне реальные предпосылки для которой создали организованные в Константинополе тайные общества, безусловно, заинтересовала обитателей Орсет-хауза. Армения и армяне могли сыграть немалую роль в свержении царизма в России и уничтожении тиранического режима в Османской империи.

...Среди многих русских, посещавших Александра Герцена, особенно выделялся Николай Серно-Соловьевич, сразу же завоевавший симпатии хозяина Орсет-хауза. Несмотря на свою молодость, а Серно-Соловьевичу было тогда всего двадцать пять лет, это был очень умный и образованный человек, интересующийся всеми серьезными проблемами своего времени.

После окончания Александровского лицея Серно-Соловьевич поступил на службу в государственную канцелярию, в отдел государственного секретаря. А поскольку именно этот отдел занимался крестьянским вопросом, то он «изнутри» знал обо всех подробностях подготовки знаменитой реформы.

И, «изнутри» же увидев, как всячески препятствовали отмене крепостного права Орлов, Адлерберг, Панин и Муравьев, впоследствии прозванный Вешателем, пережил глубокое разочарование. Но потом решил, что если все дело в противодействии высокопоставленных чиновников и царь не ведает обо всем этом, то кто-то должен решиться открыть ему глаза.

Но где можно было найти такого человека? После долгих раздумий двадцатичетырехлетний юноша решил, что именно ему суждено стать этим человеком, который «откроет царю глаза». Просидев до поздней ночи, он составил объемистое письмо, тщательно переписал его и сам же на следующее утро повез в Царское Село.

По воле случая он оказался в одном поезде и даже в одном вагоне с шефом жандармов князем Долгоруковым. Не теряя хладнокровия, Серно-Соловьевич обратился к нему с вопросом, как можно увидеть царя, чтобы лично передать ему докладную записку относительно крестьянского вопроса. Трудно представить искреннее удивление князя, услышавшего такой вопрос. Шеф жандармов любезно объяснил молодому человеку, что царь его просто не примет, но сам он может оказать молодому человеку услугу и передать письмо по назначению.

Серно-Соловьевич, разумеется, не доверил письмо шефу жандармов. Ранним утром ему удалось проникнуть в парк, где около восьми обычно прогуливался царь.

Очевидец рассказывает:

«Когда он увидел государя с каким-то из его сыновей, он пошел за ним и слышал, как маленький великий князь говорит государю:

— Он идет за нами.

Государь продолжал идти молча.

— Он идет за нами, — повторил мальчик.

Государь вдруг обернулся и строго сказал:

— Что вам угодно?

— Хочу подать вашему величеству записку, — отвечал Серно-Цоловьевич, протягивая письмо.

— Для этого есть канцелярия, — сказал император и, повернувшись, пошел. Серно-Соловьевич за ним.

— Он опять идет за нами, — проговорил маленький великий князь. Государь обернулся.

— Что вам надо? — крикнул он.

— Хочу подать записку вашему величеству в руки.

— Как ваша фамилия?

— Серно-Соловьевич, ваше величество.

— Отдайте записку дежурному, и я вам даю слово, что, вернувшись с прогулки, прочту ее.

Серно-Соловьевич поклонился и ушел.

...На другой день приехал к его матери брат ее, занимавший довольно высокий пост, и объявил ей, что сын ее Николай сошел с ума, что он будет, вероятно, посажен в сумасшедший дом за дерзость, с которой он ворвался в парк и подал государю какую-то глупую записку. Мать с отчаяния занемогла. Прошло несколько дней в томительном ожидании. Наконец пришло предписание Николаю Серно-Соловьевичу явиться к князю Орлову... Он поехал. Князь Орлов вышел к нему и громко сказал: «Мальчишка, знаешь ли, что сделал бы с тобой покойный государь Николай Павлович, если б ты осмелился подать ему записку? Он упрятал бы тебя туда, где не нашли бы и костей твоих...» Затем, помолчав, он добавил: «А государь Александр Николаевич так добр, что приказал тебя поцеловать. Целуй меня...»

...Немного времени потребовалось Николаю Серно-Соловьевичу, чтобы убедиться, что ни царь, ни шеф жандармов не забыли его дерзость. Дерзость не в том, что он передал письмо, а в том, что он осмелился написать такое письмо!..

В декабре 1858 года Серно-Соловьевича освободили от службы в государственной канцелярии и отправили в Калугу. Здесь он познакомился с уже состарившимися декабристами Гавриилом Батеньковым, Петром Свистуновым, Евгением Оболенским и петрашевцем Николаем Кашкиным. Молодой Серно-Соловьевич питал большое уважение к этому «задушевному кружку людей». Но очень скоро пришло своего рода отрезвление. Бывшие декабристы и петрашевцы больше не связывали преобразование России с революционным движением, а Николай Серно-Соловьевич начал уже сомневаться в возможности и целесообразности

решать назревшие вопросы мирным путем сверху.

В 1859 году Серно-Соловьевич решил оставить государственную службу и. целиком отдаться общественной деятельности.

Николай Серно-Соловьевич — Николаю Кашкину.

4 мая 1860 г.

«Я отправился в Лондон и провел там две недели, вернулся освеженным, бодрым, полным энергии более чем когда-либо... Главное, надо решить в самом себе вопрос: веришь ли в Россию, в движение вперед, в собственные убеждения, — решить его положительно или отрицательно, но не оставаться посредине. Я говорю по собственному опыту; я был тревожен, беспокоен, метался во все стороны именно потому, что этот вопрос оставался нерешенным; теперь я решил его, решил положительно и сообразно этому определил образ действия».

Весь 1860 год он провел за границей. Интересно, что Николай Серно-Соловьевич тоже рвался туда, где гремели вулканы революции — в Италию, во Францию, Германию, Англию... «Самым важным для себя результатом поездки я считаю практическое знакомство с Европою и личное с некоторыми первостепенными личностями. В настоящее время нам, русским, необходимее, чем когда-либо, иметь верное понятие о Европе... Передовые мыслители и неграмотные работники давали мне одинаковый ответ на вопрос о настоящем положении: «Так длиться не может».

И тот самый юноша, который всего два-три года назад, уповая на доброту царя, дерзнул вручить ему свои рассуждения об отмене крепостничества, одну за другой опубликовал в 1860 и 1861 годах две свои работы — «Проект действительного освобождения крестьян» и «Окончательное решение крестьянского вопроса».

«Отмена крепостного права, с нравственной точки зрения, есть прекращение насилия, произвола, несправедливости; с практической — изменение общественного устройства, разорительного для государства, — был убежден Николай Серно-Соловьевич и требовал: — Освобождение крестьян с землею — самый верный залог будущего величия России... Освободите общину от двойного гнета крепостного права и бюрократизма, дайте ей пожить несколько времени собственной, естественною жизнью — тогда только обнаружится громадная сила начала, благодаря которому русский народ сохранится вопреки систематическому вековому

растлению!»

«Я публикую проект — потому, что крестьянский вопрос — не решен или, правильнее — искажен положением 19 февраля...

Я публикую его под своим именем, — потому, что думаю, что пора нам перестать бояться;

потому что, желая, чтобы с нами перестали обращаться как с детьми, мы должны перестать действовать по-детски;

потому что тот, кто хочет правды и справедливости, должен уметь безбоязненно стоять за них!»

Так заканчивал свой второй труд Николай Серно-Соловьевич, дружба и сотрудничество которого с Микаэлом Налбандяном продолжится и в Петербурге. И с ним Микаэл разделит свою трагедию 1862 года...

Одним из постоянных гостей Орсет-хауза был Василий Кельсиев, влюбленный в языки и в совершенстве владевший китайским, монгольским, санскритом, диалектами финского... Познакомившись с этим двадцатичетырехлетним молодым человеком и сблизившись с ним, Микаэл думал, наверное, что тот станет его помощником и даже больше — его уполномоченным в тайных революционных кружках Константинополя. Во всяком случае, меньше чем через год, когда уже вполне определенно вырисовывались контуры организации «Земля и Воля», Кельсиев с паспортом, который достал ему Налбандян, находился на берегах Босфора...

Кстати, как утверждает Очевидец, «Кельсиев начал, как начинает большинство молодежи того времени, только он кончил иначе».

А «то время» — это время, когда сметались старые порядки, старые понятия, старые формы жизни. И в движении этом приняли участие почти все, кто начал думать. А мыслящая молодежь не только пересматривала прошлое России, но и с той же безжалостностью обсуждала прошлое и настоящее Европы... Русская молодежь, сразу же примкнув к «крайне левой стороне», пошла еще дальше и, как утверждает Очевидец, «никто не хотел верить, что это далекое не могло быть начато теперь же».

Именно в эти времена расцвета передовой мысли и неустойчивого равновесия и появился Василий Кельсиев в Орсет-хаузе.

«Я приехал в Лондон в мае 1859 г. Поводом к этому была болезнь моей жены, побудившая меня взять отпуск на шесть

месяцев от Российско-Американской компании, в колонии которой я ехал старшим помощником бухгалтера. Жена моя захворала в Плимуте сильным кровотечением после родов; доктора советовали ей ехать летом в Германию, а для этого нужно было достать паспорт, так как, кроме отпуска, у меня не было других документов. Это обстоятельство и понудило ехать в Лондон... Я приехал в Лондон с больною семьей и должен был остаться там на целое лето, так как паспорт не приходил из Петербурга. Настала осень, ребенок хирел и хирел, а между тем срок отпуска выходил... Я подал прошение об отпуске еще на полгода. Компания предложила мне или немедленно ехать, или подать в отставку...

Причины, побудившие меня пойти в генеральное русское консульство в Лондоне заявить, что я отказываюсь от своей карьеры, что порываю с отечеством, с родными, с близкими, заключалась в общем тогдашнем настроении русской молодежи. Герцен и Огарев долго и упорно уговаривали меня отказаться от моего намерения, но дух времени сильнее здравого смысла; я остался в Лондоне против их желания, без определенной цели, без выясненной задачи...»

«...Без определенной цели, без выясненной задачи...» Такое тогда вовсе не было редкостью. Многие стремились в далекую Аляску. Ехали выучиться чему-нибудь, что-то сделать, создать для себя какие-то иные, более удовлетворяющие их условия жизни. Что поделать, это тоже был своеобразный выход, но только для тех, кто восставал лишь против своей материальной неустроенности и нищеты, и которые, может, и мечтали о свободе, но, как назло, и сами не могли понять, чего же они хотят...

Годы спустя Василий Кельсиев расскажет о своем знакомстве с Налбандяном:

«Я его встретил у Трюбнера, куда он зашел, чтобы отыскать русских. Мне любопытно было потолковать с армянином об их делах, а ему хотелось душу отвести с русским и найти переводчика для его сношений в Сити. Мы провели целый день вместе, побывали в нескольких конторах, с которыми он хотел войти в сделку по торговле шелком, и я сильно ему понравился за свое сочувствие к восстановлению в Турции армянской государственности от Арарата до Средиземного моря. В этот день

и в те две недели, что он был в Лондоне, я не раз высказывал ему желание побывать в Азии, пожалел, что у меня нет паспорта, а он, как все его земляки, хвастался влиянием армян на дело мира сего, уверял меня в их всемогуществе и обещал мне достать через них паспорт».

Учитывая, что Василий Кельсиев написал все это в своей знаменитой «Исповеди», где сожалел и каялся в своем «революционном прошлом», нетрудно отделить правду о его знакомстве с Налбандяном от вымысла. В конце концов он написал все так, как было. И только утверждение, что Микаэл Налбандян был купцом, не соответствует действительности. Впрочем, мы очень скоро убедимся, что и здесь «исповедующийся» Кельсиев был искренен, поскольку «сделки» Микаэла означали еще кое-что...

Искренен был Кельсиев и когда писал, что Герцен и Огарев отговаривали его от желания остаться на чужбине. «Не закрывайте себе дороги к возврату, не изведав жизни на чужбине», — советовал ему Герцен, но напрасно.

...Кельсиев не отказался от своего решения. Он обязательно желал сотрудничать с лондонскими пропагандистами, поэтому им не оставалось ничего другого, как спасти его от голодной смерти. Особенно после того, как Герцен имел случай лично убедиться в крайне бедственном положении этого несерьезного человека.

«Когда я в первый раз посетил Кельсиева, — вспоминал впоследствии Герцен, — его не было дома. Очень молодая, очень некрасивая женщина, худая, лимфатическая, с заплаканными глазами, сидела у тюфяка, посланного на полу, на котором, весь в лихорадке и жаре, метался, страдал, умирал ребенок, году или полутора...»

Александр Герцен вынужден был взять его, как и многих других эмигрантов, под свою опеку и поручить ему кое-какую второстепенную работу в «Колоколе».

...Эта «второстепенная работа» заключалась в распространении «Колокола» на юге России через Константинополь и Трапезунд, а также обеспечение связи с созданными тайными обществами.

Вот почему Микаэл Налбандян «хвастливо, как все его земляки»,

пообещал Кельсиеву добыть для него паспорт турецкоподданного.

Всего неделю пробыв в Лондоне, Микаэл Налбандян вернулся в Париж. А через десять дней он вновь выехал в Лондон...

Эти его метания через Ла-Манш кажутся нам странными, ибо создается впечатление, будто он не находит себе места. И все-таки почти полтора месяца в Лондоне на выполнение одних лишь формальностей по индийскому делу все-таки многовато для вечно спешащего и нетерпеливого Микаэла. Он и сам чувствовал, что надо достаточно веско обосновать свое столь длительное пребывание в Европе, поэтому объяснял это необходимостью лучше изучить английский, дабы во время рассмотрения дела в Индии не оказаться в положении глухонемого. Поверим Микаэлу еще раз, поверим, что во время своего предыдущего путешествия он не смог углубить свои познания в английском... Однако по меньшей мере странным выглядит то, что свои познания в английском он более месяца углублял в... Париже!

Да, когда дело касалось его непосредственной миссии в Индию, Микаэл становился удивительно медлительным...

В то самое время, когда Налбандян находился в Лондоне, слухи об освобождении крестьян наконец подтвердились, «перестали быть слухами, сделались истиной, великой и радостной правдой».

В тот день Александр Герцен, как обычно, проглядывал почту в своем кабинете. Взяв «Московские ведомости», он увидел в них манифест. Герцен пробежал его начало, сильно дернул за шнур звонка, не выпуская из рук газету, бросился с ней на лестницу и громко крикнул своим звонким голосом:

— Огарев, Натали, Наташа, да идите же скорей!..

В одну минуту сбежались все домашние, догадываясь, что произошло нечто чрезвычайное, но, судя по голосу Герцена, хорошее.

— Садитесь все и слушайте, — сказал Герцен и стал читать манифест. Голос его прерывался от волнения, поэтому он передал газету Огареву: — Читай, Огарев, я больше не могу...

Огарев дочитал манифест своим спокойным тихим голосом. Ликовал он не меньше Герцена, однако сумел удержать себя в руках.

Потом Герцен предложил Огареву вместе прогуляться по городу: ему нужно было воздуха, движения... Огарев предпочитал прогулки в уединении, но тут он охотно принял предложение друга.

В тот же день решили торжественно отметить столь великое событие в

жизни России. Воодушевленные домашние Герцена сшили разноцветные флаги, готовили фонарики, многоцветные стаканчики для иллюминации дома. На два больших флага нашили из белого коленкора надписи: «Освобождение крестьян в России 19 февраля 1861 года» и «Вольная русская типография в Лондоне».

В назначенный торжественный день с раннего утра стали собираться гости. В основном это были русские и поляки. С опозданием приехал только Тхоржевский. Приехал и принес черную вестъ: в Варшаве русским солдатам приказали открыть огонь по манифестантам...

— Что??. — вскричал Герцен.

— Не может быть! — закричали другие.

Тхоржевский показал им снимки убитых, только что переданные из Варшавы.

Герцен побледнел...

...Слуга сообщил, что обед подан. Гости и хозяева спустились в столовую. Все были подавлены — и русские и поляки. Обед прошел тихо. Когда подали шампанское, Герцен встал с бокалом в руке и провозгласил тост за Россию, за ее преуспевание и благоденствие.

— Господа, — под конец сказал он, — наш праздник омрачен неожиданной вестью: кровь льется в Варшаве, славянская кровь, и льют ее братья славяне!..

А через несколько дней Герцен записал: «Праздник наш был мрачен... рука наша опустилась... Преступление слишком свежо, раны не закрылись, трупы не остыли... Выпивши за освобожденного русского крестьянина, без речей, без шума, мы предложили один тост: за полную, безусловную независимость Польши, за братское соединение русских с поляками!»

Тем не менее вечером дом был освещен, над Орсет-хаузом развевались флаги. К приехавшим утром гостям прибавились итальянские эмигранты с Мадзини и Саффи, французские, среди которых выделялись Луи Блан и Таландье, немцы, англичане и много незнакомых русских и поляков.

...От глаз Микаэла не ускользнуло, что среди гостей Орсет-хауза, друзей, знакомых и почитателей лондонских пропагандистов бывали и люди подозрительные, во всяком случае, не внушающие доверия.

Хозяева, естественно, догадывались, что среди посетителей наверняка окажутся и шпионы. Но что они могли поделаться?! Иногда им удавалось распознать агентов Третьего отделения, как это случилось, например, с неким господином Хатынским.

Ему удалось напроситься в Орсет-хауз, и однажды он в гостиной

вдохновенно рассказал о том, как тепло и сердечно приняли его моряки, узнав, что ему довелось встречаться с самим Герценом. Господин Хатынский решил переночевать на корабле, и моряки вместо подушки положили ему под голову «Полярную звезду» и «Колокол»...

Но таких нелепых детских вымыслов оказывалось слишком мало, чтобы завоевать доверие обитателей Орсет-хауза. Надежда Огарева-Тучкова почувствовала какую-то смутную антипатию к господину Хатынскому, почивавшему на «Колоколе» и «Полярной звезде», и сообщила о своих подозрениях мужу. А еще через несколько дней из Петербурга пришло письмо, в котором их предупреждали, что господин Хатынский служит в Третьем отделении. Итальянские революционеры, узнав об этом, порешили в своем кругу отрядить троих для неусыпного наблюдения за ним. «Такой бдительный надзор, вероятно, не понравился ему, — сообщает Очевидец, — потому что вскоре он окончательно оставил Англию».

Но отнюдь не все шпионы, проникавшие в дом Герцена, разоблачались так легко. Но тут уж ничего не поделаешь... В те далекие времена все крупные революционные деятели в Москве, Риме, Лондоне, Париже, Варшаве, Берлине и других городах не только проповедовали идеи свободы, но и накапливали опыт практической работы. Крупицы этого опыта приносили победы, но чаще приводили к серьезным ошибкам и поражению. Очень часто они простодушно и наивно выдавали себя, проваливая и своих людей, и свое дело... Накопленный опыт им самим помогал мало, но зато им должны были воспользоваться грядущие поколения революционеров.

Чем больше расширялся в Лондоне круг единомышленников Микаэла Налбандяна или в крайнем случае сочувствующих, тем обширнее становились его планы.

Он не только продолжал укреплять свои прежние знакомства, но успевал налаживать новые связи. Микаэл лихорадочно занимался организацией свободной армянской печати, и естественно, что часть своего времени он уделял освоению опыта «Вольной русской типографии». А еще надо было писать...

Когда он успевал все это? Однако же успевал. Где бы он ни был, как бы ни был занят, как бы ни страдал от своих проклятых болезней, он успевал и действовать, и писать, и общаться с людьми, и знакомиться с условиями общественной жизни, и интересоваться новыми для себя отраслями знания.

Все эти лондонские недели он не переставал заниматься и вопросом Ованеса Чамурчяна.

Посланное редактору «Мегу» письмо сильно раздражило поклонника магии и демонов, особенно же те строки письма, где Налбандян утверждал, что «люди вышли из рук творца равноправными». Их и выбрал Ованес Чамурчян, чтобы в своем ответе объявить своего оппонента «мотающимся по Европам социалистом или красным республиканцем», что, между прочим, было истинной правдой. Однако бывает такая правда, говорить о которой равнозначно явному предательству.

Нападая на Налбандяна, Чамурчян, как это характерно для людей продажных, трусливых и подлых, представлял дело так, будто сам редактор «Мегу» вообще не имел отношения ни к письму, ни к Микаэлу Налбандяну.

Нетрудно разгадать этот коварный шаг Чамурчяна, который и ранее использовали враги, чтобы оторвать Степаноса Назаряна от Микаэла. Поэтому Арутюн Свачьян без промедления выступил со статьей:

«Г-н Чамурчян прежде всего начал с разделения мнения нашего и г-на Налбандяна: мол, якобы, предоставив вниманию наших читателей написанное им письмо, мы не брали на себя никакой ответственности. Благ господь, если никто, кроме г-на Чамурчяна, не смог понять наше умышление! Так слава же ему, что смог он понять, будто обратить внимание читателей на публикацию означает, что редактор не несет ответственности за нее!.. И мы сейчас уведомляем его, что заключение его ложно, а сами мы согласные каждой строчкой, с каждой буквой написанного г-ном Налбандяном письма и готовы встать на их защиту».

Таким образом, Арутюн Свачьян принял на себя первый огонь. Поспешив отправить в Париж, где находился Налбандян, номер «Еревана» со статьей Чамурчяна, он в то же время уведомил своих читателей об этом:

«Поскольку эта статья была написана против г-на Налбандяна, мы не желаем нарушать его права и отвечать вместо него. Поэтому, отправляя г-ну Налбандяну тот номер «Еревана», будем ждать его ответа. Сообщаем одновременно, что в случае его молчания мы готовы защищать его положения».

Но Налбандяну, разумеется, и в голову не пришло промолчать. Он

немедленно принялся за ответ, хотя в это самое время был очень занят работой по составлению программного документа русского революционного движения, над которым уже работали под руководством Огарева в разное время прибывшие в Орсет-хауз Николай Серно-Соловьевич, Александр Слепцов, Николай Шелгунов, Михаил Михайлов, Николай Обручев и другие.

Ответ Чамурчяну Микаэл писал с воодушевлением... Воодушевлен он был не только возможностью вступить в новый бой и «разлить желчь врага», но и той свободой, которой обладал здесь, за границей. Поэтому, вновь взяв в руки перо, он впервые писал, не стесняясь цензурными рогатками, ибо согласно предварительной договоренности его статья, озаглавленная «Две строки», должна была выйти в вольной типографии его старого друга Джаника Арамяна.

И почему бы ему не выбрать эпиграфом строчки из своего стихотворения «Свобода», которое, выйдя в «Юсисапайле» за подписью графа Эммануэля, не только не сходило с уст армянской молодежи, но и стало песней?!

«Две строки» были, по существу, новым вызовом, новой программой действий, выражением удивительной решимости сражаться во имя справедливости и свободы.

«Мы считаем себя счастливыми, провозглашая человеческую свободу, равенство в правах, узурпированных деспотами или потопленными в пестрой смеси вековых традиций...» —

заявлял Микаэл Налбандян.

«Случайные звания и почетные чины перед лицом закона не могут быть оправданием от вины и защитой от возмездия, ибо это возмездие не просто месть, а защита общественного права».

«Наш заветный долг — служить, насколько хватит сил, человечеству, поскольку все мы живем на земле вместе».

«Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа. Себя и свое перо мы посвятили не богачам: под грудами своего серебра они неуязвимы, особенно при власти деспотов».

«Но тот злосчастный армянин, тот жалкий, нищий, голый и голодный армянин, угнетаемый не только чужими варварами, но и своими богачами и полуграмотными так называемыми учеными или философами, — этот армянин совершенно справедливо

привлекает наше внимание, и ему, не колеблясь ни секунды, посвятили мы все свои силы».

Далее Налбандян представлял и свои требования. Представлял по праву хозяина, представлял как полноправный сын своего народа и испытанный кормчий общественной жизни армян.

Это были требования реформ.

Налбандян требовал реформы в управлении хозяйством церкви, «чтобы отныне не расхищались церковные средства, не подвергались ограблению и воровству церковное золото и серебро, не расплавлялись бы они в тиглях европейских ювелиров».

Он требовал реформы в отношениях отцов церкви и вообще духовенства с народом.

Нет ничего губительнее для народа, когда деятели его духовной жизни невежественны, когда они не только презирают национальное достоинство и достояние, но и вообще не говорят на родном языке.

И вновь, может, неблагоприятно и все-таки оставаясь верным себе, Налбандян скажет:

«И вот стоим мы ныне на открытой арене и, надеясь остаться неуязвимыми для вражеского оружия, не укрываемся за барьером разных ложных принципов и софистических идей, в которые не верим, которых не признаем и которые решительно отвергаем. Мы говорим просто, так что можем, не краснея, отчитаться перед нашим разумом во всем, сказанном нами...

...Защищать нещадно попираемые права армянина — вот подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой и будем служить ей не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью провозглашаемую нами доселе свободу.

Вот наше кредо, в котором мы видим спасение нашего народа!»

Обратите внимание: «Не только словом и пером, но и оружием и кровью!» Да, Микаэла уже действительно не удовлетворяли лишь слово и перо. Пусть ждут его тюрьма и ссылка, муки и поражение, он никогда не отвлечется от главной своей цели — спасения народа!

И для него это не были просто красивые досужие слова. Ближе и

лучше узнав Микаэла, мы должны верить, что он, как всегда, оставался верным своему принципу — гармонии слова и дела!

Поэтому в Лондоне Налбандян прежде всего приобрел револьвер и пятьдесят патронов. А еще через несколько дней — трость, из которой при нажатии потайной кнопки выскакивала шпага...

К сожалению, на сей раз не сохранилось никакого упоминания пли письма, чтобы мы хотя бы по отдельным картинкам могли восстановить деятельность уже вооруженного револьвером и шпагой революционера, хотя точно известно, что из Лондона Налбандян написал около пятидесяти писем. Из этих писем дошли до нас лишь три совершенно невинного содержания, все три адресованные Карапету Айрапетяну. Представляясь в них крайне пунктуальным и добросовестным человеком, Микаэл сообщает в них о своих переговорах по делам индийского наследства с английскими властями и русским послом. И все...

Причем он пишет длинно и нудно, со скучными подробностями описывая, как было утверждено и скреплено печатью его свидетельство уполномоченного и какую после этого силу оно приобрело в британских учреждениях. Сообщил о том, каким маршрутом отправится в Калькутту, сколько дней плыть из Марселя в Египет и сколько дней длится путь из Египта до Индии, а также о том, насколько зима затянула его путешествие... Получалось, что он рассказывает обо всем, но фактически обо всем умалчивает. С такой оригинальной манерой умолчания Микаэла — безудержным многословием о совершенно незначительных пустяках — мы еще встретимся, когда познакомимся с материалами Сенатской следственной комиссии.

А пока целых двадцать шесть месяцев отделяло Микаэла от того рокового дня, когда он очутится в Петропавловской крепости, чтобы после длительного и тягостного судебного разбирательства быть отправленным в ссылку и на смерть...

В ИНДИИ

Меня ничто не может радовать, за исключением того, что свершается на пользу нашего несчастного народа.

Микаэл Налбандян

Его гибкий ум был настолько разносторонен, что, чем бы он ни занимался, казалось, будто он рожден только для одного этого.

Тит Ливий

**Микаэл Налбандян — Анании Султаншаху.
Калькутта, 26 июня 1861 г.**

«До сих пор не смог написать тебе письма... Но знаю, что ты меня не забыл; В целостности и сохранности прибыл в Калькутту 30 мая и, по всей вероятности, останусь здесь еще на некоторое время. От Суэца до сюда двадцать четыре дня были в море... Выходя из Красного моря, четыре часа простояли в городе Аден. Это древний арабский Татмор, некогда построенный Соломоном и ставший источником вдохновения для арабских поэтов. От Татмора отправились на остров Цейлон, до которого в свое время добрались иезуиты, когда только устанавливались их дьявольские порядки... Из Цейлона — в Мадрас, а из Мадраса — в Калькутту...

Дела мои идут довольно хорошо, но звезда их окончания пока еще не появилась в небе... Наверное, пробуду здесь месяца полтора-два. Но каким путем вернусь в Россию — через Константинополь или Лондон, зависит от хода моего дела. Пока что у меня в здешнем Верховном суде три процесса. Однако надежда увидеть в Константинополе прекрасную армянскую школу подбадривает меня и укрепляет мою физическую слабость, возникшую вследствие адской жары.

Прошу, никому не говори, что получил от меня письмо...

Чем ты занят сейчас, в каком положении?.. Потерпи, брат, потерпи до моего приезда, мы, несомненно, найдем повод собраться с друзьями вкушать с миром кусок хлеба...»

Микаэл был уверен, что дела о наследстве решатся быстро. Во всяком случае, учитывая педантичность английского судопроизводства к мелочам и его традиционный дух, он заранее подготовил все к тому, чтобы как можно быстрее закончить все и покинуть Калькутту.

И вот не прошло и двух недель, как он в Индии, а Микаэл уже раздумывал: поехать ему сразу в Лондон или сначала заехать в Константинополь? Микаэл знал, что события назревают. В Константинополе, а затем в Париже и Лондоне он наладил новые связи, разработал новые планы, которые в эти времена неустойчивости и человеческого равнодушия могут пойти прахом, если он задержится слишком надолго.

...Прибыв в Калькутту, Микаэл поселился в отеле «Галлайс». Как он и подозревал, уже одно то, что он поселился в самой лучшей и дорогой гостинице, произвело впечатление на местных армян. А на местные власти в особенности! По распространенной привычке армяне, бывающие в чужих пределах, по своему невежеству держались как беженцы, унижались перед чужаками и избегали лишних трат, даже если это могло оказаться выгодным и помогло бы им завоевать доверие и авторитет в местных деловых кругах...

Отдохнув после длительного морского путешествия, Микаэл на следующий же день приступил к делам.

Прежде всего надо было познакомиться с местными армянами и заручиться их поддержкой. И по возможности подальше держаться от епархиального начальника епископа Тадеоса Бекназаряна, который, если помните, еще четверть века назад был отряжен из Эчмиадзина, дабы проверить состояние доверенных Мкыр-ага Попову церковных средств, однако, тут же настроившись против Габриэла Патканяна, оклеветал этого одинокого тогда борца за справедливость.

Первый визит Микаэл нанес Арутюну Абгаряну, почтенному старцу лет уже за восемьдесят. Как богатый и крупный купец, заключавший сделки с самыми известными торговыми домами Европы, он пользовался здесь большим авторитетом.

Арутюн Абгарян тепло и сердечно принял земляка из далекого Нахичевана, рассказал о том, что не могло быть изложено в завещаниях, сообщил также, что недвижимое имущество Масеха Бабаджаняна — его

дом и магазины — находятся под общим попечением городского управления Калькутты, поэтому следует посетить председателя городского управления господина Чарльза Свинтона Хагга. Дело в том, что пять процентов доходов от завещанного имущества господин председатель получает как плату за попечительство, поэтому, предупредил Арутюн Абгарян, он наверняка постарается воздвигнуть перед Налбандяном искусственные препятствия, поскольку ему грозит опасность лишиться «законных» пяти процентов.

Кроме этих крайне важных сведений, которые помогли Налбандяну разобраться в обстановке и узнать заинтересованные стороны, он получил в свое распоряжение также и юриста Абгаряна — знатока английского законодательства Петроса Аковба Пала.

Несколько дней Микаэл Налбандян и Пал готовили необходимые документы и переводили их на английский. Одновременно они ознакомились с балансом недвижимого имущества завещателя... Но когда 5 июля Налбандян встретился с господином Хаггом, прося его ускорить процедуру передачи завещания, председатель городского управления, сославшись на свою занятость и сложность вопроса, ответить обещал не раньше чем через неделю. Во время этого разговора он с некоторым удивлением поинтересовался, в чем причина, что после шестидесятилетнего равнодушия начихеванцы именно сейчас заинтересовались завещаниями. В устах англичанина этот вопрос прозвучал как вполне обоснованное подозрение. А подозрения могли быть опровергнуты лишь через суд.

Эта перспектива заставила Налбандяна не только по возможности ускорить ход дела, но и внести кое-какие коррективы. Дело в том, что согласно общему положению Верховный суд с 14 сентября распускался на четырехмесячные каникулы. Если до этого ничего не удастся сделать, то Микаэлу грозило застрять в Калькутте как минимум до середины января. А если учесть еще время, необходимое для рассмотрения дела и вынесения решения...

Налбандян решил самолично проверить состояние завещанного имущества. Огромный дом и магазины находились возле армянской церкви св. Назарета, на одной из главнейших улиц, называемой «Китайский рынок». Главнейшей не только своей красотой и роскошными домами, но и торговым оборотом. Строения находились в хорошем состоянии. Микаэл отметил даже, что благодаря исключительной заботливости городского управления они выглядят как новые. Далее Микаэл вместе с Палом уточнил не только стоимость завещанного имущества, но и доход, который они

приносили. И вновь неожиданность: выяснилось, что когда недвижимое имущество завещается более чем одному наследнику, то они получают свою долю только из доходов от завещанного имущества. А поскольку Масех Бабаджанян разделил свое имущество на шестнадцать частей и лишь восемь из них завещал нахичеванцам, то как дом, так и магазины должны были оставаться под попечительством городского управления Калькутты, а нахичеванцы могут получить лишь свою долю доходов от них...

С одной стороны, такие вот неожиданности, а с другой — господин Хагг, всячески затягивающий дело. Даже отчетные книги, по которым только и можно выяснить точную сумму доходов, он показал Налбандяну лишь после долгих отговорок...

И тут выяснилось, что господин Тейтон, один из бывших членов городского управления, вопреки закону и завещанию продал один из домов. Конечно, можно было опротестовать эту незаконную сделку и даже потребовать вернуть весьма внушительную сумму, но... Но только после вынесения судом решения по основному делу. И после нового судебного разбирательства...

Значит, волокита за волокитой. А еще нетерпение вернуться к лондонским и константинопольским делам, жара, физическая слабость, наконец, болезни, для излечения которых нужно время, а его всегда так не хватало Микаэлу!..

Микаэл Налбандян — Карапету Айрапетяну.

12 мая 1861 г.

«Посочувствуй мне, ибо судебное разбирательство тут вовсе не такое, как в Лондоне, а неимоверно медленно. Скорее бы завершить по возможности это нескончаемое дело и вернуться в Россию, поскольку путешествие это, весьма тяжелое и скучное, выжало из меня последние силы...»

Увы, одним только завещанием Масеха Бабаджаняна не ограничивались дела Налбандяна в Индии. Нужно было разобраться еще и с завещанием Катаринэ Ходжамаян. Арутюн Абгарян и другие калькуттские армяне, с которыми подружился Налбандян, поведали ему, что этими завещанными суммами долгое время ведал брат Катаринэ — Егпа Минасян, в высшей степени честный и достойный человек. В ожидании, когда нахичеванцы явятся наконец за завещанным, он не только сберег эти суммы, но и приумножил их.

Микаэлу рассказали также, что по поводу завещания сестры Егия Минасян многократно писал в Эчмиадзин, всем католикосам, занимавшим патриарший престол в последние десятилетия, но даже не получил ответа...

Эта поистине «дьявольская беспечность», длившаяся шесть с половиной десятилетий, не была, разумеется, новостью для Микаэла. Удручало другое: «Мы, сыновья беспечных отцов, вынуждены искупать их грех равнодушия ценой невероятных потерь».

Но то, что рассказали Микаэлу старики, было только цветочками...

...Так и не дождавшись отклика из Эчмиадзина или Нахичевана-на-Дону, Егия Минасян на смертном одре поручил заботы о завещании своему сыну Ованджану. Тот до самой смерти свято выполнял волю отца, а умирая, также передал попечение над деньгами своей жене Варвара Элиаз.

Микаэл решил немедленно встретиться с ней, но выяснилось, что госпожи Элиаз нет в городе.

И вновь пришел на помощь Микаэлу Арутюн Абгарян, прекрасно разбиравшийся во всех делах армянской общины в Калькутте. Он дал Налбандяну адрес, по которому тот мог найти госпожу Элиаз.

Микаэл написал ей письмо и, представив свою миссию, попросил о встрече:

«Многоуважаемая госпожа!

Нижеподписавшийся, желая посетить Вас и по обстоятельствам своей должности поговорить о наследстве покойной достопочтенной госпожи Катарина Ходжамальян, которое она предназначила на благоустройство города Новый Нахичеван, что возле Азовской крепости, покорнейше просит оказать ему честь и назначить встречу, где и когда соизволит многоуважаемая госпожа.

Остаюсь в ожидании Вашего решения и прошу принять заверения в моем глубочайшем уважении к Вам, досточтимая госпожа,

Ваш покорный слуга, кандидат Санкт-Петербургского императорского университета

Микаэл Налбандян».

Эти последние строки, по мнению Микаэла Налбандяна, должны были оказать впечатление на госпожу Варвара Элиаз.

И действительно!

Госпожа Элиаз, которой, как выяснится вскоре, уже надоело заниматься делами о наследстве, немедленно ответила «кандидату императорского университета», тем более что его полномочия подтверждали Верховный пастырь армян католикос Маттеос и правительства России и Англии. Она пообещала встретиться с ним сразу по возвращении в Калькутту.

Явившись к госпоже Элиаз в назначенный день, Микаэл представал ей своя полномочия и сообщил о своем желании получить завещанные суммы. Однако с изумлением услышал, что нельзя дважды подряд требовать одни и те же деньги.

То есть как это дважды?!

Да, дважды, ибо требование выдать завещанные деньги предъявил также... Габриэл Айвазовский и даже отрядил человека к епархиальному начальнику в Индии Тадеосу Бекназаряну...

Поистине Габриэл Айвазовский превратился в сущее наказание для Микаэла; в каком бы уголке света он ни находился, Айвазовский проклятием преследовал его...

Никогда еще, наверное, не приходил в такое бешенство Микаэл Налбандян, как в тот день.

Микаэл Налбандян — Карапету Айрапетяну.

«В свое время мы обо всем этом напишем, расскажем обо всем будущим поколениям, навечно поставив клеймо несмываемого позора на лоб нашего презренного врага!...»

Но ярость Налбандяна сейчас не могла помочь делу: госпожа Элпаз не собиралась уступать и заявила, что признает действительным только постановление Верховного суда о том, кому следует передать наследство Катаринэ Ходжамальян — посланнику Нахичевана-на-Дону Микаэлу Налбандяну или Тадеосу Бекназаряну, доверенному Габриэла Айвазовского.

Итак, буквально из ничего родилось еще одно судебное дело, наверняка требующее незапланированных новых расходов...

Однако со всем этим все же можно было примириться, учитывая, что всевозможные неожиданности в делах подобного рода закономерны и неизбежны.

Микаэла вывел из себя другой случай, который словно поджидал своего часа.

Но вот наступил этот час, и один за другим всплыли многочисленные факты и свидетельства, говорящие о совершенно плачевном состоянии армянской общины в Индии...

Из-за равнодушия нахичеванских городских правителей и духовных деятелей армяне понесли двойной ущерб.

Прежде всего выяснилось, что многие из завещаний безвозвратно исчезли. И материальные потери, какими бы они ни были значительными, не шли ни в какое сравнение с тем громадным моральным ущербом, который понесли армяне, по нерадивости своей потеряв свидетельство чистоты и благородства помыслов своих индийских соотечественников...

Живя среди других народов, армяне, как убедился Микаэл Налбандян за четыре месяца в Калькутте, приобрели репутацию людей, которые и пальцем о палец не ударят даже ради защиты своих жизненных интересов. И все, кто повинен в подобном губительном поведении, «достойны презрения будущих поколений», — в гневе писал Микаэл своему другу.

Но это была лишь явная всем сторона явления. А ведь существовала и другая, тайная и не менее гнусная...

Чем равнодушнее и беспечнее относились нахичеванцы к своим собственным интересам в отношении завещаний, тем большую активность проявляли некоторые авантюристы, чтобы присвоить эти почти дарованные деньги. И частично им это удалось. Среди таких ловкачей оказались Габриэл Айвазовский и Аковба Крчикян, родственник все того же Айвазовского. В свое время не без помощи этого Крчикяна была закрыта в Париже газета «Аревелк» Степана Воскана.

...Еще с юношеских лет узнал Микаэл Налбандян всевозможных богачей и «патриотов», покупающих и подкупающих нацию. Видел, как их презренная взятка достигает своей цели. Сейчас, годы спустя, он вновь сталкивался с фактами, когда те же или, почти те же богачи тайно пытались ограбить нацию — не без успеха. Они грабили, как разбойники с большой дороги, не принимая в расчет воли завещателей и не питая ни капли почтения к памяти этих добродетельных людей.

Ничего, успокаивал и утешал себя Налбандян. Ничего... Скоро, скоро уже выкроит он время в Париже, Константинополе или Лондоне, напишет обо всем этом, опубликует в «Юсисапайле» и отвесит очередную оплеуху этим людям, выступающим от имени нации и распинающимся о своем патриотизме...

В сентябре Верховный суд в бенгальской крепости Вильям рассмотрел иск посланца Нахичевана-на-Дону к председателю городского управления Калькутты Чарльзу Свинтону Хаггу о завещаниях индийских армян.

Ознакомившись с объяснениями Налбандяна, свидетельствами калькуттских армян Геворга Аветика, Ованеса Арутюна и Арутюна Маила и учтя также все доводы «за» и «против» адвокатов сторон, Верховный суд постановил, что истинными наследниками являются город Нахичеван-на-Дону и его учреждения, что именно Микаэл Налбандян является их единственным полномочным представителем и имеет право получить половицу всех доходов по завещаниям вплоть до 1861 года, ту же долю во все последующие годы, а также соответствующую долю из сумм, вырученных за продажу домов.

Все те деньги, которые можно было получить сразу, Микаэл взял с собой. Распорядиться остальными счетами и через Бенгальский банк перечислить их в Лондон на его имя Налбандян с согласия председателя городского управления господина Хагга уполномочил торговый дом Абгарянов. Микаэл также попросил Абгаряна выслать все документы на суммы дальнейших доходов, так как на основе их он в ближайшем будущем должен составить отчет и представить его общественному собранию города Нахичевана.

Конечно, можно было судиться еще и вернуть также в пропавшие суммы, однако Микаэл уже не мог терять драгоценное время. Да к тому же терять его попусту сейчас, ибо до окончания каникул Верховного суда ему нечего, абсолютно нечего делать в Калькутте...

Некогда могучая и влиятельная армянская община в Индии сейчас находилась в состоянии нравственного и морального упадка. То есть в том же положении, что и общины в Армянском округе, Константинополе, Париже, как повсюду в самой Армении...

С одной стороны — копились богатства, развивалась торговля и промышленность, а с другой — по было благотворительных учреждений, но было полезных обществ и предприятий, не было социальной жизни, практически не существовали общественные отношения... Не было жизни!..

И Микаэл Налбандян приготовился к отъезду.

Но нет, ему оставалось выполнить еще два дела — на первый взгляд вроде незначительных. Но решив их, Микаэл не мог пуститься в путь.

Он был уверен, что если сам не напомнит, то соотечественникам его даже в голову не придет почтить благодарностью память Масеха Бабаджаняна. Значит, прежде всего нужно выяснить, где находится могила этого истинного патриота.

«Настоятелю Калькуттской церкви св. Назарета г-ну Карапету Вртанесяну.

Уважаемый святой отец!

Прошу у Вас сведений о том, где покойся прах Массха Бабаджаняна, который скончался в 1797 году от рождества Христова.

Честь имею обратиться к Вам, уважаемый святой отец, с этим письмом, дабы соблагоизволили Вы дать достоверные сведения об этом.

Прошу принять мои искренние уверения в неизменном к Вам уважении.

Остаюсь Вашим покорным слугой

М. Налбандян».

Карапет Вртанесян добросовестно ответил Налбандяну, тщательно описав в письме, где и которая именно из могил принадлежит Масеху Бабаджаняну.

Описание такое необходимо, чтобы нахичеванцы установили на его могиле хотя бы скромный памятник с благодарственной надписью.

За несколько дней до отъезда Микаэл выполнил и второе дело.

Он купил носорога.

И поручил, чтобы носорога отправили в Москву.

Ибо именно в те времена открылся Московский зоологический сад, а посланный из далекой страны Индии носорог не только доставит радость детишкам, но и окажется полезным объектом для научных наблюдений, которые проводились там в области акклиматизации.

Забегая вперед, скажем, что нахичеванцы через несколько лет выполнили волю Налбандяна, и на могиле Масеха Бабаджаняна был поставлен памятник.

А в Московском зоопарке долгие годы жил купленный Налбандяном носорог...

Итак, благополучно завершив все свои дела, Налбандян 26 сентября 1861 года отплыл из Калькутты на пароходе «Коломбо».

Вопроса — в Лондон или в Константинополь ему направиться — уже не возникало. Длительные и нудные судебные тяжбы расстроили все его предварительные планы.

И сейчас он направлялся в Константинополь.

Сейчас это было необходимостью номер один.

Необходимостью номер два был «обмен индийских рупий на итальянские банкноты, как посоветовал ему Джузеппе Мадзини», — сообщает Очевидец.

Сейчас он снова спешил.

Но чем больше он спешил, тем ближе становилась трагическая развязка...

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В середине ноября я прибыл в Константинополь по своему частному делу: отправить носорога в Россию и закончить докладную записку по армянскому вопросу для русского посла.

Микаэл Налбандян (Из «Сенатских показаний»)

...Армяне во всей Турции настроены в пользу России, и если со стороны русского правительства будет оказана им хотя бы небольшая помощь, то правительства Франции и Англии лишатся возможности воздействовать на армян.

Микаэл Налбандян

В Константинополе его встретили с ликованием...

«Господин Микаэл Налбандян, молодой человек из Нового Нахичевана, кандидат Петербургского университета, любимый и верный друг всех нас и армянского народа, прибыл из Индии в нашу столицу, — сообщала «Мегу». — Господин Налбандян почти из могилы вырвал права Нового Нахичевана, во славу завещателей и своего гордого патриотизма... Выражаем свою радость по случаю блестящего успеха господина Налбандяна и от имени нации выражаем ему свою глубокую благодарность. Через несколько дней господин Налбандян отбудет из нашего города в Лондон для завершения своей миссии».

Арутюну Свачьяну действительно удалось представить дело так, будто причиной бурной радости друзей был только успех Налбандяна с индийским наследством. Наивные люди и впрямь могли поверить, что Налбандян, передохнув несколько дней в Константинополе, отправится в Лондон, чтобы выполнить последние формальности. А оттуда, как писал

Свачьян в газете, Микаэл должен был вернуться в Нахичеван-на-Дону, «дабы представить официальный отчет перед народом, избравшим его своим доверенным уполномоченным».

Разумеется, он должен отправиться в Нахичеван, чтобы отчитаться перед общественным собранием. Это сообщение не подлежало сомнению.

Но вовсе не несколько дней пробудет он в Константинополе, а в Лондоне отнюдь не будет рваться в Россию, но даже в России у Налбандяна найдется сначала в Петербурге немало дел, прежде чем поехать в Нахичеван!

Значит, Арутюн Свачьян намеренно опубликовал неверные сведения? Несомненно!

Дело в том, что уже назревали события и в Европе, и в России. Как настоящий общенациональный деятель, Микаэл Налбандян спешил сейчас слить воедино и направить в общее русло восточную и западную части армянского народа. Насильственно разделенные мечом завоевателя, не имея единой и общей программы национального прогресса и спасения, эти две ветви армянского народа кое-как поддерживали свое существование мелкими страстями, мелкими интересами и великой общей трагедией разобщенной нации.

Трагедией, которой они не понимали. Трагедией, которая вела их к гибели. Трагедией, которую необходимо было предотвратить, подняв народ на всеобщую освободительную борьбу.

И главным рычагом для этого являлись тайные общества в Константинополе, совсем еще недавно созданные именно усилиями Налбандяна, Свачьяна и Тагворяна.

Деятельность «Партии молодых» в основном осталась неизвестной даже будущим поколениям. И этот факт лишний раз свидетельствует о том, насколько умело вели свою тайную работу Налбандян и его друзья и соратники.

У нас есть возможность ознакомиться с одним из документов, истинное содержание которого невозможно узнать без особого ключа. Для переписки с «Партией молодых» Налбандян придумал тайный словарь, дававший возможность пересылать кое-какие сведения обычной почтой, не опасаясь, что тайный смысл может быть обнаружен непосвященным.

Скажем, если нужно было сообщить, что речь идет о Франции, писали «друг из Бейрута»; «друг из Манчестера» означал Англию, а «друг из Триеста» — Польшу.

В этом тайном словаре можно было встретить и Герцена — «друга из

Лондона», и «друга из Ливорно» — Гарибальди.

Зашифровывались и целые фразы. Чтобы сообщить о переговорах и заключении союза с горцами, писали: «Закуплена шерсть». Привод колонистов в Киликию — «Возделывание хлопка». Концентрация вооруженных сил — «Основание торгового дома». А Александретский залив или Армянский залив обозначался как «поле синьки». Были в этом тайном словаре и более «ужасные» слова: «часы», «хронометр», «салют», «пшеница», обозначавшие соответственно ружье со штыком, пушку, порох и бомбы...

Нетрудно, разумеется, понять, о чем могли сообщать друг другу воины освободительной борьбы с помощью этих тридцати-сорока слов и предложений...

Но какие вооруженные силы должны были они концентрировать, с какими горцами должны были вступать в переговоры, что за союз должны были заключить с ними и, наконец, зачем нужно было приводить армян-колонистов в Киликию?

Естественно предположить, что все это уже разработанные окончательные планы, которые рано или поздно должны были осуществиться. Иначе какой смысл в зашифрованной переписке.

...Дело в том, что готовилось Зейтунское восстание. А наладить сотрудничество с зейтунцами, ввести их восстание в русло национально-освободительной борьбы взялся непосредственно Серовбэ Тагворян.

Одной из главных среди тридцати областей армянского Киликийского царства был Мараш. А в Марате, окруженный высокими горами — неприступный Зейтун.

После падения Киликийского армянского государства зейтунцы отстаивали свою независимость с оружием в руках. Во время боев с тюркскими племенами и османской армией они в совершенстве овладели искусством горной войны и, в сущности, всегда выходили победителями в битвах. Они были опытными оружейниками и умели делать порох. Сами лили пули. Словом, зейтунцы, прежде всего садоводы и пастухи, прекрасные работники По дереву и шелководы, привыкли держать порох сухим.

Порох!..

Порох стал жизненной необходимостью... Как хлеб насущный. И даже больше: в Зейтуне существовал самый, пожалуй, невероятный в мире налог — пороховой. Обычно налог вводят, чтобы взимать. А пороховой налог не

взимали. Он означал, что каждая семья обязана производить и хранить порох. «В каждом доме было по семь мешков пороха, — сообщает Очевидец. — А это составляло примерно восемьсот кило... А в случае войны не только порох, но и продовольствие и дома становились общественной собственностью».

Вот так на протяжении многих веков и сохранили отважные горцы Зейтуна свою независимость посреди необъятной и жестокой Османской империи.

А вообще-то зейтунцы были люди мирные и оружие в руки брали только в случае опасности. Они желали жить в мире и дружбе с окружающими их другими народами. И если соседи были искренни и честны с ними, то нередко зейтунцы поднимались на их защиту. Так, в 1842 году Юсуф-паша напал на туркменское племя, не захотевшее подчиниться Османской империи. Туркмены попросили помощи у зейтунцев, и те, верные своей дружбе, послали им на помощь пятьсот воинов, которые напали на большое войско Юсуф-паши и разгромили его.

Подобные случаи издавна не давали покоя пашам Мараша, всячески пытавшимся подчинить зейтунцев, поставить их на колени. И каждый раз, когда зейтунцы отказывались платить подати, османские войска начинали наступление. В 1852 году Зия-паша потребовал выплатить подати, но зейтунцы отказались. В 1856-м потребовал податей Минип-паша. Армяне вновь отказались и отбили все атаки турок. И наконец, в 1860 году Хуршуд-паша решил раз и навсегда покончить с этим вопросом. С двенадцатитысячным регулярным войском и многочисленными отрядами башибузуков он вторгся в Зейтун, чтобы разгромить и подчинить укрывающихся в своих горах дерзких армян.

Зейтунцы попытались с помощью мирных переговоров договориться с Хуршуд-пашой, но тот не захотел даже слушать их. Тогда зейтунцы вновь взялись за оружие, наголову разгромили войско Хуршуд-паши, а в память о своей блистательной победе сложили песню, которая долгие годы гремела в поднебесных горах и адской глубины ущельях Зейтупа:

*Братья, придите послушать о подвигах наших!
Хотел нечестивый Хуршуд покорить
свободный и гордый народ,
Но сам был разгромлен и смят нашим
войском бесстрашным.
Какой это славный был год!
Какую над недругом мы одержали победу!*

*Повержен наш враг ненавистный,
сметен, окружен.
Принес он нам слезы и горе, страдания, беды,
Хотел он детей наших вырезать,
В плен увести наших жен.
Теперь на колени готов он упасть перед нами!
Мы славим своих полководцев — за ними пойдём,
Без страха пойдём мы за ними на битву с врагами.
Да здоровствует родина наша!
Ей славу поём!*

В правительственных кругах Высокой Порты начали уже всерьёз подумывать о покорении или просто... уничтожении этих горцев, сохранивших в Киликии свою независимость. Новым правителем Марата назначили Азиз-пашу, поручив ему раз и навсегда решить вопрос зейтунцев.

...Вот какой была обстановка, в которой прекрасно разбирались руководители тайного общества. И задача сейчас состояла в том, чтобы борьба Зейтуна против Азиз-паши не была сугубо местным явлением, как прежде. Эту идею, выношенную Налбандяном, следовало обязательно осуществить. Восстание горцев надо превратить в могучее национально-освободительное движение, а в случае возможности поднять на эту борьбу и другие народы Османской империи. А для такого мощного вооружённого восстания и победы нужен испытанный, опытный полководец.

Если поляки считали возможным пригласить Джузеппе Гарибальди возглавить их освободительную борьбу, то почему этого же не могли сделать и армяне? Ведь, будучи отличными бойцами, они не имели, к сожалению, такого прославленного вождя и полководца, каким был Джузеппе Гарибальди.

Переговоры с Гарибальди были возможны через посредство Александра Герцена и Джузеппе Мадзини.

Вот почему в тайном словаре Микаэла Налбандяна нашли место также «друзья из Ливорно и Парижа» и господин Мартирос.

В эти напряжённые и полные ожидания дни на события в Киликии были обращены взоры не только тайного общества, созданного под прикрытием благотворительной организации.

Вот уже целое десятилетие, как на земли бывшего армянского

государства в Киликии и на еще обитавших здесь армян пристальное внимание обратил и Луи Бонапарт, он же Наполеон Третий. Интерес этот вовсе не был связан с интересами нынешних армян, живших на землях бывшего армянского государства Лусинянов или Малой Армении. Французское правительство посылало сюда миссионеров налаживать добрые отношения с армянами, дабы планы отторжения Киликии от Турции оправдать желанием местных жителей, да и осуществить это в их помощь.

Поэтому вовсе не удивительно, что как раз в тот период, когда Микаэл Налбандян вместе со своими соратниками в Константинополе стремился ввести предстоящее Зейтунское восстание в русло национально-освободительной борьбы и вырвать Западную Армению из когтей османской тирании, вдруг появился некий самозванец, который, выдавая себя за потомка армянских царей Лусинянов, армянским принцем и будущим царем Левонем Седьмым, со всей серьезностью стал уговаривать горцев просить короля Франции Наполеона Третьего взять под свое покровительство Малую Армению и восстановить здесь армянское царство.

Чтобы добиться царства и вступить на престол, новоявленный «принц» не останавливался ни перед чем, даже вступил в переговоры с армянами-католиками, которые были воодушевлены перспективой иметь собственное армянское государство. Государство, которое, без сомнения, Тяготело бы к римской церкви. Здесь уже «принц» не пожалел обещаний и взамен добился их содействия. И католики стали распространять по армянским общинам портреты будущего царя Армении и слухи о том, что он якобы принимал непосредственное участие в освободительной борьбе в Италии, сражался вместе с Гарибальди и совершал бесчисленные подвиги.

А в те не столь уже далекие дни, когда Турция при активной поддержке европейских государств одолевала в войне Россию, сей самозванный царь призывал армян всемерно помогать султану:

«Левон, милостью божьей верховный князь Армении и прочая и прочая, турецким армянам.

Любезные братья и верные патриоты! Мы выражаем нашу волю и горячее желание, дабы вы до последней капли крови защищали свою родину и султана от тирана Севера.

...Помните, братья, что в Турции нет плетей... Под властью султана процветает человеколюбие.

Мы молим бога, чтобы он наполнил сердце султана

одобрением моего призыва.

...Помните, братья, что в венах пишущего сей призыв течет кровь двадцати царей, отважных Лусинянов, кровь защитников нашей веры!»

Нечего и говорить, что всего через несколько лет, в преддверии Зейтунского восстания, этот человек, называя себя уже как «Левон, милостью божьей народный защитник Зейтуна, Китрии, Ачена и Лавранта в Таврских горах», с не меньшим пылом ополчится на султана, восклицая:

«Все имущество христиан Востока разграблено и предано в руки погромщиков. Никто не уверен в безопасности своей жизни и своего достоинства, а турецкое правительство бессильно положить конец разбою и надругательствам!..»

В начале 1862 года этот «принц»-авантюрист вновь появился в Зейтунских горах и принялся уговаривать горцев обратиться к Наполеону Третьему с петицией: «Мы, армяне, проживающие в Таврских горах, жаждем получить привилегию управляться независимо, посему и просим Ваше императорское Величество, чтобы соизволили Вы посредничать перед султаном Турции, дабы назначил он над нами правителем армянского князя».

Разумеется, этим «армянским князем» должен был быть не кто иной, как тот же самозванный «принц», который, как и следует ожидать, пользовался среди киликийских армян определенной славой.

Что и говорить, армяне давно мечтали восстановить свою утерянную государственность и волей-неволей должны были поверить этому авантюристу, выдававшему себя за потомка династии Лусинянов, последний представитель которых, царь Левон Шестой, покоился на парижском кладбище Пер-Лашез, унеся с собой в могилу последнюю надежду на восстановление армянской государственности...

Естественно, что Микаэл Налбандян, узнав о новом появлении на политической арене этого авантюриста, да еще в такой ответственный момент, когда нужно было сосредоточить все внимание зейтунцев на готовящемся восстании и объединить их для организованных действий, забеспокоился, пришел в ярость.

Но на этот раз он не успел вывести его на чистую воду.

Тем не менее по прошествии не столь уж долгого времени он не только выплеснет всю накопившуюся в душе желчь на самозванного «князя

Лусиняна», но и в затребованных Сенатской комиссией объяснениях по поводу найденных в его бумагах шифровок и тайного словаря заявит, что составлены они этим «принцем»-авантюристом.

14 декабря стал для Микаэла Налбандяна одним из тех редких прекрасных дней, которые после его студенческих лет можно было пересчитать по пальцам.

В этот день его пригласили посмотреть спектакли Армянского национального театра.

Воодушевлению его не было границ.

Хотя бы по той причине, что армянская молодежь, имея совершенно иные взгляды на армянский народ, чем их предки, не только задумала, но на самом деле открыла перед армянским зрителем «занавес над Аполлоновым зеркалом». Он был уверен, что театральная сцена равнозначна кафедре преподавателя. Только этой сцене даровал человеческий разум ту волшебную силу, благодаря которой в один и тот же миг в сердце зрителя рождается и радость, и печаль, и боль, и сострадание.

Театр — это школа, куда ходят учиться люди всех возрастов.

И самое главное — театр учит чистому армянскому языку, он шлифует язык, незаметно выявляя изысканные стили и меткие обороты.

Театр не только облагораживает мысль, но и показывает все величие добродетели, порочность заблуждений, поощряет первое и остерегает от второго.

Театр уже у самого входа заставляет спясть со своих лиц маски и хотя бы перед самими собой быть искренними.

Но особенно воодушевило Микаэла то, что он наконец-то увидел на сцене армянских актрис.

«История армянского театра не забудет имен уважаемых девиц Арусяк и Ахавни Папазян, — писал Налбандян в газете «Мегу» на следующий день после представления, — первыми отважившихся вступить на театральную сцену. Они отважно вступили в бой с общественными предрассудками и, победив их, вышли на сцену. Да здравствуют актрисы!»

Это воодушевление вполне понятно и естественно, так как три года, всего три года назад — он в «Записках» графа Эммацуэла написал о первом театральном представлении, данном студентами Московского университета в доме Микаэла Степаняна: «Ни одной женщины не было на сцене. Говорю это не в укор автору трагедии или тому, кто переработал, а хочу обратить внимание на жизнь нации, особенно в азиатском мире, где женщина, будучи лишена всяких прав в социальной жизни, не могла, конечно, и

появиться на подмостках театра в качестве активного участника...»

И вполне естественно поэтому, что рецензию свою он закапчивал так:

«Да здравствуют актрисы, скромные и усердные!»

Идея иметь национальный театр представлялась, несомненно, прекрасной, и Микаэл надеялся, что армяне в Константинополе организуют театральное общество, построят для театра удобное здание, на которое «с гордостью смотрели бы армяне и которое возвысило бы нацию, явив глазам чужих очередное доказательство нравственной мощи нации»...

Это была лишь одна сторона дела. А ведь нужно было решать и экономические вопросы. Нужно было указать верный и прямой путь экономического развития, по которому должны были пойти армяне после достижения своих заветных целей.

И нужно было открыть правительству России то положение, которое существовало в Западной Армении.

С одной стороны, Микаэл был озабочен появлением всевозможных авантюристов-самозванцев, которые, спекулируя на самых сокровенных чувствах, стремились не больше и не меньше, как к царству, а с другой — усилившейся активностью католиков, всячески поддерживавших притязания этих авантюристов и стремившихся оторвать от России, завлечь в свою веру и фактически увести на физическую и национальную погибель древний народ-мученик.

И поэтому Налбандян решил искать помощи России, чтобы пресечь поползновения католических миссионеров и влияние чуждых армянам сил.

Посетив русского посла в Константинополе, Микаэл Налбандян подробно обрисовал ему положение в Западной Армении.

Посол предложил ему составить об этом докладную записку, чтобы можно было привлечь внимание и заинтересованность правительства на основе подлинных фактов.

И Микаэл в декабре засел за этот документ, желая представить его до отъезда из Турции.

Кроме общей картины положения армян в Турции, Микаэл Налбандян этой своей докладной запиской утверждал намного более важную истину, имеющую решающее значение для пробуждения к национальному самосознанию армянского народа.

То была русская ориентация армян.

Если армянскому народу суждено отныне и навеки влачить жалкое и зависимое существование под игом тирании, то только вместе с русским народом.

Если же армян ждет свобода и независимость, то получают они свою

свободу и государственность вновь лишь в союзе с русским народом!..

Ознакомившись с обстоятельной докладной запиской Микаэла Налбандяна и одобрив ее, русский посол в Турции Лобанов-Ростовский 26 декабря переслал ее заместителю наместника Кавказа князю Орбелиани.

А на следующий день, 27 декабря, Микаэл Налбандян отбыл из Константинополя. В Лондон.

А еще через двадцать дней, 17 января, то есть когда Микаэл вновь был среди своих друзей в Орсет-хаузе, Кавказский комитет в Петербурге, обсудив докладную записку, передал ее министру иностранных дел, одновременно предупредив его, что «не следует особенно доверять сведениям Налбандяна»...

«Говорят, что он любит вмешиваться в чужие дела и всячески стремится приобрести влияние на массы армян», — писал управляющий делами Кавказского комитета Боткин, имея под рукой множество доносов Габриэла Айвазовского...

И обоснованнейшее свидетельство русской ориентации армян в Турции не было принято во внимание в канцелярии министерства иностранных дел.

...А это свидетельство Микаэла Налбандяна нужно прежде всего нам и будущим поколениям.

Потому что оно включает в себе то единственное и истинное, что в те далекие времена осознали наши предки, мечтая о своем национальном спасении.

НАХИЧЕВАНСКИЙ КУПЕЦ-АРМЯНИН

*Нам нужны жизнь и движение... Мы собственной
рукой должны вспахать свою землю!*

Микаэл Налбандян

*Откуда начнется движение? Будет ли это
внезапное восстание народов итальянского,
мадьярского, славянского, армянского и греческого?..
Будет ли это все-таки русская революция?..*

Михаил Бакунин

*Освобождение России имеет огромное значение
для освобождения всего человечества.*

Симеон Маникян

В последние дни октября обитатели Орсет-хауза получили из далекого Сан-Франциско письмо. Письмо, которое было не только криком радости вырвавшегося на свободу человека, но и боевым кличем.

Михаил Бакунин — Александру Герцену и Николаю Огареву.

15 октября 1861 г.

«Друзья, мне удалось бежать из Сибири, и, после долгого странствования по Амуру, по берегам Татарского пролива и через Японию, сегодня прибыл я в Сан-Франциско.

Друзья, всем существом стремлюсь я к вам, и лишь только приеду, примусь за дело: буду у вас служить по польско-славянскому вопросу, который был моей *idée fixe* с 1846 и моей практической специальностью в 48 и 49 годах. Разрушение, полное разрушение Австрийской империи будет моим последним словом; не говорю — делом: это было бы слишком

честолюбиво... если мне удастся хоть на волос продвинуть его вперед, я буду доволен. А за ним является славная вольная славянская федерация, единственный исход для России, Украины, Польши и вообще для славянских народов...»

Не было сомнений, что в налаженной, размеренной жизни Орсет-хауза ожидаются перемены. Конечно, деятельность лондонских пропагандистов не выйдет из берегов и тем более не потечет по иному руслу, по в дружбу, союз и сотрудничество двух личностей ворвется «воскресшая тень сороковых и всего больше 1848 года» — Бакунин!

Всего за несколько дней до Нового года эта «тень» оказалась в объятиях Герцена и Огарева, его старых друзей. Громадный и могучий Бакунин, этот истинно русский человек, был все тот же, он «состарился только телом, дух же его был молод и восторжен».

...А еще через пару недель хозяева Орсет-хауза приняли еще одного дорогого и близкого друга — Микаэла Налбандяна. Много лет спустя Наталья Тучкова-Огарева, вспоминая о событиях тех дней, напишет:

«Помню одного армянина по имени Налбандов. Он был лет тридцати, некрасивый, неловкий, застенчивый, но добрый, неглупый, полный сочувствия ко всему хорошему. Он обладал большими средствами, как заметно было и как мы слышали раньше... Окончив курс, кажется, в Московском университете, он путешествовал для собственного удовольствия, был в Китае, по возвращении в Россию... решил побывать в Лондоне... Бывал очень часто у нас...»

Наталья Алексеевна определенно что-то путала, и не только Индию с Китаем...

Но почему?

Дело в том, что хозяйка Орсет-хауза не могла не запутаться, как не могла не удивиться и той теплой встрече, которую оказали этому приехавшему из дальних краев армянину. Ибо она, пожалуй, встречалась с Микаэлом впервые.

И еще потому, что «серьезные свидания составляли тайну Герцена и Огарева».

Потому что и сейчас, во время посещения Орсет-хауза, Микаэл для многих, в том числе и для самой хозяйки, оставался «таинственным гостем».

Потому что Микаэл, этот «истый армянин», — «золотая душа», «преблагороднейший и добрый», «умный и любезный», — пользовавшийся полным доверием Лондонского центра, в целях конспирации представлялся всем как «нахичеванский купец-армянин».

Неосведомленному человеку, взявшемуся судить о событиях тех лет по переписке, может показаться, что в Лондоне открылась крупная торговая фирма и что хозяева и гости Орсет-хауза также пустились в выгодные торговые сделки.

Николай Огарев — неизвестному адресату.

Лето 1861 г.

«...На этот капитал много можно сделать. Можно дать трем приказчикам по 500 рублей для учреждения контор на трех самых торговых пунктах, как Нижегородская ярмарка, которая-нибудь из днепровских ярмарок и, смотря по надобности, Ирбит или иной урало-сибирский пункт... Заметьте, что это ежегодно и что число акционеров будет расти и... можно будет производить не только коммиссионерство, а пустить капитал в настоящую торговлю... Вы заметьте, что петербургская торговля не требует ежегодных пожертвований, потому что сама компания налицо, потому что пожертвования требуются только для учреждения ярмарочных контор и выписок материалов из-за границы; петербургская компания всегда может вести свою изолированную торговлю на имеющийся капитал, но что действительное развитие оборотов все свое значение получит от контор и от общности торговых интересов. Надо вызвать капиталы, существующие около ярмарочных центров».

Это чисто деловое письмо приобретает совершенно иной смысл, если мы перечитаем его, подставляя вместо «контор» — уездные центры тайных революционных обществ, вместо «ярмарочных контор» — губернские организации, вместо «приказчиков» — агентов и связных тайных обществ, вместо «выписок материалов из-за границы» — «Колокол», а вместо «общности торговых интересов» — единство революционных целей. При таком прочтении перед нами хотя бы частично откроется тот размах и напряжение, которыми характеризовалась жизнь лондонских пропагандистов. Дело в том, что уже больше года шла активная подготовительная работа, чтобы объединить вокруг общего центра

существовавшие в России революционные кружки и создать из них единую революционную организацию. И из этого зашифрованного письма Николая Огарева нетрудно догадаться, что создание общероссийской революционной организации в Петербурге велось при непосредственном участии и поддержке Лондонского центра.

Еще в начале 1861 года в Лондон для обсуждения с издателями «Колокола» вопросов, связанных с характером создаваемой в России революционной организации, прибыл Александр Слепцов. Герцен и Огарев познакомили его с Джузеппе Мадзини, который и сам принял непосредственное участие в обсуждении и дал дельный совет разбить членов тайной организации по системе «пятерок». По этой системе каждый член руководящей «пятерки» должен был создать свою «пятерку», члены этой — новую, и так далее. Такая система гарантировала от провала всю организацию в случае, если полиция схватит члена одной из «пятерок» или даже всю «пятерку»...

...В это же время встречался с лондонскими пропагандистами и налаживал с ними тесные связи и Николай Серно-Соловьевич, который затем должен был, как и Слепцов, во всех подробностях передать Чернышевскому детали совместно разработанного плана.

Далее, в мае 1861 года в Лондон прибыл Николай Обручев, также принявший участие в работе над прокламацией «Что нужно народу?» вместе с Огаревым, Серно-Соловьевичем, Налбандяном, Слепцовым, Шелгуновым, Михайловым, став тем самым одним из ее авторов.

Прокламация «Что нужно народу?» была опубликована в том же году в июньском номере «Колокола».

Что нужно народу?.. На этот вопрос давался четкий и недвусмысленный ответ: «Очень просто, народу нужна земля да воля».

Но что стояло за этой краткой формулировкой? Чего требовали революционные демократы?

Прежде всего они требовали передать крестьянам ту землю, которую они сейчас обрабатывали, требовали общинного владения ею. Требовали сократить армию, избавить народ от чиновников. Требовали уездного и губернского самоуправления, требовали общегосударственного народного представительства...

Иными словами — требовали ликвидации самодержавия!

Лондон и Петербург призывали русский народ к восстанию.

Созданная в те же самые дни общерусская революционная партия приняла прокламацию Огарева в качестве программного политического манифеста.

Весной и в начале лета 1861 года отдельные звенья встреч, бесед и переписки Герцена, Огарева, Чернышевского, Обручева, Налбандяна, Серно-Соловьевича, Слепцова и других сомкнулись в единую цепь. Была достигнута договоренность о создании тайной революционной организации «Земля и Воля», разработана общая платформа действий и создан первый руководящий центр.

«Крестным отцом» тайной организации стал Александр Герцен. Он обладал удивительной способностью давать лаконичные меткие характеристики людям, явлениям и времени. «Читая прокламацию Огарева в июле 1861 г., — пишет Очевидец, — мы и не думали, что будем состоять в обществе, два слова названия которого были уже указаны в первой ее строке».

— Как лучше назвать тайное общество, если б мы основали его сейчас? — спросил во время одной из бесед Огарев.

— Да ты уже сам сказал несколько месяцев назад, — тут же ответил Герцен. — Конечно, «Земля и Воля». Немного претенциозно, но ясно и честно, потому что сейчас это именно и нужно...

...Кстати, отношения Николая Чернышевского с лондонскими пропагандистами были более тесными, чем это можно предположить, исходя из так называемых их разногласий. «Разногласия» эти были лишь видимой частью айсберга, в глубине же скрывалось полное единство целей.

О «разногласиях» больше всех говорил сам Чернышевский, выказывая тем самым крайнюю осторожность: дамокловым мечом висела над головами вождя русских революционных демократов и его соратников постоянная угроза ареста. А в этих обстоятельствах любое выражение симпатии к лондонским пропагандистам, уж не говоря о намеке какого-либо сотрудничества с ними, могло не только поставить под угрозу революционное движение, но и привести на плаху его участников.

...Создавались руководящие органы тайной организации: Петербургский центральный комитет, Петербургский уездный комитет, другие уездные комитеты. Деятельность организации должна была получить самый широкий размах: намечено издавать прокламации, создавать подпольные типографии, развернуть широкую устную агитацию в армии, наладить пересылку литературы из-за границы, организовать группы помощи и организации побега ссыльных и многое другое. За самое короткое время число членов организации «Земля и Воля» уже превысило три тысячи. Благодаря кропотливой, полной опасностей работе Центрального комитета в России уже действовали около полутора десятков местных отделений. Сеть тайных комитетов охватывала уже Москву,

Петербург, Вологду, Нижний Новгород, Казань, Саратов, Астрахань, Тулу. А через Нахичеван-на-Дону освободительное движение с помощью Налбандяна и его константинопольских друзей охватило и Западную Армению.

Да, ученик прочно усвоил уроки священника Габриэла Патканяна!

«Какая разница между верным и подобоострастным?» Приходило ли в голову Патканяну, что этот вопрос много лет спустя станет одним из важнейших нравственных ориентиров для его ученика? «Не быть подобоострастным — означает не пресмыкаться рабски перед царским правительством. И, несомненно, всегда с достоинством хранить верность союзу с русским народом, усваивать прогрессивные русские идеи, приобщиться к его свободолюбивому духу... И тем самым принести когда-нибудь свободу и независимость всему армянскому народу»...

В Орсет-хаузе Микаэла встретили не только как друга, но и как соратника, выполнившего большую работу, профессионального революционера, уже подготовившего в южных областях России и в Западной Армении почву для освободительного движения. Весьма довольны были издатели «Колокола» и той организаторской работой, которую проделал Налбандян, налаживая переброску в Россию и распространение изданий «Вольной русской типографии». И кроме всего прочего, он прибыл в Лондон с паспортом для Кельсиева, выписанным на имя «турецкоподданного Василия Яна».

Впоследствии, в своих показаниях Сенатской комиссии, Василий Кельсиев, вспомнив об этин, «искренне» признается:

«...Еще с год назад я просил одного нахичеванского купца-армянина, имевшего какие-то дела в Лондоне, достать мне паспорт при помощи его цареградских соотечественников».

Свою «Исповедь» Кельсиев писал в 1867 году, то есть через год после смерти Микаэла Налбандяна. В это время следственная комиссия уже знала, несомненно, что подразумевали в начале 60-х годов члены тайной организации под словом «купец». Поэтому комиссия попыталась получить более определенный ответ: «Как фамилия того нахичеванского купца-армянина, который достал вам паспорт на имя турецкоподданного Василия Яна?»

«Обыкновенная армянская фамилия, вроде Назарян или Григорян, — ответил бывший сподвижник лондонских пропагандистов. — ...Он уехал

на Кавказ, я о нем позабыл, не придавая никакого веса его обещаниям, как вдруг он снова появился в январе 1862 года и торжественно вручил мне паспорт. Больше про него нечего сказать — это простой торговец, ни приметами, ни развитием не отличающийся от всех прочих наших армян...»

Кстати, вскоре почти такие же показания даст познакомившийся в те же январские дни 62-го года с Налбандяном маркиз де Траверсе, один из давних сподвижников Бакунина.

«Налбандян только коммерческий человек и не вступил ни в какую политическую деятельность», — напишет Сенатской следственной комиссии де Траверсе.

Были ли они оба — Кельсиев и маркиз де Траверсе — действительно убеждены, что Налбандян — самый обычный купец? Действительно ли столь узок был круг лиц, знавших, кем в действительности является Микаэл? Трудно дать однозначный ответ...

Известно лишь, что в это время «армянский купец» сблизился с Михаилом Бакуниным.

Более десяти лет проведя в тюрьме и ссылке, Михаил Бакунин теперь намерен был сразу же приступить к делу. А для этого необходимо было прежде всего ознакомиться с общим политическим положением в мире. Об этом он и расспрашивал Герцена.

— В Польше только демонстрации, — ответил Герцен, — да авось поляки образумятся... Собирается туча, но надобно ждать, чтобы она разошлась.

— А в Италии?

— Тихо.

— А в Австрии?

— Тихо.

— А в Турции?

— Везде тихо, и ничего даже не предвидится.

— Что же тогда делать? — в недоумении спросил Бакунин. — Неужели ехать куда-нибудь в Персию или Индию и там подымать дело?! Эдак с ума сойдешь, я без дела сидеть не могу!

Микаэл Налбандян не менее страстно жаждал дела.

«Бакунин им окончательно завладел» — это обстоятельство не ускользнуло от не столько внимательной и осведомленной, сколько наблюдательной хозяйки Орсет-хауза.

Да, лондонские пропагандисты уже в полной мере осознали необходимость конспирации, но в этом отношении они делали лишь свои

первые шаги и вовсе не все революционеры относились к этому со всей серьезностью. Многие, в том числе и Бакунин, были убеждены, что революционная деятельность должна быть открытой, что конспирация создает лишь дополнительные и ненужные трудности, что одной самоотверженности, смелости и решительности вполне достаточно, чтобы свергнуть тиранию и освободить поработанные породы. Это легкомыслие в скором будущем приведет к гибели более тридцати человек, в той или иной степени связанных с лондонскими пропагандистами.

А пока...

А пока два Михаила почти каждый день гуляли вместе по улицам Лондона. Именно во время этих прогулок окрепла их настоящая мужская дружба.

Бакунин был вторым из близких друзей Микаэла Налбандяна, который непосредственно участвовал в вооруженной революционной борьбе. И сейчас, как и два года назад, когда в Париже он прогуливался со Степаном Восканом, Микаэл завороченно слушал Бакунина, прожившего полную приключений и невзгод жизнь, казавшуюся Налбандяну такой прекрасной и романтической.

...Микаэлу Налбандяну, которому Бакунин поведал все перипетии своей одиссеи, ничего не оставалось делать, как согласиться с той мыслью Герцена, что «тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняют сильных людей, если не тотчас их губят; они выходят из нее, как из обморока, продолжая то, на чем они лишились сознания».

...Вырвавшись из почти десятилетнего одиночества, молчания и бездеятельности, Бакунин с головой окунулся в дела и, как сообщает Очевидец, «спорил, проповедовал, распоряжался, кричал, направлял, организовывал и ободрял целую ночь, целые сутки. В короткие минуты, оставшиеся у него свободными, он бросался за свой письменный стол... и принимался писать — пять, десять, пятнадцать писем в Семипалатинск и Белград, в Бессарабию, Молдавию». По самым разным адресам. Воистину, он «любил не только рев восстания и шум клуба, площадь и баррикады — он любил также и приготовительную агитацию, эту возбужденную и вместе с тем задержанную жизнь конспираций, консультаций, неспанных ночей, переговоров, шифров, химических чернил и условных знаков».

«Всякому человеку естественное поле для действия — родина, — учил Бакунин. — Плохо быть деятелем на чужой стороне. Я это слишком хорошо испытал в революционных годах: ни во Франции, ни в Германии я не мог пустить корня...»

В короткое время объединились вокруг него Петр Мартьянов, Василий

Кельсиев, Николай Альбертини, Павел Ветошников, Андрей Нечипоренко, князь Петр Долгоруков, маркиз Николай де Траверсе и многие другие, ставшие соратниками, помощниками и даже секретарями этого неистового деятеля, вынашивавшего планы общеевропейской и всероссийской революции и каким-то колдовством умевшего накрепко привязать к себе людей. Сам Бакунин в такое же короткое время познакомился и сблизился с Джузеппе Мадзини, Марком Аурелио Саффи и о их помощью наладил связи также с Джузеппе Гарибальди.

Небывалое оживление царило в Лондонском центре. И единственное, что мучило «исполина с львиной гривой», — это мысли о его юной жене Антонине, оставшейся далеко-далеко в Сибири... Неизбывная тоска и бесконечная любовь к ней не оставляли его ни на миг.

Микаэл Налбандян, сам испытывавший боль разлуки и потери, глубоко сочувствовал другу и решил по возвращении в Россию помочь Антонине выбраться из глухой Сибири и выехать в Лондон.

Поистине, Налбандян — «золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости», — говорит Очевидец.

Итак, «заявляя свою необузданную революционную решимость», — как доносил о Михаиле Бакунине агент Третьего отделения, — и в то же время тоскуя по своей молодой жене Antonie, этот богатырь целиком отдался стремлению «революционизировать» «Колокол». Во всяком случае, все тот же агент докладывает, что Бакунин «оживил деятельность русской пропаганды».

В эти напряженные и беспокойные дни организации, объединения и налаживания связей все те, кто хотел или имел что сказать, находили время сесть за письменный стол.

Трудно сейчас сказать, под воздействием ли общего настроения тех дней, или из желания подать личный пример поспешил Бакунин написать свое знаменитое послание «Русским, польским и всем славянским друзьям».

«Мы любим только народ, верим только в народ и хотим только того, что хочет народ, — писал Бакунин. — Но что нужно народу? Повторю с Колоколом: земля да воля».

Микаэл Налбандян был из тех людей, которые относятся к своей деятельности безжалостно и даже беспощадно. Пожалуй, лишь благодаря верности этому своему убеждению и достигает личность совершенной гармонии с собою, со своим временем и со своим народом.

Несмотря на напряженную работу, встречи и переговоры, вскоре после приезда в Лондон родилась и уже не отпускала Микаэла упорная мысль, что надо сделать еще что-то, сделать еще какой-то шаг, решить какую-то новую задачу. И что в противном случае все сделанное до сих пор могло стать бессмысленным, обесцениться, а в назревающих условиях и обстоятельствах это означало бы уничтожение еще не созданного национального будущего.

Будучи одним из руководителей тайной революционной организации «Земля и Воля», точнее, руководителем ее армянского крыла, он своей преданностью и человеческой сущностью внушал своим друзьям такое доверие, что Бакунин, скажем, мог не только обнадеживать в своей статье «Несколько слов южным славянам», что «придет время, и кажется скоро, вы услышите о вольном русском народе, тогда верьте в его несомненную дружбу и в его крепкую помощь», но и со всей уверенностью дать совет: «Вам нужны союзники? Подайте руку соседям вашим... армянам, ныне тоже восставшим за свою самобытность».

Поистине, лелеемая Лондонским и Петербургским центрами общеевропейская и всероссийская крестьянские революции казались столь близкими, что можно было уже назначить конкретный срок начала совместных действий.

Теперь уже не возникало сомнений, что армянский народ не проспит эти всеобщие мощные сдвиги в общественной жизни. Микаэл тайно встречался с Джузеппе Мадзини. При его и Бакунина посредничестве Микаэл укреплял связи с Джузеппе Гарибальди, глубоко убежденный, что прославленный итальянский революционер согласится руководить Зейтунским восстанием. Тайная, по широкая подготовительная работа велась в Армянском округе и в Восточной Армении. Близким, очень близким казалось невероятное еще несколько лет назад освобождение...

Но что принесут свобода и независимость армянину? Эта мысль неотступно преследовала Микаэла. И чем больше назревали события (а события, как мы вскоре убедимся, назревали чуть ли не с минуты на минуту), тем необходимей было получить ответ на этот и на многие другие, не менее актуальные вопросы.

Может ли человек считаться свободным лишь по закону, только политически? Может ли человек действительно быть свободным, если материальная нужда заставляет его *служить* другому и своим рабским трудом добывать хлеб свой насущный? Свободен ли человек, если у него есть *хозяин*? Хозяин, которому можно заявить о своей провозглашенной законом свободе и тем освободиться от него. Но лишиться пропитания...

Разве такая свобода не призрачна, разве она не просто фикция?..

Следовательно?.. Следовательно, думал Микаэл, труд должен быть источником не только пропитания, но и простого человеческого счастья и удовольствия только в том случае, когда он будет не подневольным, а свободным и добровольным, то есть когда все люди будут иметь равные права.

Равные права, справедливость, свободный труд... Все это можно добыть только одним путем — разрушив до основания старые, существующие веками и тысячелетия» ми порядки. Микаэл не мог согласиться с тем мнением Петра Мартьянова, что эти вопросы, во все времена мучившие самых смелых и светлых людей, удастся решить, когда царь добровольно откажется от власти и провозгласит демократическую республику.

Горе тому дереву или растению, корни которого не способны добывать и вырабатывать из собственной почвы жизненные соки!.. Горе дереву и растению, уповающим лишь на ночную или утреннюю росу. Только роса покроет его листья, только начнет оно утолять свою жажду, только начнет оживать его листва, как под лучами поднявшегося солнца испаряется роса, оставив растение жаждущим и поникшим... Так и для человека данная свыше свобода не более этой росы, если он, во-первых, внутренне несвободен и, во-вторых, продолжает совершать насилие над другими.

Поэтому прежде всего нужно решить экономический вопрос. Пока не разрублен этот гордиев узел, пока экономические проблемы не нашли верного решения, общество не может быть свободным ни в социальных, ни в семейных отношениях. Хоть сорок раз, если угодно, меняйте форму правления, все равно «пока одна часть общества владеет землей, другая же остается нищей, до тех пор будет там царствовать насилие»!

Немало бесед и споров было обо всем этом с Александром Герценом, Николаем Огаревым и Михаилом Бакунным.

«Сама по себе свобода всего лишь слово, и оно не может найти воплощения в действительности, если не будет решен экономический вопрос, — записал в один из лондонских вечеров Микаэл Налбандян. — Никакое свободное правительство, никакая свободная конституция не способны избавить человека от рабства, пока не будет признано право этого человека на землю».

Он не только классифицировал в порядок свои наблюдения и мысли,

но и бросился лихорадочно изучать работы по политическим и экономическим вопросам Англии, Франции, России, Турции, собирал факты, подкрепляющие его точку зрения и убеждения. Микаэл сделал еще один шаг — вперед, шаг, который был совершенно необходим, чтобы не отстать от современных цивилизованных народов и не вымаливать потом у них милостыню с протянутой рукой.

Существовало еще одно обстоятельство, ранее ускользнувшее от глаз Налбандяна, а сейчас выросшее перед ним...

...Армяне покидали свои земли и уводили в города Восточной Армении, а это значило, что в Турции армянские крестьяне отрекались от страны и земли своих предков и добровольно уступали ее чужакам. То, чего не добила нужда, эти чужаки исправляли ятаганом... Какая уж тут свобода, какая страна, если не будет самой Армении?! Не будет ни ее восточных, ни западных земель, не будет ее самой в исконных своих границах, и не протянется она от склонов Арарата на север и на юг — до Средиземного моря...

Но где же выход, где путь к спасению, чтобы не исчезли армяне с лица земли как народ, а после избавления от гнета и насилия смогли обрести и свою настоящую свободу?

«Коренным и разумным средством спасения народа является его возвращение к земле и земледелию!»

«Мы не утверждаем, что все стали земледельцами, — одновременно предупреждал возможные нападки оппонентов Микаэл. — Но все-таки большая часть нации должна заниматься земледелием, меньшая же часть — перерабатывать и сбывать продукты ее труда, чтобы сохранять соответствие между разными отраслями хозяйственной деятельности и изжить нищету».

Разве мало можно сделать на земле, где размножается всякий домашний и рабочий скот, где произрастает хлопок, пшеница, рис, рожь, свекла, где может развиваться шелководство и шелкоделие? Но армянину, привыкшему идти по одному пути, трудно свернуть на другой...

«Тяжелое облако печали омрачает наше сердце, когда мы видим, что англичанин направляется в Канаду, Австралию, Индию, француз покидает свой вечно беззаботный, веселый, радостный Париж и направляется в адское пекло Африки, чтобы добыть себе кусочек земли и обработкой ее обеспечить свое будущее, а наш армянин...

А наш дорогой армянин, совершенно не желая задумываться о своем будущем, бросает свои земли и сосредоточивается в городах. Может, мелкая торговля, посредничество или перевозка товаров имеет в его глазах

большую ценность? Мы с горечью признаемся в этом, но скрывать то, что мы чувствуем, было бы не только лицемерием, но и низостью».

Пусть армянский купец хоть тысячу лет вывозит товар из Европы и продает или отправляет чужие товары в Европу — нации от этого ни тепло ни холодно. Сам купец от этого, может, и разбогатеет, но помочь изжить ту нищету и бедность, что царят среди армян, эти купцы не в состоянии. Может, удастся выправить положение с помощью новых столбов-подпорок? Увы, нет, ибо никакое здание не может устоять, если слаб сам фундамент, говорил Налбандян и предлагал: «Надо обновить фундамент, укрепить и усилить его, чтобы мог он выдержать то, что возведено на нем».

В не столь уж далеком прошлом Налбандян обуславливал национальное самосознание, национальное единство и национальный прогресс одним лишь просвещением. Но сейчас, когда дело дошло до «укрепления основ» и когда с пятью-десятью соратниками приступил, и не без успеха, к делу просвещения нации, Микаэл был уверен, что эти пять или десять человек не в состоянии просветить огромную массу народа, если сам народ не стремится к просвещению.

Может ли народ, озабоченный лишь хлебом своим насущным и нуждами семьи, размышлять о свете и тьме?

Нет, не может, приходил к однозначному выводу Налбандян. «В рабстве, в нищете нет и не может быть просвещения!»

Особенно беспокоила Микаэла судьба той части армянского народа, которая волею исторической судьбы оказалась под властью Турции. Армянский крестьянин здесь сеет и жнет ровно столько, сколько необходимо, чтобы кое-как продержаться в течение года. Большого достичь армяне не могли, а если б даже могли, то это все равно оказалось бы бесполезным, ибо они жили «среди парализованного, каким являются турки, народа, у которого не было и никогда не будет какой-либо деятельности», а это значит, что сельскохозяйственные товары армян не нашли бы спроса.

Каким же, по мнению Налбандяна, был выход? Разумеется, и речи не могло быть о том, чтобы армяне хоть ненамного отстали от всеобщего прогресса, дабы привести в порядок все то, что на протяжении многих лет и десятилетий предавалось забвению. Все надо делать параллельно, не впадая в панику и не отчаиваясь. У Микаэла накопился уже долгий опыт такой многогранной работы, и он, как всегда, был убежден, что армянский на под прислушается к его словам.

Пока армянский народ не имеет истинного земледелия со всеми его отраслями, до тех пор и армянская торговля будет всего лишь в услужении

у Европы. «А с того дня, когда народ начнет обрабатывать землю, когда армяне вернутся на свою родину — благодатную, но ныне почти безлюдную и невозделанную родину, — тогда оживет и армянская торговля, — думал Налбандян. — И с того дня купец не только освободится от роли жалкого приказчика европейцев, не только встанет на собственные ноги, но и повернет поток европейского золота и серебра внутрь своей страны!»

II, нисколько не опасаясь, что его могут обвинить в бесплодном фантазировании, — а ведь немало было среди армян таких, кто жил без мечты, без капельки воображения, то есть фактически прозябал, а не жил, — Микаэл Налбандян открывал перед своими соотечественниками прекрасные перспективы промышленного переворота.

«Многие машины, которые в Европе работают силой огня и пара, в Азии могут работать силой бешено низвергающейся с гор воды, на которую не нужно тратить тех денег, что тратят европейцы на уголь или дрова. И тот товар, сырье для которого во многих случаях вывозилось из Азии в Европу и в переработанном виде возвращалось обратно в Азию, пройдя через несколько рук, можно будет более дешево и того же качества производить в Азии».

Мысли о революции и политической экономии уводили Микаэла еще дальше.

Размышляя над путем, пройденным европейской цивилизацией, Микаэл писал, что Европа, родившись поздно, старится очень быстро, и добавлял: «В течение нескольких веков она прошла несколько исторических фаз, переменила множество форм правления, но до сих пор не достигла своей цели, ибо все время старалась расширить свой путь, выпрямить и выровнять его, забывая, что неудобство ее не столько от дороги, сколько от обуви, которая ужасно жмет и мешает идти... Что толку от широкой дороги, если обувь жмет?» И «тесная эта обувь» — трудноразрешимый экономический вопрос, вопрос о человеке и хлебе, который рано или поздно будет решен, пусть даже с великими потрясениями и бурями.

Пусть сегодня гонимы и преследуемы пророки и апостолы будущего — никакое насилие, никакая консервативная система не могут преградить путь революционным бурям!

И тогда, предсказывал Налбандян, произойдет нечто обратное тому, что было раньше.

Как в средние века хлынули из глухих уголков Азии и наводнили Европу толпы варваров, так и европеец после разрешения вопроса о

человеке и хлебе придет в Азию. Придет день, когда возродится древняя Азия, и с того момента народы ее начнут свою подлинную историю, если, конечно, они сохранятся как нации. Если же нет, то растворятся, как капля в безбрежном море... Будущность Азии не менее величественна, чем будущность Европы. И задача армян — не растеряться под ударами грядущих бурь...

Вопрос человека и хлеба...

Но если проблема только в этом, то можно прийти и ложному выводу, что национальный вопрос не заслуживает особого внимания, что человек — живет он на свете под именем армянина или под каким-либо другим именем, — все равно тот же человек.

«Да, — соглашался Микаэл, — если равноправие сегодня будет признано на всем земном шаре, если исчезнут существующие государственные системы, то уже завтра не будет не только национального вопроса, но отпадет всякая надобность в нем. Но все дело в том, что на все это требуется время, пока же «границы деяниям героев — меч их», — говорит наш мудрый старец Мовсес Хоренаци».

Прискорбно, конечно, что один народ силой оружия угнетает и эксплуатирует другой. Но одна лишь скорбь бесполезна перед существующими порядками; ни скорбь, ни ярость не могут помочь свергнуть несправедливость и насилие. Поэтому вполне естественно и закономерно сейчас не щадить сил для сохранения национального облика, достоинства и защиты национальных интересов.

«Наш общий долг — оставаться под знаменем своей собственной нации до тех пор, пока и другой несет свое национальное знамя», — учил Микаэл Налбандян.

«Но, утверждая это, мы вовсе не хотим превратить защиту нации в голый фанатизм».

«В конце-то концов надо же прекратить то безобразие, когда ради одного шампура шашлыка для себя одна нация режет быка другой нации», — заключал свою мысль Микаэл Налбандян.

Микаэл был как в лихорадке, он спешил днем раньше кончить свою книгу, которую с любовью посвящал армянской молодежи. Ибо его планы разрешения экономических проблем, которые он разработал для будущей Армении, могло осуществить лишь молодое поколение.

И это же самое поколение должно было узнать свою страну в ее точных и истинных границах — пусть пока хотя бы на карте, — чтобы передать идею родины идущим после них. Иначе кто в будущем подтвердит само существование армянской страны, какой тиран и захватчик или какой

сосед признает ее настоящие границы?

Границы?

Но ведь и самой-то карты не имели армяне...

Не было карты ныне разодранной Армении, той самой Армении, которая легко нашлась бы не только на древних армянских, но и в вавилонских, ассирийских, греческих картах...

Микаэлу пришлось заняться и этим...

Не оставляя работы над книгой, Микаэл в то же время просиживал в читальном зале Национальной библиотеки Британского музея, чтобы не только уточнить, но и научно подтвердить имеющимися историческими документами исконную территорию и настоящие границы будущей Армении.

Будущей Армении!..

А будущее есть дитя настоящего, утверждал Налбандян, и перед тем, кто исследует настоящее, раскроется и внешне непроницаемая завеса будущего. Следовательно, досконально изучив настоящее, можно и нужно внести поправки, которые помогут гарантировать само будущее.

Ибо «только национальность сегодня является тем знаменем угнетенных людей, которое должно быть поднято против деспотизма». Национальность — единственное средство также против просвещенного деспотизма, если только деспотизм или насилие «может быть просвещенным, или, став просвещенным, оно продолжает оставаться насилием», — сделал очередное важнейшее заключение Налбандян. Во время своего путешествия он видел и сравнивал реальное положение разных народов и стран и убедился, что «просвещенный деспотизм» все же реален пусть даже как временное явление. И уже от самой нелепости понятия «просвещенный деспотизм» могло родиться светлое стремление переделать мир.

«Что же остается нам — тем кто не является ни мистиком, ни деспотом? — спрашивал Микаэл в конце своей книги и сам же отвечал: — Проповедовать экономическую проблему, возвеличивать человека, разьяснять национальный вопрос, провозглашать мистикам искушение, тиранам — обуздание, а простому народу — спасение!»

Свой труд «Земледелие как верный путь» Микаэл закончил 26 марта 1862 года. Книга эта, явившаяся также классической ценностью в числе лучших произведений эпохи до научного социализма, на годы и десятилетия стала всеобъемлющей идеологической и практической программой для будущих поколений. Начиналась она небольшим

обращением Микаэла Налбандяна к молодежи.

«Прошлое нашего народа печально, исторические памятники тех дней истекают слезами. Настоящее нашего народа тяжело, рабство и нищета вопиющи, и если мы надеемся на будущее, то именно вы являетесь его предвестниками. От вас зависит будущее народа, и на вас единственная надежда...

Не забывайте, что и ваше будущее свершит суд над вашими могилами, точно так же, как вы сегодня вершите суд над вашими предками...

В бой с вами вступит предвзятое мнение, если не сказать больше. Это естественно, но даже из этого можно извлечь пользу: нельзя почувствовать силу, если нет сопротивления, трудно добытая награда дороже.

Предоставьте мертвым погребать своих мертвых, солнце их закатилось. А вы живы, и заря будущего восходит над вами!.. Жизнь течет только в одном направлении — вперед! Только там мы можем достичь обновляющего и бурного возрождения нашего народа!

Всего вам наилучшего.

Всегда ваш Симеон Маникян».

Да, Симеон Маникян!

Хотя книгу свою Микаэл опубликует в Париже и фактически без цензуры, однако он все-таки решил подписать псевдонимом эту эпохальную для политической, общественной и национальной жизни армянской действительности работу.

С этого момента Микаэл Налбандян должен был отделить в себе общественного деятеля и публициста от революционера и вождя национально-освободительной борьбы...

Из чисто конспиративных соображений.

Сейчас надо было как можно скорее вырваться в Париж.

В начале апреля Микаэл Налбандян выехал из Лондона, имея при себе два рекомендательных письма.

Одно из них написал Николай Альбертини, всего две недели назад познакомившийся с Микаэлом, но и до этого отлично осведомленный о нем. Год назад он в связи со студенческими волнениями в Петербургском университете был арестован, а выйдя на волю, поспешил в Лондон — к Герцену и Огареву.

Николай Альбертини — Степану Громеко.

4 апреля 1862 г.

«Пишу к Вам, дорогой Степан Степанович, через моего доброго лондонского знакомого Налбандяна. Пользуюсь этим случаем, чтобы сказать Вам многое, чего иначе нельзя было сказать. Ежели чего-нибудь не скажу, за кратковременностью срока, остающегося мне для написания письма, — то Вам доскажет сам Налбандян, человек, вполне пользующийся уважением лондонских русских».

Второе письмо написал Александр Герцен.

Александр Герцен — Ивану Тургеневу.

30 марта 1862 г.

«Отче Иван... Записку эту тебе доставит благороднейший и добрейший мой доктор медицины и армянин — Налбандян, — прими его мило. Он вполне заслуживает, — он недавно был в Калькутте и теперь едет в татарофинский город Moscow.

Пишу я, между прочим, вот почему. Некий Куманин сказал мне, что Кавелин в Париже. Что это значит, что он не пишет? Отдай ему прилагаемую записку, пожалуй, пошли с Налбандяном».

EPISTOLE

Касательно знакомства моего с Герценом, Огаревым и Бакуниным я уже объяснил... Я ни в коем случае не знаю ни их намерений, ни их образа действий.

Микаэл Налбандян (Из «Сенатских показаний»)

В переживаемое нами время нужно быть последовательным и верным своим убеждениям вплоть до риска своей головой, потому что эта последовательность и эта верность составляют единственную охрану нашего достоинства. Очень трудно быть последовательным, но позорно не быть таковым.

Михаил Бакунин

Через несколько дней после того, как Микаэл Налбандян пересек Ламанш, Александр Герцен уже знал, что этот «добрейший, благороднейший человек, золотая душа», при всей своей исключительной занятости обещал Бакунину во что бы то ни стало доставить ему жену из Сибири в Петербург.

Известие это оказалось для него неприятным сюрпризом и дало повод к справедливому гневу. Нам неизвестно, какой тяжелый разговор произошел за стенами Орсет-хауза между Герценом, Огаревым и Бакуниным. Однако продолжением этого разговора стало письмо Герцена Тургеневу — письмо, которое не только предупреждало, а попросту запрещало.

Александр Герцен — Ивану Тургеневу.

9 апреля 1862 г.

«Налбандян очень и очень честный человек. Не вели ему возить сюда жену Бакунина. Прилагаемое письмо отдай Налбандяну, если он не уехал».

Нетрудно угадать, в чем пытался переубедить Герцен Налбандяна в «прилагаемом письме». Дело было вовсе не в жене Бакунина, вызволить которую из ссылки обязан был каждый настоящий друг и товарищ, а в том — и в Лондонском центре прекрасно понимали это, — что, обращаясь с подобными просьбами к одному из своих соратников, можно было просто-напросто провалить дело. Как, к сожалению, и произошло в действительности, подтвердив наихудшие опасения Герцена. И это при всем том, что Лондонский центр всячески старался удержать Микаэла Налбандяна от организационно-политической работы, так как на него была возложена вся тяжесть руководства кавказским и армянским национально-освободительным движением.

Но ни Герцену, ни Тургеневу не удалось заставить Микаэла отказаться от данного слова...

И в этом опять же был весь Налбандян — исключительно преданный, с обостренным чувством товарищества и совершенной гармонией слова и дела.

Может, именно в этой цельности Налбандяна и скрывалась причина того, что многочисленные враги и недруги из соотечественников люто ненавидели его, а в чужой среде его сразу же признавали за настоящего деятеля и любили безоглядно.

На сей раз очередной «жертвой» обаяния Микаэла стал Иван Тургенев, поспешивший поделиться своими впечатлениями с Бакуниным и Герценом.

**Михаил Бакунин — Микаэлу Налбандяну,
24 апреля 1862 г.**

«...Я, мы все очень рады, что вы так полюбились старому Тургеневу, а так как чувства всегда бывают взаимными, то и он, без сомнения, вам полюбится не менее. Я получил его письмо и буду отвечать сегодня вечером».

**Иван Тургенев — Александру Герцену.
28 апреля 1862 г.**

«Налбандян истинно отличный малый, и я его искренне полюбил!»

...А Михаил Бакунин впал в панику. Предполагая, что Герцен не ограничится одной лишь беседой с ним, а всячески постарается удержать Налбандяна от чреватого многими опасностями намерения (предположения эти, как мы теперь знаем, вовсе не были безосновательными), Бакунин слал

в Париж письмо за письмом, делясь то своими тревогами о судьбе жены, то советами по организации деятельности революционного и освободительного движения.

Михаил Бакунин — Микаэлу Налбандяну.

24 апреля 1862 г.

«Мой милый Налбандян, вы верный друг и славно исполнили свое обещание. Спасибо вам. Теперь только две просьбы, постарайтесь, чтобы деньги жене были высланы скорее, а, во-вторых, о том, следует ей или нет ехать в Лондон, ни с кем, даже с моим семейством, не говорите...

Моя же неперемнная воля, чтоб она как можно скорее прибыла в Лондон... И так, любезный друг, сосредоточьте на первое время всю свою энергию на скорейший приезд моей жены из Иркутска в Тверскую губернию... Об остальном перепишемся позднее, ведь у меня ваш адрес есть. Вы знаете, куда адресовать ваши письма, и лексикон у нас также есть».

Вторым человеком, кому Бакунин мог доверить переправить жену, был его старый друг Тургенев. Тот обещал приехать на несколько дней в Лондон, но все откладывал поездку. А Бакунин в нетерпении теперь просто умолял Налбандяна:

«Да вытолкайте же его скорей из Парижа, нам смерть как хочется с ним повидаться, и я надеюсь, что он пробудет с нами не менее недели».

Через несколько дней Микаэл получил еще одно письмо.

Михаил Бакунин — Микаэлу Налбандяну.

6 мая 1862 г.

«Любезный друг, надеюсь, что это письмо застанет вас в Париже. Тургенев в самом деле начинает превращаться в сказочное существо, не подчиняющееся ни логическим законам, ни математической вероятности. Когда он выедет из Парижа, когда будет в Лондоне, когда возвратится в Россию, — этого, видно, никто, даже он сам, сказать не может. А между тем деньги должны быть посланы моей жене как можно скорее... Поэтому, прошу вас, переговорите с ним толком, или лучше еще —

покажите ему это письмо. Он не рассердится. Постарайтесь узнать от него как можно быстрее и определеннее, в какое время вы можете получить от него, разумеется займы, на имя братьев, обещанные им 2000 руб... Переговорите ж с Тургеневым, пусть же он вам дает определенный путный, деловой ответ. Может или не может? И когда может? Чтобы вам можно на это положиться. Если не может, и если есть даже неверность, неопределенность, сомнения в возможности — пусть скажет ясно. Тогда я должен буду прибегнуть к другим средствам, ибо, повторяю еще раз, *жена не должна оставаться ни на минуту дольше в Сибири*. А почему не должна и не может, это уже мое дело, не подлежащее ничьему суждению. В Тургенева вера моя была бы безусловна, если б в нем не было чего-то иррационального, непредвиденного, — а главное, — магнетически его удерживающего в Париже и отталкивающего от Лондона, чего-то обманывающего все расчеты. На вас же я полагаюсь вполне...»

Но вскоре Бакунина стала беспокоить «медлительность» уже Налбандяна, и очередное его письмо начиналось теперь просто отчаянными строками:

«Любезный друг, этак-то вы из Парижа выезжаете? Зажились там, как Тургенев, да и ни гугу! Ну, да, видно, дела есть...»

Дела у Микаэла, несомненно, были.

Он, в свою очередь, был обеспокоен медлительностью своих константинопольских друзей, так как дни проходили, а он даже не узнал еще, смогли ли друзья доставить письмо, адресованное Джузеппе Мадзини. С другой стороны, надо было следить за подготовкой к Зейтунскому восстанию, а также лично заниматься на первый взгляд далеким от него вопросом, как изготовление пороха. Он ждал инструкции «Состав пороха», которую по его просьбе перевел один из друзей. Ничто не должно быть упущено, ничто не должно ускользнуть от его глаз, даже самое второстепенное, иначе самая незначительная мелочь могла сыграть свою роковую роль в битве за свободу народа.

Одновременно со всем этим он подготавливал издание карты Армении, но занят был главным образом, конечно, опубликованием своей работы «Земледелие как верный путь». Во всяком случае, основной причиной его задержки в Париже была именно необходимость возможно

скорее выпустить в свет и отправить в Константинополь и Россию «Земледелие».

Дома новых знакомых становятся часто своеобразными центрами новых встреч. Не составлял исключения и дом Тургенева, где часто бывал Микаэл. Здесь он и познакомился с Андреем Ничипоренко.

Через год, отвечая на вопросы, представленные русским посольством в Париже, Тургенев напишет:

«Я г. Ничипоренка видел всего два раза: летом 1860 г. у себя в деревне, в Орловской губернии, и потом, в 1862 г. весной в Париже. В деревню ко мне он заехал, временно проживая в гостях по соседству, и желал со мной познакомиться. Я нашел в нем человека молчаливого и малоинтересного, посещение его продолжалось весьма недолго, и он уехал, не выказав никаких своих убеждений. Я совершенно забыл о его существовании, когда он явился ко мне в Париж, и тут наше свидание продолжалось еще менее и было еще незначительнее. Я собирался ехать в Россию, и он просил меня передать небольшой пакет г. Серно-Соловьевичу...

Г-н Ничипоренко... мог встретиться у меня с г. Налбандяном, который около того времени заходил ко мне...»

Хотя Тургенев считал себя отошедшим от политических взглядов Герцена, Огарева и Бакунина, однако он учитывал, что объяснения эти требуются от него в связи с обвинениями против тридцати двух лиц в сношениях с лондонскими пропагандистами, и поэтому старался как можно меньше сказать о том, что так интересовало следственную комиссию. Реальностью же было то, что именно в доме Тургенева Андрей Ничипоренко передал Микаэлу записку Бакунина, написанную на визитной карточке.

«Другу Налбандяну от Герцена, Огарева и меня общий и сердечный поклон. Просим мы вас принять подателя сего, А. И. Ничипоренко, как нашего друга, к которому вы можете иметь безусловно такое же доверие, как и к нам самим».

Андрей Ничипоренко сначала был одним из сотрудников-корреспондентов «Колокола», затем стал членом организации «Земля и Воля». Весной 1862 года он должен был выехать в Одессу через Францию

и Италию, и у него были рекомендации не только от Бакунина к Налбандяну, но и от Герцена к Гарибальди, которому Ничипоренко должен был передать письма Саффи и Бакунина.

Марк Аурелио Саффи — Джузеппе Гарибальди.

«Эти строки вам представит русский патриот г-н Ничипоренко, которого рекомендую вам от своего имени и от имени друзей Герцена и Бакунина. Он может оказать весьма важные услуги делу народной эмансипации по знаниям своим славянской народности. После кратковременного пребывания в Италии Ничипоренко собирается предпринять путешествие по придунайским землям, и вы можете воспользоваться его связями и действиями во всем, в чем, по вашему благоусмотрению, сочтете нужным...»

Михаил Бакунин — Джузеппе Гарибальди.

10 мая 1862 г.

«Нет никакого сомнения, что Россия идет быстрыми шагами к революции. Когда она разразится? Вот вопрос. Может, в 1863 году, может, несколько лет позже. Мы употребляем все возможные усилия, чтобы ее ускорить и соединить с движением живых народов Европы... Откуда начнется движение? Подает ли сигнал честолюбие и внутреннее обстоятельство Франции? Будет ли это внезапное восстание народов итальянского, мадьярского, славянского, армянского и греческого? Будет ли это, все-таки, русская революция? Вот в чем вопрос. По крайней мере, употребим все старание, чтобы эти восстания способствовали и достигли одной цели: совершенное освобождение Италии, восстание и освобождение всего Востока. Не нужно Австрии и немецкого владычества, но вместе с тем не нужно и царизма и империи в России. На месте этого автономия и федерация всех свободных народов».

Были и у Микаэла дела к «письмоносцу» Герцена и Бакунина: используя свое знакомство и дружбу с Мадзини, он уже не раз обращал внимание Джузеппе Гарибальди на повстанцев Зейтуна. А поскольку Андрей Ничипоренко должен был возвратиться в Одессу через Константинополь, то нашлись ему поручения и к Арутюну Сваच्याну, и к Серовбэ Тагворяну.

Но Андрею Ничипоренко не суждено было стать связником в общеевропейском и всероссийском революционном движении.

Потому что через несколько недель именно с него началась цепь провалов, а затем и арестов...

Однако проследим дальше за письмами, написанными в эти летние месяцы. Читаешь их и воочию видишь, что «Европу и Россию охватило дыхание свежих ветров, которые сгоняют также грозовые тучи, и вот-вот начнется настоящая свистопляска бешеных сил природы».

Вот письма Бакунина, которые одно за другим приходили в Париж на адрес Налбандяна:

«Здесь много русских... Между ними я сошелся особенно с одним положительно хорошим и полезным человеком. С Николаем Ильичем Вороновым. Он будет в Питере в июне и привезет вам от меня письмецо. Примите его, как хорошего человека, заслуживающего полное доверие. Он был учителем в гимназии в Ставрополе, потом в Ека-^{те}ринодаре. Теперь, немедленно по возвращении из-за границы, едет в Тифлис... Во-первых, научите его, как переписываться со мною и через Петербург, и через Москву, а также через Константинополь... Он и в Европейском, и в Азиатском отношении будет полезен. Потому неплохо бы было рекомендовать его добрым людям в Тифлисе, которые были бы знакомы с добрыми людьми в Константинополе... Сейчас спохватился — ведь у меня нет еще адреса вашего парижского соотечественника. Пожалуйста, напишите его».

«Он переговорит с вами о новом средстве доставления наших товаров в Кавказский край. Его мысль следующая: из Трапезунта ходят на Кавказский берег малые турецкие суда с контрабандою, которую провозят во множестве. Горцы же, пользуясь правом возить с гор дрова на все русские посты, т. е. на всю линию, примыкающую к Черному морю, не раз ввозили между дровами и наши лондонские запрещенные товары... Напишите кому из своих, дельному и торговому человеку в Константинополе, за честность и дельность которого вы перед нами отвечать можете, и уговорите его устроить отношения по этому делу с контрабандистами в Трапезуйте... Если такой

человек в Константинополе найдется, то попросите его написать прямо ко мне на адрес, которым и вы пользуетесь при случае».

Нахичеванские же соратники, в свою очередь, писали Налбандяну:

«Но только нужно делать дело, о чем я и очень прошу вас, с благоразумием, дальновидностью и терпением. Вам не нужно тревожиться: теперь со всех сторон смотрят на вас и на меня (хотя ничего, кроме хорошего, мы не сделали и ничего, кроме справедливого, не знаем), и потому нужна осторожность... Все наши приятели живут хорошо и остаются неизменными в том самом твердом положении: нужно для вида несколько благочестия, смирения и молчания».

В этих пересекающих страны и материки письмах, кроме деловых поручений и шифрованных сообщений, встречаются и необыкновенно сердечные строки, являющиеся доказательством истинной дружбы этих людей, полных светлой веры в будущее революционных вождей и борцов за освобождение народов.

...Еще в Лондоне, когда они почти каждый день гуляли вместе по городу, Бакунин попросил Налбандяна подарить ему свою фотографию. Микаэл зашел наконец к фотографу, но сфотографировался с раскрытой газетой в руках, да еще спиной к объективу. Понял ли всегда порывистый и довольно беспечный Бакунин, получив эту фотографию, тонкий намек своего друга? Неизвестно. Но эта шутка Налбандяна вызвала немалое оживление в Орсет-хаузе.

Вспомнив о просьбе друга, Микаэл уже из Парижа отправил свою фотографию не только Бакунину, но и Герцену, Огареву и Тхоржевскому.

Михаил Бакунин — Микаэлу Налбандяну.

18 мая 1862 г.

«Спасибо вам за фотографию. Я взял себе две: одну сидячую, другую стоячую... Вот как вас люблю, что даже молодого Герцена обидел. Вы бы порадовались, если бы видели, с какой радостью и Герцен и Огарев приняли от меня ваши портреты».

И вновь — письма, письма, письма...

«Все, что знаю о вас, заставляет меня надеяться, что мысли наши одинаковы и что вы признаете полезным соединиться с нами. Я предлагаю вам воспользоваться этим случаем... Гроза близка, и когда она разразится, поздно будет думать о приготовлениях. Тогда мы должны будем действовать, но чтобы действовать, мы должны знать, куда, с кем и с какими силами».

«Дорога открыта... Вам, я думаю, предлагают заняться распространением книг в Москве... Ради всего на свете, не берите этого на себя, найдите им кого-нибудь другого. Ваше дело так важно и вы так необходимы и незаменимы, что должны не впутываться в посторонние дела».

И шифры:

Зашифрованное имя Микаэла Налбандяна —
Петр Цуриков, Бакунин — Брыкалов,
Тургенев — Ларион Андреевич,
Герцен — барон Тзенгаузен,
Огарев — Костров,
Маркиз де Траверсе — Граф,
Ворон — Вандерман,
Кельсиев — Рудаков.

И еще шифры:

Правительство — Дурнов,
Тайная полиция — Слепнев,
Армения — Москва,
Турция — Крым,
славяне — немцы,
греки — татары,
Трапезунт — Триест,
сослан — поехал по делам,
крепость — кондитерская,
тюрьма — кофейная,
комитет — меняла.

И еще:

Водворить в Киликии колонию — воздeльвание хлопка,
Россия — приятель Самсона,
Италия — приятель Генуи,
Польша — Триестский приятель,
Герцен — Лондонский приятель,
Гарибальди — Ливорнский приятель,
Армения — больной,
Мадзини — г-н Мартирос,
Бакунин — г-н Амликaр.

А потом вновь письмо...

Письмо, которое Налбандян ждал с нетерпением и которое вновь должно было взбудоражить его: как выяснилось, в эти горячие времена освободительных движений армяне, вместо того чтобы начать и еще более развернуть деятельность, опять погрязли в мелких и ничтожных своих дрязгах, всячески тщаcь доказать свою исключительную патриотичность, и доказывали это биением себя в грудь... Сколько могла продолжаться эта вопиющая нелепость, превращающаяся уже в черту национального характера? Увы, немало еще лет и десятилетий не смогут армяне осознать идею общенационального будущего и не смогут объединиться во имя этого будущего...

По Микаэл Налбандян был из тех могучих личностей, которые время от времени появляются в самые разные периоды истории народа и живут и действуют, оставаясь верными завету Мудрого Армянина: «Пустившись в путь, нужно идти вперед до последнего вздоха!» И только такие исключительные личности, идущие только вперед и вперед до последнего своего вздоха, — именно они поднимают народ, призывают его к единству и придают ему силы жить, идя вперед, и идти вперед — живя, — была самой насущной сейчас для идущего из глубины тысячелетий, в чем-то умудренного и неуставшего народа.

Письмо это, так возмущившее и взбудоражившее Микаэла, пришло как раз в то время, когда он, собираясь отправиться в Петербург, давал последние поручения своим лондонским и парижским друзьям:

Серовбэ Тагворян — Микаэлу Налбандяну.

26 мая 1862 г.

«Твое письмо из Парижа получил, перечень старых шифров,

посланный тобою не помню в каком из писем, также получил.

Извини, что не отвечал на твои письма аккуратно; я совсем одурел: здесь, в нашем народе, даже малейшая деятельность способна убить человека. Ты ропщешь на нашу медлительность, и вполне справедливо, но, уехав из нашего города, ты совершенно забыл характер нашего народа. Верно, что, когда один из волов хромает, трудно управлять упряжкой — то же и я говорю.

Ты сердишься, что я до сих пор не передал письмо господину Мартиросу...»

Помните, «господин Мартирос» — это Джузеппе Мадзини?

«...Но умоляю, выслушай меня хладнокровно.

С тех пор, как ты уехал из нашего города, чтобы мы действительно получили то, о чем ты говорил господину Мартиросу как об имеющемся у нас, с тем, чтобы мы могли смело передать посланное письмо его человеку. Но тщетно. Нескончаемые проблемы, волнующие нацию, и дела людей, которым мы несколько месяцев доверяли, а ныне не доверяем, — все эти неприятности, говорю я, неимоверно обескураживают нас...»

Что же произошло? Что могло их так обескуражить?

Больше года имея тайную организацию, в создании которой лично участвовал Налбандян, имея умных и преданных делу руководителей, имея разработанную ясную программу, конечной целью которой было создание вооруженных отрядов и совместное с горцами Зейтуна освобождение Западной Армении, имея, наконец, огромные денежные средства, причитающуюся Налбандяну долю из завещанных индийскими армянами денег, а они нужны были не только на создание войска и закупку оружия, по и для привлечения итальянских сил, — словом, при всем этом затягивалась организация комитета и вступление в систему всероссийского и общеевропейского освободительного движения — обстоятельство, совершенно необходимое для начала скоординированных и общих действий...

...Однако вернемся к письму, не забывая, что шифрованное слово «меняла» означает «комитет».

«Подумай же: не имея в этом городе менялы, сказать, что

имеем его, не только поставило бы меня в критическое положение, но и наши товарищи не простят, если я сообщу тому человеку нечто такое, что может повредить авторитету всего общества. В связи с твоим распоряжением я за себя совершенно спокоен, и, если ты, хорошенько подумав, решишь, что письмо должно быть передано по назначению, я передам без колебаний. Подумай же и дай мне знать».

И далее:

«Надо бы, чтобы здесь было несколько человек твоего темперамента, чтобы мы двигались несколько быстрее; с теми же, с кем я имею дело, мне приходится переносить очень большие трудности. Из Тавра приехал сюда некий архимандрит. Уже несколько дней я пытаюсь вступить в торговлю с этим человеком. Едва сумели созвать собрание в двадцать-тридцать человек, да и то с большим трудом. Немного денег этому человеку я дал, немного — один из моих приятелей, с тем, чтобы он купил необходимые учебники и на дорожные расходы».

Нетрудно расшифровать истинный смысл этих строк: с трудом собранные члены тайного общества вели переговоры с посланцем Зейтуна. А Тагворян и один из «приятелей» выделили деньги для нужд горцев.

Письмо свое Серовбэ Тагворян заканчивал строчками, продиктованными той же болью, что каждый раз охватывала и Налбандяна, когда он задумывался над нравственностью и показным патриотизмом отдельных людей:

«Наш народ мало трудится или трудится для таких дел, которые ты презираешь, или действует напоказ. Когда речь идет о любви к нации, о патриотизме, все говорят громогласно: у одних это — лицемерие, у других — тепленькая любовь. Но для действий почти вовсе нет души. Говоря это, мы не должны отчаиваться. Я намерен всегда работать, хотя эта работа вскоре состарит меня...»

Серовбэ Тагворян был прав: нельзя отчаиваться.

Нельзя отчаиваться, даже наталкиваясь на каждом шагу на лицемерный патриотизм, выражаемый только на словах. Но если бы дело

было только в этом... Армянам долго еще придется сталкиваться с той величайшей аморальностью, когда кричащие о своем патриотизме «отцы нации» предавали, продавали и влекли к дьявольской пропасти ассимиляции и небытия легковверный народ, который никак не мог избавиться от им же созданных «авторитетов»... И чего ради? Ради сохранения той доли власти и богатств, что удалось им урвать в своей пустой и никчемной жизни, а еще ради того, чтобы с помощью именно этой власти и богатства окружить свое имя ореолом славы. Но они забывали, что ореол, добытый властью, лестью и деньгами, неминуемо потускнеет, ибо питает его не богатство души, а тугая мошна.

Горестно, но что тут поделаешь? Прав Серовбэ: не может эта работа не состарить их...

Но разве суждено состариться самому Налбандяну? Разве суждено ему познать такое простое и скромное человеческое счастье — увидеть и оценить плоды и результаты своего неустанного, самоотверженного и одержимого труда? Будет ли у него возможность предстать перед тем судом — судом своим и потомков, — перед которым не только уточнишь истинную ценность сделанного тобой, но и убедишься, что те, кто пришел потом, рассудив сделанное тобой и определив твое место, найдут в себе столько сил, чтобы воспринять твой Дух и вникнуть в смысл твоей Любви и твоей Ненависти?..

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

*Нет у врагов той силы, чтобы заставить нас
свернуть с заветного пути. Наша путеводная звезда
ведет нас, и мы следуем за ней.*

Микаэл Налбандян

*Чем больше свободы у всех людей, составляющих
общество, тем больше это общество приобретает
человеческую сущность.*

Михаил Бакунин

...Если местом встреч земляков и своеобразной приемной Александра Герцена был в Лондоне книжный магазин Трюбнера, то открытый Николаем Серно-Соловьевичем на Невском проспекте в Петербурге книжный магазин стал местом встреч членов тайной организации... Но пути участников революционного движения пересекались не только в его магазине. Совсем недавно, всего пару месяцев назад, в доме Елисеева открылся шахматный клуб, о котором агент Третьего отделения тут же поспешил донести:

«Подозревая в учрежденном ныне вновь шахматном клубе какую-нибудь тайную роль, так как члены, записавшиеся до сих пор, принадлежат исключительно к сословию литераторов и ученых, приложено было старание узнать, на каком основании образовался этот клуб. Говорят, что здешние литераторы обращались с просьбой о дозволении им учредить литературный клуб, но что им в этом было отказано. Тогда кто-то вспомнил, что существовавший здесь, в гостинице Демута, шахматный клуб закрыт, и этим обстоятельством воспользовались литераторы, чтобы под названием шахматного клуба открыть их собственный клуб. К открытию вновь шахматного клуба не встретилось препятствий, и воспрещение, касавшееся собраний литераторов, обойдено. Говорят, что их подписалось уже до двухсот человек...

В шахматном клубе не водится карт, а только шахматы, шашки и домино, но эти игры, говорят, только один предлог».

Агент тайной полиции не зря ел свой хлеб.

В шахматном клубе обсуждались публичные лекции, прочитанные в здании городской думы университетскими профессорами, цензурный проект министра народного просвещения, вопросы свободной печати... Но господина шефа жандармов Долгорукова, царя и его сановников больше всего встревожило полученное 4 апреля известие, что в клубе проявляют особый интерес к конституции. Члены клуба открыто говорили о том, что правительство идет на кое-какие уступки лишь для того, чтобы «замазать языки недовольным». Многие прямо заявляли: «Нам нужна конституция не такая, какую дадут, а такая, какую хотим мы! А ее без крови не добудешь!...»

— Кроме книжного магазина и шахматного клуба, местом встреч стала также библиотека-читальня при магазине Серно-Соловьевича, недавнее открытие которой стало знаменательным событием в петербургской жизни. В читальне Серно-Соловьевича был «посредине огромный круглый стол, ярко освещенный газовой лампою в несколько рожков. «Эта комната отличается и уютностью, и простором вместе, — вспоминает Очевидец. — Г-н Серно-Соловьевич выписывает до сорока современных журналов, в том числе и заграничные издания».

Если Петербург был в восторге от нового книжного магазина и читальни, то еще более он поразился, когда за прилавок встала молодая и красивая женщина в темных очках. А встать женщине за прилавок считалось тогда «так же необыкновенно, как лицеисту, служившему в Государственном совете, сделаться купцом».

Этим ставшим купцом-лицеистом был, несомненно, сам Николай Серно-Соловьевич.

Как-то по делам Николай Серно-Соловьевич отправился на прием к петербургскому генерал-губернатору князю Суворову.

— Кто вы? — подойдя к нему, спросил Суворов.

— Купец первой гильдии Серно-Соловьевич.

Генерал-губернатор любил говорить с посетителями на иностранных языках. Увидев перед собой «пристойного и благовидного» купца, Суворов обратился к нему по-французски. Серно-Соловьевич ответил. Суворов заговорил по-немецки. Серно-Соловьевич ответил.

— Кто же вы такой? — повторил свой вопрос немного изумленный Суворов.

— Купец первой гильдии Серно-Соловьевич.

Суворов перешел на английский. Серно-Соловьевич ответил. Князь задал ему вопрос по-итальянски и получил ответ тоже на итальянском.

— Черт побери! — воскликнул ошарашенный Суворов. — Да кто же вы такой?!

— Купец первой гильдии Серно-Соловьевич.

— Где вы учились?

— В лицее.

— Служили где-нибудь?

— Служил.

— Где же?

— В Государственном совете.

Суворов просто опешил от изумления: он и представить себе не мог ничего подобного...

...Не приходилось сомневаться, что и книжная лавка, и читальня были лишь прикрытием настоящей «торговли» и «торгового общества», в которой принимал участие и Серно-Соловьевич.

Дело в том, что после Чернышевского и Добролюбова Николай Серно-Соловьевич был, бесспорно, наиболее выдающимся руководителем освободительного движения в России и одним из создателей петербургского центра «Земля и Воля». И если всего несколько месяцев назад, летом 1862 года, он принимал активное участие в разработке планов и программных требований тайного революционного общества, то сейчас он энергично спланировал революционные силы в Петербурге и губерниях. Чернышевский часто беседовал с Серно-Соловьевичем и, как сообщает Очевидец, «выслушивал его очень внимательно, с горевшими глазами и неослабевающим интересом. Чернышевский интересовался работой нарождавшегося общества и то подвергал критике очередные проекты, то давал весьма полезные советы».

В деле революционной пропаганды и усиления работы тайного общества роль книжного магазина и читальни была совершенно исключительной. Именно здесь происходили оживленные обсуждения и яростные споры, так как молодежь имела возможность читать все, что хотела. Тут можно было узнать «политические и литературные новости, в печати не появлявшиеся, видеть почти всех знаменитостей, а нередко и знакомиться с ними».

Книжный магазин и читальня Серно-Соловьевича, как, впрочем, и шахматный клуб, привлекли внимание не только петербургской интеллигенции и студенчества, но, естественно, и Третьего отделения.

Всякое оживление, вообще всякое движение всерьез беспокоило правительство. Если раньше беспокойство это порождалось опасением, что нарушится тихое болотное прозябание, то в эти весенние дни усиление революционного движения приводило власти в трепет. А самым опасным было правдивое слово.

Одним из тех, кто говорил эту правду, был Николай Серно-Соловьевич. Если б даже забывалась история с лично переданным Александру Второму письмом (что тоже исключалось), то вышедшие впоследствии статьи и книги Серно-Соловьевича просто не могли избежать взора вездесущей тайной полиции.

Требуя, например, полного освобождения крестьян и убеждая, что свободу они должны получить только вместе с землей, Серно-Соловьевич обосновывал это свое положение разразившимся в России экономическим кризисом. «Финансы наши вряд ли были когда-нибудь в худшем состоянии, — писал он. — Монета почти исчезла из обращения, бумажные знаки наводняют рынок; доверие к ним поколебалось; непомерное возрастание дороговизны облегчает постоянное падение их курса». И «грустно видеть, как идут у нас дела! Все отрасли управления представляют одинаковое явление: всюду злоупотребления, беспорядки, неурядицы, нигде нет жизни, энергии... Законы не соблюдаются, общественная нравственность на самой низкой ступени, казнокрадство и взятки вошли в обычай, миллионы людей бедствуют от дурного управления; торговля, промышленность неразвиты... Справедливости не существует в суде...»

В эти июньские дни, когда в Петербурге уже назревали события, а в политической атмосфере страны чувствовалось дыхание грядущих катаклизмов, в шахматном клубе и магазине-читальне на Невском среди множества посетителей можно было увидеть Ивана Сергеевича Тургенева и Микаэла Налбандяна.

...Тургеневу прежде всего следовало выяснить, примут ли родные Бакунина жену своего родственника, беглеца и изгнанника? Следовательно, надо было встретиться с братьями Бакунина, но они, как назло, заключены в Петропавловскую крепость. Арестовали их совсем недавно за то, что «подписали адрес Александру Второму от тринадцати мировых посредников Тверской губернии, в котором открыто было заявлено о несостоятельности правительства удовлетворить общественным потребностям при проведении в жизнь реформы».

Разрешение на свидание с братьями Бакунина Тургенев мог получить от генерал-губернатора Петербурга князя Суворова.

«Я прямо отправился к князю, откровенно объяснился с ним, и князь, взявши с меня слово, что разговор мой с братьями Бакунина будет касаться одних частных дел, дал мне возможность видаться с ними в крепости. Они немедленно объявили мне свою готовность принять к себе жену брата; оставалось доставить ей денежные средства, перебраться из Иркутска в Тверскую губернию. Средств этих в то время у Бакунина не оказалось, я предложил свои и вместе с полученными от г. Налбандяна 300 руб. серебром доставил своих 200 рублей жене брата Бакунина... Деньги эти были доставлены жене Бакунина в Иркутск», —

вспоминал впоследствии Тургенев.

А пока он и Налбандян выполняли данное их товарищу и другу обещание, Михаил Бакунин в Лондоне совсем потерял голову от нетерпения и слал Налбандяну, Тургеневу и Антонине письмо за письмом.

Сколько чувства было в его письмах к жене!..

«...Я жду тебя, Antonie. Сердце мое по тебе изныло. Я днем и ночью вижу только тебя. Антося, друг неоцененный, приезжай, скорее приезжай!..»

«...Неужели ты еще в Иркутске?! Боже мой! Неужели и в эту минуту ты в Иркутске?.. Я люблю тебя, Antonie... Странно подумать — мы полтора года в разлуке, и я не знаю теперь еще, где ты?»

Обещание помочь Бакунину не единственное из самых первоочередных дел Налбандяна. Хлопоты в связи с переездом Антонины из Иркутска в Петербург не помешали вечно нетерпеливому и спешащему Налбандяну встретиться согласно предварительной договоренности с руководителями петербургского комитета «Земли и Воли». Микаэлу необходимо было скоординировать планы и деятельность освободительного движения на Кавказе и в Армении с работой Лондонского и Петербургского центров.

И в то же время он по горло был занят подготовкой к изданию карты Армении. Материалы уже готовы, после кропотливых и длительных усилий уточнены границы Армении.

Оставаясь отчужденным от своего прошлого и истории, народ,

которому Микаэл Налбандян годами своего последовательного и самоотверженного труда помог вновь обрести самосознание, который научился уже мечтать о свободе, не мог увидеть и тем более *иметь* свое будущее. Народ, желающий жить и развиваться, должен знать свою историю, какой бы она ни была. Для этого мало знать лишь героические страницы национальной истории. Нужно — и еще как нужно! — знать и всегда помнить о своих потерях, унижениях, предательствах и подбострастном безволии. А учиться истории, овладевать ею невозможно без географии. В этом Налбандян был убежден. Ну а географию невозможно усвоить без точных карт.

...Армянин лишь понаслышке знал или же только читал, что была некогда страна Армения. И лишь по свидетельству Священного писания знает, что Армения называлась Страной Араратской и имеет тысячелетнюю историю. Но где сейчас эта страна, где Армения, каковы ее границы, города, горы, равнины, озера и моря?..

«Если мы верим, что близится время, когда нация должна очнуться от своего векового оцепенения, — писал в опубликованном в «Юсисапайле» объявлении Микаэл Налбандян, — и почувствуем необходимость в осмыслении своего прошлого, то все ее усилия будут напрасны без географической карты».

Микаэл уже договорился с картографическим управлением военного министерства и получил соответствующее разрешение на поправки по имеющимся там источникам. Всего лишь за полторы-две недели после возвращения в Петербург Микаэл умудрился довести дело до граверных работ, которые должны были вестись под руководством начальника отдела подполковника Шварева. По предварительной смете, представленной подполковником Шваревым, работа эта стоила семь тысяч серебром. «Если взглянуть на этот счет, — признавался Микаэл, — то сделанное нами — просто дерзкое предприятие!»

Соглашаясь, что предприятие это действительно дерзкое, Микаэл, однако, был уверен, что труд его будет занесен в «анналы современной истории».

Разве можно отказаться даже от дорогостоящего и дерзкого предприятия, если оно служит будущему целой нации?

Налбандян предполагал выпустить карту на четырех отдельных листах, которые потом можно будет соединить и получить цельную карту всей Армении.

«Разными цветами должны быть отмечены не только истинные границы Армении и границы разделяющих ее трех государств, но и вся

карта должна быть напечатана в трех цветах, чтобы четко и ясно были видны моря, реки, горы и контуры».

В те далекие дни, когда Микаэл опубликовал свое объявление о подписке на карту Армении, вряд ли кто-нибудь подозревал о мудрой дальновидности Налбандяна, когда он заявил, что отказывается от всех своих прав на карту. «Карта не является нашей собственностью... С этого дня мы превращаем ее в собственность Константинопольского благотворительного общества».

В подстрочном примечании к тому же объявлению Микаэл представлял читателям внешнюю цель благотворительного общества: «Обучить и воспитать бедных армянских детей, особенно в земледелии и ремеслах».

«Скоро откроется особая школа в Малой Армении, где плодородие земли и приморское расположение особенно привлекает внимание всех нас, которая исключительна в своем роде и по отношению к которой безгранично велики надежды всех мыслящих нашей нации».

И опять, опять это был он, Микаэл Налбандян, совершенное олицетворение гармонии слов и дела! Этот невероятно упорный и последовательный великий муж и мудрый учитель, живущий уже тридцать третий год своей жизни, скоро, очень скоро понесет свой крест на свою же Голгофу... А сейчас он был озабочен не только тем, чтобы поднять авторитет благотворительного общества, под прикрытием которого действовали Арутюн Свачьян, Серовбэ Тагворян и вся руководимая ими тайная революционная организация, он уже подготавливал и практическую почву для осуществления тех идей, которые провозглашал в никому не известном еще своем «Земледелии»...

А напряжение в Петербурге достигло уже высшей точки. Царское правительство лихорадочно искало повод всей своей мощью обрушиться на революционеров и расправиться с ними.

Долго ждать ему не пришлось. И повод, можно сказать, оказался очень кстати и вполне подходящий.

«...Случился пожар Шукина двора, и в Петербурге распространилась паника. Молва, под свежим впечатлением студенческих историй, приписывала пожар студентам. Конечно, это был очевидный вздор, слух мог быть пущен даже намеренно

кем-нибудь, но это даже не разбиралось...

При всяких других обстоятельствах пожар прошел бы незамеченным (ведь Петербург видел пожары и больше, при императоре Николае сгорел даже Зимний дворец), теперь он имел роковое влияние на дальнейший ход внутренних мер и привел к последствиям совершенно неожиданным».

Повод, следовательно, нашелся, и он привел в действие заранее разработанный план.

План подробно излагался в докладной шефа жандармов князя Василия Долгорукова царю Александру Второму и прочих присовокупленных к ней материалах. Царь немедленно наложил на них свою резолюцию: «С главными мерами я совершенно согласен».

В своей докладной князь Долгоруков обращал внимание царя на «напряженное политическое состояние государства».

«События, последовавшие недавно в самой столице, подтвердили шаткость нашего общественного положения, — писал он, — обличая возрастающую с каждым днем смелость революционных происков, которая в особенности проявляется в сфере литераторов, ученых и учащейся молодежи, зараженных идеями социализма, при преступном, необузданном подстрекательстве со стороны находящихся за границею русских возмутителей».

Приложенные к докладной Долгорукова бумаги назывались «О полицейских мерах» и «О чрезвычайных мерах». В первом из них, прямо опасаясь «государственного переворота», князь предлагал «опутать всю Россию сетью тайной полиции и агентуры». Но поскольку обстановка, по мнению шефа жандармов, сложилась слишком опасной, он предлагал создать следственную комиссию, которая должна была заняться расследованием деятельности группы лиц.

Петербургские пожары явились удобным поводом и для создания следственной комиссии. Шеф жандармов этого случая не упустил. Председателем срочно созданной комиссии был назначен «опытный инквизитор» князь А. Ф. Голицын.

Согласно распространяемым слухам поджигателями объявили студентов, а их подстрекателями — лондонских пропагандистов...

Герцен и Огарев сразу разобрались в политической подоплеке этой

провокации. «Колокол» неоднократно спрашивал, найдены ли «поджигатели»? Но поскольку ответа на этот вопрос так и не последовало, «Колокол» заявил: «Поджигателей вне полиции не нашли, а в полиции не искали»^[31].

А потом по высочайшему повелению последовало запрещение изданий «Современника» и «Русского слова».

И начались аресты...

Лондонский центр немедленно предложил свою помощь.

**Александр Герцен — Николаю Серно-Соловьевичу.
20 июня 1862 г.**

«Мы готовы издавать «Современник» здесь с Чернышевским или в Женеве — печатаем предложение об этом. Как вы думаете?»

В эти дни Серно-Соловьевичу было адресовано не одно только это письмо.

**Николай Огарев — Николаю Серно-Соловьевичу.
24 июня 1862 г.**

«Я вообще в петербургской суете не вижу исхода. Тут нет живой жизни, нет построения будущего и нет места для коренного движения и преобразования. Опять прихожу к своей теме, шепчу и кричу ее вам в уши, чтобы она неотступно вас преследовала: живая жизнь в провинциях; если у вас нет корня в провинциях — ваша работа не пойдет в рост... Уясните цель — провинциям, ищите друзей в провинциях. Вы только в провинциях встретите народ, а не мещан-извозчиков, для которых менее всего понятна цель — земской земли.

Оставьте мертвым погребать мертвых. Работайте в провинциях... Н. Золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости».

**Александр Герцен — Николаю Орно-Соловьевичу
(продолжение того же письма).**

«Кажется, речь о нашем здешнем восточном приятеле. Поклонитесь ему, это преблагороднейший человек — скажите ему, что мы помним и любим его».

...В течение этих нескольких дней вообще много писем должны были найти своих адресатов — те самые письма, которые вез с собой из Лондона Павел Ветошников. Письма эти заключали в себе не только чисто практические советы, но и глубокие человеческие чувства и переживания.

В письме, адресованном Наталии — жене брата, Михаил Бакунин писал:

«Познакомься ты хорошенько с Налбандяном, приласкай его. Он золотой человек — весь душа и весь преданность. Ты, я думаю, полюбишь его с первого раза. Вот Тургенев, например, другое дело — он также очень добр... и умен и любезен, да помнит себя, нет той святой простоты, что в Налбандяне, который берет не умом, а сердцем... Письмо мое вели передать господину Хафафяну для передачи Налбандяну».

А вскоре вновь:

«Милая сестра, ты, наверное, видела уже Тургенева и Налбандяна. На этих двух людей я полагаюсь исключительно. Они пошлют крупные деньги и, думаю, уже послали... Передай, пожалуйста, прилагаемое письмо или Тургеневу, или Налбандяну, а если ни того, ни другого нет в Петербурге, перешли, как знаешь, Налбандяну».

И еще через четыре дня:

«Если ты не знакома еще ни с Тургеневым, ни с Налбандяном, ни с маркизом де Траверсе, то, прошу тебя, Natalie, познакомься с ними, особенно с двумя первыми; позови их просто к себе через кого-нибудь, хоть моим именем. Адрес Налбандяна ты найдешь в другом пакете, а адрес Ивана Сергеевича легко знать — он знаменитость».

Одним из адресатов был сам Налбандян.

**Михаил Бакунин — Микаэлу Налбандяну,
4 июня 1862 г.**

«Любезный друг, вы добрый и верный друг! На вас расстояние не действует и так же хорошо чувствуете вы вдали, как вблизи. На вас и вся надежда... Дайте мне мою жену. Жду

ваших писем, многих и частых писем, милый друг мой, чтоб я знал о каждом действии, о каждом шаге вперед в этом дорогом для меня деле. Вряд ли это письмо застанет вас в Петербурге. Брошюры ваши я получил только на днях — и дня через четыре отошлю к вам две. Огарев также взялся переслать вам несколько экземпляров.

...Это письмо достанется вам из рук в руки, но вы его сожгите. Я нарочно употребил словарь, данный мною Ивану Сергеевичу, чтоб вы его переписали... Берегите вы как зеницу ока Петра Александровича Цурикова, он человек золотой».

Цуриков — зашифрованное имя Налбандяна, а брошюрки, о которых упоминал в письме Бакунин и которые обещался переслать, были экземпляры отпечатанных в типографии Джаника Арамяна «Земледелия». Микаэл с величайшим нетерпением ждал их.

Через несколько дней Бакунин прислал из Лондона еще одно письмо.

Михаил Бакунин — Микаэлу Налбандяну.

23 июня 1862 г.

«Любезный друг, посылаю вам еще десять экземпляров поваренной книги. Всего посланных будет теперь четырнадцать. Если пожелаете, пошлю еще более. Спасибо вам за все, что вы сделали для Antonie».

Ниже нетерпеливый Бакунин выразил надежду, что они скоро встретятся. Он был уверен, что Налбандян не оставит начатого дела, пока не закончит его... В этом случае слова «начатое дело» означают не планы революционного центра, а вновь и вновь его Antonie. Этот безумно влюбленный в свою жену пятидесятилетний мужчина, деятельный и неутомимый революционер, который, чтобы не сойти с ума от безделья, готов был кинуться в Персию или Индию, чтобы начать там «дело», сейчас был озабочен только одним — убедить Налбандяна лично сопровождать его юную жену в Петербург...

В конце письма Бакунин рекомендовал Микаэлу Павла Ветошникова как человека верного и доверенного, через которого можно будет наладить оживленную «торговую» переписку.

Но все эти письма так и не дошли до адресатов.

Antonie так и не суждено было узнать, как разрывается от любви к ней

сердце ее немолодого супруга...

И Николай Серно-Соловьевич тоже так никогда и не узнает, с какой теплотой поручили ему наладить более тесное сотрудничество с Микаэлом Налбандяном, и приветы Герцена и Огарева так и не дошли до него...

Неведомым останется для Наталии Бакуниной то поручение, что дал ей к Налбандяну брат, она так и не познакомится ни с преблагороднейшим армянином, ни со знаменитым русским писателем...

И наконец, никогда не узнает Микаэл Налбандян, как доверял ему Бакунин привезти свою жену в Петербург, и не увидит ни одного из тех четырнадцати экземпляров «поваренных книг»...

Дело в том, что часть этих писем была передана Павлу Ветошникову после пирушки, которую Александр Герцен вместе с друзьями и близкими устроил в одном из лондонских ресторанов, отмечая пятилетие «Колокола». Во время застолья кто-то заметил между прочим, что Павел Ветошников выезжает в Петербург. Довольно поздно выйдя из ресторана, некоторые из гостей договорились с Герценом, что в ближайшее воскресенье — 6 июля — навестят его в Орсет-хаузе.

Впоследствии Герцен вспоминал:

«Среди гостей были очень мало знакомые нам лица и, по несчастью, сам Ветошников; он подошел ко мне и сказал, что завтра утром он едет, спрашивал меня, нет ли писем, поручений. Бакунин уже дал ему два-три письма. Огарев пошел к себе вниз и написал несколько слов дружеского привета Серно-Соловьевичу; к ним я приписал поклон и просил его обратить внимание Чернышевского на наше предложение в «Колоколе» «печатать на свой счет «Современник» в Лондоне. Гости стали расходиться часов около 12; двое-трое оставались. Ветошников взшел в мой кабинет и взял письмо».

В тот вечер остались у Герцена Бакунин, Кельсиев, Перетц, Альбертини, Тхоржевский, Чернецкий и некоторые другие.

Среди них оказался и один из многочисленных агентов Третьего отделения, посланных с целью проникнуть в Орсет-хауз. На следующее же утро он уведомил свое петербургское начальство о скором прибытии в Петербург связника лондонских пропагандистов Павла Ветошникова, везущего важные письма...

Дальнейшие события развивались быстро и закономерно.

Павла Ветошникова «встретили» как положено и, найдя при нем письма, арестовали «с поличным». Ветошникова немедленно переправили в Петербург, где он на допросе показал, что он служит в фирме «Фрум, Грегори и К⁰», за границу отправился по служебным делам, а в Лондоне занимался изучением сельскохозяйственных машин с целью импорта их в Россию. В Париже он случайно встретил бывшего однокашника, который и ввел его в Орсет-хауз. В дальнейшем он еще пару раз гостил у Герцена и, естественно, не мог отказать ему в просьбе доставить в Россию письма.

И все.

...У арестованного «связника» были изъяты два письма лондонских пропагандистов к «купцу первой гильдии» Николаю Серно-Соловьевичу, письма Михаила Бакунина к Микаэлу Налбандяну, Наталии Бакуниной и Пимену Лялину, письма Василия Кельсиева Николаю Петровскому, к Владимирскому, Серно-Соловьевичу и Белозерову.

И словно мало было всего этого, в те же дни арестовали Андрея Ничипоренко, который, если помните, направился по поручению Герцена во Францию и Италию и вез письма Саффи и Бакунина. 18 июня на австрийской пограничной станции Паскиери у него во время обыска нашли несколько прокламаций на итальянском языке и экземпляры объявлений о создании при редакции «Колокола» «Общего фонда».

А письма?

Догадываясь, что предстоит обыск, Андрей Ничипоренко умудрился забросить письма под лавку в отделении полиции. Не придав значения найденным прокламациям и объявлениям, полиция разрешила Ничипоренко продолжить путешествие в Триест и Венецию. И лишь после отхода поезда под лавкой нашли эти письма. То были уже не «невинные» прокламации, а неопровержимые свидетельства того, что на территорию Австрии проник опасный революционер. Власти немедленно распорядились арестовать Ничипоренко в Австрии или Турции, а копии писем переслали в Россию.

Но Андрея Ничипоренко не смогли перехватить ни в Австрии, ни в Турции. Благополучно миновал он и русскую границу. Уже провалившийся связник, даже не подозревая, какую охоту ведет за ним полиция трех самых реакционных монархий, вернувшись в Россию, тут же отправился в Полтавскую губернию.

И только здесь он был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость.

...Вот так и получилось, что царскому правительству словно на

блюдечке преподнесли великолепнейший предлог немедленно приступить к репрессиям. Тем более что и авторы писем, и адресаты были именно теми людьми, кого полиция давно уже держала на примете.

Шефу жандармов князю Долгорукову не к чему было медлить. Седьмого июля полиция произвела в Петербурге аресты по заранее составленным и уточненным спискам.

Было, наверное, около половины третьего пополудни, когда в квартире Чернышевского появился начальник Третьего отделения Петербурга полковник Ракеев. Полковник был опытен и слыл большим специалистом по части обыска и арестов.

После недолгого обыска жандармы конфисковали вызывающие подозрение бумаги и книги и сложили их в большой мешок. Однако все две с лишним тысячи томов книг унести сразу оказались не в состоянии, поэтому ограничились пока тем, что опечатали кабинет Чернышевского. Полковник Ракеев лично препроводил Чернышевского в Третье отделение.

По дороге полковник вспомнил, наверное (не мог не вспомнить!), что в свое время именно ему поручили сопроводить тело поэта Пушкина из Петербурга в Михайловское...

В тот же день и час другой отряд жандармов под началом генерал-майора Левенталя ворвался в квартиру Николая Серно-Соловьевича, однако хозяина дома не оказалось. Слуга сообщил, что барин с утра отправился в библиотеку. Генерал-майор решил дождаться хозяина, тем более что, как выяснилось из допроса слуги, Серно-Соловьевич собирался на завтра отбыть в Харьков.

Дождавшись Серно-Соловьевича, жандармы немедля принялись за обыск, а закончив дело, также доставили арестованного в Третье отделение.

В тот же час третий отряд жандармов побывал в доме номер 46 по Биржевому переулку Васильевского острова, где у своего давнего друга, единомышленника и помощника Казароса Хафафяна жил Микаэл Налбандян.

Но не застали его.

За две недели до этого Микаэл уехал в Москву. Поскольку у Ветошникова в письмах упоминался и Хафафян, то жандармы арестовали его и отвезли в Третье отделение. Однако, когда после короткого допроса выяснилось, что Хафафян был всего лишь «почтовым ящиком», через

который просто передавались письма Налбандяну, его отпустили, взяв тем не менее подписку о невыезде и запретив говорить кому бы то ни было, что тайная полиция преследует Налбандяна.

Увы, при всем своем желании Хафафян никак не мог предупредить своего друга, поскольку 2 июня, то есть за пять дней до начала арестов в Петербурге, Микаэл выехал уже из Москвы и теперь был на пути к Нахичевану.

...По приказу Александра Второго охранное отделение для поиска и ареста Микаэла Налбандяна откомандировало генерал-майора Дренякина.

Генерал-майор Дренякин также считался большим мастером заплочных дел. Уже одной жестокости, с которой он подавлял крестьянские бунты, было достаточно, чтобы объявить его «верным слугой отечества».

В три часа ночи с седьмого на восьмое июня начальник Третьего отделения Александр Потапов, сочтя минувший день — столь важный и ответственный — благополучно завершившимся, облегченно вздохнул и отправил шефу жандармов князю Долгорукову следующее донесение:

«В городе, благодаря бога, все благополучно... Арестования сделаны удачно. Ветошников и Серно-Соловьевич очень сконфужены. Чернышевский ожидал, взят здесь в своей квартире... Все прямо отправлены в Алексеевский равелин; надеюсь, что в понедельник им уже будут даны вопросы... Хафафян был также арестован, но у него решительно ничего не только подозрительного, но даже сомнительного не найдено... письмо было адресовано ему для передачи Налбандяну — его земляку из Нахичевани. Об арестовании его сделано распоряжение. Дренякин уезжает завтра...»

Три дня спустя Третье отделение передало арестованных «созданной по высочайшему повелению Сенатской следственной комиссии».

...А аресты еще продолжались.

Одной из очередных жертв стал маркиз Николай де Траверсе, привезший для Микаэла Налбандяна «поваренные книги».

Следственная комиссия обратилась в министерство иностранных дел с просьбой выделить им сведущего человека, могущего ознакомить их с содержанием этой написанной на армянском языке брошюры.

Еще два-три дня, и «поваренная книга» могла обернуться одним из самых тяжких обвинений против Микаэла Налбандяна. И лишь то обстоятельство, что следственная комиссия не смогла узнать, кто

скрывается под именем Симеона Маникяна, в какой-то степени облегчит участь Микаэла...

...Но можно ли назвать то, что произошло потом, «легкой участью»?

Ничего не знал еще Микаэл Налбандян, 10 июля въезжая в Нахичеван-на-Дону и даже не подозревал, что от самого Петербурга преследует его и все никак не может догнать тайная полиция.

Десять лет прошло с тех пор, когда он, вот так же преследуемый, бежал из родного города в Москву... И сейчас все будто возвращалось на круги своя. Он так спешил сюда, на свою родину, словно желал объединить начало и конец, чтобы замкнуть круг, чтобы оставшиеся ему несколько лет жизни стали только настоящим и чтобы родилось из всего этого вечное отныне его присутствие в жизни всех будущих поколений...

Но между началом и концом все-таки была разница. Десять лет назад почти никто не знал, как и когда покинул город дерзкий дьячок, этот «секретарь», пользовавшийся таким уважением народа.

А сейчас его возвращение было настоящим праздником для горожан.

Когда пришла весть, что Микаэл приближается к городу, люди вышли встречать его «пешими, конными и в каретах, и по всей дороге до самого Ростова иголке негде было упасть».

На следующий день, когда Микаэл принимал бесчисленных гостей и готовился отчитаться о своем путешествии перед общественным собранием, в Москве генерал-майор Дренякин начал затягивать петлю.

**«Екатеринослав,
Господину начальнику губернии.**

Второго июля выехал в Нахичеван к отцу тамошний житель Михаил Налбандян, сообщник лондонских. Захватите его с обыском и с бумагами при двух жандармах доставьте в Третье отделение».

На следующий день начальник жандармов Екатеринославской губернии Жабко-Потапович поспешил в Нахичеван-на-Дону.

А Микаэл Налбандян, уже успевший рассказать другу и единомышленнику Карапету Айрапетяну о своем путешествии в Индию, 13 июля, то есть когда начальник жандармов проехал полпути, представил городскому голове Нахичевана-на-Дону официальное заявление:

«Исполнив поручение общественности города относительно

индийских завещаний и находясь ныне в Нахичеване, покорнейше прошу Вас, достопочтенно городского голову, созвать общественное собрание, дабы я представил необходимые сведения и вручил сумму завещаний, которые мне удалось получить».

Но Карапет Айрапетян даже не успел назначить день созыва общественного собрания, так как 14 июля Жабко-Потапович был уже в Нахичеване.

...Обыск длился недолго. Сам Микаэл вел себя спокойно и выдержанно. Свидетелями его ареста оказались старые верные друзья Микаэла — Карапет Айрапетян и Ованес Берберян.

А отец его, мастер Казар Демирчян, так и рухнул на стул, увидев в своем доме жандармов... Услышал ли он прощальные слова сына, почувствовал ли прикосновение холодных губ Микаэла на своем морщинистом лбу, взглянул ли, пусть хоть мысленно, вслед сыну?..

Водоворот каких воспоминаний и мыслей захлестнул мозг старого кузнеца в тот самый миг, когда он лишался рассудка?..

Петербург. 15 июня 1862 г.

«Начальнику штаба жандармов генералу Потапову.

Приказание генерала Дренякина выполнено успешно».

Габриэл Айвазовский — Арутюну Халибяну.

15 июля 1862 г. Телеграмма:

«Схвачен наш враг!»

Арутюн Свачьян — всему армянскому народу. «Засверкав на армянском небосводе, господин Налбандян с первого же дня привлек всеобщее внимание, и все приветствовали его — преданного друга национального прогресса, неустанного труженика на благо его, борца против ненавистников нации и предателей, великодушного к заблуждавшимся, благородного, многоталанного, свободомыслящего, поборника свобод, пекущегося и радеющего не только о свободе своего народа, но и всего человечества.

Истинные друзья нации почитали господина Налбандяна, видя его неустанные труды на благо народа и памятуя,

следовательно, о том всеобщем законе, от которого в наши дни не избавлен никто...

И скажем более: подтвердились наши наихудшие опасения, и господин Налбандян сегодня, увы, в тюрьме!..

Несчастные отец и мать, братья и две сестры, вся нация и многие люди других наций с тревогой и беспокойством в сердцах ждут вести о его освобождении...

Никому не ведомо преступление господина Налбандяна, но мы знаем, что единственная его вина — это безмерный и деятельный патриотизм и правдивость».

Вовсе не ради красного словца писал Арутюн Свачьян, что не только родные и близкие, не только весь армянский народ, но и «многие люди других наций» обеспокоены судьбой Налбандяна.

Александр Герцен в тревоге писал Бакунину:

«В России террор, но ведь его надобно было ждать. Страшно больно, что Серно-Соловьевича, Чернышевского и других взяли — это у нас не-закрывающаяся рана на сердце, — но дело не останавливалось».

Михаил Бакунин писал Тургеневу:

«А что Налбандян, — ради бога, постарайся узнать о его участи. Слышно также, что и маркиза посадили... Впрочем, за маркиза я не боюсь, — он невинен, как дитя. Да и Налбандян невинен, да у него нет связей, он слаб грудью, а крепость для грудных болезней нехороша. Узнай, что только возможно узнать, и уведоми меня...»

Какая наивность: допуская, что его письмо может попасть в руки полиции, Бакунин пытался хотя бы косвенно помочь Налбандяну, говоря о его «невинности». И хотя следственной комиссии действительно представился случай ознакомиться с этим письмом Бакунина, это обстоятельство никак не повлияло на судьбу Налбандяна.

Через некоторое время еще одно письмо:

**Михаил Бакунин — Ивану Тургеневу.
23 октября 1862 г.**

«Другая моя забота — Налбандян: говорят, что он был в Петропавловской крепости, а теперь пропал, никто не знает, куда. Узнай, Тургенев...»

Друзья не только тревожились за Налбандяна. Они и сами себя казнили за собственную неосторожность.

Александр Герцен, который не так давно отговаривал Бакунина от намерений решать личные вопросы при помощи Налбандяна и постоянно предостерегал его от излишней самоуверенности и бесшабашности, решил высказать все то, что думал обо всем этом, прямо в лицо своему старому другу:

«Оторванный жизнью, брошенный с молодых лет в немецкий идеализм, из которого время сделало, по видимости, реалистическое воззрение, не зная России ни до тюрьмы, ни после Сибири, но полный широких и страстных влечений к благородной деятельности, ты прожил до 50 лет в мире призраков, студенческой романтики, великих стремлений и мелких недостатков... После десятилетнего заключения ты явился нам тем же — теоретиком со всею неопределенностью расплывчатых выражений, болтуном... с чесоткой революционной деятельности, которой недостает революция. Болтовней ты погубил не Одного Налбандяна...»

Так беспощадно осуждая Бакунина, Герцен в то же время не щадил и себя и ничем не мог оправдать свою роковую беспечность, которую проявил в то памятное воскресенье 6 июля, в присутствии посторонних передав Ветошникову опасные письма.

Он надолго запомнит этот день и попытается, пусть даже с опозданием, выявить проникшего в его дом шпиона.

...Попрощавшись с Ветошниковым, он спокойно, без малейшего сомнения отправился спать.

«И уж, конечно, не думал, как дорого обойдется эта минута и сколько ночей без сна принесет она мне. Все вместе было глупо и неосмотрительно до высочайшей степени... Можно было оставить Ветошникова до вторника, отправить в субботу. Зачем он не приходил утром? Да и вообще, зачем он приходил сам?.. Да и зачем мы писали?..»

— так потом с горечью и сожалением писал Герцен.

И откуда было ему знать, что шпионом был тот самый Василий Перетц, который в тот день присутствовал при передаче писем Ветошникову и про которого всего за две педели до этого писал он Серно-Соловьевичу:

«Знаете ли вы Перетца? Он, кажется, очень хороший и образованный человек».

Друзья не могли простить себе своей неосторожности, родные и близкие скорбели об аресте «засверкавшего на армянском небосводе» Налбандяна, а в Петербурге уже начался «Процесс 32-х», обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами.

Реакция перешла в наступление на широком фронте по заранее разработанному плану.

27 июля 1862 года комендант Петропавловской крепости генерал Сорокин отправил царю Александру Второму следующий рапорт:

«Доставленный во исполнение высочайшего Вашего Императорского Величества повеления нахичеванский житель Микаэл Налбандян сего числа в Санкт-Петербургской крепости принят и заключен в доме Алексеевского равелина в покой под № 8».

На следующий день, 28 июля, этот рапорт «соизволили прочесть Его Императорское Величество».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В РАВЕЛИНЕ. ГОД ПЕРВЫЙ

Подняться по позорным столбам до вершин славы.

Микаэл Налбандян

*Мы живем в столь тяжелые времена, когда опасно
и говорить и молчать.*

Хуан Луис Вивес

Первыми политическими заключенными Алексеевского равелина были декабристы. А с 14 декабря 1825 года через почти два десятка темных и сырых камер, ожидая своего приговора, прошло уже сто двадцать два человека.

27 июля 1862 года в трехгранном каменном строении, выкрашенном белой масляной краской, появился сто двадцать третий политический заключенный — Микаэл Налбандян.

...Одиночка встретила его унылыми желтыми стенами, которые под самым потолком почему-то завершались красной полосой, и мертвящей безжизненностью, которую еще более подчеркивали грубые нары, стол, одинокий стул и зеленая параша...

Каждый день ровно в восемь утра отдергивалась грязно-зеленая занавесочка с обратной стороны забранного сеткой глазка, а когда снаружи убеждались, что в камере все в порядке, со скрипом отходил засов и распахивалась тяжелая дверь, впуская фельдфебеля, ефрейтора и двух солдат... Один из солдат чистил парашу, другой мыл пол, а ефрейтор подавал заключенному воды умыться.

После приборки приносили чай в оловянной кружке, к полудню — обед в деревянных чашках, а вечером — опять чай и хлеб.

И так в унылом однообразии пройдут дни, недели, месяцы...

Месяцы? Вряд ли... Все это продлится недолго, был уверен Налбандян, пытавшийся в своей одиночке обдумать и проанализировать все то, что так неожиданно и резко спутало все его расчеты и планы.

Какие улики у Третьего отделения? Что известно следственной комиссии о его деятельности? Какие обвинения могут предъявить ему?

Ответы на эти вопросы он мог получить только во время следствия.

А пока... Что пока знал Налбандян?

Единственной прямой уликой были письма, записи и шифры, обнаруженные во время обыска в Нахичеване-на-Дону. Признаем, однако, что для следственной комиссии и этого немало. Налбандян был уверен, что, ознакомившись с его бумагами, следственная комиссия потребует у него исчерпывающего ответа на каждый возникший у нее вопрос. А каждый исчерпывающий ответ, в свою очередь, породит новый вопрос...

Потом появятся еще и еще вопросы, гадать о которых сейчас было бы пустой тратой времени. Однако вопросы эти могли припереть Налбандяна к стенке. Но если дело пока только в этом, то можно не слишком беспокоиться и кое в чем положиться на волю случая. И все же Микаэл был уверен, что стоит ему только потерять бдительность и хладнокровие, и из него вытянут сведения также о соратниках и единомышленниках. Следовательно, только величайшим напряжением воли и духа можно завершить этот поединок, не предав ни самого себя, ни других.

Так проходили недели и месяцы. А на допросы его все не вызывали. Почему?.. Что это могло значить? Что доказательства его вины оказались бессильными подтвердить подозрения к нему?.. Не исключено!

Значит?

А это значит, что ему надо учесть все то, что может быть известно следственной комиссии — люди, факты, события, о которых он упоминал в своих бумагах, — и придумать достаточно правдоподобную легенду, где те же самые люди и события, как и вся его деятельность в последние два-три года, должны предстать в совершенно ином свете.

Когда, в какой именно день и час возникла в нем эта мысль? Этого мы не знаем... Одно несомненно: именно в этот день в час он понял, какая упорная и жестокая схватка предстоит ему с Сенатской следственной комиссией...

А пока Микаэл в одиночестве своей камеры придумывал правдоподобную легенду, следственная комиссия вела допросы всех тех людей, чьи показания могли помочь правительству вызнать все про тайную революционную организацию.

Из показаний Павла Ветошникова

«В Лондоне жил около трех недель... За это время всего-то рассказал Герцену пару анекдотов, относительно же России ничего ему не сообщал... G Кельсиевым познакомился в книжном магазине Трюбнера... Именно Кельсиев и привел меня в дом Герцена, где я познакомился с Альбертини,

Перетцем, братьями Суздальцевыми... Бакунин упомянул об Налбандяне, что он хороший человек и хлопочет о дозволении жене Бакунина ехать в Лондон. Что же касается до намерения Бакунина с Налбандяном сблизить меня, то это с намерением, чтобы Налбандян посылал через меня переписку...»

Из показаний Николая Воронова

«Перед отъездом моим из Лондона Бакунин расспрашивал меня о Кавказе, интересовался тем общеизвестным фактом, что у восточных берегов Черного моря контрабандируют часто турецкие кочермы, провозя горцам порох и орудие и променивая это на живой товар — на горских девочек и мальчиков. Совершенное незнание Кавказа, кажется, родило у него предположение, что к предметам турецких кочерм можно присоединить и «Колокол», по крайней мере он обратился ко мне с просьбой, чтобы я ехал на Париж и повидался там с каким-то армянином (имени его Бакунин не назвал). На вопрос мой: кто этот армянин? Бакунин ответил: «Старый мой приятель, он теперь в Париже, но скоро будет в Петербурге; мне нужно, чтобы вы застали его в Париже и познакомили его с Кавказом».

Я промолчал.

Отъезжая из Лондона и прощаясь с Бакуниным, я снова услышал от него ту же просьбу — ехать на Париж; на мой отказ он сказал: «А может быть, вы раздумаете?..» Тогда я объявил ему решительно, что мною уже взят на пароход билет на Роттердам. Он, видимо, остался недоволен мною, но все-таки проговорил, что постарается снабдить меня на дорогу рекомендательными письмами. Напрасно я уверял его, что не в моем характере пользоваться рекомендательными письмами, он все же прислал мне на квартиру два письма. На одном из них значилось: «На Васильевский остров, в Биржевом переулке спросить Хафафяна для передачи Налбандяну», а на другом: «Маркизу де Траверсе»...

Из показаний маркиза Николая де Траверсе

«Знакомых в Петербурге имею довольно много, но близких почти никого, то есть таких, с которыми бы находился в каких-либо сношениях; в Харькове знаю Пимена Петровича Лялина. Что касается заграничных знакомых, то признаюсь, что находился в частной переписке с Бакуниным... Знакомство же мое с Лялиным давнишнее, и я его не видел восемь лет. Но по приезде из Лондона послал ему письмо Бакунина с одним господином Налбандяном. Налбандяна видел только раз, у Бакунина в Лондоне, Налбандян, как мне говорил сам, живет большей частью в Лондоне и ему случается видеться с Бакуниным. Так как мне не с кем было

отправить это письмо, ибо никто из знакомых не ехал, кроме Налбандяна, то просил принять на себя этот труд... Мнение мое о Налбандяне, что он только коммерческий человек и не вступает ни в какую политическую деятельность, да и Бакунин, когда прислал мне письмо и с ним писал мне: он добрый человек, дал обещание принять участие в моей жене, и ни в какую политику не вступает...»

Из показаний Андрея Ничипоренко

«Кельспева с Серно-Соловьевичем свел я, так как они не были знакомы в лицо... Да, в Париже действительно получал от Герцена письма и печатные прокламации... Должен был встретиться с Джузеппе Гарибальди, но потом изменил решение... В Париже при передаче письма Герцена Тургеневу присутствовал и Налбандян... Тогда я и отдал визитную карточку Бакунина Налбандяну, который привез Кельсиеву паспорт турецкоподданного...»

«Ничипоренно всех и все выдает», — сообщал Александру Герцену Тургенев.

Но вернемся вновь к показаниям арестованных и обратим внимание на то, сколь немногословны и кратки Серно-Соловьевич и Чернышевский.

Из показаний Николая Серно-Соловьевича

«За границей я был несколько раз, частью для свидания с матерью, частью для ученых финансовых занятий. Поэтому за границей я знаком, с одной стороны, со множеством лиц, с которыми встречался в путешествии, с другой — с государственными людьми и учеными, с которыми ознакомили занятия.

С лондонскими изгнанниками и сообщниками отношений не имею, злоумышленной пропаганды против правительства не распространял, никаких сообщников не знаю и не знал».

Из показаний Николая Чернышевского

«Ни с кем из лиц, распространяющих злоумышленную против правительства пропаганду, и ни с кем из находящихся за границей русских изгнанников и ни с кем из их сообщников в России я не был ни в каких отношениях.

...Совершенно не знаю, на каких основаниях г. Герцену вздумалось, что я мог согласиться издавать с ним журнал, ибо никаких сношений с ним не имел, ни прямых, ни через какое-либо посредство.

...О воззвании к русским солдатам я ничего не знаю...Ничего такого не было. Эти сведения неосновательны...Предъявленная мне записка не моего почерка; я не признаю ее своею.

...Михайлов, отправляясь за границу, упомянул мне, что если он поедет в Англию, то, быть может, увидится с Герценом. Больше мне ничего не было известно. О намерении Михайлова издавать что-нибудь тайное я не знал. О сообщниках его тоже не знал и сам никакого участия ни в каких замыслах г. Михайлова не принимал...» Понятно, что ничего этого Микаэл Налбандян еще не знал. Не знал, что «поваренная книга» — его программа экономического и политического возрождения будущей Армении — была конфискована и тщательно изучена Третьим отделением. Изложенные в «Земледелии» мысли всерьез обеспокоили следственную комиссию.

**Выписка из журнала высочайше учрежденной
в С.-Петербурге следственной комиссии**

«Драгоман Министерства иностранных дел статский советник Астарханов, коему передана была, для составления извлечения, написанная на армянском языке печатная брошюра, возвратил эту брошюру в Комиссию при донесении, из коего видно, что в этом сочинении, изданном в 1862 году в Париже, под заглавием «Земледелие» порицается существующий порядок правления и общественного благоустройства в России и других государствах.

Положено:

Допросить Налбандяна, с какою целью прислана ему означенная брошюра».

И 12 октября 1862 года следственная комиссия предъявила наконец Микаэлу Налбандяну те вопросы, на которые должен был дать «правдивые и исчерпывающие» ответы узник Алексеевского равелина.

Увы, он не мог ответить на них решительно и коротко: «нет», «не видел», «не знаю», ибо рано или поздно всплывут зашифрованное письмо Серовбэ Тагворяна и другие бумаги, без сомнения, тщательнейшим образом изученные комиссией...

И Микаэл решил представить им свою выдуманную «легенду», изложив ее многословно, с пустопорожними объяснениями и отступлениями. Другого выхода попросту не было. Поэтому, чтобы скрыть от следователей истину, ему нужно было молчать... многословием!

Из показаний Микаэла Налбандяна

«Мое имя Михаил, Лазарев сын, Налбандов... От роду мне 33 года, армяно-григорианского вероисповедания» ежегодно бываю на исповеди и у святого причастия.

Я воспитывался дома и приготавливался к университетским занятиям... собственным старанием.

После университета единственные мои занятия были индийские дела; путешествие это я совершил за счет армянского общества г. Нахичевани. Что же касается до моих личных издержек, к делу не относящихся, то на них употреблял из сумм в силу договора армянского общества следуемых мне процентов.

Петербургских армян знаю почти всех, но ни с кем особенно не был в каких-нибудь сношениях, кроме Назарова Хафафяна, поверенного потомственного гражданина, 1-й гильдии купца Карапета Айрапетяна, в его торговых делах, в Петербурге. С ним я с детства знаком и, кроме дружеских, ни в каких других отношениях с ним не был.

В Москве был коротко знаком только с профессором Лазаревского института, статским советником Степаносом Назаряном. С ним я познакомился в 1853 году, сделав ему визит как известному между армянами ученому.

В Нахичеване-на-Дону я знаком почти со всеми жителями, но, кроме городского головы г-на Айрапетяна, ни с кем не имел каких-либо сношений.

О пели моего путешествия уже сообщил выше, что я ехал в Индию по делу наследств. Выехав из Тифлиса... приехал я в Константинополь, где ожидал денег из Нахичевани... Отправился в Лондон, заехав проездом в Мессину, в Неаполь, в Геную, в Турин и Париж. В Лондоне пробыл около двух недель, потом отправился в Париж, где жил около трех недель в ожидании денег... Получив... денег, отправился в Египет, из Египта... отправился я на пароходе в Калькутту, где жил до начала октября 1861 года... В ноябре я отправился в Константинополь, собственно по моему частному делу: т. е. по носорогу, которого я отправил в Россию по окончании моего дела.

По окончании записки, которую я писал г-ну русскому посланнику, по армянскому вопросу приехал в Париж, пробыв там с неделю или десять дней, поехал в Лондон, ожидая отчета и сумму наследства, которые должен был выслать армянский купец из Индии Абгар. Но, не получив несколько времени никаких известий, поехал я в Пария: купить итальянские 5-процентные ценные бумаги, но, не купив из-за высокой их цены, приехал в Лондон, получил там наконец деньги из Индии и возвратился в Париж больным. Там жил я, лечился, а в половине мая, купив на стерлинги русское золото, выехал из Пария: а в Россию.

Касательно знакомств, я уже говорил, но так как мне еще раз

объяснили, каких именно знакомых я должен назвать, то присовокупляю здесь имена людей, которых мне случилось видеть в Лондоне. Вот они: Герцен, Огарев, Бакунин и молодой Герцен.

Прежде всего я познакомился с молодым Герценом случайно в зоологическом саду... Мы гуляли вместе, а когда оказались возле носорогов, я рассказал ему, что купил в Индии носорога и отправил его в Россию, и что есть у меня фотография этого носорога... Через два дня молодой Герцен навестил меня, чтобы увидеть его портрет. После этого он меня просил к себе, и я был у него один раз, не видел там кроме его никого.

После этого он встретился со мной в трактире, и тут были его отец, Огарев и Бакунин. Он меня познакомил с ними... Ни о чем особенном не говорили, кроме того, что каждый себе обедал...

Ни с кем из них не имею ничего общего, кроме того, что Бакунин просил меня передать в Париже Ивану Сергеевичу Тургеневу о том, чтобы он хлопотал о выписке жены его из Сибири в Тверскую губернию.

Прибавляю здесь, по замечанию комиссии, что ни Герцен, ни Огарев, ни же Бакунин, никогда мне не говорили ни о своих планах, ни о своих действиях, и я ни в чем не был с ними в сообществе».

Невинные эти «признания» ни в коей степени не могли, разумеется, удовлетворить следственную комиссию. Поэтому во время очередного допроса Налбандяна прямо спросили:

«Поскольку из писем ясно видно ваше непосредственное участие в злоумышленных намерениях лондонских изгнанников, то комиссия требует, чтобы вы искренне объяснили все ваши действия: кто ваши сообщники в Петербурге, в Москве, Одессе, Тифлисе и Константинополе?»

На этот вопрос требовался такой же прямой ответ:

«Я не отрицаю, что Бакунин, как видно из его писем, желал бы сделать из меня агента, но это желание его, и я, кроме дела его жены, ничего решительно по его письмам или желаниям не предпринимал и не исполнял.

...Я не имел никакого участия в злоумышленных намерениях лондонских изгнанников, поэтому, по требованию комиссии, говорю откровенно и с чистой совестью, что по этому предмету я ничего не предпринимал, ничего не делал, нет у меня сообщников ни в Петербурге, ни в Москве, Одессе, Тифлисе или Константинополе.

Р. С. Прибавляю здесь, по замечанию комиссии, что я слышал в Лондоне о том, что Бакунин в связи с славянами и поляками; но какими именно, не знаю, равно не знаю, кто мне говорил об этом, ибо все русские, которые находятся в Лондоне, знают это. Под словом «все русские» я подразумеваю путешественников, со многими из которых я встречался или

в трактирах, или в Британском музее, и которых вовсе не знаю».

Но вот дело дошло до «поваренной книги», тайного словарика и шифрованного письма Серовбэ Тагворяна... Даже руководство по изготовлению пороха стало предметом пристального внимания... Уже по одним вопросам можно было догадаться, как много известно следственной комиссии. Поэтому Налбандяну, чтобы молчать, пришлось стать еще более многословным.

«Словарь составлен не мной; он переписан мной у армянина Мисакяна, живущего в Париже, который, в свою очередь, переписал от некоего Петрос-бея, агента и сообщника одного шарлатана, выдающего себя за принца Армении и живущего в Милане. Упомянутый шарлатан, которого никто из армян, живущих в разных государствах, не знает, два раза напечатал в Милане жалкую брошюрку на французском языке под заглавием «Мемуары», где он, приведя целый ряд нелепых писем своих к различным государственным сановникам России, говорит, что русское правительство его обидело, лишили его земли, и, наконец, без всякого стыда клеветает, что будто русское правительство отняло у него драгоценные камни, короне его предков принадлежащие.

Этого человека, сколько парижские армяне смогли узнать, содержит английское правительство; правда ли, нет ли, я ручаться за это не могу, ибо никакой веры ни к шарлатану, ни же к его агенту не питаю, но что слышал, то излагаю подробно и верно.

Самозванный принц этот, называющий себя Леоном из династии Лусиньянов, в нынешнем году издал на французском языке циркуляр, адресованный ко всем державам Европы. Хотя он пишет, что место его пребывания — в Зейтуне, что в Таврских горах, но там от роду и ногой не ступал.

Как мне говорили, он обращается к европейским державам и просит, чтобы некоторые города в Киликии были объявлены вольными городами. Что будто Англия предложила турецкому султану освободить какой-то город или местность (плохо помню) и что султан было обещал исполнить требование Англии, но потом не сдержал своего слова. Далее самозванец пишет, что в Таврских горах сражался против турок и побеждал их. Еще много подобных нелепостей, которых теперь не помню...

Видя наглость и бессыдство этого авантюриста, я решил написать против него сильный протест и опубликовать на всех языках. Опубликование его русского перевода с позволения нашего правительства я оставил до приезда моего в Россию...

Между тем шарлатан, не довольствуясь изданием своих брошюр и

циркуляра, потому что они не принесли ему никакой материальной пользы, за которой, как видно, гонится он, начал переписку с турецкими армянами (из числа сообщников), чтобы армяне прислали ему денег на приготовление к освобождению Киликии. При этом он сочинил словарь и рассылал его, желая показать вид, что он в связи находится с лицами, названными в словаре. Насколько удалось узнать парижским армянам, самозванный принц имеет сношения с некоторыми из гарибальдийцев, но не связан ли и лично с Гарибальди, точно никто не знает.

С целью предупредить армян об этом авантюристе я и несколько парижских армян написали письмо нашим знакомым в Константинополе, послав им также взятый у агента-самозванца тайный словарь. Мы просили не ве-рать самозванцу и рассказать об этом всем, чтобы никто-не посылал ему денег.

Что касается до меня, то я на этом лексиконе никогда никому не писал и общего с этим шарлатаном ничего не имею.

На вопрос касательно истинного значения этого словаря я, основываясь на общий слух, носившийся в Париже, полагаю, что шарлатан пустил этот словарь, чтобы показать вид, будто работает для освобождения Киликии, и этим путем выманить у армян денег. Это наиболее вероятное, потому что у него нет ни войска, ни пушек, ни ружей, между тем в словаре он поместил и войско, и пушку, и ружья, что же это, если не полное шарлатанство?!

Еще я забыл упомянуть, что он писал в Париж к своему агенту Петрос-бею, чтобы он хлопотал о собирании денег, и что он (самозванец) выйдет тогда из Италии вооруженный, как Минерва из головы Юпитера. Обо всем этом парижские армяне говорили мне со смехом.

Что же касается до шифров, то они ничего общего не имеют со словарем; они были мне сообщены Абгаром из Индии, чтобы на них писать ему из России о ценах разных товаров, так как они о ценах товаров переписываются шифрами...

...Письмо, о котором было спрошено, написано мне турецким армянином Серовбэ Тагворяном, с которым я познакомился в Константинополе, и, кроме чисто дружеских отношений, других сношений с ним не имел.

Что касается до содержания письма, то честь имею объяснить, что когда я выезжал из Константинополя в конце прошлого года, некоторые армяне просили меня передать парижским армянам, нельзя ли через знакомых перейти в подданство Франции или Италии, чтобы этим путем обеспечить свою безопасность в Константинополе. Выяснилось, что это

невозможно, ибо для перехода в подданство Франции необходимо самому лично жить во Франции не знаю сколько лет и что, может быть, еще можно что-нибудь сделать в Италии. С этой целью они отыскивали одного армянина Хачатурьяна — итальянского подданного. Он нам говорил, что знает многих итальянцев, в том числе и Мадзини, что он постарается как-нибудь это сделать...

В это время вышел указ Порты, что христиане, принявшие подданство других держав, должны отправиться на землю своих государств или оставить их подданство. Исключение из этого правила могло быть только в том случае, если посольства европейских держав примут несколько лиц под свое частное покровительство, как будто они нужны там, в Константинополе, в качестве служащих.

Когда об этом мы говорили Хачатурьяну, то он сказал, что не знает теперь, как еще раз просить об этом. Мадзини в ответ на просьбу просил собрать в Константинополе сколько возможно денег в пользу итальянского дела. Желая выручить Хачатурьяна из затруднительного положения, мы сказали, чтобы при второй просьбе он передал Мадзини о том, что в Константинополе постараются собрать сколько-нибудь денег. Хачатурьян во второй раз был у Мадзини в Лондоне и взял у него письмо на имя знакомого Мадзини в Константинополе. Серовбэ Тагворян должен был явиться к этому лицу и просить о ходатайстве в итальянском посольстве о принятии их в подданство и под покровительство Италии, а также сообщить ему, что просители подданства избрали комитет из трех человек для собирания денег.

Когда же мы написали в Константинополь о шарлатане и послали его лексикон, чтобы предупредить всех не верить самозванцу и не собирать ему денег, то я вложил туда и маленькое письмо к Тагворяну, уведомляя его о состоянии дел относительно подданства.

Вследствие этого я и получил от него письмо, где он говорит, что письмо Мартироса, т. е. Мадзини, не доставлено его человеку, потому что они еще не приступили ни к составлению комитета, ни к собиранию денег. Он жалуется, что его товарищи ему не содействуют и что ему одному трудно. Далее он сообщает мне, что Благотворительное общество не имеет никаких тайных собраний, ни совещаний, учреждено с целью поддержать училища и бедных учеников из сирот. Он говорит, что собрали довольно денег в пользу сказанного общества.

Что же касается того, что автор письма употребил в двух местах слова из лексикона шарлатана при наименовании Мадзини и комитета, то это объясняется тем, что он, боясь турецкого правительства, употребил слова

из лексикона.

...На вопрос, кем составлено и почему у меня оказалось описание веществ, из коих в России, Англии, Франции готовится порох, отвечаю, что это одна из частей целой технической химии, которую переводил в Париже армянин Нуриджан, и его рукой написана. Он часто приносил ко мне и другие части этого сочинения.

Статья эта случайно осталась у меня от него, и второпях я забыл ему вернуть...»

Нечего и говорить, что руководимая князем Голицыным Сенатская следственная комиссия осталась весьма недовольна этой мастерски придуманной историей, в которой упоминались Мадзини и Гарибальди, Герцен и Огарев, освобождение Западной Армении и подготовка в Италии вооруженного восстания армян против турецкого ига, а также множество других фактов, известных тайной полиции, но преподнесенных как занятные нелепости. И недовольство это было столь очевидным, что Микаэла лишили свидания с приехавшим из Нахичевана братом Казаросом...

И снова началось неопределенное и тревожное ожидание. Близилось уже рождество, а следственная комиссия словно позабыла о Налбандяне.

Родные и близкие были в отчаянии, и утешал их сам Налбандян.

«К чему эти слезы? Неужели они доставляют вам удовольствие, или вы думаете, что можете ими утешить меня? Вы должны понять, что грустные вести, ваши признания о горе и слезах не могут служить мне утешением. Наоборот, они усиливают мою тоску, единственное, недостатка в котором я не ощущаю... Пишите, что тоскуете по мне, что на сердце у вас грустно... Если это говорите вы, находящиеся на свободе, то можете представить, каково мое состояние!

Но я не падаю духом и с терпением несу свой крест.

Поздравляю вас всех с наступающим Новым годом, от всего сердца желаю всех благ».

И в то же время Микаэл был озабочен тем, чтобы опровергнуть сплетни, которые с удовольствием распространяли в Нахичеване его враги. С этой целью он привел в порядок все документы и черновики своего отчета и с особого разрешения передал их брату Казаросу — отослать в Нахичеван.

...Наконец в положении узника появилась какая-то определенность, и

11 января 1863 года Микаэл сделал следующую краткую запись:

«Сообщили мне сегодня, что дело мое передано в Сенат».

С этой записи начал Микаэл свой «Тюремный дневник». Это прежде всего означало, что он не надеется на скорое завершение дела. Отныне узник одиночной камеры будет хоть одной строчкой, но отмечать более или менее значительные события своих дней. Но какие значительные события могли быть сейчас в его жизни?.. Большей частью это упоминания о письмах — полученных или отправленных.

Учитывая те недели, месяцы, а может — как знать? — и годы, которые ему придется провести в равелине, Микаэлу надо было серьезно подумать над тем, как быть дальше.

Разумеется, он вовсе не намеревался ждать сложа руки очередного удара судьбы... Не мог днями и ночами предаваться мучительным воспоминаниям, только курить и страдать от болезней... Он не имел права отчаиваться и заниматься писанием прошений царю-батюшке...

Значит?..

«Пусть аристократы сидят сложа руки, — решил Микаэл, — наше же призвание — работать!»

И он приступил к работе.

«Завидую вам, что есть у вас возможность наслаждаться чарующими звуками прекрасной музыки! Что касается меня, то, кроме грустного звона колоколов, иногда долетающих до моей одиночки, я вот уже семь месяцев не слышал других звуков... Прежде чем окончить письмо, снова повторяю: книги, книги и книги! Попроси у Езяна Шлоссера, кажется, у него есть, в противном случае найти полное собрание сочинений Маколея. Романы нагоняют на меня скуку, словари — отвращение. Поэтому будь строг в отборе книг...»

Книги ему нужны были для работы, а вовсе не для того, чтобы скрасить одиночество. Всегда ощущающий себя одиноким, Налбандян только в равелине почувствовал вдруг, что есть у него и друзья и родные, есть могучая, им же созданная опора, есть, наконец, целый благодарный народ, озабоченный его судьбой!..

Генерал Симон Султаншах, в свое время так много сделавший для «Юсисапайла», сейчас всячески старался до опубликования приговора хотя

бы под свое поручительство вырвать больного Микаэла из тюрьмы. Александр Второй отказал генералу, но уже одно то, что его не забыли, оказалось достаточным, чтобы политический узник почувствовал себя сильным и правым.

Потом, когда вновь разрешили свидания, навестить Микаэла пришли Ованес Берберян, Анания Султаншах, Казарос Хафафян, Микаэл Тер-Григорян... Из Нахичевана приехал Карапет Айрапетян, а из Москвы — Степанос Назарян.

«Побывав в Петербурге, встретился с ним; поистине сладостная встреча, — вспомнит потом Назарян. — Но что пользы для него и какое утешение мне? Я не смог дать ему хотя бы частички своей свободы, кроме нескольких жалких и сочувственных дружеских слов... Присутствовал стоокий страж, разговор также был на русском. О невыносимая боль, неизлечимая рана! Мало было нам наших армянских болей, так еще столь великую боль присовокупил к ним наш неблагоприятный любимец, уронив себя и унизив нас перед нашими врагами...

Да будет бог опорой нам и ему...»

Да, поистине *армянской* болью стал арест Микаэла для всех близких!

О чем беседовал во время встречи с Микаэлом глубоко переживающий эту боль Назарян? Кто знает... Но нет сомнений, что должны были говорить они и о другой *армянской* боли — о прекращении издания «Юсисапайла».

«Со всей самоотверженностью, всяческими лишениями и страданиями я делал до сих пор все, что смог, — должен был сказать Микаэлу Назарян. — Время уже и мне отдохнуть; нельзя прошибить головой стену. Совершенно должна измениться наша нация, чтобы вновь открылась мне возможность предпринять новое патриотическое дело...»

Что касается Налбандяна, то он был буквально ошеломлен известием, что «Юсисапайл» больше не издается.

«Помнишь, что ты говорил, что Патканян желает издать какую-то газету, что же, начал издавать, как она называется и

каков был прием со стороны публики? Мне очень жаль, что наш «Юсисапайл» больше не существует и арена осталась литературным пигмеем!..»

...И в эти же самые дни в связи с ведущимся следствием власти допросили в Нахичеване-на-Дону сто человек из всех городских сословий. И все сто человек подтвердили свидетельство председателя городского магистрата Даниэла Гарагаша:

«Жителя Нахичевана, кандидата Санкт-Петербургского университета я довольно хорошо знаю как человека превосходного во всех отношениях; ни одного его плохого поступка не видел и поэтому совершенно одобряю все его поведение, тем более что он, будучи уполномочен со стороны нашего общества по делу чрезвычайно значительных для Нахичевана сумм индийского наследства, со всей своей честностью полностью оправдал доверие общества».

Пока Арутюн Халибян сообщал Габриэлу Айвазовскому о результатах «повального допроса», особенно подчеркивая, что сто шесть человек «адабрили» поведение и дела Микаэла Налбандяна, посему и не исключено, что его освободят, выходящая в далекой Калькутте газета «Ехпайрасер» открыла свой очередной номер взволнованным сообщением об аресте известного и любимого народом национального деятеля.

«Ехпайрасер» обращался к самому Налбандяну:

«Каждый индийский армянин, которому посчастливилось встретиться и поговорить с тобой, воздев руки, молится о твоей свободе, витязь-патриот! Да — витязь, и достойный этого звания, ибо добился ты его своей самоотверженностью, так же, как и вошел в сонм пророков, написав и своей статье: «Защищать грубо попранные права армянина» — вот подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой и будем служить ей не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью провозглашаемую нами доселе свободу».

Да, ты не испугался и жизнь свою посвятил своей нации...

Шагай же, шагай, новый Вардан Армянской страны, шагай,

куда поведет тебя Судьба. Если палящий зной Индии не смог одолеть цветок твоего патриотизма, то и жестокий сибирский мороз, если ты, к несчастью, сейчас там, не сможет потушить пламя той любви, которое с детства горит в твоём сердце!»

В РАВЕЛИНЕ. ГОД ВТОРОЙ

«Сегодня получил фунт табаку и десять апельсинов».

«Через надзирателя послал коменданту крепости жалобу относительно насекомых, которые постоянно загаживают еду и чай».

«Получил письмо: прислали копию полученной о носороге бумаги и десять апельсинов».

«Сегодня годовщина моего заключения».

Тюремный дневник

Микаэл, всю жизнь спешивший и умевший ценить каждый день и час, смирился с мыслью, что в ближайшее время ему вряд ли удастся выйти из равелина. Он решил и здесь не терять времени зря.

И начал с очень практических вопросов.

Дело в том, что теоретически развив и раскрыв в своем «Земледелии» перспективы политического и экономического развития народа, он не успел дать их практического обоснования, хотя никогда не переставал думать о новых отраслях и возможностях экономического развития. Еще в Бенгалии случайно познакомившись с растением *Sorghum Sacchatum*, или, попросту, сорго, богатым сахаром и многими другими питательными веществами, Микаэл Налбандян решил привезти его семена и акклиматизировать сорго в Армянском округе. К сожалению, его чемодан, в котором вместе с другими вещами были и семена сорго, пропал в Саутгемптоне... Потеря эта не очень страшная, думал Налбандян: в конце концов можно ведь вновь выписать семена из Индии. Но ведь пока доставят семена, и год пройдет. А напрасно терять время Налбандян не любил... Вполне можно попросить семена в «Вольно-экономическом обществе» или же в «Обществе испытателей природы».

Анания Султаншах с готовностью выполнял все просьбы Налбандяна. «Нужно принять меры, чтобы семена не мерзли», — предупреждал Налбандян. И Султаншах благополучно доставил в Армянский округ нежные семена, а Карапет Айрапетян выделил участок для посева на своих необозримых угодьях.

К сожалению, первый опыт не удался. Но это отнюдь не обескуражило Налбандяна. «В следующий раз обязательно получится», — обнадеживал он, затем попросил провести несколько опытов и о его результатах обязательно сообщить ему. Микаэла прежде всего интересовало, сколько стеблей даст каждое зерно сорго, сколько сока даст каждый стебель по отношению к собственному весу, какой плотности будет сок и сколько процентов кристаллического сахара будет содержать в себе. Из сорго, если обработать зерна серной кислотой, можно получить отличную пурпурную краску, а шелуха является прекрасным сырьем для выделки бумаги. Но сорго интересовало Микаэла главным образом как сахароносная культура.

Но ведь и производство краски имело не меньшее значение для развития земледелия, да и вообще для всего промышленного развития будущей Армянской республики, был уверен Налбандян, и в этом отношении исключительное значение могли иметь черви семейства *Coccinella*, которые живут и размножаются на кактусах. Во время путешествия по земле предков, бродя по окрестным эчмиадзинским селам, любознательный и не упускавший случая поучиться чему-нибудь новому Микаэл узнал, что черви этого семейства водятся и в долине Аракса и известны как «вордан кармир». С незапамятных времен добываемый из червей пурпур армяне использовали не только для окраски тканей, но и раскрашивания своих неповторимых миниатюр. Но потом, в беспросветные века варварского владычества чужеземцев, наряду со многими нравственными, материальными и культурными потерями армяне утеряли и тайну выделки «вордан кармира». Исчезли даже черви... А лет двадцать — двадцать пять назад епископ и художник Саак не только вновь обнаружил этих червей, но восстановил способ получения драгоценного пурпура, за что и был удостоен от русского правительства пожизненной пенсии. Епископ Саак скончался в пятидесятых годах, и с его смертью вновь был утрачен секрет краски.

Микаэл Налбандян убеждал своих оставшихся на свободе' друзей изучить жизнь червей «вордан кармир», обобщить накопленные сведения в брошюре и научить крестьян Араратской долины изготавливать краску.

Все новые и новые идеи вынашивал в равелине Микаэл Налбандян и спешил поделиться ими со своими соратниками.

Микаэл Налбандян — брату Казаросу.

1 мая 1863 г.

«Напиши Анании, пожалуйста, чтобы он изучил основательно и специально искусственное разведение рыб. Это

очень важно в экономическом отношении.

...Сожалею, что он не прихватил в Нахичеван несколько яиц кохинхинских кур, развелись бы они там, а потом можно было бы и далее распространять».

Возникали и многие другие идеи, но лишь после тщательного изучения можно было решить, насколько пригодны они для хозяйственного развития будущей Армении.

«Смолу, которая известна в науке под названием Dorema Armeniaca, можно ли употребить как благовонное средство? Прошу Ананию спросить у специалиста по этой части, у Говартовского. Dorema Armeniaca — это та самая смола, которая известна у нас под именем «Мастика святого Карапета».

И еще:

«Есть ли на русском языке дельное и путное руководство по шелководству? Жду от Анании ответа на этот вопрос».

Еще просьба:

«Что за растение Ворсовальная шишка — webercarden № 436, под рубрикой «Разные экономические семена» в каталоге центрального депо «Российского общества любителей садоводства», к чему идет она и как разрабатывается? Ответа жду от Анании».

Новое поручение:

«Спросить у акклиматизаторов: можно ли и каким способом акклиматизировать насекомое Орехотворка из Малой Азии; оно водится (самая лучшая около Смирны), и самые лучшие чернильные орешки — это из Смирны. Жду ответа».

Вообще с акклиматизацией Микаэл Налбандян связывал большие надежды. Микаэл с теплотой вспоминал своих университетских преподавателей, особенно Карла Рулье, который фактически в одиночку и на скудные средства издавал «Вестник естественных наук» и занимался акклиматизацией животных, а потом и растений. «Его уже нет, — писал Микаэл. — Как бы он восхищался, увидя такой громадный успех своих неумолимых трудов! Мне кажется, что он ночевал бы и дневал в зоологическом саду».

Микаэл Налбандян — брату Казаросу.

18 июля 1863 г.

«Я бы очень хотел служить к процветанию Московского юного зоологического сада, доставлять разных редких животных

из Азии и Африки. Если общество согласится поддержать меня, о, тогда даю слово, что через год после освобождения, в одно прекрасное утро в сад общества явится бегемот. Потом можно доставлять коллекции мелких животных, доставка которых сопряжена с большими издержками. Я и так хотел привезти пару отличных королевских тигров из Бенгалии, но воздержался, желая узнать, какую оценку найдет носорог... Я тут не ищу для себя ничего и ничем не обременяю общество. Между тем общество может смело рассчитывать на меня, если необходимо сношение с Китаем, Индией, Австралией или Африкой. У меня везде и всюду есть знакомые соотечественники, которые с удовольствием исполняют мои поручения...»

Внешне однообразные недели и месяцы в одиночке оказывались удивительно насыщенными. И все расширялся круг его интересов и занятий:

«Больше всего меня обрадовала книга Фоше, введение которой я успел прочесть и чуть позже сообщу свое мнение».

«Пришли мне «Весталки» А. Бутковского, о них я узнал немного из Римской истории: быть может, это хорошая монография...»

«Только что получил третий том и «Историю цивилизации» Бокля. А Гервинуса и Шлоссера я уже отдал для передачи тебе. Теперь возвращаю также Фоше».

«Чрезвычайно бы меня обрадовало, если бы ты мне доставил «Сое и Вардитер» и «Раны Армении»... Кроме того, еще мне нужны некоторые книги и словари».

«Рано утром принесли посланные братом книги. Это оказались вовсе не те книги, что я просил. Настроение упало. В ту же минуту отослал их обратно».

«Ночью мне стало ужасно плохо. Была лихорадка и понос».

«Получил посланные братом виноград, груши, фунт табака и «Органическую химию» Менделеева».

«Одиннадцать часов вечера. Заканчиваю этот 1863 год с тысячами забот и раздумий. Как хочется, чтобы 1864-й, который наступит через час, был более счастливым!...»

«Двенадцать часов. 1863-й ушел и больше не вернется».

«Поздравляю с Новым годом!...»

Тюремный дневник

Тысяча восемьсот шестьдесят четвертый год принес радостное известие: после годичного перерыва Степанос Назарян решил продолжить издание «Юсисапайла». Микаэл решил тут же обратиться к коменданту Петропавловской крепости:

«Осмелюсь утруждать ваше превосходительство просьбой о разрешении мне заниматься переводами и составлением литературных и научных статей в армянский литературный журнал «Юсисапайл», издаваемый в Москве статским советником Степаносом Назаряном.

Побудительной к тому причиной служит мне материальное вознаграждение со стороны редакции, что составляет для меня вовсе не второстепенный вопрос...»

Что «материальное вознаграждение» не было истинной побудительной причиной решения Микаэла, видно хотя бы из того, что сам «Юсисапайл» находился в бедственном положении. Поэтому со стороны Налбандяна это была просто уловка, впрочем, достаточно обоснованная, так как комендант крепости довольно часто разрешал политическим заключенным сотрудничать в печати, чтобы те могли хоть в какой-то степени помочь своим семьям. Как не в столь уж далекие времена, когда над Налбандяном дамокловым мечом висела угроза ареста и под предлогом лечения на водах он получил разрешение выехать за границу, так и сейчас он пытался под «невинным предлогом дать свободу хотя бы тем своим мыслям и идеям, которые осуждены были каждый день, каждый час и минуту рождаться и оставаться в четырех стенах тюремной камеры. Но неужели в этом была такая уж острая необходимость? Ведь здоровье Налбандяна ухудшалось с каждым днем, и напряженная работа могла оказаться роковой для уже угасавшего Налбандяна... Уж он-то, как медик, должен был лучше всех знать о состоянии своего здоровья. Но Микаэл, наоборот, успокаивал.

«Касательно моего здоровья будьте покойны: хвастаться им далеко не могу, но и отчаиваться пока еще подожду... Тем более

что я давно уже привык к страданиям; на пути моей жизни никогда не цвели розы».

«Сегодня была великолепная погода, и я вышел гулять в сад и остался три четверти часа; вчера тоже гулял, но гораздо меньше. Здоровье мое ничего... Но со вчерашнего дня селезенка что-то затевает, посмотрю, что будет далее; если не утомонится, то можно призвать на помощь HgChl, который очень верно действует почти при всех воспалительных процессах».

«Я, признаться, было струсил, что Bronchitis simplex перейдет в corilbalis или pneumonia, потому что трепка была порядочная, и могу сказать. после нескольких таких переделок просто не жить. Теперь кашель иногда возвращается залпом, с неприятным щекотанием в дыхательной трубке и правой ее ветви... Надежда на скорое свидание заметно ослабла...»

«Если как-нибудь разрешат свидание, то я заранее вас предупреждаю, ни за что не приду к вам на место свидания, если вы придете без взятки для меня, — без сигар. Крейцберг зверей не показывает даром. Что, я не стою зверя, что всякий раз хотите даром посмотреть на меня?

Я бы сам послал купить сигар, но бог весть, каких купят; поэтому обременяю тебя, мой милый брат».

Кого хотел успокоить Налбандян, не без юмора, всегда придававшего Микаэлу особое обаяние, сообщая такие подробности о своем здоровье? Себя или родных? И все-таки работал. Работал яростно, неистово. Он уже заканчивал критику романа «Сое и Вардитер», хотя писал с перерывами: он не мог долго сидеть — сразу давали себя знать боли в груди и спине...

13 февраля 1864 года Микаэлу сообщили, что ему разрешают заниматься литературной работой, однако статьи его должны пройти цензуру в Третьем отделении. Но даже это казалось огромным успехом и несказанно обрадовало не только узника, но и многих других.

Недели через две, 29 февраля, в пику всем тем, кто, довольно потирая руки, злословил, что между Степаносом Назаряном и Микаэлом Налбандяном возникли разногласия и отношения их вконец ухудшились, Арутюн Свачьян заявил во всеуслышание в своем «Мегу»:

«Юсисапайл» воскрес! Как раньше, так и сейчас г-н Налбандян сотрудничает в «Юсисапайле», и его статьи будут появляться в каждом номере. Однако из этого не следует, что он на свободе. Нет, он по-прежнему находится в петербургской крепости святых Петра и Павла, однако ему дано разрешение *сейчас* принимать участие в издании. Прежде чем попасть в Москву, в редакцию журнала, труды его, несомненно, будут неоднократно подвергнуты строгой цензуре.

Знаю, вы хотели бы узнать подробные сведения о нем... Пока же считаю сказать нужным лишь то, что рано или поздно невиновность его восторжествует, поскольку никакого преступления он не совершал».

А Микаэл поспешил закончить статью и передать ее в Третье отделение. Не ожидая ответа цензоров, он принялся за очередные свои «Две строки» — ответ противникам, которые продолжали обвинять «Юсисапайл» в том, что журнал не умеет подбирать материалы, поэтому часто печатает на своих страницах европейские романы, «которые не имеют отношения к нам и к нашему народу».

Поистине, будто ничего не изменилось под луной, и всевозможные мракобесы с позиций своего жалкого «патриотизма» продолжали свои нападки на все передовое... Действительно, сколько должно было продолжаться еще это позорное явление, которое не назовешь даже узкомыслием и провинциализмом? До каких же пор?!

В своем ответе Микаэл не только доказывал значение переводческого искусства для обогащения и развития языка и литературы, но утверждал, что перевод вольнолюбивого, с позиций высокой нравственности написанного произведения, с какого бы языка ни был сделан перевод, имеет важное значение не только для воспитания чувства прекрасного в читателе, но *и для возбуждения и оживления политических и общественных взаимоотношений всей нации*. Это обстоятельство Микаэл особенно подчеркивал, имея в виду вообще воздействие на умы литературы и искусства. Что же до частного, то Микаэл напоминал, что в последнее время армяне получили два в высшей степени поучительных романа — «Раны Армении» и «Сое и Вардигер», причем армянская романистика не завершается ими, а только лишь начинается. От души приветствуя эти романы и указывая их достоинства, Микаэл Налбандян предупреждал, что Хачатур Абовян и Перч Прошян сказали в своих романах вовсе не все, что можно было сказать людям. Поэтому «каждое хорошее произведение, на

каком бы языке оно ни было написано, равно полезно всему человечеству, особенно если в них не проявляются узконациональные понятия».

...А о сданной на цензуру первой статье не было пока никаких вестей. Микаэл же с нетерпением ждал того дня, когда его критика романа «Сое и Вардистер» вырвется наконец за тюремные стены. Он был уверен, что в цензурном отношении к его статье не придираться, и в то же время прекрасно понимал, какое огромное значение она может иметь для армянской национальной литературы.

«Сое и Вардистер» — история юношеской любви — не первое и не последнее в мировой литературе. В то же время роман давал интересные и ценные этнографические зарисовки, картину живых нравов и обычаев народа.

Уже в самом начале статьи Микаэл высказал свое кредо критика: «Можем смело сказать, что уважаемый автор является верным зеркалом по отношению к описываемой им жизни... Г-н Прошян исполнил свой долг. Теперь наш черед стать зеркалом для него и показать автору его собственное произведение». Такой принцип для критической статьи дал Микаэлу возможность, в свою очередь, сказать о современных национальных проблемах и, тем самым придав статье больший публицистический накал, фактически продолжить Прошяна, но уже в другом литературном жанре.

И если Прошян, это «верное зеркало», показал беспомощное состояние столь многое потерявших армян, то Микаэл Налбапдян искал пути выхода из этого состояния...

Потери эти армянский народ понес много столетий назад, еще в средние века. Под влиянием чужеземных воздействий в той или иной степени исказился и национальный облик народа. Под угрозой гибели находился национальный дух — его язык. Только суровая трезвая мысль и свободная от всяческих «патриотических» предрассудков деятельность могли предотвратить эту угрозу.

И Микаэл в открытую выражал свои мысли, ставшие очередным своеобразным камнем, брошенным в затхлое болото безразличия. Армяне не средневековый народ, писал он. Просто в средние века они потеряли многое из того, что создали с незапамятных времен. Они потеряли не только страну, государственность и политическую независимость, но и многие свои духовные и материальные ценности... Поэтому «не может быть ничего, относящегося к средним векам, что было бы для нас полезно и принесло бы нам спасение... Мы не обязаны сохранять осевшую на нас в средние века ржавчину. Есть народы, начавшие новую свою жизнь в

средние века. Они крепко связаны с ними, и если на них проглядывает ржавчина тех времен, — они могут еще оправдаться, ссылаясь на историю: они открыли глаза в покрытой ржавчиной колыбели. А наше отношение к средним векам не таково. Мы народ античный. Что могут напомнить нам средние века? Разрушение, плен, резню, кровь, огонь, голод, мрак и смерть... Вот что принесли нам средние века! Под тяжестью сего этого сгибается сегодня армянин. Скинуть с себя это бремя — вот наша задача!»

Действительно, этот мертвящий груз, который с удивительной покорностью и даже с нелепой гордостью влачили армяне, мог сломать им спину и стать причиной новых бед и окончательной гибели. Покорность армян была покорностью раба, а кажущаяся гордость — самоотреченностью человека, которому не на что надеяться...

Революционный дух, смелость, высокое чувство национального достоинства и глубокая вера в будущее — вот что надо было армянам, живущим под игом тирании!

Еще одной насущной необходимостью оставалась проблема общенационального языка, для которого Микаэл собирался прямо здесь, в равелине, разрабатывать грамматику.

Вновь и вновь в своей критической статье Микаэл обращается к экономическим вопросам. На первый взгляд это может показаться странным, однако не будем забывать, что два года одиночного заключения, безнадежное положение и мучившие Микаэла болезни не могли помешать Налбандяну использовать каждую представляющуюся возможность, пусть даже не всегда, казалось бы, подходящую для национального пробуждения своего народа. Каждый час и любая возможность во имя этой священной для него цели!

Как «верное зеркало», Прошян в своем романе отразил то недовольство и недоверие, которые распространились среди аштаракских крестьян к шелковичным червям. Дело в том, что из-за неблагоразумия аштаракцев эти черви, которые могли сыграть важную роль в их хозяйстве, превратились для них в настоящее бедствие и, по мнению аштаракцев, лишь портили шелковицы. Взяв этот факт за основу, Микаэл писал: «Мы знаем, что в Азии еще долго не смогут сматывать нить с кокона так, как это делают европейцы. Смотанная даже в Северной Европе имеет меньшую ценность, чем в Южной Франции или в городе Пьемонте. Но в этом случае можно продавать коконы. А в больших селах, как Аштарак, можно с легкостью открыть товарищескую шелкомотальную фабрику... Хотя разматывание коконов требует умения и большой осторожности, мы все же уверены в искусных руках армянских женщин. Если б у них было хорошее

оборудование и их бы научили обращению с ним, то они бы не уступили европейским женщинам».

...Но ни эта, ни другая статья Микаэла Налбандяна так и не вышли из стен Петропавловской крепости. Лишь через несколько десятилетий им суждено было дойти до читателя. Оказывается, Микаэл упустил одно очень важное обстоятельство. Статьи он писал на армянском, а ведь все, что выходило за пределы крепости, должно было быть написано на русском... Как мог забыть об этом Налбандян? И почему никто не предупредил его?

А еще через некоторое время брат Казарос сообщил в письме, что, пока не завершится дело, Микаэлу ничего не разрешают публиковать в «Юсисапайле».

Сенатская следственная комиссия мудро рассудила: «Если рвать, то с корнем!»

«Свидание с братом Ананией. Сегодня заболел... Спина, голова и горло болят».

«Я очень слаб... болит печень».

«Получил сегодня письмо и два фунта благородного табака».

Тюремный дневник

И все-таки он продолжал напряженно работать. Поистине, он не терял мужества духа. Вспоминал прошлое и напоминал о нем друзьям:

«Помнишь ли бывшее, когда в теплом дружеском кругу сживали ночи напролет? Хотя условия жизни каждого из нас были более чем ограничены, но не видать нам тех сладких упоений при самых обширных средствах!..»

«Воспоминания о прошлом, если они приятны, отчасти только вливают целительный бальзам в настоящие раны... Благодарю всех тех, которые кланяются мне; их перечень в твоём письме вызвал мою улыбку; ты пишешь: «Твои друзья и женщины, и девицы, и прочее», как будто на театральной афише: «Дамы, кавалеры, пажи, гости...»

«Недавно мне пришел в голову наш общий визит в Москве,

лет восемь тому назад (не знаю, ей-богу, кому), на чердаке где-то, где встретились с одним человеком, вовсе нам незнакомым, который только и говорил химическими формулами. Анания, верно, помнит; и этот глупый эпизод нашей общей жизни заставил меня смеяться как сумасшедшего...»

В РАВЕЛИНЕ. ГОД ТРЕТИЙ

«Сегодня очередная годовщина заключения, считая с четырнадцатого июля. Два года!..»

«Перевели в другую камеру. От запаха краски страшно болит голова».

«Мое дело недвижно лежит в Сенате, и я не знаю, когда кончится все это».

Тюремный дневник

Книжечка легко помещалась на ладони. Она была маленькой, изящной и со вкусом изданной. Сборничек стихов... Каждое стихотворение обрамлено рамочкой, как и подобает песням любви. Микаэл уже несколько раз перелистывал книжку, от которой у него возникло непонятное и необъяснимое чувство гадливости... Не автор ли тому причиной? Хорен Галфаян... Тот самый католический монах, который вместе с Габриэлом Айвазовским и своим братом Амбросиосом изменил веру и перешел в лоно армянской просветительской церкви. Во время зарубежных путешествий случалось встречаться и с Хореном. И даже сочувствовать ему и Амбросиосу, поскольку после того, как Габриэл Айвазовский перевел свой «Масьяц ахавни» из Парижа в Феодосию, они попали в «великую нужду и невыносимые долги».

Микаэл отшвырнул книжечку. Его сейчас мучили другие заботы...

«Меня более всего мучает положение моих престарелых родителей и более ничего, а то все перемелется, мука будет. На свете нет ничего без конца, если это так, то и несчастье, которое теперь преследует меня, тоже имеет конец. Я тебя прошу ради бога, успокоить наших родителей. Жаль, что нельзя писать по-армянски, а то бы я к ним писал сам. Но неужели они не верят брату Казаросу, что так беспокоятся? Что ни письмо, то более ничего не услышишь, как только о их грустном положении; это, признаюсь, мне очень тяжело...»

А в семье начались разногласия, причиной которых, судя по доходившим снаружи вестям, был Григор, один из братьев Микаэла.

...Волею обстоятельств Микаэл в последние годы редко и мало общался с братьями, которые считали его беспутным человеком и блудным сыном. Братья и зятья, именно благодаря авторитету Микаэла покровительствуемые Карапетом Айрапетяном и развернувшие выгодную торговлю, были твердо убеждены, что Микаэл — самый настоящий преступник. И Микаэл Налбандян, всю жизнь осужденный на трагедию непонятого человека, сейчас, в сырой и унылой камере-одиночке, был приговорен к самой жестокой муке, которую могут предуготовить человеку только его близкие. А называлась она — НЕ ПРОЩАТЬ.

...Не прощать его ум и смелость, не прощать исключительной способности любить и мечтать, не прощать преданности семье и народу... Словом, не прощать ничего того, что делало его Особенным.

Если для всего армянского народа этот Особенный был спасителем, ведущим нацию из тьмы к свету, освобождавшим народ от пут тирании и насилия и открывавшим дали политической самостоятельности, то для своих родных он был прежде всего неудачником и чужаком в семье.

Но более всего разъярило Микаэла, что его брат Григор решился просить Арутюна Халибьяна, чтобы тот с помощью своих связей походатайствовал перед властями об освобождении Микаэла из тюрьмы.

Микаэл был глубоко оскорблен этим поступком брата.

Микаэл Налбандян — брату Казаросу.

17 июня 1864 г.

«Я сам думаю подготовить маленькое письмецо Халибьяну. Это будет, во-первых, вроде извинения, что мой брат по неделикатности своей потревожил его дражайшую особу. Во-вторых, протестом за действия брата без моего ведома».

Что мог означать этот шаг брата Григора? Неосознанный порыв неожиданно нахлынувших братских чувств?.. Положим. Но не слишком ли поздно? Ведь Микаэл сидел в крепости уже больше двух лет... А не имели ли к этому отношения раздоры в семье, начатые именно Григором?..

Но нет... Григор знал, что Арутюн Халибьян вряд ли в силах помочь Микаэлу. И даже больше: прекрасно понимал, что, даже будь у Халибьяна такая возможность, он бы и пальцем не пошевелил, чтобы хоть чуточку облегчить участь своего злейшего и заклятого врага — врага, которого он преследовал вот уже более двадцати лет и которого мечтал увидеть в тюрьме еще со столь далекого сейчас 1853 года...

Брат Григор пошел на этот шаг лишь ради примирения с Халибьяном.

Он сознательно отдалял себя от Микаэла, Халибян же понял намек Григора: «Микаэл — мой брат, поэтому я вынужден хлопотать за него, иначе просто неудобно перед людьми... Но самый близкий мне человек — это ты, поэтому к тебе я и обращаюсь по поводу брата».

Это было прямое и откровенное предательство.

«Не в добрый час привязались ко мне боли в печени. Перспектива кажется мне весьма мрачной, а тут еще и конца не видно моему заключению».

Тюремный дневник

...Он — совсем еще ребенок и по целым дням играет вместе с соседскими детьми на родной мостовой.

Мать...

Наверное, кричала ему, чтобы поостерегся, не попал случайно под колеса или копыта...

Потом:

*Нурин, Нурин пришла,
Снова к нам ты пришла,
В платье шалевом пришла,
С красным поясом пришла! —*

завучала в его ушах песня. Одна из тех чудесных песен счастливого, беззаботного детства... «Как ни стараюсь, кроме этих четырех строчек, не могу вспомнить...»

Вспоминались и те празднества, что бывали в конце апреля.

...Бежали вместе с братьями. Самый младший и маленький — он, но не отставал. В руках у всех трещотки. Крутили свои трещотки и бежали, бежали, бежали... До самой церкви Сурб Геворга... Женщины, девушки, парни!.. Когда еще увидишь столько женщин и девушек сразу! Какие то были счастливые дни!.. А как громко смеялись и говорили девушки и какими несмелыми и смущенными выглядели парни! А те даже не обращали внимания на мальчишек, которые с трещотками в руках как зачарованные глядели на разодетых, стройных нахичеванских красавцев женихов...

...Плавно скользят гондолы по венецианским каналам. В мансарде в

мастерской пахнет масляной краской. Сквозь щелку в тяжелых шторах падает на незаконченную картину солнечный луч...

«Был приступ печени...»

«Продолжается. Провел тяжелую ночь. Написал брату письмо».

«Прочитал письмо из дома, и все внутри перевернулось... Печень воспалена».

Тюремный дневник

Раздоры в семье оказались столь шумными, что их отголоски долетели до самого Петербурга и проникли даже за стены Петропавловской крепости.

...Братья Григор и Лусегеп перешли на сторону Халибяна и Габриэла Айвазовского, поскольку все остальные братья и сестры были против раздела отцовского имущества, на чем настаивали эти два брата.

Но самым подлым была попытка лишить наследства Микаэла как сына, родившегося от четвертого, а значит, запретного брака...

Микаэл Налбандян — брату Григору.

Лето 1864 г.

«Мне известно, что происходит у нас дома. Я не хочу здесь повторять, потому что не желаю, чтобы о наших семейных делах знали люди, до которых вовсе они не касаются.

Ты мне написал о моих наследственных правах. Благодарю, брат, а я вовсе не знал, что тоже имею право. Но ты забываешь только то, что пользоваться этим правом никто еще не может. Малейший шаг с твоей стороны заставит меня вооружить брата Серовбэ законной доверенностью от меня, где я уступлю ему все свои права... И это я сделаю, чтобы оградить мою мать от оскорблений...

Присмотр за больным отцом не может быть тебе доводом... За ним смотрят не хуже тебя, и я на всякий случай сделал еще и свои распоряжения.

Когда я приеду, тогда довершим остальное... Не бойся, я не умру здесь и с божьей помощью надеюсь на скорое с тобой свидание».

«Получил от брата письмо. Ответил».

«Получил от брата Казароса письмо, в котором сообщает о смерти отца.

«Упокой, господи, его душу...»

Тюремный дневник

Напечатанный на превосходной бумаге сборничек назывался «Варденик» — «Розарий».

Но, честное слово, было в этой книжечке что-то отвратительное. Что-то неестественное. Нет, не просто фальшивое, а именно неестественное.

В своих написанных на классическом древнеармянском языке стихах монах Хорен Галфаян распространялся о «божественной, бестелесной любви».

«На всем теле появилась сыпь. Интересно, что скажет врач. Сегодня просил, чтобы вызвали».

«Болезнь не утихает. Тело мое опухает с головы до ног. Ночью лихорадило. Сна не было совершенно».

Тюремный дневник

Микаэл знал, был убежден, что не оставит без ответа эти жалкие вирши.

Но как?..

Он напишет свои стихи! Об Адаме, Еве, а еще о деве Марии. Напишет тоже на классическом языке и, самое главное, напишет как настоящий мужчина.

Двенадцать стихотворений и поэму «Приключения Праотца Адама» Налбандян озаглавил «Ахцмик». Так назывались тараканы, которые не пелись в великий пост.

...В этом цикле стихов со всем совершенством проявилось все богатство языка и мышления Микаэла Налбандяна, его могучий талант и высокий интеллектуальный уровень.

ВСПОМНИ МЕНЯ!

*Заря, горящая над кущами,
росой умывшая цветы,
и солнце, медленно встающее
из тьмы, — о дева, это ты.
Когда в саду в весенний вечер,
изнемогая от огня,
спешишь к любимому навстречу —
ты вспомни в этот миг меня!
Когда под вишней на закате
присядешь с тем, кто сердцу мил,
и в опьяняющих объятьях
лишишься разума и сил,
когда в тиши польются речи,
опасной нежностью дразня,
и вспыхнет взгляд твой, щеки, плечи —
ты вспомни в этот миг меня!..*

«Закончили 1864-й. Но с грустью. Интересно, что принесет
новое, которое уже стучит в двери?
С Новым годом».

Тюремный дневник

1865-й принес новости, которые должны были нарушить
однообразную жизнь узников Алексеевского равелина.

Император одобрил решение Сената относительно дел обвиняемых в
сношениях с лондонскими пропагандистами, а также сам приговор
сенатской комиссии:

НИКОЛАЙ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ, 29 лет. За участие в
злоумышлении с лондонскими пропагандистами против русского
правительства, за распространение заграничных сочинений их преступного
содержания — лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в
крепость на двенадцать лет, а затем поселить в Сибири навечно.

ПАВЕЛ ВЕТОШНИКОВ, 33 лет. За пособничество пропагандистам в
сношении с злоумышленниками и за пособничество в распространении

преступных их сочинений — лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу на заводах на восемь лет, а затем послать в Сибирь навечно.

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН, 36 лет. В знании о преступных замыслах лондонских пропагандистов, в содействии им к распространению в России запрещенных их лондонских изданий, в стремлении распространить на юге России, между армянами, антиправительственное движение — оставить в сильном подозрении и затем как личность неблагонадежную предоставить министру внутренних дел выслать в один из отдаленных городов России под строгий надзор полиции.

НИКОЛАЙ де ТРАВЕРСЕ и АНДРЕЙ НИЧИПОРЕНКО. Осуждение за смертью их прекратить.

«Всю ночь ужасно потел. Принял четвертую баню».

«Правая щека опухла. Болит. Ощущаю нечто вроде легкой лихорадки».

«Свидание с братом. Опухоль на щеке увеличилась».

«Флюс прорвало с внутренней стороны. Вышло много крови и гноя».

«Лихорадка продолжается. Надо принять баню».

Тюремный дневник

Хотя и не знал Микаэл, когда его выпустят из одиночки, ждать ему, он был уверен, оставалось считанные дни. И пока вне рavelина выполнялись какие-то формальности, пока откуда-то и куда-то шли какие-то рапорты и распоряжения, Микаэл Налбандян торопился закончить одно очень важное и давно уже запланированное дело.

Он переводил «Послание» Казара Парпеци, которое тот, просвещеннейший Учитель V века, написал, преследуемый невежественными церковниками-мракобесами, спарапету и марзпану [\[32\]](#) Армении Вагану Мамиконяну.

Давно уже ощущал Микаэл некую внутреннюю связь, удивительное духовное родство между собой и жившим века назад Казаром Парпеци, который тоже целиком посвятил себя тому, чтобы «окрылить души как свою, так и слушателей». Парпеци был одним из тех редчайших людей, которые «прошли моря и горы, чтобы обогатить небесными и нетленными

сокровищами тайнство своей мысли» и «наставить народ, оплодотворяя его душу правдивым, искренним и предостойным словом».

Переводя в одиночке «Послание» Казара Парпеци и составляя комментарии к нему, Микаэл одновременно переживал и свою прошедшую жизнь, осмысливал и оценивал свое дело и вовсе не удивлялся, что и он сам был преследуем и осужден подобно своему духовному наставнику из далекого V века. А от искуса предательства не удержались даже родные его братья...

Часто вставая и меряя тесную камеру шагами, Микаэл то мелким и ровным, а то нервным и размашистым почерком писал мучительную боль и протест Казара...

Но только ли Казара?

«Достоинств моих — больше, чем у многих, кто носит рясу, и я тот Казар, замены которому нет. Ныне же, по причине черной зависти, многие хотят быть на моем месте. Но если б могли!..

По зависти своей обо мне выдумали множество клеветы, говоря, что «Казар глаголет, будто блуд — не грех»... И невоздержанные в еде и нитье и презренные люди с удовольствием принимают такие вот слухи в помощь угнездившимся в них злым помыслам.

...И такое проповедовал Казар? Кому же, где и когда? Казар ли невежествен в писаниях, он ли невежда и неуч, чуждый закону Моисеевому и не ведающий о дарованном Христом благе? Разве сии армянские монахи не достойны большего сожаления и слез, когда выдумывают такие нелепые слухи и по зависти своей говорят недостойные вещи?!

Эти люди лишены веры и учения, в работе они ленивы и нетерпеливы, глядя на их невежество и непотребное поведение, какое выказывают они, считаешь, что поистине достойно, чтобы появилась из невежества и непотребной жизни такая ересь, когда, как говорится, «для невестки-свиньи и корыто — баня».

И есть ли в наши времена, подобный пророку

Иеремии, который воскликнул бы в горе: «О, кто отдает главу мою воде, а глаза — источником слез!», и чтобы сел я и заплакал над жалким положением нашей страны...»

Что это — только лишь перевод древнего послания или история собственной жизни? Комментарии и уточнения к историческому документу

или констатация истины, что «невежественные и пустые люди преследуют в Стране Армянской лучших и нужных людей»?

Может, это было последнее слово обвиняемого на суде — несостоявшемся, но тем не менее вынесшем «высочайше одобренный приговор»?

Да, последнее слово, но одновременно — и выражение той глубочайшей веры, что он, преследуемый и гонимый при своей жизни, как и Казар Парпеци, когда-нибудь будет понят и признан будущими поколениями Страны Армянской.

Ибо

«Имена воинов свободы и их предводителя на веки вечные вспыхнут яркими звездами веред глазами грядущего поколения армян над горизонтом новой современной истории!»

13 мая Микаэл Налбандян вышел из Петропавловской крепости, чтобы отправиться в ссылку...

ЭПИЛОГ

СКАТИЛАСЬ ЗВЕЗДА С ПЕЧАЛЬНОГО АРМЯНСКОГО НЕБОСВОДА...

Может, наша вина лишь в том, что перед нашими глазами — дни, грядущие для армянской нации через сто лет...

Микаэл Налбандян

Микаэл изменился до неузнаваемости. Он похудел так, что остались «лишь кожа да кости». И прежней живости не осталось. «Сердца всех друзей и знакомых горестно сжимались при виде той тени, что осталась от некогда огневого и бодрого сына нации», — вспомнит потом Очевидец.

Главной заботой его близких было сейчас ходатайствовать о замене сибирской ссылки ссылкой в какой-нибудь более теплый край. А сам Микаэл, вновь поселившийся в доме Хафафяна, в кратких промежутках между приступами болезни делал последние распоряжения по самым неотложным своим делам.

Их было немного...

Нужно получить обратно конфискованные во время ареста письма, географические карты, бумаги, фотографии... Однако министр юстиции ответил отказом на эту его просьбу.

Надо еще сообщить подписчикам, что «идея издать по возможности более точную и достоверную карту родины отныне должна считаться неосуществимой». Микаэл отправил в «Мегу Айастаии» объявление, в котором просил подписчиков получить обратно задаток за карты «у господ, продававших подписные билеты».

Далее он написал брату Серовбэ краткое письмо: «Послал маме свой портрет, сразу же вели сделать в Ростове портрет мамы и непременно вышли мне. Обязательно напишу оттуда, куда должен ехать, но пока на несколько дней останусь здесь. Всем нашим родным большие приветы. Писать больше нечего, да и времени очень мало».

Местом, «куда он должен был ехать», назначили ему Вятскую губернию. Однако после того как Сергей Боткин, студенческий друг Налбандяна, а ныне знаменитый врач, представил генерал-губернатору

Петербурга князю Суворову медицинское заключение о крайне тяжелом состоянии ссыльного, Вятку удалось заменить.

В письме от 1 ноября 1865 года министр внутренних дел сообщил шефу жандармов князю Долгорукову:

«Статс-секретарь Валуев во внимание к болезненному состоянию Налбандяна, который, по удостоверению профессора Боткина, находится в крайнем положении, угрожающем перейти в чахотку, полагает: выслать Налбандяна в один из южных городов Саратовской губернии».

Одним из этих «южных городов» оказался Камышин...

Прибыв в Камышин «скорее мертвым, чем живым», Микаэл постарался первым делом найти себе комнату и сразу лечь в постель... Только через несколько дней ему удалось с помощью хины превозмочь лихорадку и встать.

Город был печальным и словно бы вымершим. Хозяин дома, однако, обнадежил, что летом жизнь несколько оживляется, так как с пароходами, идущими вверх и вниз по Волге, в городе появляются новые люди — все интереснее...

Но до лета еще далеко. Микаэл надеялся протянуть хотя бы до весны...

Весной же, в середине апреля, Налбандян решил подлечиться у врача Найденова, который, как говаривали, лечил больных кумысом «в лесной долине, где много источников».

«Там я останусь до конца сентября, — писал Микаэл родным. — Как бы там ни было, а от меня писем не требуйте: знает бог, нет у меня ни сил, ни здоровья... Когда пишу эти строки, боль в груди и спине душит меня.

...Один бог знает, доживу ли я до 1 мая, и не только я так думаю. Об этом мне откровенно сказал лучший из здешних врачей Виноградов, и я со дня на день приближаюсь к могиле. Пот, кашель и мокроты стали нескончаемыми... Врач велит мне сохранять душевное спокойствие, но...»

Получив это письмо, брат Казарос немедленно выехал в Камышин.

29 марта он был уже рядом с Микаэлом, но, увы, ничем не мог помочь

день ото дня и час от часу угасавшему брату...

За несколько дней до освобождения Налбандяна из крепости к нему вместе с Казаросом явился и некий молодой человек.

Сначала Микаэл был в недоумении, но уже в следующий миг, узнав в нем своего бывшего ученика, обнял его и зарыдал. Потом, когда волнение немного улеглось, Микаэл удивленно воскликнул:

— Ты?! Как же это случилось, что ты пришел навестить меня?

И действительно, бывший ученик, переметнувшийся на сторону его врагов, не должен был навещать Налбандяна... Ведь об узнике равелина все они упоминали не иначе как со злорадством и ненавистью. И все-таки бывший ученик пришел — пришел, даже зная, что Налбандяну он несимпатичен.

Он пришел получить ответ на свой вопрос — ответ, который мог дать только Микаэл Налбандян.

— Я пришел спросить, что означает мыслить по-армянски, о чем вы постоянно напоминали нам на уроках...

Слишком легко хотел бывший ученик получить ответ на годами мучивший его вопрос!

Тот самый ответ, ради которого Микаэл Налбандян жил, страдал и боролся, казалось бы, целую вечность и который сейчас, в эти последние минуты угасания, звучал, оказывается, очень просто и коротко — Жизнь.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИКАЭЛА НАЛБАНДЯНА

1829, 2 ноября — В Нахичеване-на-Дону родился Микаэл — шестой для Казара Демирчяна и Марианэ Черченян и десятый в семье ребенок.

1838 — Микаэл поступает в частную школу Габриэла Патканяна.

1848, июль — Микаэл Налбандян назначается секретарем епархиальной консистории епархии Нахичевана-на-Дону и Бессарабии.

1851, январь — апрель — В еженедельной газете «Арарат» публикуются первые стихотворения Налбандяна.

1853, май — Католикос Нерсес V Аштаракеци требует под полицейским надзором препроводить в Эчмиадзин «замеченного в противозаконных деяниях» секретаря консистории.

Июль — Скрываясь от преследования, Налбандян уезжает в Москву. Встреча со Степаносом Назаряном.

Октябрь — Налбандян получает в Лазаревском институте должность учителя армянского языка.

1854, январь — Московская полиция арестовывает Налбандяна. Учитывая, что он отказался от духовного сана, а также поручительство Назаряна и Веапетяна, его освобождают.

Сентябрь — Налбандяна увольняют с должности учителя в Лазаревском институте. Он поступает вольнослушателем на медицинский факультет Московского университета.

1856, март — Степанос Назарян подает прошение на издание журнала «Юсисапайл».

1857, август — Первое заграничное путешествие Микаэла Налбандяна.

1858, март — Выходит в свет первый номер «Юсисапайла».

Апрель — Заканчивается публикация первой книги романа Эжена Сю «Агасфер» в переводе Налбандяна. Начинают выходить «Записки» графа Эммануэля.

Декабрь — В письме министру внутренних дел Ланскому Габриэл Айвазовский требует запретить издание «Юсисапайла» и наказать Налбандяна.

1859, январь — Налбандян смотрит театральное представление,

подготовленное армянскими студентами Московского университета.

Март — Налбандян дает Петербургскому цензурному комитету объяснения по поводу некоторых опубликованных в «Юсисапайле» статей.

Чтобы избежать возможного ареста, под предлогом лечения. на водах во второй раз выезжает за границу.

Апрель — Налбандян знакомится в Париже с Гевондом Алишаном, Степаном Воеканом, Джаником Арамяном.

В Лондоне знакомится с Александром Герценом, Николаем Огаревым, Джузеппе Мадзини, Луи Бланом, Лайошем Кошутом и другими.

Июнь — Пишет в Зодене стихотворение «Песня итальянской девушки».

Июль — Пишет в Париже стихотворение «Свобода».

1860, апрель — июнь — Налбандян сдает в Петербургском университете кандидатские экзамены и пишет диссертацию. Получает от нахичеванцев предложение отправиться в Индию по делам завещаний индийских армян.

Июль — Налбандян приезжает в Нахичеван-на-Дону, где общественное собрание избирает его своим делегатом.

Август — сентябрь — Налбандян отправляется через Тифлис в Эчмиадзин, чтобы заверить подписью католикоса всех армян полученные от граждан Нахичевана полномочия.

Ноябрь — Отправляется в Константинополь. Участвует в создании армянского благотворительного общества. Вместе с соратниками Арутюном Сваच्याном и Серовбэ Тагворяном создает тайную организацию.

Декабрь — Отправляется на Сицилию. В Неаполе, Риме и Генуе знакомится с развернувшимся под руководством Джузеппе Гарибальди национально-освободительным движением в Италии. Дает социальный анализ гражданской войны.

1861, январь — март — Задержавшись в Париже на несколько дней, отправляется в Лондон. Встречается с деятелями лондонского революционного центра.

19 февраля — В России издается манифест о крестьянской реформе. Налбандян участвует в работе над статьей «Что нужно народу?».

Занимается подготовкой издания карты Армении.

Апрель — В Париже выходят «Две строки».

Отправляется в Индию.

Июнь — октябрь — С успехом заканчивает в Индии поручение по завещаниям индийских армян. Близко знакомится с жизнью армянской колонии в Индии. Покупает носорога и отправляет в дар Московскому

зоологическому обществу. Ноябрь — Через Каир, Иерусалим и Смирну возвращается в Константинополь.

Декабрь — «Мегу» публикует статью «Национальный театр в Константинополе». По поручению русско! о посла в Турции Налбандян пишет докладную записку «Армяно-просветительская община Константинополя».

Налбандян придает революционный характер созданной несколько месяцев назад тайной организации, программой которой становится освобождение Западной Армении и создание в дальнейшем единой Армянской республики.

1862, январь — Налбандян через Париж направляется в Лондон. Февраль — март — Заканчивает труд «Земледелие как верный путь».

Апрель — май — Налбандян живет в Париже, где готовится к печати «Земледелие». В конце мая возвращается в Петербург.

Июнь — Публикуется «Объявление» об издании карты Армении. Июль — Налбандян выезжает в Нахичеван-на-Дону, чтобы отчитаться перед городским собранием по делу о завещаниях индийских армян.

Через два дня после приезда Налбандяна арестовывают и в сопровождении жандармов отправляют в Петербург.

По обвинению в контактах с лондонскими пропагандистами Налбандяна бросают в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

Октябрь — Сенатская следственная комиссия допрашивает Налбандяна.

31 декабря — Дело Налбандяна по обвинению в «сношениях о лондонскими пропагандистами» передается в Сенат.

1863 — апрель 1865 — В одиночной камере Алексеевского рavelина Налбандян ждет обвинительного заключения.

Пишет цикл стихов «Ахцмик», «Критику романа «Сое и Вардитер» и переводит «Послание» Казара Парпеци.

Май — Налбандяна передают в распоряжение петербургского обер-полицмейстера для высылки в один из отдаленных городов России. Родные и близкие ходатайствуют об изменении места ссылки.

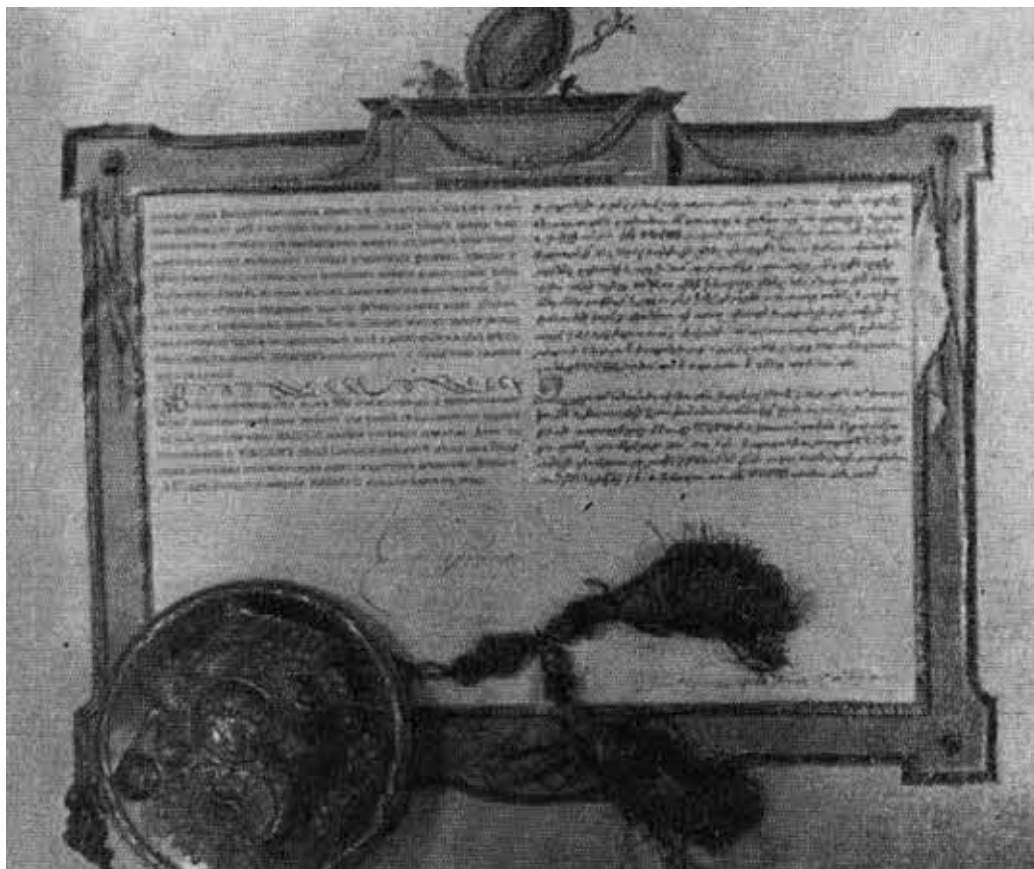
Октябрь — Профессор С. П. Боткин представляет справку о тяжелом физическом состоянии Налбандяна, отмечая, что больной должен быть направлен в более теплую и здоровую местность.

Указанная ранее местом ссылки Вятская губерния заменяется Саратовской губернией.

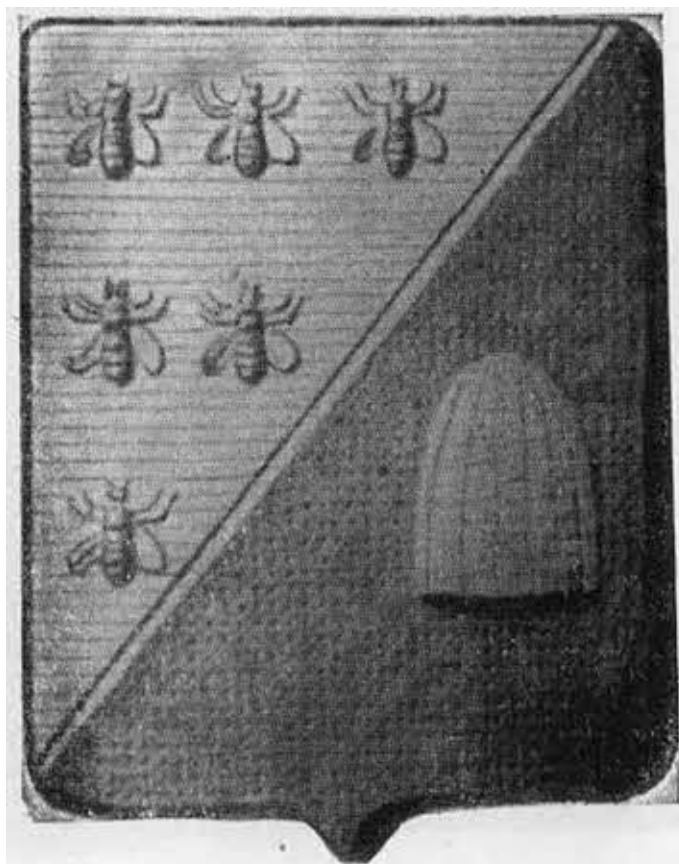
Ноябрь — Налбандян отправляется в ссылку — в город Камышин Саратовской губернии.

1866, 31 марта — Микаэл Налбандян скончался.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Последняя страница указа о создании Армянского округа и о привилегиях армян в России.

Герб Армянского округа.

Микаэл Налбандян — секретарь Бессарабской и Нахичеванской епархии.

Здание городского магистрата в Нахичеване-на-Дону. Фото конца XIX века.

Сестра М. Налбандяна Варвара.

Сестра М. Налбандяна — Гаянэ.

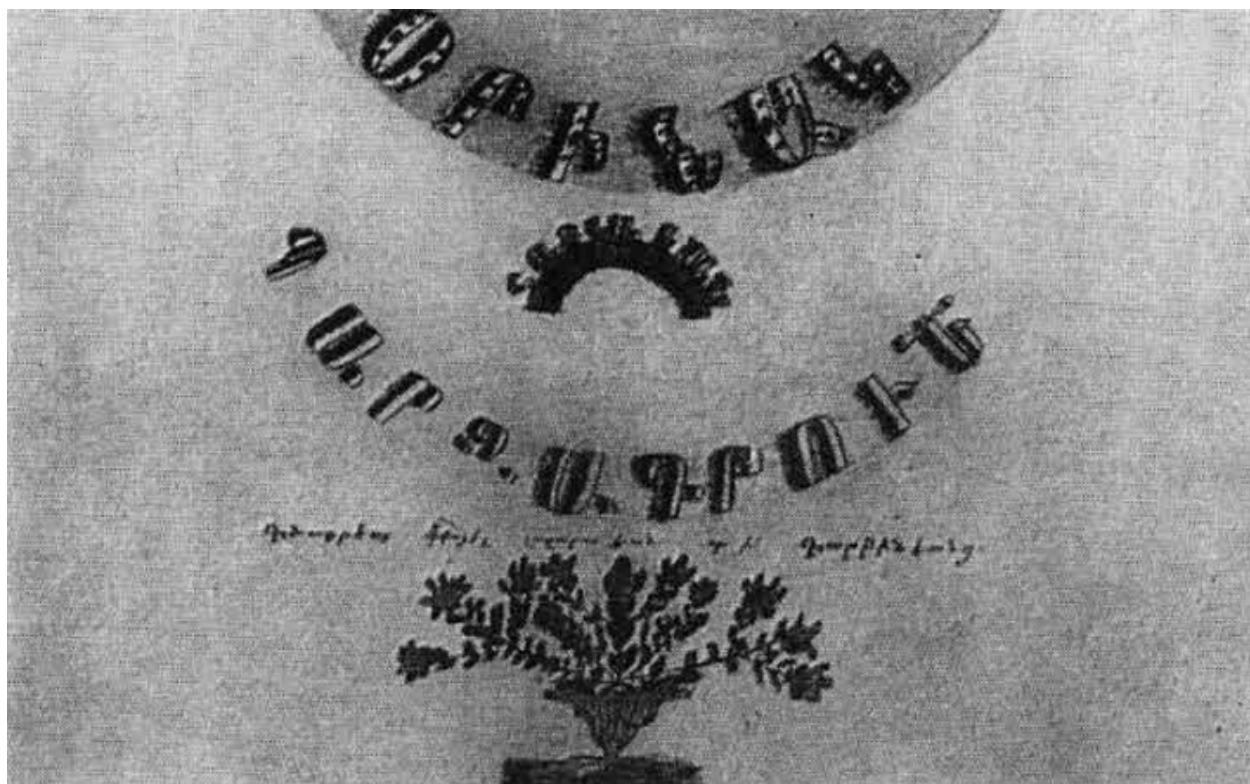

Брат М. Налбандяна — Серовбэ.

Брат М. Налбандяна — Лусеген.

Домашняя работа М. Налбандяна.

Григор Салтикян.

Анания Султаншах.

Карпет Айрапетян.

*Оваким Лазарян — основатель Лазаревского института в Москве.
Художник Тропинин В. А.*

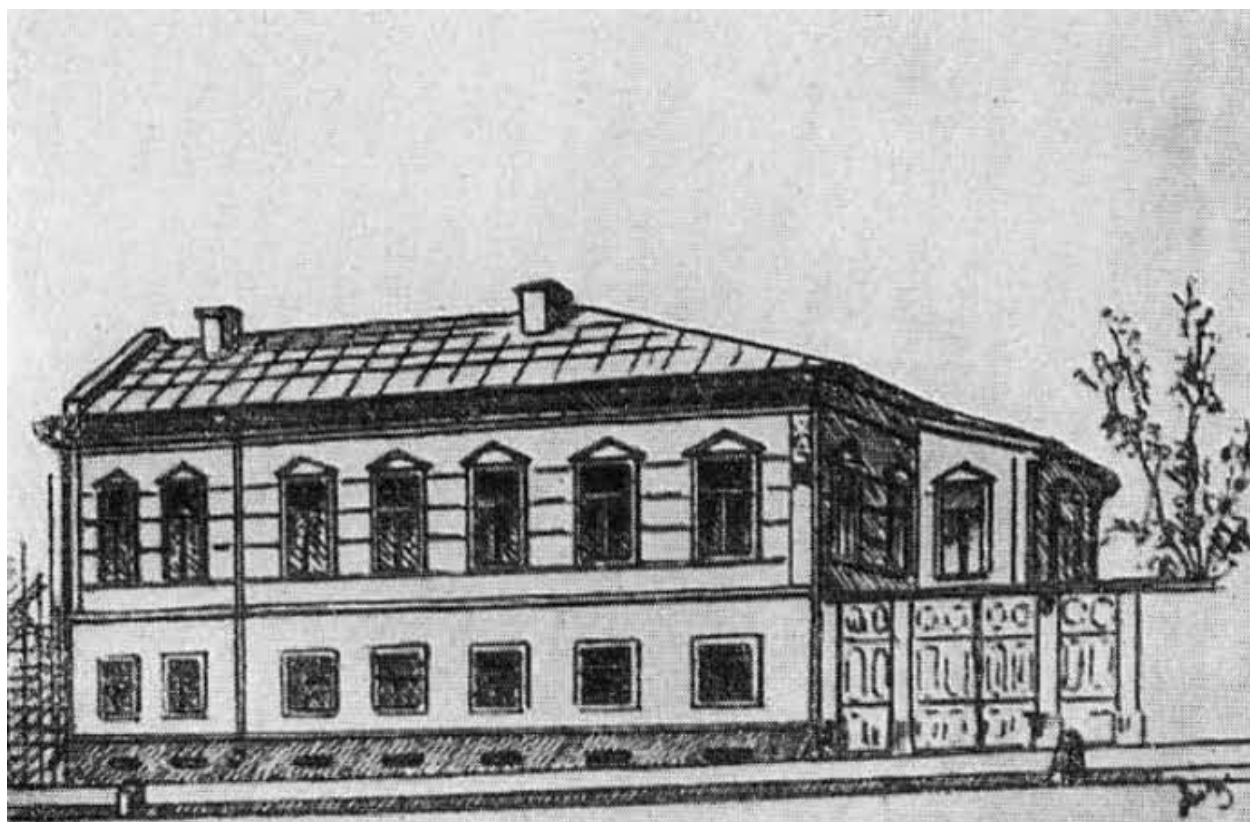
Лазаревский институт в Москве.

Хачатур Лазарян. Художник Зарянко С. К.

Ованес Лазарян. Художник Зарянко С. К.

Дом, в котором находилась редакция журнала «Юсисапайл».

Микаэл Налбандян в 1856 году.

Степанос Назарян.

Микаэл Налбандян.

Итальянская художница.

Венеция. Остров Святого Лазаря.

В. Г. Белинский.

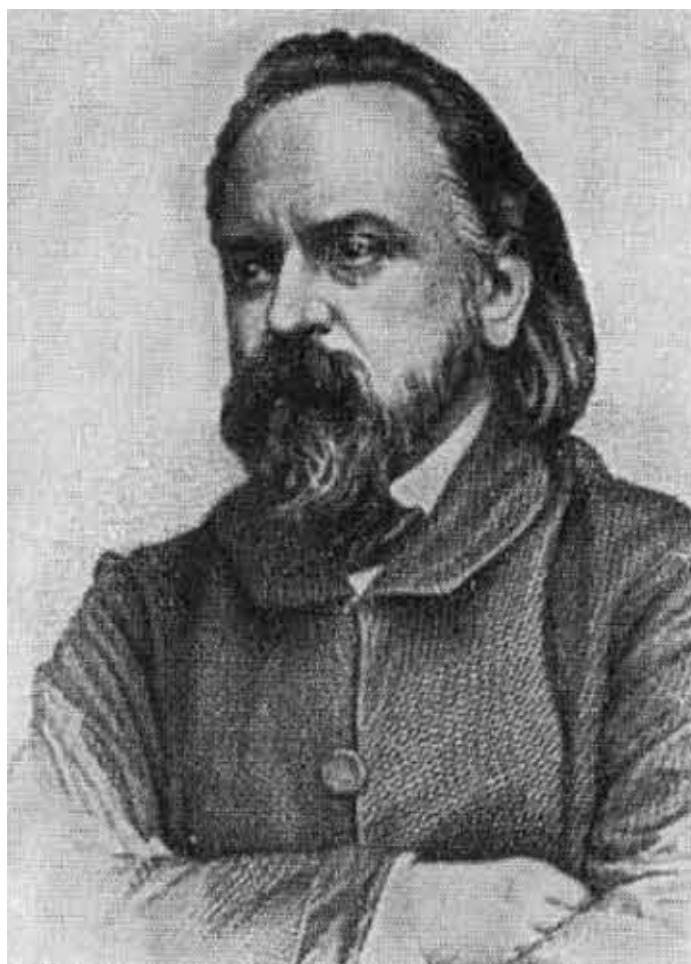
Н. Г. Чернышевский.

Н. А. Тучкова-Огарева.

Молодой Герцен — сын А. И. Герцена.

А. И. Герцен.

Н. П. Огарев.

Дом в Лондоне, где жил А. И. Герцен в 1861 г. (Орсет-хауз).

Микаэл Налбандян.

Джузеппе Мадзини.

Джузеппе Гарибальди.

М. А. Бакунин с женой А. К. Бакуниной.

Микаэл Налбандян.

Н. А. Серно-Соловьевич.

Джаник Арамян.

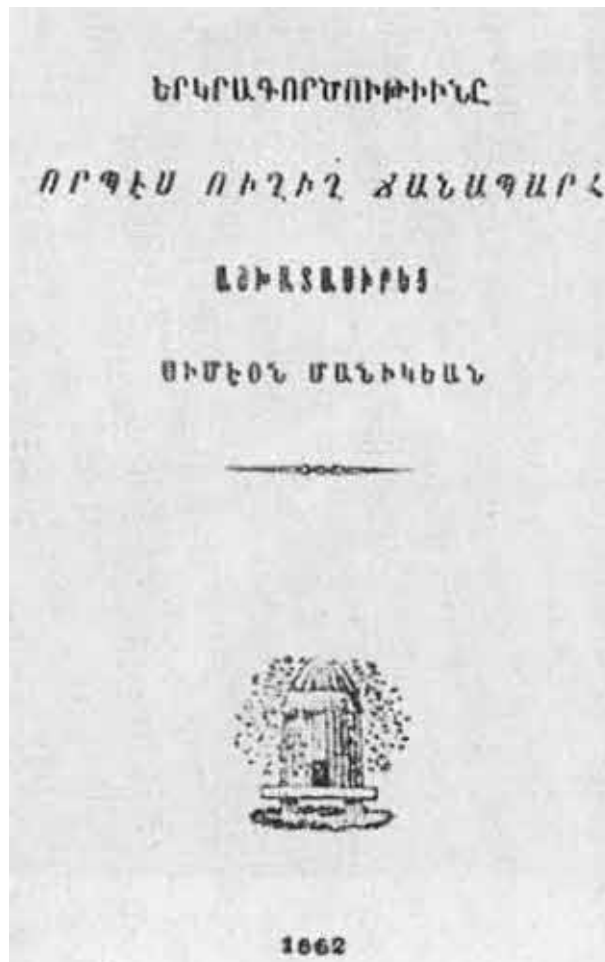
*Скорбящая Мать-Армения. Первый армянский плакат. Из учебника
Джаника Арамяна. 1860 г.*

Хримян Айрик.

Степан Воскан.

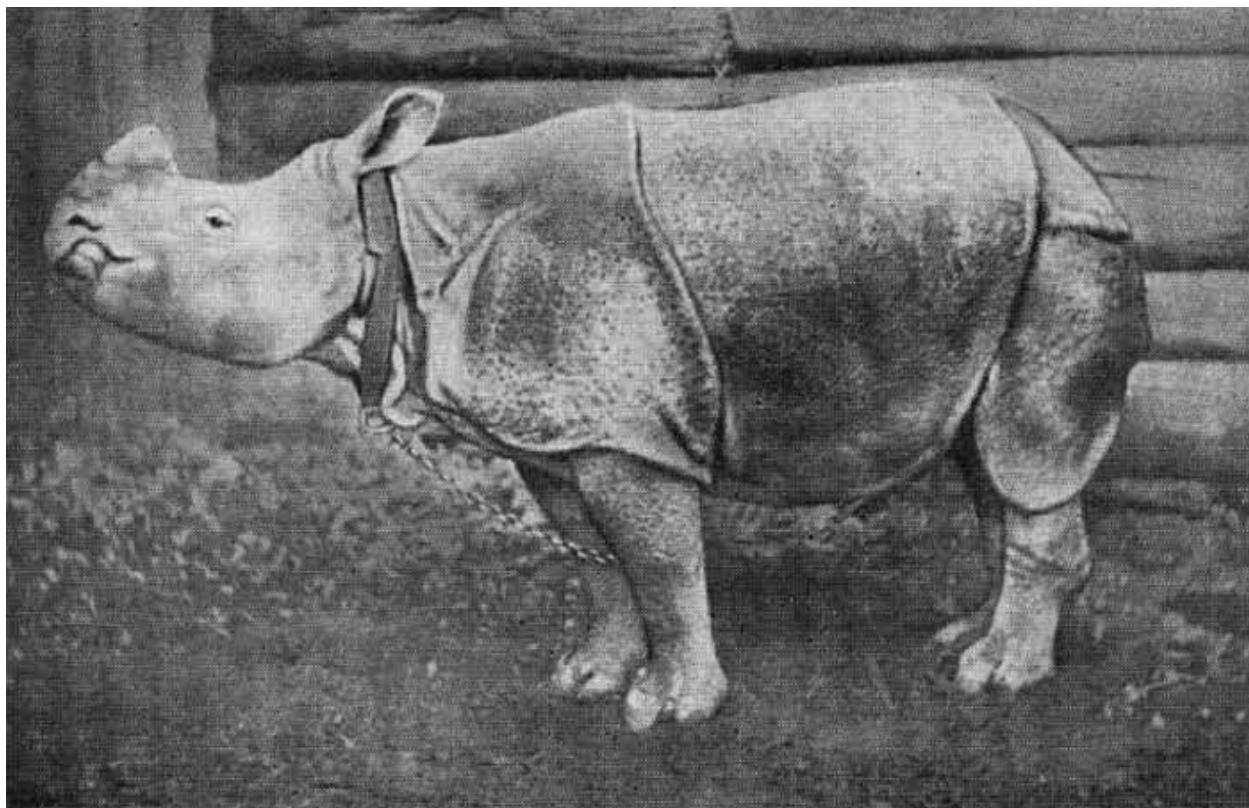
Обложка брошюры М. Налбандяна «Земледелие как верный путь».

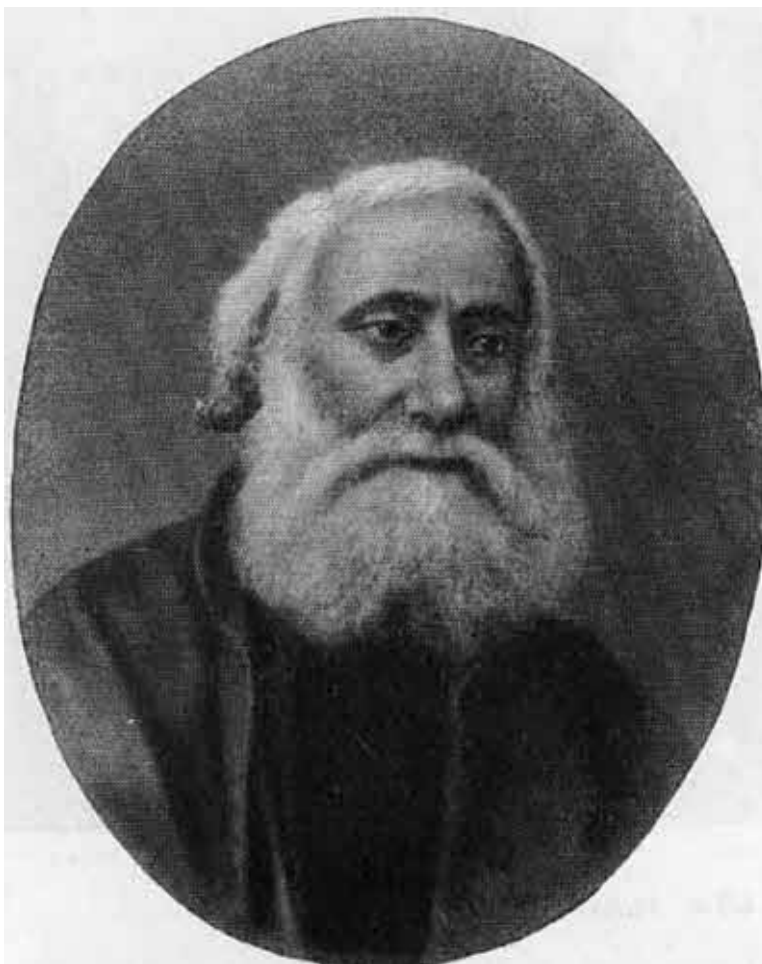
Обложка брошюры М. Налбандяна «Пара слов».

Лондон. 60-е годы XIX века.

Носорог, привезенный М. Налбандяном из Индии в дар Московскому зоопарку. Фото 1860-х годов.

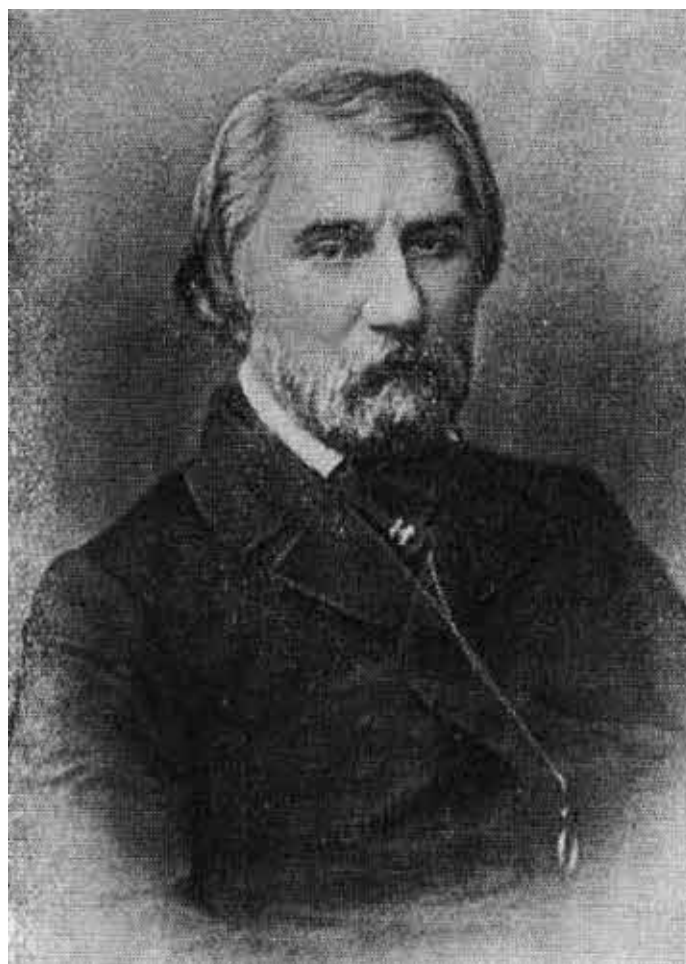

Гевонд Алишан.

Ереван. Вторая половина XIX века.

И. С. Тургенев.

Василий Кельсиев.

Микаэл Налбандян с тростью, в которую была вделана шпага.

Пистолет и пороховница М. Налбандяна.

Арарат. Вид из Эчмиадзина.

Фото 60-х годов XIX века.

«Манук Айастан» («Молодая Армения»).

Плакат, последняя четверть XIX века.

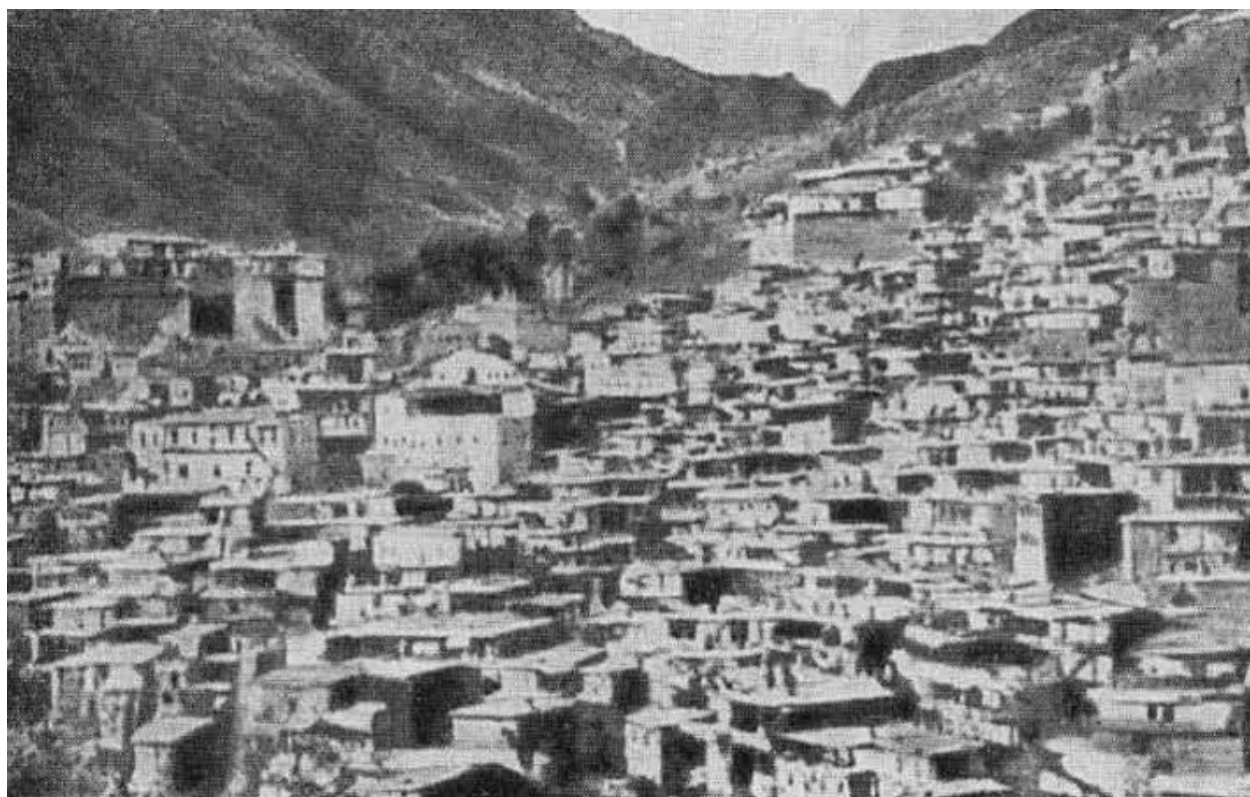

Армянские национальные деятели XIX века (слева направо): Раффи, Микаэл Налбандян, Мкртич Пешикташлян, Григор Аруруни, Гевонд Алишан, Хримян Айрик, Рафаэл Патканян, Степанос Назарян, Хачатур Абовян. Плакат конца XIX века.

Арутюн Свачьян.

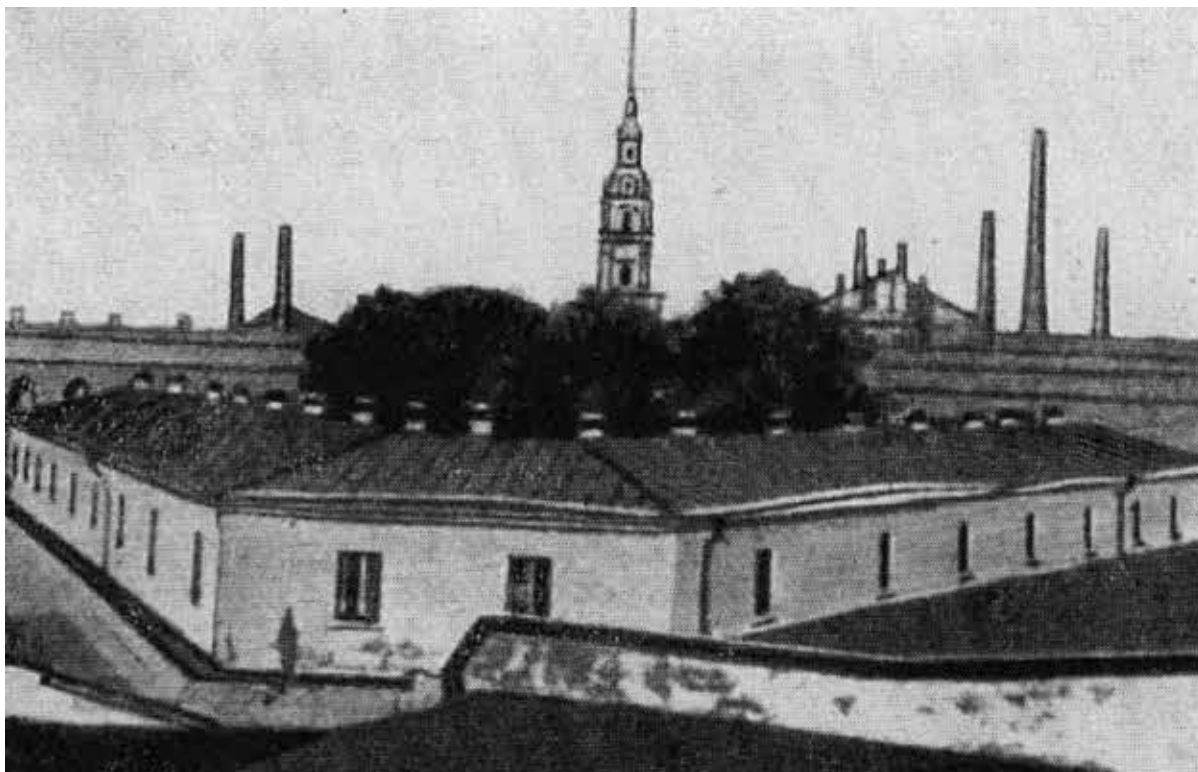

Город Зейтун. Западная Армения.

Мастерская по изготовлению пороха в Западной Армении.

Фото конца XIX века.

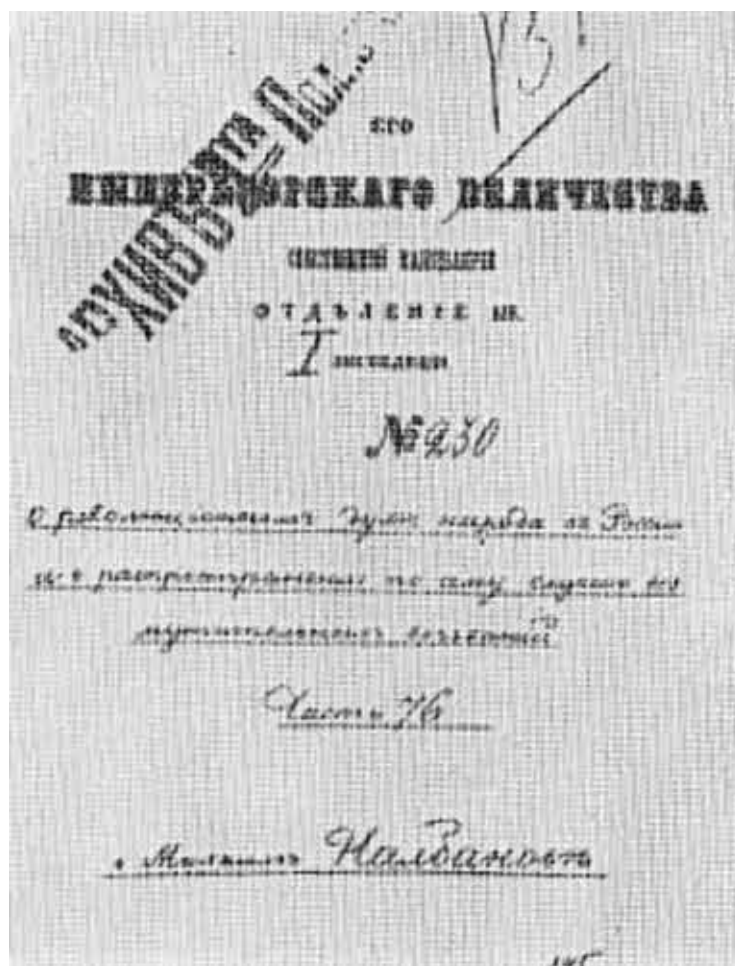

Алексеевский рavelин

Микаэл Налбандян.

Гравюра конца XIX века.

«Дело» М. Налбандяна, составленное в Третьем отделении.

Монастырь Сурб Хач, где похоронен М. Налбандян. Ныне Музей русско-армянской дружбы в Ростове-на-Дону.

Надгробный памятник М. Налбандяну, поставленный сестрой Варварэ.

Новый надгробный памятник М. Налбандяну. Скульптор Андреас Тер-Марукян. Начало XX века.

Стихотворение «Свобода» с портретом М. Налбандяна.

«Рыцарь свободы» — Микаэл Налбандян.

Художник Геворк Мнацаканян. 1983 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

Маркс К. Вопрос об отмене крепостного права в России. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12.

Маркс К. Заметки о реформе 1861 года и пореформенном развитии России. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.

Маркс К., Политические партии в Англии. Положение в Европе. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12.

Ленин В. И. Книга Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский». «Ленинский сборник». XXV.

Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права. Соч., т. 3.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.

Бакунин М. А. Собр. соч. и писем, т. III и IV. М., 1935.

Белинский П. Г. Собр. соч. В, 3-х т. М., 1948.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 19-ти т. Спб., 1905–1906.

Чернышевский Н. Г. Избр. философ., соч. М., 1938.

Богословский Н. Жизнь Чернышевского. М... 1964.

Богословский Н. Тургенев. М., 1959.

Гарибальди Дж. Мемуары. М., 1966.

Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. II. М., 1946.

Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. Т. X–XII; XV–XXVII.

Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912.

Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968.

История Италии. В 3-х т. М... 1970.

Лемке М. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. Спб., 1908.

Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). М.—П., 1923.

Линков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля в Воля» 1860-х годов. М., 1964.

Литературное наследство. А. И. Герцен, т. 41–42. М., 1941.

Литературное наследство, т. 25–26. М., 1936.

- Литературное наследство. Революционные демократы, т. 67. М., 1959.
- Лурье А. Я. Гарибальди. М., 1957.
- Невлер В. Е. Эхо гарибальдийских сражений. М., 1963.
- Нечкина М. В. Встреча двух поколений. Из истории русского революционного движения конца 50-х — начала 60-х годов XIX века. М., 1980.
- Нилов Е. Боткин. М., 1966.
- Новикова Н. Н. Революционеры 1861 года. М., 1968.
- Пирумова Н. Бакунин. М., 1970.
- Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978.
- Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг., «Эпоха Чернышевского». М., 1978.
- Революционное движение 1860-х годов. Сборник. М., 1932.
- Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика, письма. М., 1963.
- Сподвижники Чернышевского. М., 1961.
- Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т. Т. XI–XII.
- Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М., 1959.
- Шелгунов Н. В. Воспоминания. М., 1967.
- Эйдельман И. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.
- Хачатурян А. Б. История прогрессивной армянской философской и общественно-политической мысли конца XVIII середины XIX века. М., 1973.
- Хачатурян А. Б. М. Л. Налбандян. М., 1983.
- [\[33\]](#)
- Ե յ վ ա գ յ ա ն Պատմությունն Խալիպյան ուսումնարանին ազգիս Հայոց, Տփլիս, 1880:
- Բարխուդարյան Վ. Բ., նոր նախնիների Հայկական գաղութի պատմություն (1779–1861), Ե, 1967:
- Ինճիկյան Ա, Ս., Միքայել Նալբանդյանի կյանքի և գործունեության տարեգրությունը, Ե, 1980:
- Լեո, Ստեփանոս Նազարյանց, Ա և Բ հատորներ, Թիֆ- յիս, 1902,
- Հովհաննիսյան Ա. Գ., Նա/բաւնգյանը! և նո:րւ ր' >- մանակը, Ա և Բ հատորներ, Ե., 1955–1956:
- նազարյան Ստեփանոս, Երկեր, Ռիֆլիս, 1913:
- Նազարյան Ստեփանոս, Նամականի, Ե., 1969:
- Նալբանդյան Մ ի ք ա լ ե լ, Ընտիր երկեր, Ե., 1953:

Շ ա հ ա գ ի գ Ե., Դիվան Սիքայել Նալբանդյանի, Ե., 1932,
Ն ա հ ա գ ի գ Ե., Սիքայել Վազար/ան Նա/բանդյանց, Մ., 1897,
Շ ա հ ա գ ի գ Ե., Նոր Նախիջևանի ուսումնական գործի
անցյալը, Նոր Նախիջևան, 1894:

Շ ա հ ա գ ի գ Ե., Նոր Նախիջևանը և նոր նախիջևանցիք,
Ռիֆլիս, 1903,

Շ ա հ ա գ ի գ Ե., Պատժական պատկերներ, Ռիֆլիս, 1903:

Շ ա հ ա գ ի գ Ե., Տեր-Գաբրիել Պատկանյանց, Բ'իֆլիս, 1910:

Պատկանյանց Դ., Հիշատակարան, Դրականարթյան և
արվեստի թանգարան:

Պատկանյանց Գ., Պատմության Նոր Նախիջևանի, Նոր
Նախիջևան, 1917:

Պողոսյան Հ. Մ., թեյթանի պատմությունը, 1409–1921 թթ.,
Ե., 1969:

Սյոլլյոլկ (Ռ. Պատկանյան, Նոր Նախիջևանի հիմ-
նարկության պատմությունը, Ռիֆլիս, 1879:

Տ ե ր — Ա սուվաճատրուան Հ., Միռաւե: Նարբան ոյանց,
Ռիֆլիս, 1908,

Տ ե ր-Գ րիգորյան Մ., Սիքայել Ն ա լբ ան դյ ան ց ի
համարուտ կ են ու ա գրո : թյո լն ը, Մ. Պետերբուրգ, 1868.

INFO

Симонян К. А.
С 37 Микаэл Налбандян. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 366 с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 9 (649)).

В пер.: 1 р. 60 к. 150 000 экз.

С 4702080200—203 /078(02)—84 188—83

ББК 83.3Ар1 + 87.3(2)
8С(Арм)+1ФС

---

notes

Примечания

Жить... значит бороться. Сенека. Письма (*латин.*).

Хачкар — памятная каменная плита с орнаментом в виде креста.

Варпет — уважительное «мастер» (*арм.*).

Демирчян — фамилия, так же как и Налбандян, образована от слов «кузнец», «коваль».

Нарек — так любовно называли в народе «Книгу скорби» Григора Нарекаци, великого армянского поэта X века.

Тер — буквально «господин», приставка к имени или фамилии, обозначающая принадлежность к духовному сословию.

Лазаревский институт был основан в 1815 году представителями знаменитого армянского рода Лазарянов.

Болоргир — вид армянской графики, отличавшийся от других (еркатагира, грчагира, шахагира и нотргира) округлым написанием букв.

Шараканы — армянские церковные гимны и духовные песни.

Месроп Маштоц (361–440) — армянский ученый, создатель армянского алфавита.

Мовсес Хоренаци (V в. н. э.) — «отец армянской историографии», автор «Истории Армении».

Корюв, Егише, Павстос Бюзанд, Кааар Парпеци — древние армянские историографы.

Очертания проступают.

Герман Мелвилл (англ.).

Воронцов М. С. (1782–1856) — русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал, светлейший князь. В 1823–1844 годах — новороссийский и бессарабский губернатор. В 1844–1854 годах — наместник на Кавказе.

Мхитаристы — конгрегация армян-католиков с резиденцией на острове Святого Лазаря в Венеции.

Хайрах — точильный камень; *орчик, мехлем* — лекарственное сырье; *сапр* — смола; *хокна* — клистир.

«Вся моя надежда исключительно на мне».

Теренций. Братья (латин.).

«Воскепорики» — хрестоматии.

Николай Голицын (1850–1925) — князь, председатель последнего царского кабинета министров. С 1871 года служил в министерстве внутренних дел.

«Лучше не начинать, чем останавливаться на полпути».

Сенека. Письма (латин.).

Книга «Одному — слово, другому — невесту» так и осталась неизвестной будущим поколениям. В 1966 году и позже были обнаружены три фотокопии и один оригинал этой книги. Переизданная в 1971 году, книга, таким образом, дошла до читателя с опозданием более чем в сто лет.

Кроме этого письма, мы располагаем лишь косвенными свидетельствами поездки Налбандяна, маршрут также не определен.

В процессе работы над книгой автор, изучая материалы, в «Ведомостях московской городской полиции», № 130 за 1857 год нашел объявление о том, что «Микаэл Лазаревич Налбандов, адрес: дом Нилуса, отправился за границу по следующему маршруту: Австрия, Франция, Италия, Турция».

Следовательно, становится точным сам факт и маршрут первой заграничной поездки (1857 г.) Микаэла Налбандяна. — К. С.

Франсуа Обер (1782–1871) — французский композитор. С 1842 года дирижер Парижской консерватории и признанный мастер французской комической оперы.

Тигран II Великий (95–55 гг. до н. э.) — армянский царь, при котором Армения достигла своего наивысшего могущества Долгие годы вел борьбу с Римом.

Митридат — *Митридат Понтийский* (первая половина I в. до и. э.)
— царь Понта и союзник Тиграна Великого в борьбе с Римом.

Ленгтимур — Тамерлан, Хромой старец.

«Сражаются не оружием, а пороками» (*латин.*).

Здесь и далее в книге переводы стихов М. Налбандяна Лорины Дымовой.

Егише — армянский историк VI века, описавший освободительную борьбу армян против персидского гнета.

Нежные и прекрасные жены армянские — так назвал Егише армянок, не покорившихся врагу и принявших участие в Аварайрской битве.

Матенадаран — хранилище манускриптов и библиотека.

Еще один пример (*латин.*).

В. И. Ленин впоследствии писал: «Есть очень веские основания думать, что слухи о студентах-поджигателях распускала полиция». (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29.*)

Спарапет — верховный военачальник в Древней Армении.

Марзпан — верховный правитель в Персидской Армении эпохи Сасанидов.

Армянского не знаю, за правописание не ручаюсь. — *Примечание оцифровщика.*